

ТОМАС МОР

ЭПИГРАММЫ

—
ИСТОРИЯ
РИЧАРДА III

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

THOMAS MORE

EPIGRAMMATA

THE HISTORY
OF KING RICHARD III

ТОМАС МОР

ЭПИГРАММЫ — ИСТОРИЯ РИЧАРДА III

Издание подготовили:

М. Л. ГАСПАРОВ, Е. В. КУЗНЕЦОВ,
И. Н. ОСИНОВСКИЙ, Ю. Ф. ШУЛЬЦ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1973

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

*М. П. Алексеев, Н. И. Балашов, Д. Д. Благой,
И. С. Бразинский, А. Л. Гришунин, Б. Ф. Егоров,
А. А. Елистратова, Д. С. Лихачев (председатель),
А. Д. Михайлов, Д. В. Ознобишин (ученый секретарь),
Д. А. Ольдерогге, Ф. А. Петровский, Б. И. Пуришев,
А. М. Самсонов, С. Д. Сказкин, Г. В. Степанов, С. Л. Утченко,
Г. В. Церетели*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

академик

С. Д. СКАЗКИН

ПОРТРЕТ ТОМАСА МОРА,
1527 г.

Худ. Ганс Гольбейн

ЭПИГРАММЫ

БЕАТ РЕНАН
ШЛЕТ ПРИВЕТ ВИЛИБАЛЬДУ ПИРКГЕЙМЕРУ,
СОВЕТНИКУ КЕСАРЯ МАКСИМИЛИАНА
И НЮРЕНБЕРГСКОМУ СЕНАТОРУ

Мне кажется, что будет поистине прекрасно, славнейший Вилибальд, если я именно тебе представляю эпиграммы Томаса Мора, этого украшения Британии, которые недавно прислал мне наш Эразм Роттердамский, ибо во многих отношениях у вас много общего. Вы оба сведущи в вопросах права, оба искусны как в латыни, так и в греческом, вы оба, не только занимаясь общественной деятельностью в своем государстве, но и вследствие редкостного умения исполнять сложные дела, а также благоразумия в подаче советов, в наивысшей степени любезны своим повелителям, — он могущественнейшему Генриху, королю британцев, ты — священнейшему кесарю Максимилиану.

Зачем же упоминать о богатствах, которыми вы оба в изобилии обладаете, — ведь ни один из вас не нуждается в том, чтобы говорилось об отличиях, даваемых, как считают, богатствами, более того, вы оба при таких богатствах обладаете дарованием подавать примеры благородства и доброты. Впрочем, вам обоим и отцы достались не менее расположенные к наукам, чем прославленные сенаторской фамилией. И так как сходство и равенство это — источник дружбы, я счел наиболее подходящим представить тебе это творение Мора, чтобы ты с любовью последовал за ним с его многими размерами, из которых ты еще сильнее постигнешь и полюбишь богатство эпиграммы. Прибавь сюда, что никому не могли быть с большим правом посланы эти прелестнейшие забавы, как тому, кто некогда, как говорят, имел обыкновение выступать на этом поприще. Ибо если бы только кто-то узнал, что за превосходная вещь ученая эпиграмма, кто бы он ни был сам, он испытал бы свой талант в этом роде занятий. Но ведь эпиграмма — и это тебе известно — должна отличаться остроумием, соединенным с краткостью, должна быть изящной и без промедления завершаться восклицаниями, которые греки именуют *ἐπιφωνήματα*¹. Действительно, все подобные дарования в превосходном изобилии можно найти в этих моровских эпиграммах, в особенности в тех, которые он написал сам: ведь в прочих, переведенных с греческого, заслуга их изобретения достается древним. Однако он также достоин не менее высокой хвалы, чем пишущий, должным образом переводя с чужого языка: труд переводящего часто поистине велик, ибо тот, кто пишет, свободен и вольно предается сочинению; тот же, кто переводит, принужден то и дело иметь в виду другое, — а именно то, что он избрал для перевода. Ведь как часто бывает, что в этом случае гораздо более тяжело трудится ум, чем тогда, когда он создает что-либо собственное. И в том и в этом Мор по-

истине удивителен: ведь он в высшей степени изысканно сочиняет и счастливейшим образом переводит. Как прекрасно струятся его стихи! Как все в нем непринужденно! Как все это легко! Он ничуть не тяжел, нисколько не шероховат, совсем не темен. Он ясен, певуч, он истый латинянин. Далее, он так умеряет все какой-то необычайно приятной жизнерадостностью, что я никогда не видел ничего привлекательней. Можно подумать, что Музы вдохнули в него все, что касается шуток, изящества, тонкого вкуса. Как изысканно подшучивает он над Сабиним, считающим чужими своих собственных детей! Как остроумно высмеивает он Лала, который так тщеславно жаждал казаться галлом! Однако его остроты отнюдь не язвительны, но доброжелательны, милы, дружелюбны и скорее какие угодно, но только не исполнены горечи. Конечно, он шутит, но везде без злословия; он осмеивает, но без оскорбления. (Точно так же, как Сир у Теренция², остроумно восхваляя Демею, говорит: «Ты столь велик и не что иное, как сама мудрость», так и о Море можно сказать, что он столь велик и не что иное, как сама шутка³.)

Теперь-то среди эпиграмматистов Италия прежде всего восхищается Понтаном⁴ и Маруллом⁵, но пусть я погибну, если в нем не столько же естественности, а пользы больше. Пожалуй, исключением будет лишь тот, кто решит, что для него нет большей радости, когда Марулл словит свою Неэру⁶ и многократно, являя некоего Гераклита⁷, говорит туманно⁸ или когда Ио. Понтан передает нам непристойности древних эпиграмматистов, рассудочнее которых нет ничего, как нет ничего более недостойного для чтения порядочного человека, — я уже не говорю — христианина. Конечно, их большим желанием было подражать античности. Чтобы не осквернить ее, они так воздерживались от всего христианского, как некогда Помпоний Лет⁹, человек благоговейно римский, избегал греческого, чтобы не осквернить непорочность языка римлян. Впрочем, как эти шутки Мора являют талант и блистательную эрудицию, так несомненно строгое суждение, которое он высказывает о государственном устройстве, с необычайной полнотой засверкает в «Утопии». Об этом я упомяну мимоходом, так как достовернейший в своей учености Будей¹⁰, сей несравненный глава наилучшей просвещенности и замечательное, более того, единственное украшение Галлии, как и подобало, превознес ее хвалой в превосходном предисловии.

Этот род сочинений имеет такие принципы, которых не найти ни у Платона, ни у Аристотеля или даже в «Пандектах» вашего Юстиниана. И поучает он, пожалуй, менее философски, чем они, но зато более христиански. Однако (послушай ради Муз милую историю), когда недавно в некоем собрании нескольких суровых мужей была упомянута «Утопия» и я почтил ее хвалами, некий тучный муж возразил, что не следует быть более признательным Мору, чем какому-нибудь писцу-актуарию, который в заседании лишь записывает мысли других, присутствуя при сем (как говорят) на манер безгласной стражи; не высказывая сам своего мнения, он заимствует из уст Гитлодея все, что говорит, а Мором это только записано. Точно так же вообще не следует восхвалять Мора

по имени, если не считать того, что он все это надлежащим образом пересказал. И не было недостатка в тех, кто высказал свое одобрение суждению этого человека, как чувствующего наиболее верно. Разве ты не принял бы с радостью эту изысканность Мора, пленившую таких людей, и не обычных, но уважаемых многими, и теологов?

Наконец, если ты это также хочешь знать, Уильям Лили, товарищ Мора, вместе с которым он уже когда-то забавлялся, переводя греческие эпиграммы, озаглавленные именем «Прогимнасмат», это — британец, человек широко образованный и не только знакомый с греческими авторами, но изучивший и обычаи этого народа, когда он несколько лет провел на острове Родосе; теперь он с большим успехом трудится в грамматической школе, которую Колет¹¹ основал в Лондоне.

Остается только сказать, что когда у тебя будет возможность среди государственных дел, которые ты деятельнейшим образом делишь между участием в посольствах и в управлении государством, возьми в руки эту книжку, прочитай ее и возлюби облик Мора, которого, как я полагаю, ты еще не видел, но уже ранее познал из его творений. Будь здоров, славнейший муж.

[Дано] в Базеле в седьмые календы Марта 1518 года.

ПРОГИМНАСМАТА

1. ЛУКИЛЛИЯ. НА СКРЯГУ

Скряга Асклепиад, у себя увидавший мышонка,
Молвил: «Что делаешь ты в доме, приятель, моем?»
Тот же, с улыбкой приятной, сказал: «Не пугайся, приятель.
Здесь я ищу не еды, но лишь приюта ищу».

2. ПАЛЛАДА. НА СКРЯГУ

Ты по богатствам — богач, а по складу души — неимущий.
Жалкий — богат для других и неимущ для себя.

3. ЛУКИАНА. О НЕВЕРНЫХ ВЛАДЕНИЯХ

Ахеменίδα была я недавно, теперь я — Мениппа.
От одного отойду вновь я к другому еще.
Этот владеньем считает меня, тот считал меня тем же.
Я же пашня ничья, если судьбы не считать.

4. НЕИЗВЕСТНОГО. О НЕУМЕРЕННОЙ РОСКОШИ

Множество строить домов и кормить еще множество люда —
Именно эта тропа прямо ведет к нищете.

5. ЛУКИАНА. ОБ УМЕРЕННОСТИ

Смерть ожидает тебя, — так используй же часть достояний;
Если ж еще поживешь, — значит, добро береги.
Тот лишь мудрец, кто, как надо и то, и другое обдумав,
В должных пределах всегда будет расчетлив и щедр.

6. НЕИЗВЕСТНОГО. О ПРЕЗРЕНИИ К СУДЬБЕ

Гавань обрел я уже. Вы, Судьба и Надежда, прощайте.
С вами я кончил расчет, ныне ловите других.

7. ПАЛЛАДА. О СМЕРТИ

Наг я на землю пришел, и нагим же сойду я в могилу.
 Что ж мне напрасно потеть перед кончиной ногой?

8. НЕИЗВЕСТНОГО. ОБ ИЗЛИШЕСТВЕ И СТРАСТИ

Если бы кто-то спешил снизойти в подземное царство, —
 Путь ускоряют туда бани, любовь и вино.

9. ПАЛЛАДА. О ЛОЖНОМ ДРУГЕ

Неодинаковый вред от того, кто твой недруг открытый,
 И от того, кто тебе ложно о дружбе твердит.
 Будучи настороже, я врага избегаю, но можно ль
 Мне и того избежать, кто говорит о любви?
 Самый отъявленный враг — это тот, кто считается другом
 И, вероломный, тебе тайным коварством вредит.

10. НЕИЗВЕСТНОГО. О СПАРТАНСКОМ ВОИНЕ

Бросив оружие, бежит он, в свою возвращаясь отчизну.
 Сына в бегущем узнав, гневно спартанка глядит;
 Вот поднимает копье и, подняв, беглеца поражает
 И над убитым затем молвит мужские слова:
 «Выродок, Спартой рожденный, отправься же в Тартар немедля,
 Ибо собой запятнал род свой и родину ты».

11. АГАФИЯ. НА ХРОМОГО И ГЛУПОГО

Разумом хром ты и на ногу хром; и во внешней природе
 Верные признаки есть внутренних качеств твоих.

12. НЕИЗВЕСТНОГО. ДИЛЕММА ФЕОФРАСТА,
 ПРИВЕДЕННАЯ У АВЛА ГЕЛЛИЯ

вар. 1

Если б ты знанием мог избежать неизбежных страданий, —
 Знать наперед хорошо и о страданьях своих.
 Если ж возможности нет избежать того, что предвидишь, —
 Польза какая вперед знать о страданьях своих?

вар. 2

(ямбический триметр)

Когда б ты знал вперед, что предстоит страдать,
 И мог бы не страдать, то благо — знать вперед.
 Но если знаешь ты, и все ж удел — страдать,
 Что пользы в знанье том? Ведь все равно — страдать.

13. ПАЛЛАДА. НА ДВУХ БРАТЬЕВ, РОЖДЕННЫХ И УМЕРШИХ
В ОДИН ДЕНЬ

Братьев могила скрывает в себе четырех, из которых
Двух и родил, и сгубил день для обоих один.

14. НЕИЗВЕСТНОГО. О ПРЕВРАЩЕНИЯХ ЮПИТЕРА

Леду, Данаю любя, Антиопу, Европу, Юпитер
Лебедем, золотом был, был он Сатиром, быком.

15. НЕИЗВЕСТНОГО. НА САПФО

Девять есть Муз, говорят, но бесспорное здесь заблуждение,
Ибо с Лесбоса Сапфо Музой десятою чтут.

16. АГАФИЯ СХОЛАСТИКА. НА МЕДНУЮ СТАТУЮ САТИРА
вар. 1

Статуя создана дивным искусством, стоит облеченный
Или той медью Сатир, или Сатиром — она.

вар. 2

Или Сатир облакает собой изваянье из меди,
Или Сатир облачается сам изваянием медным.

17. НЕИЗВЕСТНОГО. НА СТАТУЮ НИОБЫ

Каменной сделали боги меня, но пусть я и камень,
Снова из камня живой сделал Пракситель меня.

18. СИМОНИДА. НА СТАТУЮ НЕОПТОЛЕМА

Неоптолем, чтит тебя этой статуей город Кекропа.
Пусть он и чтит, но творцы статуи — честь и любовь.

ЭПИГРАММЫ

1. ТОМАСА МОРА, ЛОНДОНЦА, ПОЗДРАВИТЕЛЬНАЯ ПЕСНЬ
 НА ДЕНЬ КОРОНАЦИИ ГЕНРИХА VIII,
 СЛАВНЕЙШЕГО И СЧАСТЛИВЕЙШЕГО КОРОЛЯ БРИТАНИИ,
 И ЕКАТЕРИНЫ, ЕГО СЧАСТЛИВЕЙШЕЙ КОРОЛЕВЫ

Если какой-либо день, если время, о Англия, было
 То, когда боги тебе милость явили свою, —
 Это — тот день, что означить нам следует камешком белым,
 Радостный день, что внести должно в анналы твои.
 День этот — рабства конец, этот день — начало свободы,
 Он — и печали предел: радость с него началась;
 Юношу он, украшенье, достойное памяти века,
 Днесь помазает, твоим ставит его королем,
 Властвовать не над одним кто народом достоин, — над целым
¹⁰ Кто неизменно царить миром достоин один.
 Да, королем, кто у всех на глазах пусть слезы осушит,
 Радости пусть учредит вместо стенаний былых.
 Каждое сердце ликует, рассеяв заботы, обычно
 Так, облака разогнав, блещет сверкающий день.
 Вот и свободный народ выбегает с улыбкой на лицах,
 Сам понимая едва все ликованье свое.
 Рад, торжествует, ликует, гордясь, что таков их властитель, —
 И повсеместно король только один на устах.
 Знать, что недавно была в подчиненье подонков народа,
²⁰ Знать, что так долго была только названьем пустым,
 Голову ныне подъямлет, гордится таким властелином, —
 И справедливо она может гордиться теперь.
 Тьмою поборов недавно торговец задавленный, ныне
 Море отвыкшее вновь стал кораблем бороздить.
 Раньше лишённые силы и вред принужденные сеять,
 Рады законы теперь силу свою обрести.
 Все они рады равно, благодарны равно, воздавая
 Ныне грядущим добром за причиненный ущерб.
 Прежде сокрытые страхом в убежищах тайных богатства
³⁰ Ныне владелец любой рад и дерзает явить.
 О, сколько радости видеть, что столько воров и немало
 Рук загребуших теперь тщетно добычи хотят!
 Нет в том вины никакой (а была она прежде немалой),
 Чтобы добром обладать, нажитым честным путем.
 Страх не шипит уже больше таинственным шепотом в уши, —
 То миновало, о чем нужно молчать и шептать.
 Сладко презреть клевету, и никто не боится, что ныне
 Будет донос, — разве тот, кто доносил на других.

Значит, все сходятся здесь — пол и возраст любой, и сословье:
⁴⁰ Нет опасений у них, чтобы скрываться в домах,
 Чтобы не быть здесь, когда, по свершеньи священных обрядов,
 В знаменьях добрых король всходит на царства свои.
 Всюду теснится толпа, обуянная жаждою видеть,
 И позволяет едва узкой тропею пройти.
 Множество люда в домах, и кровли под тяжестью стонут.
 Крик отовсюду один с новой любовью звучит.
 Мало им видеть однажды. Места многократно меняют,
 Если откуда-то вновь смогут увидеть его.
 Трижды отрадно смотреть: да и как на него наглядеться,
⁵⁰ Если любимей его нет у природы даров?
 Он в благородном величье средь тысячи спутников виден,
 И августейшая статья силой такой же полна.
 На руку быстр он не меньше, чем сердцем исполнен отваги, —
 Нужно ли дело вершить, меч обнажив для того,
 Или же ярые копья скрестить в необузданной битве,
 Или направить стрелу, что устремится к врагу.
 Пылкая сила в глазах, обаятелен облик, а щеки
 Цвета такого, какой видим мы разве у роз.
 Лик восхищенья достоин за живость крылатую, — равно
⁶⁰ Нежная дева и муж лик этот могут иметь.
 Был вот таким же Ахилл, притворившийся девой, таким же
 На Эмонийских конях Гектора тело он влек.
 О, если б доблесть такую души в сочетании с телом
 Можно бы было постичь, в помощь природу призвав!
 Больше того, и лицо как бы доблесть собой излучает,
 Истинно, это лицо — вестник достойной души.
 Как рассудительный ум преисполнен зрелости мудрой,
 Сколько покоя в его сердце, лишенном сует!
 Как он умеет свой жребий нести, любим управляя,
⁷⁰ Сколько о скромности он кроткой являет забот!
 Как безмятежная кротость питает спокойствие духа!
 Сколь далеко отстоит спесь от подобной души!
 Нашего принцепса лик необычный такие приметы
 (Что измышлять их) несет истинно сам на себе.
 Но в справедливости той, что владеет искусством правленья,
 В том благочестье идет он за народом своим.
 Весь этот блеск непреложно на лицах у нас отразился,
 Все это должно узреть в нынешнем благе у нас.
 Мы восторгаемся так потому, что владеем свободой
⁸⁰ И что опасности, страх, боль и утраты ушли,
 Что возвратились сюда мир и польза, и смех, и веселье,
 Что с этих пор на виду принцепса доблесть у всех.
 Власть без границ погубила поистине добрые взгляды,
 И у великих людей это в обычай вошло.

Но хоть и прежде он был благочестен, все ж должны нравы,
Чтобы властителем быть, высшая власть принесла.
Ибо добро, что иные лишь в старости поздней свершили,
Тотчас же он совершил в первый вступления день.
Схваченных тотчас он ввергнул в оковы. Любой, кто недавно
⁹⁰ Умыслом злобным своим вред государству чинил,
Тот, кто доносчиком был, укрощается ныне в оковах,
Чтобы он сам претерпел зло, что другим причинял.
Он для торговли моря отверзает. И если торговец
Был притесняем, теперь малый он платит налог.
Бывшее долго в презренье сословье людей благородных
В первый правления день древнюю честь обрело.
Должности все в государстве, которые прежде негодным
В откуп давались, раздал людям достойнейшим он.
И со счастливой в делах переменной отличья, какие
¹⁰⁰ Ранее неуч имел, ныне ученый обрел.
Тотчас законам (они ниспровержены были и сами
Ниспровергали) вернул мощь и достоинство он.
И если прежде совсем отстраняли любое сословье,
Сразу же снова к себе все он сословья привлек.
Если же что-то в законах он сам пожелал уничтожить,
Чтобы народу суметь тем услужить своему,
То это было, он знал, что родителю нравилось прежде:
Но, как и должно, отцу родину он предпочел.
Я не дивлюсь: ведь не все ли, что принцепсом этим вершится,
¹¹⁰ Кто благородным рожден и с просвещенным умом,
Кого девять сестер омыли кастальскою влагой,
Философией самой было ему внушено?
Множество было причин, что народ раболепствовал целый
Пред королем: это зло лишь и пугает его.
Мог бы, однако, король, если б он захотел, отовсюду
Страху в угоду богатств нагромоздить без числа.
Всем этим он пренебрег: снова всех безопасными сделал,
Всякое зло удалил, что породила боязнь.
Так вот, других королей страшились народы, его же
¹²⁰ Любят: страшиться при нем нечего больше теперь.
Принцепс, надменным врагам страх внушать ты должен немалый, —
Твой же не должен народ, принцепс, страшиться тебя;
Те боятся тебя, — мы тебя почитаем, мы любим.
Будет наша любовь, — что ты боишься, — у них.
Так, безмятежным тебя, защищенным без всякой охраны,
Здесь охраняет любовь; там же — единственно страх.
Даже и внешние войны, коль схватятся галл и шотландец,
Всем не страшны, лишь бы ты, Англия, дружной была.
Но далеко будут распри от нас; и какие причины
¹³⁰ Есть для того, чтоб они здесь зародиться могли?

Ибо, во-первых, о праве короны и титула больше
 Нет и вопроса теперь, да и не может он быть.
 В споре, что часто бывает, ты стороны обе сливаешь, —
 Так, благородные, спор кончили — мать и отец.
 Сколь далека от тебя возмущенья народного ярость
 Та, что обычно глава всех государственных смут.
 Гражданам всем ты своим, ты, единый, настолько приятен,
 Что ни один и себе быть бы приятней не мог.
 Если ж неожиданно вражда вдруг могучих князей обуюет,
¹⁴⁰ Кончится тотчас она, сломлена волей твоей.
 Столь велика у тебя величавость величья святого,
 Что по заслугам твои доблести дали тебе.
 Все, что ни есть у тебя, у отцов твоих все это было
 И не бывало того в бывшие раньше века.
 Ибо ведь есть у тебя бережливость отцовская, принцепс,
 Щедрая также рука матери есть у тебя.
 Благочестивый твой ум у тебя от бабки отцовской.
 Честное сердце твое — деда по матери дар.
 Что же дивиться, коль новым обычаям Англия рада,
¹⁵⁰ Если правитель таков, коего не было здесь?
 Что же до радости той, что расти не могла очевидно,
 То и она возросла с брачным союзом твоим,
 Брачным союзом, который одобрили благостно боги,
 Этим тебе и твоим помощь явили свою.
 Эта супруга твоя, что народ в ликовании видит,
 Рядом с тобою теперь, делящей скипетр с тобой,
 Боги о ком попеченье такое имеют бесспорно,
 Что украшают они и прославляют твой брак,
 Столь благочестьем своим превзошла и сабинянок древних,
¹⁶⁰ А величавость ее выше святых героинь.
 Чистой с Алцестой она могла бы сравняться любовью,
 Иль Танаквилу умом, верно, могла превзойти.
 Облик ее и уста красотою отмечены дивной, —
 Столькой такой красоты ей лишь единой к лицу,
 Кто красноречьем своим плодovitой Корнелии выше;
 В жизни супругу она, как Пенелопа, верна.
 Преданной, принцепс, тебе была она многие годы,
 Долго держалась она только любовью твоей.
 И ни родная сестра, ни отчизна ее не склонили,
¹⁷⁰ Мать не сумела прельстить, как не сумел и отец.
 Только тебя предпочла она матери вместе с сестрою:
 Родине ты предпочтен, милому сердцу отцу.
 Счастливо этим тебе она вместе связала народы
 Мощные, дружбою их нерасторжимой спаяв.
 Дочь королей благородных, сама ты нисколько не меньше
 Тех, кто родили тебя; будешь и ты порождать.

Якорь один до сегодня корабль твоего королевства
 Крепко держал. Крепок он, все же он только один.
 Но королева тебе, плодovита сынами своими,
¹⁸⁰ Даст укрепленный везде якорь, надежный вовек.
 Произойдут от тебя ей немалые блага, однако
 И от нее притекут блага большие к тебе.
 Не было, право, другой стать достойной твоею супругой,
 Но и супругом ее стать недостoин другой.
 Англия, ладан носи и святыни, что ладана больше, —
 Честные руки свои и благородство умов.
 И так как боги свершили сей брак, пусть способствуют, чтобы
 Скипетры данные здесь правило небо само
 И чтобы ими самими короны носимые долго
¹⁹⁰ Сына их сын удержал, а по наследству и внук.

2. НА ВНЕЗАПНЫЙ ДОЖДЬ, ЩЕДРО ИЗЛИВИШИЙСЯ
 ВО ВРЕМЯ ТОРЖЕСТВЕННОГО ШЕСТВИЯ КОРОЛЯ И КОРОЛЕВЫ,
 НО НЕ ЗАКРЫВШИЙ СОЛНЦА И НЕ СТАВШИЙ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНЫМ

В шествии пышном, какого вовек не бывало на свете,
 Шел с королевой король вместе к священным венцам.
 Феб лучезарный тогда появился, сияя широко,
 Радостный день наступил, отзывк в сердцах находя.
 Но когда шествие это вошло в средоточие града,
 Воды небесные вдруг полили щедро его.
 Облачком все ж ни одним не затмилось сверкание Феба,
 На небе облачко то не пребывало почти.
 Все обошлось вопреки беспокойству; и дождь ли увидел,
 Знаменье ль в этом иной, — лучшего видеть не мог.
 Наших владык времена обручают с веком счастливым,
 Феб лучезарный — лучом, Зевса супруга — водой.

3. КОРОЛЮ

Все, что со временем слито, Платон описаньем прославил, —
 Часто — что было давно, часто — что будет еще.
 Как убегает весна, возвращаясь с годиною новой,
 Как в подобающий срок снова приходит зима, —
 Так, говорит он, вослед за вращеньем стремительным неба
 Все повториться должно в ряде бесчисленных смен.
 Первым рожден был век золотой, серебряный — следом,
 Медный — за ним, и давно ль был и железный еще.
 Вновь золотые года возвратились с тобою, о принцепс.
 Если бы славный Платон дожил до этого дня!

4. КОРОЛЮ ОБ УСТРОЕННЫХ ИМ КОНСКИХ РИСТАНИЯХ, ЯМБИЧЕСКИЙ ЭПОД

Какие б ни давали до сих пор цари
 Ристаний конских зрелища,
 Всегда они каким-нибудь злосчастьем
 Или бедой кончались.
 Иль волею Юпитера враждебного
 С игрой мешалась пагуба,
 Иль кровью вдруг бойца, насквозь пронзенного,
 Арена обагралась,
 Иль копьями, иль коней диких звонкими
 Разили чернь копытами,
 Или давил толпу всегда ничтожную
 Обвал подмостков рухнувших.
 Но эти вот, твои, король, ристания
 Прекраснее всех виденных:
 Нет никому урона, — безупречностью
 Они твоей отмечены.

5. О ДВУХ РОЗАХ, СРОСШИХСЯ ВОЕДИНО

С алою белая роза в соседстве росла, и друг друга,
 В споре за первенство здесь, каждая стала теснить.
 Две это розы еще, но цветок уж сливается, спору
 Этим слиянием их ныне положен конец.
 Ныне одна, возвышаясь, растет и пускает беги,
 Все дарования двух роз сочетая в себе.
 Облик один у нее и краса, и единая прелесть,
 Свойства и цвет у нее двух сочетаются роз.
 Значит, и ту, и другую, — хотя бы одну полюбивший, —
 В ней обретает, и пусть любит он, что полюбил.
 Если ж найдется дикарь, что не любит ее, — пусть трепещет,
 Ибо еще и шипы есть у такого цветка.

6. НА НЕУЧА-РИТОРА, С ГРЕЧЕСКОГО

Ритору Флакку в подарок поднес я лишь пять солецизмов,
 Тотчас же десятью пять ритор их мне возвратил.
 «Ныне довольствуйся малым, сказал он, числом обладая.
 Полною мерой тебе, с Кипра вернувшись, воздам.»

7. НА ПОДОЗРЕНИЕ, С ГРЕЧЕСКОГО

Силу большую и вес подозренье имеет. Не хочешь
 Ты и вредить, но погиб, коль подозренье навлек.

Филолеона когда-то убили кротонцы, считая
Ложно, что сделаться он хочет тираном у них.

8. НА ИСКУСНО ИЗОБРАЖЕННОГО РИТОРА-РЕБЕНКА,
С ГРЕЧЕСКОГО

Секст безмолвствует сам, а картина вот, кажется, скажет.
Эта картина есть ритор, а сам он — картина картины.

9. НА НИЩИХ — СЛЕПОГО И ХРОМОГО

Носит хромого сосед со слепыми глазами, и этим
Он занимает глаза, ноги давая взамен.

10. ИНАЧЕ

Носит хромого слепой, и старательно трудится каждый:
Этот ноги дает, тот доставляет глаза.

11. ИНАЧЕ

Носит хромого слепец, и вершат они схожее дело, —
Тот возмещает глаза, этот же — ноги того.

12. ИНАЧЕ

Тащит хромого слепой — тяжкий груз и, однако, полезный.
Зрит для другого один, движет ногами другой.

13. ТО ЖЕ, ПОДРОБНЕЕ

Слишком прискорбной была у обоих несчастных судьбина,
Этого зренья лишив, ноги отняв у того.
Жребий похожий связал их: хромого тащит ослепший.
Так облегчают труды общей утратой они.
Этот, незрячий, чужими идет, куда хочет, ногами,
Длится тропа для того с помощью видящих глаз.

14. ТО ЖЕ, ИНАЧЕ

Может ли что-либо быть драгоценнее верного друга,
Что одолженьем своим твой возмещает ущерб?
Договор дружбы надежной два нищих скрепили взаимно:
С нищим хромым заключил договор нищий слепой.
Молвил хромому слепец: «Будешь мною носим ты на шее».
Тот отвечал: «Отдаю очи тебе, — управляй».

Так, избегает любовь жить в чертогах царей горделивых,
В домике бедном царит единодушно любовь.

15. ИНАЧЕ

Так на условиях равных хромой и слепой сговорились:
Этот обязан нести, тот же — глазами вести.

16. ГОВОРIT КОРABELЬНАЯ СОСНА, ОПРОКИНУТАЯ ВЕТРОМ,
С ГРЕЧЕСКОГО

Я — сосна, без труда побежденное ветрами древо.
Глупый, зачем из меня строишь скиталец-корабль?
Иль не страшишься приметы? Уж если меня поражает
Даже на суше Борей, в море уйду ль от него?

17. ТО ЖЕ, ИНАЧЕ

Свалена наземь ветрами сосна, я. Что ж в море меня вы
Шлете, когда на земле было крушение со мной?

18. НА СОЖЖЕННЫЙ КОРАБЛЬ

Моря валов избежал корабль, тяжело нагруженный,
Но на груди у земли-матери гибель нашел.
Пламя его пожирает, пылая, зовет он на помощь
Волны морские, кого он как врагов избежал.

19. ГОВОРIT КРОЛЬЧИХА, КОТОРАЯ, УСКОЛЬЗНУВ ОТ ЛАСКИ,
ПОПАЛА В РАССТАВЛЕННЫЕ ОХОТНИКОМ СЕТИ

Я ускользнула от ласки, укрывшись в отверстии тайном,
Но угодила, увы, бедная, в сети людей.
Здесь я ни жизни теперь не найду, ни погибели скорой.
Так я спасаюсь, чтоб в пасть броситься яростным псам.
Вот раздирают преступно они мое чрево клыками,
Смотрит, смеясь, человек, видя текущую кровь.
О беспощадная тварь, ты свирепее зверя любого:
Лютая гибель моя — злая забава тебе.

20. НЕВИННОСТЬ ПОДВЛАСТНА НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ, С ГРЕЧЕСКОГО

«Злого и мышка дерзает куснуть», — издревле такая
Есть поговорка. И все ж это на деле не так:
Даже и мышка дерзает невинных кусать, а злодея
Тронуть и то не дерзнет пугало с виду — дракон.

21. НА ВЗДУТИЕ ЧРЕВА, С ГРЕЧЕСКОГО

Губит урчанье тебя, если лишнее в чреве удержишь.
Выпустишь спешно, — оно также спасает тебя.
Если урчание может спасти и губить, неужели
То же у грозных владык может урчание быть?

22. О РАВЕНСТВЕ ПЕРЕД СМЕРТЬЮ, С ГРЕЧЕСКОГО

Пусть победителем ты до столпов дошел Геркулеса,
С прочими ждет и тебя равная доля земли.
Иру подобен, умрешь ты, ценимый не больше обола,
Будешь своею землей (уж не своей) поглощен.

23. НА НИЗКОГО ЧЕЛОВЕКА, С ГРЕЧЕСКОГО

Все называют тебя богачом, я же — нищим; богатства —
В употреблении их, — Аполлофан говорит.
Если богатства используешь ты — то твои они, если ж
Копишь наследнику их, то все твое — не твое.

24. ОХОТА ПАУКА

Севши в засаде, паук захватил скиталицу муху;
После, дрожащую, он вязкою сетью оплел.
Рот разевает уже, но старинная есть поговорка,
Что между ртом и куском многое может пройти.
К мухе судьба благосклонна, полна к пауку неприязни,
И из бедняжки она муху-беглянку творит.
Вот ненасытный спешишь ты наброситься, Дрозд, на обоих:
Рвутся тетета, — паук гибнет, а муха бежит.
Есть у несчастного часто надежда под самой секирой,
Но и среди стражей толпы страх негодяя берет.

25. НА КИНИКА, ГЛУПО ВОЗДЕРЖИВАЮЩЕГОСЯ, С ГРЕЧЕСКОГО

Киника, что с бороною и палкой скитается вечно,
Мудрость великую нам пир показал наяву.
Так, этот киник, во-первых, от редьки, бобов воздержался,
Чтоб в услуженье не дать доблесть свою животу.
Но лишь глазами узрел пред собой белоснежную матку, —
И забывает мудреца свой несгибаемый дух.
Требует алчно и всю, вопреки ожиданью, съедает.
«Доблести, — он говорит, — матка отнюдь не вредна.»

26. ЭПИТАФИЯ ВРАЧА, С ГРЕЧЕСКОГО

Здесь погребен Гиппократ, фессалиец, рожденный на Косе,
 Феба бессмертного он отпрыском доблестным был.
 Много трофеев стяжал, врачеваньем сражая недуги,
 Славен искусством своим, а не случайной судьбой.

27. НА МЕРТВОГО РАБА, С ГРЕЧЕСКОГО

Был он при жизни рабом, а теперь он, тот же, умерший
 Значит не меньше тебя, Дарий, прославленный царь.

28. НА МЕРТВУЮ РАБЫНЮ

Прежде Сосима была только телом единым рабыней,
 Ныне и телу ее вольная также дана.

29. НА РЫБАКА, В КОТОРОГО ВЛЮБИЛИСЬ, С ГРЕЧЕСКОГО

Рыбу удил рыбак, и на ловле его увидала
 Дочь богача, воспылав страстной любовью к нему.
 Замуж пошла за него; и ему вместо нищенской жизни
 Выпало разом в удел много надменных богатств.
 «Мой это дар», — утверждает Венера. Но, речь отвергая,
 Молвит Судьба-госпожа: «Это подарочек мой».

30. НА ВНЕЗАПНО СЧАСТЛИВОГО ИЗ НИЧТОЖЕСТВА, С ГРЕЧЕСКОГО

Нет, не ради тебя вознесен ты судьбою, но чтобы
 Всем показать, что она может свершить и с тобой.

31. НА УМЕРЕННОСТЬ, С ГРЕЧЕСКОГО

«Жалость хуже, чем зависть», — так Пиндар промолвил однажды.
 Блеск богача возбудит тотчас же зависть к нему.
 Слишком несчастных жалеем. Так пусть же мне боги даруют
 Счастья не слишком, но пусть и не жалеют меня.
 Так, середина всегда предпочтительней крайностей явно.
 Низших — бесчестье удел, выси же рушатся вдруг.

32. БЕСПОЛЕЗНО ТЕРЗАТЬСЯ СТРАХОМ ГРЯДУЩЕЙ БЕДЫ,
С ГРЕЧЕСКОГО

Что мы страдаем, глупцы, и зачем это наше безумье
 Души сжигает у нас, словно безудержный страх?
 Если беда не пришла, значит, зря мы терзаемся страхом.
 Если явилась, то страх — это вторая беда.

33. МОНОСТИХ В ПОХВАЛУ ГОМЕРОВСКОЙ ПОЭМЫ, С ГРЕЧЕСКОГО

Сам я все это воспел, написал же Гомер богоравный.

34. НА СМЕХОТВОРНОЕ СУДИЛИЩЕ, С ГРЕЧЕСКОГО

Тяжба велась, и глухими там были истец и ответчик;
Больше, чем оба они, глух был при этом судья.
Требует деньги истец: ведь пять месяцев дом не оплачен.
Молвит ответчик: «Всю ночь занят я был молотью».
Смотрит на них судья, изрекая: «Что спорите оба,
Разве не мать она вам? Оба кормите ее».

35. НОЧНОМУ СВЕТИЛЬНИКУ

Лампа, трижды тобою подруга клялась, что вернется, —
И не идет. Накажи, коль божество ты, ее.
Милая играм ночным, ты погасни, лишив в наказание
Светочи — очи ее — светочей дивных твоих.

36. СТАРУХА ЛАИСА ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ, С ГРЕЧЕСКОГО

Я, кто бездумно всегда над тобою, Эллада, смеялась,
Видя пред дверью моей юношей пылких толпу, —
Зеркало это вручаю Венере: себя не желаю
Видеть, какая я есть, той, что была, — не могу.

37. НА СМЕРТНЫЙ ДЕНЬ, ДЛЯ ВСЕХ НЕВЕДОМЫЙ

Нет, я не плачу о мертвых. Я плачу о доле живущих:
Страхом замедленным жжет их предстоящая смерть.

38. ДРУГАЯ

Ты зарыдал бы, узнав, что жить тебе месяц осталось.
Ты вот смеешься, а жить — день лишь, возможно, тебе.

39. НА ТРУДОЛЮБИЕ ПЧЕЛ, С ГРЕЧЕСКОГО

Пчелы медовые реки в эфире себе добывают.
Сами покои творят, где обитают они.
Пчелка мила человеку, легко урожай собирает,
И не нужна ей совсем помощь быка иль серпа.
Нужно ей только местечко, где сладкие чашечки меда
Щедро сливает она нам из ячейки своей.
Радуйтесь пчелы святые, питайтесь цветов изобильем,
Дива крылатые, нам нектар эфирный неся!

40. НА СТАРУХУ, ТЩЕТНО ПРИМЕНЯЮЩУЮ БЕЛИЛА

Часто ты голову красишь, но старости краской не скроешь,
 И натяженьем со щек ты не изгонишь морщин.
 Так перестань все лицо орошать ты мазью обильно, —
 Чтобы, им быть перестав, маской не стало оно.
 Если белила и мази бессильны, — что, глупая, хочешь?
 Ведь из Гекубы тебе снова Еленой не стать.

41. НА ПРИРОДУ ЧЕЛОВЕКА, С ГРЕЧЕСКОГО

Эй, человек, если вспомнишь, что делал тогда твой родитель,
 Как создавал он тебя, — спесь твоя мигом слетит.
 Но в сновидениях бредя, Платон тебя спесью наполнил
 Тщетной, назвавши тебя отпрыском вечным небес.
 Ты же — из глины, — что ввысь устремился? Но именно этот
 Он выставляет состав, как украшенье твое.
 Что ж, если хочешь ты правду услышать, — постыдную страстью,
 Ты лишь соитьем рожден, капелькой жалкой одной.

42. О СМЕХОТВОРНОМ АСТРОЛОГЕ

Нет, не правдивей в экстазе пророчица Кум, прорицая,
 Зрела грядущего ход, силой нантя души,
 Чем мой астролог, в искусстве божественном славный, на звезды
 Глядя, провидит лишь то, что без возврата прошло.

43. ИНАЯ НА АСТРОЛОГА, СУПРУГА РАСПУТНОЙ ЖЕНЫ

Все, прорицатель небесный, тебе открываются звезды,
 И предвещают они судьбы грядущие всем.
 Всем и супруга твоя предлагает себя, и об этом
 Звезды все знают и все ж не предвещают тебе.

44. НА НЕГО ЖЕ, ЯМБИЧЕСКАЯ

О милый нам, небесных наблюдатель звезд,
 С их помощью отныне сам я, Феб, тебе
 Охотно по секрету приоткрыть хочу
 Все, что тебя лишь больше всех касается;
 Пока я круг свершаю, чтобы понял ты
 Скорей, чем из дворца домой ты явишься.
 Но пусть грозит Венера, пусть страшит меня
 Другой любовью, несчастливей в будущем,
 Чем к Дафне страсть, мной прежде пережитая,
 Коль что-нибудь кому-то разболтаю я,

Что о себе, как муже, раньше я сказал.
Итак, о том не ведай; судьбы прочих дел
Тебе открою. Впрочем, коль в делах жены
Вразрез с твоим случится что-то мнением,
Всем это станет явным прежде, чем тебе.

45. ИНАЯ, НА НЕГО ЖЕ

Что ты, глупец, средь звезд узнать стараешься
Твоей супруги нравы? — на земле она.
Что смотришь ввысь? Внизу то, что страшит тебя.
Пока ты в небе ищешь, что творит жена,
Та на земле все, что хотела, сделала.

46. ИНАЯ, НА ТОГО ЖЕ АСТРОЛОГА

Ты средь созвездий небесных, безумец, следы пролагаешь.
Что ж о деяньях жены в вечном неведенье ты?
Если не знаешь, жена какова, то считай, что стыдлива.
Если ты в том убежден, — значит, тебе хорошо.
Что ж ты стремишься познать, что, постигнутым будучи, ранит?
Что ты, несчастный, творишь собственным рвением своим?
Это сплошное безумье. О если бы мог перестать ты
Столь беспокожно искать то, что боишься найти!

47. ИНАЯ, НА АСТРОЛОГА

Очень далеко Сатурн, и давно он слепой, — уверяют,
Не различает вблизи: камень или мальчик пред ним.
Всходит прекрасная ликом Луна с целомудренным взором,
Дева сама — созерцать может лишь девье она.
Занят Юпитер Европой, а Марс и Венера — друг другом,
Гиркой — Меркурий опять, Дафной своей — Аполлон.
Ясно отсюда, астролог: когда у супруги любовник,
То ничего сообщать звезды не станут тебе.

48. ДИЛЕММА О ВНЕШНОСТИ,
НАПИСАННАЯ ХРОМЫМИ ЯМБИЧЕСКИМИ ТРИМЕТРАМИ

Что значит внешность, Геркулес! Могу ль ведать?
Красива некрасивая, коль ты — пламень.
Красотка некрасива вдруг, коль ты хладен.
Что значит внешность, Геркулес! Могу ль ведать?

49. ОБ АСТРОЛОГЕ, О КОТОРОМ БЫЛО ВЫШЕ

Кандид, воззрившись на звезды, нередко жену проверяет,
 Всем прорицатель кричит, что безупречна она.
 Снова воззрившись, когда от соблазнов жена убегает,
 Всем прорицатель кричит, будто порочна она.

50. УВЕЩАНИЕ К ИСТИННОЙ ДОБЛЕСТИ

Все, что прельщает несчастных в несчастий исполненном мире,
 Вянет, исчезнув навек, гибнет как роза весны.
 Нет ни единого здесь, кто бы так был обласкан судьбою,
 Чтобы хоть в чем-то его не придавила беда.
 Доблесть впивай и презри ты пустую, суетную радость.
 Спутник достойной души — верная радость одна.

51. ОТНОСИТЕЛЬНО ПРЕЗРЕНИЯ К ЭТОЙ ЖИЗНИ

Мы, как колосья, любим сотрясаемы ветром, и всех нас
 Гонят, куда захотят, скорбь, гнев, надежда и страх.
 И никакого-то веса людские дела не имеют.
 Стыдно, коль нас волновать может ничтожнейший миг.

52. НЕ СЛЕДУЕТ БОЯТЬСЯ СМЕРТИ, ТАК КАК ОНА КОНЕЦ БЕД,
С ГРЕЧЕСКОГО

Разве не глупо страшиться нам смерти — начала покоя,
 Если недуги бегут и нищета от нее?
 Только единая смерть лишь единожды к смертным приходит, —
 Ни к одному из людей дважды она не пришла.
 Все же другие недуги, один за другим нападая,
 Этого или того трижды, четырежды гнут.

53. НА НЕКОЕГО НИЗКОГО И АЛЧНОГО ЕПИСКОПА

Если бы жизнь у меня до Сивиллиных лет продолжалась,
 Помнил бы я и тогда пастыря благодать вовек.
 Земли в аренду сдает он, больших городов обладатель,
 Сотнею слуг окружен, он выступает всегда.
 С просьбой пришел я к нему, но и малое он достоянье
 Отнял мое, а со мной ласков поистине был.
 Я не ушел без того, чтоб не выпить вина из бокалов
 Черного, — сам он достал ключ от шкатулки своей.

54. О ПРЕВРАТНОСТИ СУДЬБЫ, С ГРЕЧЕСКОГО

Шаткая, не соблюдает судьба постоянной дороги,
 Крутит, слепая, она вечно свое колесо.

Мило крушить ей вершины, а низкое вдруг возвеличить,
Смену за сменой она по произволу творит.
Кажется, — высшее благо, но близко беда, и, напротив,
Беды достигли высот, — благо, глядишь, впереди.
Беды отважно сноси и не делайся дважды несчастным,
Не торопись умирать: благо вернуться должно.

55. ЖИЗНЬ КОРОТКА

Не безрассудство ль в тебе — полагаться на долгую старость,
Если и часа в твоей жизни надежного нет?
Ну, хорошо, суждены тебе долгие Нестора годы, —
Долгие годы всегда полнятся множеством бед.
Пусть избежал ты всего, чем терзается возраст зеленый, —
Старость, согнувшись в дугу, долгую горечь несет.
Но чтобы поздних годин (никому не давалось такое),
Мог ты достичь, от себя всякое зло удали.
Этого мало однако. Где Нестора годы сегодня?
Даже из стольких годов нет ни единого дня.

56. ТЕРПЕНИЕ

Горе терпящий, держись: и судьба это горе развеет.
А не развеет, так смерть сделает это тебе.

57. САМА ЖИЗНЬ — ПУТЬ К СМЕРТИ

Мы пустословим, и смерть далеко, далеко — полагаем,
Но в средоточье нутра тайно сокрыта она.
Может быть, в тот самый час, как на свет мы рождаемся только,
Вместе, стопою одной, жизнь к нам крадется и смерть.
Тайно какую-то часть, что его самого отмеряет,
Час твоей жизни любой сам же у жизни крадет.
Мало-помалу уходим, в одно мы мгновение гаснем, —
Масла лишенный, вот так гибнет светильник во тьме.
Хоть ничего и не губит, но время само смертоносно.
Вот мы теперь говорим, и умираем меж тем.

58. БОГАТЫЙ СКРЯГА — БЕДЕН ДЛЯ СЕБЯ, С ГРЕЧЕСКОГО

Только богатства души настоящим считаю богатством
И у того, кто себе пользу извлек из богатств.
Этого мы богачом, а того по заслугам обильным
Мы именуем, кто зрит средств примененье своих.
Но если кто-то один сожигаем лишь камешком счетным,
Жалкий, кто алчет всегда, множа богатства свои,

Тот, как пчела, просверливши отверстия сот изобильных,
В улье потеет своим, — мед же другие едят.

59. ДИЛЕММА ЭПИКУРА

Пусть никакая тягота не сгубит беднягу-рассудок.
Если долга, — то легка, а тяжела — коротка.

60. ПРОТИВНОЕ МНЕНИЕ

Обе тяготы, увы, низвергают беднягу-рассудок.
Долгие все — нележки, краткие все — тяжелы.

61. О СМЕРТИ

Бредит во сне, кто считает, что будто богат он; и видит,
Смертью своей пробужден, сколь он и сразу же нищ.

62. ОДНА ЛИШЬ СМЕРТЬ ТИРАНОУБИЙЦА

Кто бы ты ни был, жестоко теснимый людскою враждою,
Все же надежду лелей: горе она облегчит.
Или Фортуна, вертясь, тебе лучшую выделит долю, —
Так, разогнав облака, в блеске является день.
Или же, мстя за свободу, при скрежете злобном тирана,
Смерть милосердной рукой грозный удар нанесет.
Это свершив (да и больше, чем ты пожелал бы), немедля
Прямо повергнет его наземь под ноги твои.
Он обладатель богатств и надутый безумною спесью,
Он необуздан всегда перед толпой холоуев, —
Здесь уж не будет свиреп и, как некогда, ликом надменен,
Будет несчастен, уныл, нищ, безоружен, один.
Разве когда-либо жизнь тебе это дала? Вот превратность:
Смеха достоин теперь тот, кто страшилищем был.

63. СТИХОТВОРЕНИЕ, ПЕРЕВЕДЕННОЕ С АНГЛИЙСКОЙ ПЕСНИ

Скорбное сердце мое, погруженное в бедствий пучину,
Ты разорвись: и конец пусть твоим мукам придет.
Раны своей госпоже ты яви, исходящие кровью.
Нас одна лишь она скоро разлучит двоих.
Так, о несчастный, сколь долго рыдать я и сетовать буду!
Смерть, ты приди и избавь от громоздящихся бед.

64. НА ПОДРУГУ — НАРУШИТЕЛЬНИЦУ ОБЕТА,
ШУТЛИВО ПЕРЕВЕДЕННАЯ С АНГЛИЙСКОЙ ПЕСНИ

Боги благие, какие мне сны этой ночью приснились!
Мира махина в тот миг рухнула, разом упав.
Феба не стало сиянья, не стало сияния Фебы.
Вот уж и землю накрыл моря поднявшийся вал.
Дивное диво, — но вот мне послышался голос и молвил:
«Слушай, подруга твоя свой не сдержала обет».

65. О ДВАЖДЫ ПОЙМАННОМ КРОЛИКЕ

Ташат из сети меня, а из пальцев я в сеть ускользаю.
Раз убежал я, увы, дважды чтоб пойманным стать.

66. НА ДЕВУ НЕ ДЕВИЧЬИХ ПРАВОВ

Ветрена, лстива, блудлива, болтлива, дерзка и нахальна —
Дева. Но дева тогда та, что рожала не раз.

67. НА ЖЕН

Любой тебе заявит, что в делах земных
Печальней и мужам на свете тягостней
Вот этих жен не создано природою.
Любой тебе заявит, но жену берет.
Шесть жен похоронивши, он еще берет.

68. НА НИХ ЖЕ

Тяжкое дело — жена, но и пользу доставить сумеет,
Коль, умирая тотчас, все оставляет тебе.

69. НА НЕПОХОЖЕЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ, С ГРЕЧЕСКОГО

Изображенье твое Диодором написано. Схоже
Больше с кем хочешь оно, но не с тобой, Менодот.

70. НА ТО ЖЕ САМОЕ

В этой картине всего себя выразил мастер настолько,
Что и похожа она лишь на него самого.

71. ХОРИЯМБИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ О ПРИЯТНОЙ ЖИЗНИ,
С ГРЕЧЕСКОГО

Нет и дела до Гига мне,
Кто над Сардами властвует.
Не гонюсь я за золотом

И царям не завидую.
 Я забочусь, чтоб мазями
 Борода напиталася,
 И виски увенчать хочу
 Я цветами душистыми.
 Лишь об этом тревожусь дне, —
 Кто грядущий постигнет день?
 Дай искусник мне Мультибер,
 Сделав, кубок серебряный;
 Глубже, больше да будет он.
 Сделай, чтобы не мчались там
 Колесницы с созвездьями,
 Чтоб Орион не лил там слез.
 Сделай лозы мне свежие
 Рядом с милым Дионисом.

72. НА ОБМАНЩИКА ВРАЧА, КОТОРЫЙ ПРОДАЛ
 ЗА БОЛЬШУЮ ЦЕНУ КАПЛЮ ПОДДЕЛЬНОГО БАЛЬЗАМА

Врач говорил в лихорадке больному: «Тебе исцеленье
 Только бальзам принесет иль не поможет ничто.
 Но у людей его нет, у меня же — ничтожная малость;
 За десять фунтов одну каплю ты можешь купить.
 Пять ты отдашь мне сейчас, остальные — когда исцелишься.
 Пусть не достанутся мне, если скончаешься ты.
 Но не придешь к исцелению в опасности столь злополучной.
 Коль половину возьмешь капли бесценной такой».
 Мил уговор, и из склянки-малютки, покрытой муслином,
 Капля, взята острием, так и стремится в вино.
 Просит бедняга вином оросить острие. Не желает
 Врач, говоря, что на нем фунтов на двадцать еще.
 «Капли довольно одной», — умоляет страдалец. И верно,
 Капли хватило. Едва выпил — и умер больной.
 О уговор, заключенный при звездах враждебных: утратил
 Ровно полкапли один, ровно полжизни другой.

73. НА КРАШЕНУЮ ЖЕНЩИНУ, С ГРЕЧЕСКОГО

Власы ты красишь. — Но как ты узнал о том?
 Когда ты шла с базара, были те черны.

74. НА ПЛОХО ВЫПОЛНЕННОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ

В этом портрете твоём показать постарался художник,
 Сколь непохожего он может создать на тебя.

75. НА ХОРОШО ВЫПОЛНЕННОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ

Эта картина настолько правдиво тебя отражает,
 Что не картина она — зеркало это твое.

76. НА ТО ЖЕ САМОЕ

Как показал мне, о Постум, картину художник, — я диву
 Дался: с каким мастерством изобразил он тебя.
 Кто б ни взглянул на нее, — если прежде тебя он не видел,
 Если к художнику в нем зависти нет никакой, —
 Он согласится, что яйца не более схожи друг с другом,
 Чем на картине своей ты непохож на себя.

77. НА АНГЛИЧАНИНА, СТРАСТНОГО ПОКЛОННИКА
 ГАЛЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Есть у меня товарищ и приятель Лал;
 Рожден, вскормлен он на Британском острове.
 И хоть британцев океан обширнейший,
 Язык и нравы разобщают с галлами,
 Но Лал мой презирает все британское.
 В восторге рвется Лал мой только к галльскому:
 Гуляя, галльской тогой он бахвалится,
 И очень любит их плащишки верхние.
 Мил поясок, шкатулка, меч — все галльское,
¹⁰ Колпак, берет и шляпа крúгом — галльские,
 Полусапожки и подвязки — галльские,
 И наконец убранство в целом — галльское.
 Его слуга единый рода галльского:
 С ним (пусть хотела б) обращаться Галлия
 Не может более по-галльски (думаю).
 Слуге совсем не платит — дело галльское,
 В одежде скверной держит — тоже галльское,
 И кормит пищей скудной — тоже галльское,
 Работой изнуряет — также галльское,
²⁰ И кулаками лупит — тоже галльское.
 В собранье и в дороге, средь толпы людской,
 И спор, и брань — словами только галльскими.
 По-галльски это? Нет. Все — полугалльское.
 Ведь речь (коль я не ошибаюсь) галльскую
 Он знает так, как попугай латинскую.
 Но сам он рад, себе, бесспорно, нравится,
 Коль скажет, слова три связавши галльские.
 А если не хватает галльских слов ему,
 Сказать он тшится речью пусть не галльской, —

- 30 Но уж сказать, так с галльским благозвучием,
 Разиня зев, с каким-то звуком тоненьким
 И, словно дама, говоря изнеженно,
 Но так, как будто рот бобами полнится;
 Картавя, без сомненья, привлекательно,
 Нажав на то, что галлы в болтовне своей
 Обычно избегают; точно так лисы
 Бежит петух, а рифов — мореплаватель.
 Так вот, его латынь, конечно, галльская,
 По-галльски же и речь звучит британская,
 40 По-галльски он доносит речь ломбардскую,
 По-галльски же доносит речь испанскую,
 По-галльски речь его звучит германская,
 По-галльски все, — но только кроме галльского,
 Ведь галльский у него сродни британскому.
 Но всякий, кто рожден Британским островом,
 Столь нагло так своей отчизной брезгует,
 Что обезьяной нравом стать старается
 И к галльским лишь одним стремится глупостям, —
 От вод речушки Галла пьян, я думаю.
 50 Коль из британца галлом стать он силится,
 Пусть каплуном, о боги, станет сей петух.

78. НА НИКОЛАЯ, ПЛОХОГО ВРАЧА

Вижу, не только вещам, но и людям на свете даются
 Не наобум имена, смыслом глубоким полны.
 Имя врача — Николай. Подобает ли имя такое?
 Ты говоришь, что оно лишь полководцу идет,
 Ибо оружием тот повергает народы; но этот
 Ядами валит народ и полководцев любых.
 В битвах опять полководцы сойдутся, но вновь не сойдется
 С этим врачом ни один: истинно он — Николай.

79. НА ИЗЯЩНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ
 ЧРЕЗВЫЧАЙНО УРОДЛИВОГО ЧЕЛОВЕКА

Думаю, и Апеллеса Венеру собою затмила
 Эта картина твоя, что я недавно узрел.
 Мастер в нее лишь одну все искусство собрал воедино,
 Ею явить пожелал, что он способен создать.
 В лице какая краса, что за нос, а губы какие!
 О какие глаза, цвет-то повсюду какой!
 Столь безупречно прекрасна была она в каждой детали,
 Сколь ни в единой из них схожей с тобой не была.

80. НА НЕПОХОЖЕЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ

Как-то недавно, когда я зашел к живописцу в жилище,
 Изображенье твое взорам предстало моим.
 И пока все из тебя выжимал живописец, недвижно,
 Я полагаю, пришлось долго тебе восседать.
 Вот ты и вышел таким; и я понял, кто здесь на картине,
 Сразу... как мастер сказал, что написал он тебя.

81. НА УМИРАЮЩЕГО СКРЯГУ

Горе, Хрисал умирает богатый, страдает, стенает,
 Что ни один не пожал более скорбный удел.
 Но так как все ж он не умер, себя кто и в грош-то не ставит,
 Гибнут четыре гроша, что на могилу пошли.

82. НА ДОКУЧНОГО ГРАММАТИКА

Лишь доведется мне вспомнить грамматика Гелиодора, —
 Как солецизмы страшить мой начинают язык.

83. НА СМЕХОТВОРНОЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ

«В этом году в государстве у галлов прославленный всюду
 Будет в покое король», — славный астролог изрек.
 Тот же, лишь год начался, как покончил с жизнью расчеты,
 И оправданья уже у прорицателя нет.
 Кто-то со смехом решил защищать предсказанье. «Правдиво
 Слово его, — говорит. — Что, не в покое король?»
 Шире молва распозлалась, и народ потешается всюду
 Над предсказаньем, твердя: «Что, не в покое король?»
 Это услышав в народе, промолвил астролог серьезно:
 «Истинно я предсказал. Что, не в покое король?»

84. НА НЕПОМЕРНО НОСАТОГО, С ГРЕЧЕСКОГО

Прокл, никогда не сумеешь ты носа прочистить рукою,
 Ибо, хотя и длинна, носа короче рука.
 А собираясь чихнуть и — Юпитер — крича, ты не слышишь,
 Как ты чихаешь, — ведь нос так далеко от ушей.

85. НА НЕИСТОВОГО ПОЭТА, С ГРЕЧЕСКОГО

Фурии есть и средь Муз, и становишься Фурией этой
 Сам ты, пийт, и стихи ими творишь одержим.
 Значит, побольше пиши, умоляю. Неистовства больше,
 Чем у тебя, не найду, если бы я и хотел.

86. НА ОЧЕНЬ МАЛЕНЬКОГО, С ГРЕЧЕСКОГО

Чтобы журавль, истребитель пигмеев, тебя не похитил, —
Если умен ты, в самом городе только живи.

87. ТОЛКИ ЧЕРНИ ДОСТОЙНЫ ПРЕЗРЕНИЯ, С ГРЕЧЕСКОГО

Ты улади-ка себя, презирая толпы многословье:
Скажет один о тебе плохо, другой — хорошо.

88. НА ГЛУПЦА, С ГРЕЧЕСКОГО

Лампу глупец погасил, которого блохи кусали.
«Больше, — сказал он, — меня этим блохам не видать.»

89. О СНЕ, МЫСЛЬ АРИСТОТЕЛЯ, С ГРЕЧЕСКОГО

Ровно полжизни мы спим. И в течение той половины
И богатей, и бедняк равны друг другу лежат.
Значит, о Крез, из царей богатейший, был истинно равен
Ровно полжизни тебе Ир, воплощенный бедняк.

90. ИНАЯ

Если ты спишь и не знаешь, что жив, — ты, конечно, не счастлив.
Если же сон не идет, — ты же несчастен тогда.
Значит, счастливее любой, кто гордится судьбой благосклонной,
Кто непомерно раздут этой удачей своей,
Сколько б ночей ни пришло, — иль счастливчиком быть прекращает,
Иль начинает опять столько ж несчастливым быть.

91. КАКАЯ РАЗНИЦА МЕЖДУ ТИРАНОМ И ВЛАСТИТЕЛЕМ

Король, законы любящий,
С тираном лютым разнится:
Рабами всех зовет тиран,
Король — своими чадами.

92. ЖИЗНЬ ТИРАНА ТРЕВОЖНА

День у великих тиранов громада забот истощает.
Ночью приходит покой, если приходит он к ним.
Но и на ложах мягчайших не больше находят покоя,
Чем бедняки, что лежат прямо на твердой земле.
Значит, тиран, в твоей жизни счастливейшим временем может
То быть, когда б ты желал быть с бедняком наравне.

93. ДОБРЫЙ ПРИНЦЕПС — ОТЕЦ, А НЕ ГОСПОДИН,
ЯМБИЧЕСКАЯ ЭПИГРАММА

Благочестивый принцепс не лишен детей,
Ведь царству он всему отец.
Итак, счастливый принцепс изобилует
Детьми: они — все граждане.

94. О ДОБРОМ ЦАРЕ И НАРОДЕ

Царство, оно — человек и любовью спаяно крепко.
Царь — голова, а народ — члены другие его.
Сколько имеет сограждан (ведь больно кого-то лишиться),
Столько же числит и царь тела частей своего.
Под повеленье царя отдается народ и считает,
Что их владыка — глава каждого тела его.

95. ДОБРО НЕ ЦЕНЯТ ДО ТЕХ ПОР, ПОКА ЕГО НЕ ТЕРЯЮТ

Все мы ценим добро, лишь теряя его невозвратно.
Владеем — с небрежением.
Так же нередко, но поздно, наследник негодный в народе
Как добрый принцепс помнится.

96. ВО СНЕ ТИРАН НИЧЕМ НЕ ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ ПЛЕБЕЯ

Значит, безумец, гордыня султан твой на шлеме колеблет,
Ибо колени свои гнет пред тобою толпа,
Ибо народ пред тобой с головою стоит непокрытой:
Многих и жизнь ты, и смерть удержишь в руках у себя.
Но сколько раз цепенеют во сне неподвижные члены,
Столько же раз, — ты скажи, — где же тщеславье твое?
Тела обрубку подобен, безжизнен тогда возлежишь ты,
Или же трупам, что смерть только недавно взяла.
Ибо коль ты, запершись, не укроешься в страхе в жилище,
То у любого в руках жизнь твоя будет тогда.

97. О ХОРОШЕМ И ПЛОХОМ ВЛАСТИТЕЛЕ

Добрый властитель каков? Это — пес, охраняющий стадо:
Он отгоняет волков. Ну, а недобрый? — Сам волк.

98. НА ПОХИТИТЕЛЯ И ЗАЩИТНИКА

Плачется дева, что силой похищена, и похититель
Не отопрется. И вот он уж на смерть обречен.

Но искушенный защитник, неожиданно откинув одежду,
 У подсудимого член вынул рукою своей.
 «Именно он, — говорит, — побывал в твоём чреве, девица?»
 Молвить смущенье и стыд деву заставили: «Нет».
 «Мы победили, судья, — восклицает хитрец, — отрицает,
 Тем отрицая сама и похищенье свое!»

99. НА ВОРА И ЗАЩИТНИКА

Клепчик, боясь, что за кражу осудят его, к адвокату
 Не без награды большой прибыл — совет получить.
 Долго листал, и не раз, тот безмерно огромные томы;
 «Верю, — изрек, — избежишь кары ты, если сбежишь».

100. НА АСТРОЛОГА, КОТОРЫЙ ПРЕДСКАЗАЛ СОБЫТИЕ, С ГРЕЧЕСКОГО

Часто, что брат мой отца пережить обязательно должен,
 Это астрологи все единогласно трубят.
 Лишь Гермоклит объявил, что умрет тот, отца упредивши,
 Но объявил он, когда... мертвым увидел его.

101. НА СУЕТУ ЭТОЙ ЖИЗНИ

Приговоренные все мы и на смерть идущие, в этой
 Заперты клетке земной. В ней не избегнем конца.
 Площадь, что занята ею, на многие части разбита,
 И в помещенье частей части возводят еще.
 Словно за царство борьба, и за клетку борьба не стихает,
 Скрыга в ее темноте прячет богатства свои.
 Этот скиталец по клетке гуляет, тот в нору укрылся, —
 Здесь и подвластье, и власть, здесь песнопенье и стон.
 И пока клетка любима, как будто она и не клетка, —
 Смертью влекомы мы все, гибелью каждый своей.

102. НЕ ОХРАНА, НО ДОБРОДЕТЕЛЬ ДЕЛАЕТ ЦАРЯ БЕЗОПАСНЫМ

Нет, ни страх ненавистный, ни выси палат, ни богатства,
 Что он у подданных взял, не охраняют царя.
 Ни твердолобый охранник, кого за гроши покупают,
 Тот, что другому слугой будет, как был одному.
 Править народом без страха тот будет, кого посчитает,
 Как никого, для себя самым полезным народ.

103. НАРОД СВОЕЙ ВОЛЕЙ ДАЕТ И ОТНИМАЕТ ВЛАСТЬ

Кто б ни был муж, один царя над многими,
Обязан властью многим он.
И он отнюдь царить не должен долее,
Чем захотят те, многие.
Что ж так спесивы властелины жалкие,
Коль их правленье временно?

104. НА ОЧЕНЬ МАЛЕНЬКОГО, С ГРЕЧЕСКОГО

Мир целиком Эпикур сотворяет из атомов малых,
Ибо считал он, Алхим, — атомы — меньше всего.
Если б в ту пору ты жил, Диофант, из тебя сотворил бы
Мир он, — ведь ты, Диофант, меньше куда, чем они.
Иль написал бы он даже: «Из атомов — все остальное».
«Сами же атомы все, — он бы сказал, — из тебя».

105. НА ЛЮБОВЬ ЧИСТУЮ И БЕСЧЕСТНУЮ, С ГРЕЧЕСКОГО

Эти двое двоих погубили — порочный и скромный,
Как друг на друга пошли — яростный пламень и стыд.
Федру объял без остатка любовный огонь к Ипполиту,
А Ипполита святой стыд погубил самого.

106. НА ГОРОД РИМ, С ГРЕЧЕСКОГО

Здравствуй, Гектор, потомок воителя Марса, коль слышишь
Что-либо ты под землей, горд за отчизну, воспрянь.
Град Илион обитаем, народ там живет знаменитый, —
С Марсом, с тобой не сравнить, Марсу, однако, он друг.
А мирмидоны погибли. Поведай же, Гектор, Ахилу,
Что энеады теперь правят Фессалией всей.

107. ОБ УМЕРЕННОСТИ, С ГРЕЧЕСКОГО

Лишнее все бесполезно. Так горек нередко бывает, —
Старая мудрость гласит, — мед, если слишком его.

108. НА ОЧЕНЬ НЕСЧАСТНОГО, С ГРЕЧЕСКОГО

Ты ведь не жил никогда, никогда не умрешь, неимущий.
Да, горемыка, живя, был ты поистине мертв.
Тем лишь, кто в счастье безмерен, кто денег имеет без счета,
Тем лишь когда-нибудь смерть жизни положит предел.

109. НА МОЛЧАЛИВОСТЬ ПИФАГОРА, С ГРЕЧЕСКОГО

Да, в человеческих делах величайшая мудрость — молчанье.
 В этом мудрец Пифагор будет свидетелем мне.
 Истинно красноречивый, всех прочих он учит молчанью,
 В нем для покоя людей лучшее средство найдя.

110. ШУТЛИВОЕ, НА ГЕЛЛИЮ

Что удивляемся мы чудесам предыдущих столетий,
 Дивам, где бык говорит, каменный падает дождь?
 Древние новое чудо затмило: проснувшись, с кровати
 Геллия встала вчера раньше вечерних теней.
 Я бы и больше сказал, если б ты не решил, что шучу я, —
 Да, пробудилась она раньше полудня еще.
 Те чудеса, и нередко, пожалуй, и видели предки,
 Часто, быть может, еще их и потомки узрят.
 Этого ж чуда никто до вчерашнего дня не увидел
 И не сумеет никто после него увидеть.

111. НА ПАЛЛАДУ И ВЕНЕРУ, С ГРЕЧЕСКОГО

Что ты Венеру, меня, уязвляешь, Тритония дева?
 Жертвы мои почему ты прибираешь к рукам?
 Вспомни-ка лучше о том, как когда-то на Иде скалистой
 Назвал меня, не тебя, самой прекрасной Парис.
 Меч твой, твое и копье, а со мною лишь яблоко только.
 Только о яблоке том давней довольно борьбы.

112. ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА — НИЧТО

Фибры сжимая в груди и вдыхая лишь воздуха малость,
 Все мы живем и вокруг Феба сияние зрим.
 Все мы живущие здесь — лишь орудья, но только такие,
 Что получаем мы жизнь от дуновений живых.
 Если ж дыханья парок ты закроешь своею рукою, —
 Душу низринув, ее прямо ты к Стиксу пошлешь.
 Значит, мы, люди, — ничто, все содержимся мы для Плутона;
 Легкий дыхания миг — жизни опора одна.

113. НА КИНЖАЛ ТУПОЙ ИЗ ТУПЫХ, С ГРЕЧЕСКОГО

Туп твой свинцовый кинжал и лишен остроты совершенно.
 Он остроту твоего нам представляет ума.

114. СУЖДЕНИЕ О СЛАВЕ И НАРОДЕ

Люди в своем большинстве восторгаются славой ничтожной,
Глупые, ветром пустым к звездам стремимы они.
Мил ты по гласу народа себе? Но часто ругает
Лучшее тот, кто ослеп, глупо худое хвала.
В вечной тревоге всегда, от чужого зависишь сужденья,
Чтобы поденщик не взял данную им похвалу.
Случай, однако, смеется над ним, тебя восхвалившим,
Хвалит он пусть от души, — беглая это хвала.
Что тебе слава дает? Пусть всем светом тебя восхваляют.
Если страдает сустав, что тебе слава дает?

115. СМЕШНОЕ, НА ПОМОЩНИКА

Вытащил мух из кратера пирующей прежде, чем сам он
Выпил, а выпил когда, вновь их туда поместил.
«Сам-то я мух не люблю, — он сказал, объясняя причину, —
Но и не знаю, кому мухи приятны из вас».

116. ОБ ОХОТЯЩЕЙСЯ СОБАКЕ

Утка уж в пасти у пса, но иное схватить он намерен.
Но не берет, а что взял — вот уж из пасти бежит.
Так, о несчастный, пока ты хватаешь чужое, то чаще,
И по заслугам тогда, алчный, теряешь свое.

117. СОБАКА В СТОЙЛЕ — АЛЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК

В стойле собака сама никогда не питается сеном
И не дает, чтоб его жаждущий конь поедал.
Алчный богатства хранит, совершенно не пользуясь ими,
И запрещает другим пользу извлечь из богатств.

118. НА ОРЕСТА, ГОТОВЯЩЕГОСЯ УБИТЬ МАТЬ, С ГРЕЧЕСКОГО

Как, ты готовишься меч мне вонзить или в грудь, иль во чрево?
Чрево тебя породило, а грудь молоком напитала.

119. О ТОМ, ЧТО БОГА СЛЕДУЕТ МОЛИТЬ О НЕМНОГОМ

Дай божество лишь о добром просить — иль не надо молений,
Или отвергни ты просьбу о злом — иль не надо молений.

120. НА ДВАЖДЫ ВСТУПАЮЩИХ В БРАК, С ГРЕЧЕСКОГО

Тот, кто жену схоронив, обзаводится новой женою,
В море крушенье познав, снова плывет по волнам.

121. О СНЕ, РАВНЯЮЩЕМ БЕДНЯКА С БОГАЧОМ

Сон, этой жизни покой, утешенье, надежда для бедных,
 Делаешь равными ты ночью с богатыми их.
 Полные скорби сердца ты ласкаешь летейскою влагой,
 Ты удаляешь из них мысли о всяческом зле.
 Кроткий, ты шлешь в сновиденьях желанные бедным богатства.
 Что ты смеешься, богач, мнимым богатствам бедняг?
 Боли, заботы и муки в реальных богатствах богатых,
 В мнимых богатствах бедняг — истинно радость одна.

122. НА УРОДА И НЕГОДЯЯ, С ГРЕЧЕСКОГО

Душу писать нелегко, написать же тело нетрудно.
 Впрочем, они у тебя скверны — и тело, и дух,
 Ибо природа, явив нам души твоей нравы дурные,
 Сделала так, что они явственно видны во всем.
 Но несуразную внешность, твои безобразные члены
 Кто же напишет, коль их видеть не хочет никто?

123. НА ЯДОВИТОГО КАППАДОКИЙЦА, С ГРЕЧЕСКОГО

Злая гадюка, однажды ужаливши каппадокийца,
 Тотчас погибла, испив пагубной крови его.

124. НА ЖЕЛЕЗНУЮ СТАТУЮ, С ГРЕЧЕСКОГО

Статую эту тебе, царь, сгубивший весь мир, водрузили
 Здесь из железа: оно стоит дешевле, чем медь.
 Это свершили убийства, нужда, жажда денег и голод, —
 Ими ты все погубил, алчности верен своей.

125. КАНДИДУ, ЯМБИЧЕСКИЕ УСЕЧЕННЫЕ ДИМЕТРЫ О ТОМ,
КАКУЮ СЛЕДУЕТ ВЫБИРАТЬ ЖЕНУ

Уж время требует
 И молвит, Кандид мой:
 Оставь прибежище
 Любвей ветреных
 И брось неверное
 Ты к лолам рвение,
 Прельстясь Кипридою.
 Ищи же девушку,
 С которой, связанный
 10 Любви взаимностью,
 Живи в супружестве.

Твой род потомками —
 Что есть прекраснее, —
 Детьми богатая,
 Умножит счастливо.
 Твой для тебя отец
 То сделал некогда.
 Что от родителей
 Воспринял ранее,
 20 Ты с возмещением
 Потомству выплати.
 Но пусть заботою

Не станет, Кандид мой,
 Стремленья большее
 К ее приданому,
 Чем к непорочности.
 Непрочна та любовь,
 Где страсть безумная
 Воспламеняется
³⁰ Красою внешнею
 Иль жаждой денежной.
 Ведь всякий любящий
 Из жажды денежной
 Любви не ведает, —
 Лишь деньги любит он.
 Но деньги взятые
 Тотчас рассеются,
 А страсть недолгая
⁴⁰ Погибнет прежде, чем
 На свет появится.
 Но эти денежки,
 Что прежде с жадностью
 Несчастный жаловал,
 Помочь затем ему
 Не в состоянии,
 Где нелюбимую,
 Не доброй волею,
 Но с принуждением
 Он взял супругою.
⁵⁰ Что прелесть? Сгинуть ли,
 Как лихорадке, ей,
 С годами сникнуть ли,
 Под солнцем — цветику?
 Тут щеки алые
 В румянцах кончатся;
 Любовь, лишь этими
 Державшись узами,
 Без них уносится.
 Но есть любовь, и с ней
⁶⁰ Душой провидящий
 В совете с разумом
 Достойный встретится.
 Ее в счастливый час,
 Достоинств полную
 (Не преходящую,
 Как лихорадка иль
 Как годы беглые),
 Даст уважение.

Во-первых, та, кого
⁷⁰ Ты в жены хочешь взять,
 Смотри, — питомица
 Каких родителей;
 Пусть мать отменными
 Блестает нравами,
 Чьи нравы девочка
 В нежнейшем возрасте
 Впитавши выразит.
 Тут на врожденные —
 Мила ли — качества
⁸⁰ Смотри, чтоб в облике
 Цвела безоблачность;
 Пусть от лица вдали
 Пребудет сумрачность,
 Но на щеках ее
 Цветет застенчивость,
 И в лике девушки
 Не будет дерзости.
 Пусть будет скромная
 И пусть не тянется
⁹⁰ К мужам с объятьями.
 Во взорах кроткая,
 Пусть всюду глазками
 Не рыщет, бегая.
 От губ подальше
 Пусть будет девушка
 Болтливость вечная
 И с ней мужицкое
 Всегда молчание.
 Пусть будет девушка
¹⁰⁰ В науках сведущей,
 Иль пусть хотя бы к ним
 Предрасположенной;
 И в них, счастливая,
 Могла б из древности
 Творений лучшие,
 Дни жизни радуя,
 Черпать учения,
 В их всеоружии
 Не раздувалась бы
¹¹⁰ В удачах гордостью,
 И не рыдала бы,
 Когда в несчастье,
 Бедняжка, свергнута.
 Всегда веселая,

Не будет пусть она
 Докучной, тягостной
 Твоею спутницей.
 Сама ученая,
 Научит грамоте
¹²⁰ Твоих с младенчества
 Внучаток в будущем.
 Заставит пусть тебя
 Покинуть сверстников
 И успокоиться
 С женой ученою;
 Она, желанная,
 Рукой проворною
 Струн льет звучание
 И пеньем (сладостней
¹³⁰ Нет, Прокна, голоса
 И у сестры твоей)
 Приятно радует.
 Хотел бы Аполлон
 То слушать пение.
 Тебя б заставила
 Беседой ласковой,
 Но и ученою
 Быть дни и ночи с ней,
 Найти у ней слова
¹⁴⁰ Медовой сладости
 И не без прелести
 С медовых уст ее
 Всегда текущие;
 Да сдержат те слова
 Тебя, коль к радости
 Пустой потянешься,
 Да облегчат они,
 Коль вдруг сожмет тебя
 Тоска щемящая;
¹⁵⁰ Поспорит в них она,
 Вся — красноречие,
 С нелегким опытом
 Всех дел случившихся.
 Такая, думаю,
 Орфею некогда
 Была супругою.
 Из царства мертвого
 Не стал бы дерзостно
 Спасать он женщину
¹⁶⁰ По нраву грубую.

Такой же, думаю,
 Непревзойденною,
 Что и с отцом могла
 Равняться песнею,
 Назона дочь была.
 Такой же, думаю,
 (Какой приятнее
 Отцу и не было,
 Кто всех ученее)
¹⁷⁰ Была дочь Туллия.
 Такой же Гракхов двух
 Была родившая.
 Она, родив, детей
 Добру наставила,
 Став им наставницей,
 Как и родильницей.
 Но что столетия
 Тревожим прошлые?
 И в веке нынешнем,
¹⁸⁰ Хоть он и грубый век,
 Найдется девушка, —
 Но лишь единая, —
 Так пусть единую
 Возьмет из множества
 И с нею тех сравнит,
 О ком рассказано,
 Как бывших некогда
 В веках, что минули;
 Она же дальнюю
¹⁹⁰ Теперь Британию
 Возносит, крыльями
 Молвы взнесенная, —
 Хвала и слава ты
 На всей земле одна
 Такая девушка!
 Но не Кассандра ты
 В своем отечестве.
 О Кандид, ты скажи,
 Коль и тебя возьмет
²⁰⁰ Супругом девушка,
 Одна из тех, о ком
 Сказал я ранее, —
 То да оставишь ты
 Исканье внешности
 Или к приданому
 Стремленье жадное.

Вот слово верное:
 Красива каждая,
 Коль дева по сердцу.
 210 Нет тех достаточней,
 Кто счел достаточным
 Все, чем владеет он.
 Так, любит пусть меня
 Жена: тебе ни в чем,
 Друг, не солгал я здесь.
 Пусть даже девушке
 Самой природою
 В красе отказано,
 И пусть на вид она

220 Чернее угольев,
 Но будет мне она
 Врожденной скромностью
 Прекрасней лебедя.
 Пусть деву вздумала б
 Лишить приданого
 Судьба обманная, —
 Да пусть бедней она
 И Ира бедного, —
 Но будет мне зато
 230 Врожденной скромностью
 Богаче, Крез, тебя.

126. ШУТОЧНАЯ, НА ГРОЗЯЩЕГО

Жене Трасона волопас-мужик нанес
 Позор в его отсутствие.
 Домой вернувшись, воин понял все, и вон
 Вооруженный бросился.
 Настигнув волопаса одного в полях,
 Вскричал: «Эй, слушай. мерзостный!»
 Тот встал, камней набрав себе за пазуху.
 Меч обнажив, вскричал Трасон:
 «Ты причинил позор моей жене, мясник?»
 Тот отвечал бестрепетно:
 «Да, я» — «Так, признаешься? Всех богов, богинь
 Зову. О злодеяние!
 Тебе бы в грудь по рукоять я меч вонзил,
 Когда бы не признался ты».

127. ОБ УМЕРЕННОСТИ, С ГРЕЧЕСКОГО

Я не стремлюсь занять поля пространные,
 К золоту счастью Гига нет стремления.
 Пусть он своим, своим и я довольствуюсь.
 И все, что слишком, слишком мне не нравится.

128. УМИРАЮЩИЙ ГЕКТОР, С ГРЕЧЕСКОГО

Выбросьте труп мой, данайцы, поверженный после кончины:
 Ведь и убитый уже, лев для зайцев по-прежнему страшен.

129. НА ГЛУПОГО ПОЭТА

Как-то поэт, кому первого нет, написал: «В благочестье
 Эней — кому второго нет».

Некто, когда короля захотел восхвалить он, считая,
 Что сам Марона стоит он,
 «Вот он, вот он, король, кому первого нет», — заявляет.
 Такой хвалы не стоит тот.
 Стоит, однако, поэт, и бесспорно. Итак, воздадим же
 Хвалу обоим должную.
 Вот он, вот он поэт, кому первого нет, но и вот он
 Король, кому второго нет.

130. НА НЕКОЕГО,
 КТО НАПИСАЛ ГИМНЫ О БОГАХ, НЕДОСТАТОЧНО УМЕЛО
 ЗАСВИДЕТЕЛЬСТВОВАВ В ПРЕДИСЛОВИИ,
 ЧТО ОН НАПИСАЛ ИХ ЭКСПРОМТОМ
 И НЕ СОБЛЮДАЛ ЗАКОНОВ СТИХА, И ЧТО ИЗЛОЖЕНИЕ
 НЕ ОБЕЩАЕТ КРАСНОРЕЧИЯ

Книга святая Андрея касается всех по порядку
 Фаст, но касается их с краткостью дивной она.
 Сами же вышние боги, кого он воспел, вероятно,
 Все о поэте пеклись, пишущем книгу свою.
 Ведь написал он не вдруг, но так, что не сделаешь лучше
 В долгое время ее, сколько б его ни давать.
 Благочестив и предмет, незатронутый с древности самой,
 Роком и облик труда тот же дондесь сохранен.
 Если ж себя не связал он заботой о всяких размерах, —
 Это отнюдь не в ущерб, с разумом он совершил.
 Ведь и величье труда подчиняться не хочет размеру.
 Да и свобода лишь там, где вдохновение есть.
 Благость труда самого для невежды достаточна, ты же
 Каждый, кто пил, и не раз, воду в Кастальском ключе,
 Если ты взвесишь детали, — в них вкусишь такое блаженство,
 Коего ты ни в одной книге досель не вкушал.

131. НА СТРАТОФОНТА, СЛАБОГО КУЛАЧНОГО БОЙЦА, С ГРЕЧЕСКОГО
 Двадцать лет вдалеке от отчизны был вождь Итакийский,
 Но возвратился, — и пес тотчас его опознал.
 Ну, а тебя, Стратофонт, кто четыре часа состязался,
 Вместе и пес, и народ были не в силах узнать.
 Мало того, если сам о себе ты зеркало спросишь,
 Сам же под клятвой тогда скажешь: «Я — не Стратофонт».

132. НА СЛАБОГО КУЛАЧНОГО БОЙЦА, С ГРЕЧЕСКОГО
 Незим, кулачный боец, к прорицателю прибыл Олимпу,
 Чтобы спросить, суждена ль поздняя старость ему.

«Будешь ты жить не у дел, — тот изрек, — но тебе, состязатель,
Бог беспощадной косою оцепенелый грозит.»

133. НА ПАРАЗИТА, С ГРЕЧЕСКОГО

Если на стадий бежит Евтихид, ты сочтешь, что стоит он.
Если ж бежит на обед, — скажешь — на крыльях летит.

134. НА ПЬЯНИЦУ, С ГРЕЧЕСКОГО

Мази, гирлянды цветов не нужны моему погребенью.
Вина и с жертвой костер тракою будут пустой.
Дайте мне это живому! А пепел в смешенье с фалерном
Грязь образует, а мне вовсе вина не дает.

135. НА ПЬЯНИЦУ, С ГРЕЧЕСКОГО

Я из земли порожден и под землю по смерти сокроюсь.
Так приходи же ко мне, чаша из глины земной!

136. НА БЕЗОБРАЗНУЮ ЖЕНЩИНУ, С ГРЕЧЕСКОГО

Зеркало, Геллия, лжет. Если б зеркало было правдивым,
Раз лишь взглянув, никогда б ты не взглянула опять.

137. НА БЕЗОБРАЗНУЮ, С ГРЕЧЕСКОГО

К парфам бы он убежал или даже к столпам Геркулеса,
Раз обнаженной узрев, о Антипатра, тебя.

138. НА БЕЗОБРАЗНУЮ, С ГРЕЧЕСКОГО

Взявший уroda-жену, лишь зажжет ввечеру он светильник, —
И у бедняги темно будет поныне в глазах.

139. ТОЛЬКО В БОРОДЕ — ФИЛОСОФ, С ГРЕЧЕСКОГО

Если одна борода создает мудреца, — что мешает,
Чтобы козел с бородой мог за Платона сойти?

140. О ВОЛЬНОСТИ

Вольность, которой пределы ее перейти разрешили,
Быстро стремится вперед, и не удержижи ее.
Если супруга вечер тебе на ногу стала, то утром
Под башмаком у нее будет твоя голова.

141. ЭПИТАФИЯ ПЕВЦА АБИНГДОНА

Пусть сюда взоры влечет, кто привлек к себе некогда уши,
 Генрих, певец Абингдон, славный искусством своим.
 Был он недавно один, отличавшийся голосом дивным,
 И на органе играть был он искусен один.
 Слава Уэллского храма, в святилище был королем он
 Призван к нему, чтоб его также прославить собой.
 У короля его отнял сам бог, и вознес его к звездам,
 Чтоб и на небе самом новая слава жила.

142. ДРУГАЯ, О НЕМ ЖЕ

Генрих лежит здесь смиренный, кто благодати друг неизменный.
 И Абингдоном он звался, коль кто-то узнать собирался.
 В церкви вот этой Уэллса сукцентором был он на мессах,
 И в королевской прекрасной капелле он пел сладкогласно.
 Множество тысяч — немало искусство певца отличало.
 Но не одним вокалистом, — он лучшим прослыл органистом.
 Ныне, Христос, за служенье, что нес он тебе со смиреньем
 Долго в пределах земли, царством небес надели.

143. НА ЯНУСА, НАСЛЕДНИКА АБИНГДОНА

Создал элегию я, как просил меня Янус, наследник, —
 Чтоб на могиле ее высечь, где спит Абингдон.
 Мне не по сердцу она, не по сердцу ученым, но Янус
 Неподходящим нашел самое лучшее в ней.
 «Эти стихи не звучат, — говорит он, — я тотчас же понял».
 Губы такие берут пусть и салат по себе.
 Тут я шутя говорю, что стихи смехотворны, но Янус
 Эти в восторге стихи алчной хватает рукой.
 Высек он их на плите, и под ней же достоин немедля
 Быть погребенным и сам лечь под такой же строкой.
 Видит вперед и назад превосходно бог Янус двуликий.
 Этот же Янус, как крот: глуп и не видит совсем.

144. ПРИДВОРНОМУ

Часто бахвалишься мне, что к ушам ты властителя близок
 И что свободно, шутя ты свой совет подаешь.
 Так среди львов укрощенных порой безобасно играют,
 Но не без страха беды эта нередко игра.
 Часто рычит недовольство, рожденное темной причиной, —
 И неожиданно мертв тот, кто недавно играл.
 Не безопасна твоя, хоть беспечна, немалая радость.
 Меньшей пусть будет моя, лишь бы надежной была.

145. НА ДОЛЖНИКА ТИНДАЛА

Прежде, пока не ссудил я тебя еще, Тиндал, деньгами,
Часто, когда захочу, мог я общаться с тобой.
Ныне же, если к тебе из проулка я вдруг направляюсь,
Ты, словно видя змею, в страхе бросаешься прочь.
Не было прежде желанья, поверь мне, те требовать деньги,
Не было, но чтоб тебя мне не лишиться, — придет.
Деньги, тебя сохранив, я хочу потерять, и обоих
Вовсе терять не хочу: пусть потеряю одно.
Значит, верни мне себя, удержав за собою те деньги,
Или с деньгами себя мне ты опять возврати.
Если ж ни то, ни другое тебе не подходит, то пусть хоть
Деньги вернутся, а ты, невозвращенец, прощай.

146. НА НИЩЕГО, ВЫДАЮЩЕГО СЕБЯ ЗА ВРАЧА

Ты уверяешь, что врач ты, но мы полагаем, ты — больше.
Буквой одной у тебя больше, чем есть у врача.

147. НА БЕССТЫДНУЮ ЖЕНУ

Да, плодовитой женой, плодовитой владеет Арат мой.
Так, без супруга зачав, трижды она родила.

148. НА ОЧЕНЬ МАЛЕНЬКОГО, С ГРЕЧЕСКОГО

Чтоб избежать отвращенья к несчастнейшей жизни, пристроил
Нить паука Диофант в качестве петли себе.

149. О ДЕВУШКЕ, КОТОРАЯ ПРИТВОРИЛАСЬ, БУДТО ЕЕ СОБЛАЗНИЛИ

Юноша в уединенье заметил однажды девицу,
Место такое сочтя благоприятным себе.
И против воли ее он, наглец, заключает в объятья,
На поцелуи готов, да и на большее с ней.
Сопrotивляется та и во гневе закон призывает,
Тот, что насильнику смерть, крови лишая, несет.
Тот наступает, однако, бесстыдный от юного пыла,
То принимаясь молить, то уповая на страх.
Но ни мольбами, ни страхом не сломлена, та протестует,
Пяткой лягает, рукой бьет и кусает его.
Вот уже юношу гнев неумный от страсти объемлет,
«Глупая, — яро кричит, — все ты стоишь на своем?»
«Этим мечом я клянусь, — и немедля он меч обнажает, —
Если не ляжешь сейчас, не замолчишь, — ухожу».
Тотчас она улеглась, уstraшенная горестным словом:
«Ладно уж, действуй, но знай — действуешь силою ты».

150. НА ХРИСАЛА

Прятал шкатулки когда в чаще леса Хрисал, в затрудненье
 Был он, как место найти, верные знаки избрав.
 Вдруг на высокой вершине он хриплого ворона видит;
 «Вот он мой знак», — говорит и удаляется прочь.
 Воронов стая над ним посмеялась, когда он вернулся,
 Ибо на древе любом видит он знаки свои.

151. НА АСТРОЛОГА

Судьбы покуда твои по созвездьям астролог пытается,
 И заблуждение чтит словно пророка его, —
 Эта когда благосклонна звезда, а эта — враждебна, —
 Между надеждой твой дух и между страхом дрожит.
 Если же счастье придет, пусть придет без его предсказаний:
 В благе негаданном нам радости больше всегда.
 Если ж несчастья придут, то не знать о них дольше — приятней
 И наслаждаться, пока время меж ними течет.
 Мало того, я велю и в самих нам враждебных несчастьях
 Сделай, чтоб светел умом дни ты свои проводил.

152. ДОСТОЙНОЕ НА КРЕСТЕ, С ГРЕЧЕСКОГО

«Мастаурон», от себя убери две первые буквы:
 Выше оставшихся букв ты не найдешь никого.

153. ЭПИТАФИЯ, С ГРЕЧЕСКОГО

Холм этот братьев в себе четырех заключает. Из них же,
 Горе, единый лишь день двух и родил, и сгубил.

154. С ГРЕЧЕСКОГО

Храбр был в бою Тимокрит. И лежит он теперь погребенный.
 Трусов, не доблестных ты, Марс бессердечный, щадишь!

155. С ГРЕЧЕСКОГО

В урне покоятся этой два сына Неокла. Отчизну
 Первый от рабства, другой от неразумия спас.

156. НА НЕКОЕГО, У КОГО ДОМА ПЛОХАЯ ЖЕНА

Друг мой, жена у тебя постоянно плохая. Когда ты
 Плох с ней — то хуже она, хуже всего — коль хорош.

Будет хорошей, скончавшись, но лучше при жизни супруга;
Лучшей, однако, из всех, коль поспешит умереть.

157. О МОРЯКАХ, ВЫБРОСИВШИХ В БУРЮ ЗА БОРТ МОНАХА,
КОТОРОМУ ОНИ ПОКАЯЛИСЬ В СВОИХ ГРЕХАХ

В час, когда вздыбились волны, жестокая буря настала
И на усталый корабль моря обрушился гнев,
Страх суеверный тогда охватил сердца мореходов;
«Горе, — кричат, — началась буря от наших грехов!»
На корабле оказался монах. Все немедля стремятся,
Выгрузив в уши его, бремя грехов облегчить.
Но замечают они, что ничуть не стихает стихия,
И на свирепых волнах держится еле корабль.
«Не удивляйтесь, — один говорит, — что держимся еле:
Тяжкие наши грехи все еще дают судно.
Бросьте-ка за борт монаха, которому мы в прегрешеньях
Наших покаялись: пусть он их с собой унесет».
Речь одобряют, хватают монаха, и за борт летит он.
Тотчас же легкий корабль легче скользит по волнам.
Ты же отсюда постигни, сколь тяжело греховное бремя, —
Невозмогу кораблю груз оказался его.

158. КАНДИДУ, ТРАКТИРЩИКУ БЕСЧЕСТНОЙ ЖИЗНИ

Пастырем ты, о мой Кандид, поставлен над множеством люда,
Трижды я рад за тебя, рад и за стадо твое.
Или сужденье мое благосклонность смягчила, иль стадо
Прежде такого отца и обрести не могло.
Чванного знанья деяний суетных лишен ты всецело, —
Но ведь и пастве твоей пользы оно не дает.
Но добродетели редки в тебе, так, мне кажется, также
Были из древних тебе редкие предки равны.
Пастве что делать твоей и чего избегать, чтобы знала, —
Ясное зеркало — жизнь явно покажет твоя.
Надо напомнить им лишь, чтоб глядели со тщаньем и чтобы
Дел избегали твоих, что избегаешь, — творя.

159. С ГРЕЧЕСКОГО

В этой могиле моряк, а в другой погребен земледелец.
Сушей иль морем — ведет к Стиксу дорога одна.

160. НА ЕПИСКОПА ПОСТУМА

Постум, епископом ты по заслугам поставлен, обрядов
Сделан главою, каких в мире священнее нет.

Сердце ликует: великий, священный нам сделан подарок,
 Не бестолково, как встарь, выбор свершен наконец.
 В рвенье бездумном бывали ошибки, но это избранье
 Тщанье великое всем здесь проявляет свое.
 Ибо, где только из многих один избирается, часто
 Выбор негоден, — и вот выбран из худших плохой.
 Но коль из множества тысяч один избирался, конечно,
 Хуже тебя иль глупей можно ли было избрать?

161. О БОЛЛАНЕ

Сверстники всюду Боллану крапивою жгучей застлали
 Ложе, когда на него он собирался возлечь.
 Он отрицает ожоги, но не отрицает при этом,
 Что обнаженный во тьме точно крапиву нашел.
 Значит, не трогая тела, должна была эта крапива
 Только на ногти его или на зубы попасть.
 Впрочем, коль он неведимо во тьме обнаружил крапиву,
 Как он сумел заключить, что на крапиву напал?

162. ПРИГТЧА О БОЛЬНОЙ ЛИСИЦЕ И ЛЬВЕ

Перед больною лисой, что лежала в норе утесненной,
 С льстивою речью в устах вдруг появляется лев.
 «Чувствуешь как ты, подруга, себя? Оближу — и воспрянешь.
 Знаешь ли ты, какова сила в моем языке!» —
 «Да, твой целебен язык, — отвечает лиса, — но одно лишь
 Страшно: хорош он, а вокруг столько соседей плохих».

163. О ЛЬВЕ И ЛИЗИМАХЕ

Лев укрощенный пока кроткой пастью наставника лижет,
 Тот на примере своем всех побуждает к тому ж.
 И когда долго никто из толпы не отважился выйти,
 Духом бестрепетный тут вышел вперед Лизимах.
 «Сам я, — сказал он, — отважусь у льва к языку прикоснуться,
 Но я б не сделал того, если сказать о зубах».

164. НА АСТРОЛОГА ФАБИАНА

Если в один только день прорицаний о будущем уйму
 Всех легковерных толпа может купить у тебя,
 И среди множества вздора случайно одно достоверно, —
 Хочешь, пророком сочту тотчас тебя, Фабиан.
 Но о грядущем всегда ты обманы одни изрекаешь.
 Коль это можешь, — пророк, думаю, ты, Фабиан.

165. НА КОРОЛЯ ШОТЛАНДИИ, КОТОРЫЙ ВСЕ ЖЕ ВЗЯЛ ПРИСТУПОМ
ЗАМОК НОРХЕМ, НЕ ЖЕЛАЯ ВИДЕТЬ, ЧТО ЗАМОК СДАН

Что это замок Норхем ты штурмуешь, шотландец, с войсками,
Разве недавно совсем ложно он сдался тебе?
Значит, по взятии замка негодными средствами радость,
Верно, большой у тебя, но и короткой была.
Злой и тебя, и твоих (но заслуженной) смертью сгубивший,
Замок в немногие дни взят и опять перевзят.
И когда в царстве твоём домогался предатель награды,
Должной наградой ему смерть за злодейство была.
Но да погибнет предатель и тот, кому враг предается, —
Это, не сломлен, Норхем в судьбах имеет своих.

166. ЭПИТАФИЯ ЯКОВА, КОРОЛЯ ШОТЛАНДЦЕВ

Яков, шотландцев король, я — державы друзей неприятель —
Смел и несчастен лежу, этой землею сокрыт.
Сила духа во мне одинакова с силою веры,
И в остальном не позор выпал на долю мою.
Хвастаться стыдно, однако, и сетовать стыдно: умолкну.
Если б, болтливая, ты тоже молчала, молва!
Вы ж, короли, — я и сам королем был, — напомнить хочу вам:
Пусть (как бывает) словом вера не будет пустым.

167. НА ПЛОХОГО ЖИВОПИСЦА

Выразил дивный художник, отличным искусством владея,
Как убегает, дрожа, заяц от ярого пса.
В тайные глубы природы проникнувший, он измышляет,
Что на бегу, оробев, смотрит зайчишка назад.
Столь хорошо написавший бегущего зайца пусть зайцем
Станет, и сам на бегу пусть-ка он смотрит назад.

168. НА ТОГО ЖЕ

Заяц написан с собакой, но так, что никто и не скажет,
Кто из них заяц, а кто мог бы собакою быть.
Где научился художник тому, что нехватку искусства
Он, о хитрец, возместил разумом дивным своим.
Чтобы был ясен предмет и ушло далеко заблужденье,
Надписи только внизу сделал он: заяц и пес.

169. О ТИНДАРЕ

Тиндар когда целовал очень видную девушку с носом
Слишком большим, захотел быть он насмешником с ней.

«Тщето к твоим, — говорит он, — мои устремляются губы,
Нос твой, увы, далеко их разобщает собой».

Тотчас она покраснела, пылая в молчании гневом,

И не задета совсем острой остротой его;

«Нос мой, — сказала, — твои поцелуи к устам не пускает, —

Там, где отсутствует он, можешь себя показать».

170. НА ГЕРМАНА БРИКСИЯ, ПИШУЩЕГО ЛОЖЬ О «КОРДЕЛЬЕРЕ»,
КОРАБЛЕ ФРАНЦУЗОВ, И О ГЕРВЕЕ, ЕГО КАПИТАНЕ

Ты, прославляя Гервея, свои же стихи порицаешь:

Плохи писанья твои — верят же верным делам.

И на историю, Герман, в своей ты сослался поэме,

Но не на истину, — здесь разницу видит любой.

Разве в хуле и хвале не пристрастны истории часто?

Кто же поверит, скажи, этим историям всем?

Да ведь и сам твой Гервей по причине твоих восхвалений,

Право, доверье к себе мог растерять до конца.

171. НА НЕГО ЖЕ, О ТОМ ЖЕ ГЕРВЕЕ И О ТОМ ЖЕ КОРАБЛЕ,
КОТОРЫЙ В МОРСКОМ СРАЖЕНИИ СТАЛ ЖЕРТВОЙ ОГНЯ

Что незаслуженно Бриксий хвалою Гервея прославил,

Что капитана врагов чести обманом лишил,

Что о судне «Кордельере» он тысячу выдумок создал

В песне своей, вопреки делу, как было оно, —

Этому я не дивлюсь и считаю — не с умыслом злостным

В рвении ложь написал, что пожелал написать.

Тот же, кто мог бы поэту правдиво о судне поведать,

К нам ни единый теперь не возвратится сюда.

Тот лишь один (чтобы знать достовернее все) и достоин

Молвить, кто сам и тогда был на самом корабле.

172. СТИХИ, ИЗВЛЕЧЕННЫЕ ИЗ «КОРДЕЛЬЕРА» БРИКСИЯ,
ПО ПОВОДУ КОТОРЫХ ШУТЯТ НЕКОТОРЫЕ СЛЕДУЮЩИЕ ЭПИГРАММЫ

Вот окружают британцы и справа, и слева Гервея,

Тучею стрелы летят, словно градины в зимнюю пору,

В голову все устремляясь Гервея; герой же без страха

Их, отражая щитом, обращает на полчища вражьи.

173. ДАЛЕЕ О ТОМ ЖЕ «КОРДЕЛЬЕРЕ»

Спутников сам вдохновляет Гервей и сам наступает,

Он среди первых, храбрец, на врагов устремляется мощным

Натиском. Бьет их насквозь, пронизав виски их стрелою,

Этому ребра мечом протыкает, тому он вскрывает
 Чрево. Тем голову с плеч он сшибает секирой двуострой.
 Этим — бока, этим плечи он острым копьем пробивает.

174. ЭПИГРАММА МОРА,
 ШУТЯЩАЯ ПО ПОВОДУ ПРИВЕДЕННЫХ СТИХОВ

Этих Гервей поражает, виски их пронзивши стрелою,
 Чрево и ребра мечом он протыкает тому,
 Этим же головы с плеч он сшибает секирой двуострой,
 Тем пробивает насквозь плечи копьем и бока,
 Далее то, что щитом от врага летящие стрелы
 Неустрашимо к врагам он отметаает назад, —
 Все это непостижимо: один столько стрел отражает,
 Тот, кто другою рукой держит увесистый щит!
 В брани подобной храбрец в споре явном с самою природой.
 Думаю, что у тебя нечто упущено здесь.
 Ибо когда ты явил величайшего духом Гервея,
 Стрелами кто четырьмя разом разит и щитом, —
 Вырвалось это случайно, но должен был раньше читатель
 Знать, что в сраженьи тогда был пятируким Гервей.

175. ДРУГАЯ О НЕМ ЖЕ

Диву даешься, как мог щит, секиру двуострую, стрелы,
 Меч и копье, — все схватив, ими сражаться Гервей.
 Вооружил он десницу ужасной секирой двуострой,
 В грозную левую был меч его вложен тогда.
 Вот и стрела, а за нею пусть он нам покажет, какое
 Доблестно (зубы сомкнув) держит во рту острие.
 Но так как тучею стрелы летят, словно в зимнюю пору
 Град, то на голову свой прямо он щит взгромоздил.
 Твердости сей головы и дракон уступил бы, Келено
 Когтем, а бивнями слон вовсе не равен ему.
 Новое чудище, значит, навстречу врагам выбегает,
 Страшным оскалом грозя и угрожая рукой.

176. ЗДЕСЬ ПЕРВЫЙ СТИХ ПРИНАДЛЕЖИТ БРИКСИЮ,
 В КОТОРОМ ОН ГЕРВЕЯ, УЖЕ ИДУЩЕГО НА СМЕРТЬ,
 ЗАСТАВЛЯЕТ ПРОРОЧЕСТВОВАТЬ О САМОМ СЕБЕ

Нет, среди Феба питомцев не должен пребыть в небреженье
 Бриксий, поющий дела те, что Гервей совершил.
 Нет, среди Феба питомцев не должен пребыть в небреженье
 Тот, кто Гервея, врагов, спутников сжег корабли.

Нет, среди Феба питомцев не должен он быть в небрежье...
 Где же воспринял поэт то, что затем возвестил?
 Нет, среди Феба питомцев не должен он быть в небрежье...
 Фебов оракул ему слушать осталось еще.

177. СТИХИ НА НЕГО ЖЕ, ОБКРАДЫВАЮЩЕГО ПОЭТОВ

Никто поэтов древних так не чтит, как ты,
 И не читает тщательней.
 Ведь нет из всех поэтов древних никого,
 Откуда б не заимствовал
 То там, то сям цветочки ты и перлочки
 Рукой своей уемистой.
 Почтив поэта этой честью, далее
 Чтоб внести в свои писания.
 Дашь поэту счастье: все, что ты сложил, —
 Своих отцов подобие.
 Они блистают ярче средь стихов твоих,
 Чем ночью звезды яркие.
 Обычно чести этой никого из них
 Ты не лишаешь дружески,
 Чтоб не рыдал никто — цвет века прежнего —
 Тобою позаброшенный.
 Итак, чтоб тех певцов размеры вечные
 Не обветшали в праздности,
 Ты их, пристрастьем времени наказанных,
 Новейшим блеском жалуешь.
 А новизною одарять все старое —
 Нет ничего счастливее.
 Блаженное искусство! Кто, владея им,
 Даст обновленье старому,
 Тот никаким искусством (и потая век)
 Не даст новинкам старости.

178. ШУТКА ПО ПОВОДУ КЕНОТАФА ГЕРВЕЯ

Может с Гервеем одним сопоставить двух Дециев сразу
 Век наш, — и это твое, Бриксий, сужденье о нем.
 Но непохожи они, ибо те добровольно погибли,
 Этот же сгиб оттого, что не сумел убежать.

179. ФЕБ ОБРАЩАЕТСЯ К БРИКСИЮ

Хочешь узнать мое мнение о книге могучезвучащей,
 Той, что Гервея и брань живописует, и смерть?
 Значит, священный певец, восприми-ка священные речи
 Феба, какие тебе Фебов оракул изрек:

«В опусе всем слога нет одного, но тысяча — лишних.
 Опус же кончен: не быть может ли этот пустяк?»
 С «менсис'ом» вместе он слит, — у тебя же его не отыщешь;
 В «менсис'е» больше его, чем половина: он — «менс».

180. САБИНУ, У КОТОРОГО ЖЕНА ЗАБЕРЕМЕНЕЛА В ЕГО ОТСУТСТВИЕ

Жизни опора, надежда единая в старости поздней,
 Чадо тебе рождено. К дому, Сабин, поспеши!
 Живо! Супругу поздравить пора плодovitую, надо
 Милое чадо узреть. К дому, Сабин, поспеши!
 Живо, тебе говорю, поспешай, ну, не будь же ленивым,
 Как только можешь, беги. К дому, Сабин, поспеши!
 Сетует уж на тебя и супруга твоя, и малютка
 Слез без тебя не уймет. К дому, Сабин, поспеши!
 Неблагодарным не будь и за то, что дитя народилось,
 И за создание его. К дому, Сабин, поспеши!
 Поторопись же прибыть, ну, хотя бы к обряду крещения:
 Ты еще можешь успеть. К дому, Сабин, поспеши!

181. КАНДИДУ, ВОСХВАЛЯЮЩЕМУ СВЯТЫХ МУЖЕЙ,
 ХОТЯ САМ ОН БЕЗНРАВСТВЕН

Кандид, ты хвалишь достойных, но им подражать не желаешь.
 Я их хвалю, говоришь, Кандид, без зависти к ним.
 Кто ж подражает достойным и зависти полон к тому же,
 Кандид, белей молока и белоснежной снегов!

182. КАКОЕ СОСТОЯНИЕ ГОСУДАРСТВА НАИЛУЧШЕЕ

Ты вопрошаешь: «Что лучше, король иль правленье сената,
 Или иное, когда оба негодны они?»
 Если ж и тот, и другой хороши, — я склоняюсь к сенату:
 В множестве добрых людей, думаю, больше добра.
 Пусть нелегко поддается количество добрых подсчету,
 Но что негоден один, можно легко заключить.
 Пусть даже будет сенат между злом и добром посредине,
 Вряд ли, однако, король «средним» пребудет таким.
 К доброму часто совету склоняется скверный сенатор,
 Но непреклонен король, правя советом своим.
 Избран народом сенат, короли же рождаются в коронах;
 Жребий здесь правит слепой, там же — надежный совет.
 И понимает сенат, что он создан народом, король же
 Думает, что для него создан подвластный народ.
 В первый правления год короли обольщают обычно,
 Консул же будет таким в каждом грядущем году.

Долго живя, свой народ острижет король ненасытный,
 Если же консул плохой, — можно другого желать.
 Я не согласен с известною басней, что сытую муху
 Надо терпеть, чтоб ее место голодной не дать.
 И заблуждение верить, что алчный король насыщаем:
 Эта пиявка всегда будет себя набивать.
 Правда, решенья отцов несогласие вредное губит,
 Но несогласным никто быть не дерзнет с королем.
 Зло это тем тяжелей, если в важных делах разногласье.
 Но почему у тебя сей зародился вопрос?
 Есть ли народ где-нибудь, над которым ты волей своею
 Власть учредишь короля или поставишь сенат?
 Коль это можешь, — царишь, и не думай, с кем власть ты разделишь.
 Первое — это вопрос: надо ль ее отдавать? !

183. О ПЬЯНИЦЕ ФУСКЕ

Врач говорил за советом пришедшему Фуску: «Погубишь
 Зренье свое, если ты пьянствовать станешь опять».
 «Пусть уж глаза от вина погибают: к чему их лелеять,
 Если медлительный червь очи проточит мои».

184. ДРУГУ

Это посланье мое, как узнал из твоих я писаний,
 Поздно дойдет до тебя, поздним к тебе не придя.
 По окончании войны ведь не поздно приходят те стрелы,
 Что не могли ей ничем в самом разгаре помочь.

185. О КОРОЛЕ И МУЖИКЕ

В город явился мужик, что в лесах и родился, и вырос;
 Фавна грубее он был, был он Сатира грубей.
 Смотрит, повсюду народ, там и сям на улицах толпы,
 Слово одно на устах: «В городе! Едет король!»
 Тут оживился мужик от самой необычности слова,
 Смотрит, что именно так жаждет толпа лицезреть.
 Вдруг подъезжает король, предводимый блестящею свитой,
 В золоте видится весь он на прекрасном коне.
 Все восклицают не раз: «Виват рэкс!» И народ отовсюду
 Смотрит, восторгом объят, на короля своего.
 «О где король? Где он есть?» — тут мужик восклицает. И некто:
 «Вот он высокий, гляди, едет на этом коне».
 «Этот что ли король? Ты смеешься, — мужик отвечает. —
 Тот, кто в одежде цветной, видится мне — человек».

186. НА НЕУЧА ЕПИСКОПА, О КОТОРОМ РАНЕЕ ЕСТЬ ЭПИГРАММА,
ОБРАЩЕННАЯ К ПОСТУМУ

«Буква способна убить!» — ты, великий отец, восклицаешь.
Только одно на устах: «Буква способна убить!»
Ты же надежно себя остерег, чтоб убить не сумела
Буква тебя: ни с одной буквою ты не знаком.
Но не напрасно боишься, чтоб буква тебя не убила.
Знаешь, что дух твой тебя не воскресит никогда.

187. О СВЯЩЕННИКЕ,
СМЕХОТВОРНО НАПОМНИВШЕМ НАРОДУ О ПОСТЕ,
КОГДА ДЕНЬ ПОСТА ДАВНО МИНОВАЛ

Как-то священник у нас пожелал напомнить народу
О празднествах, что должны с ближней неделей прийти.
«Мученик будет Андрей, — то великий и памятный праздник.
Знаете, — молвит, — Христу чем был угоден Андрей.
Плоть шаловливая тут от поста сурового сникнет, —
Это — обычай, святых установление отцов.
Предупреждаю я всех, что во славу мучений Андрея
Пост полагалось блюсти, — он сообщает, — вчера».

188. О НЕКОЕМ, ПЛОХО ПОЮЩЕМ И ХОРОШО ЧИТАЮЩЕМ

Спел ты так плохо, что, право, епископом сделаться мог бы.
Так хорошо прочитал, что ты не можешь им быть.
И недостаточно, если того иль другого избегнуть;
Хочешь епископом быть, — бойся того и того.

189. САБИНУ

Сынов четверку, что тебе
Твоей, Сабин, супругою
Даны столь непохожими,
Своими не считаешь ты.
Но лишь сыночек маленький,
Едва-едва родившийся,
Как ты — ну прямо вылитый
За всех, — в твоих объятиях.
Тех четырех фальшивыми
¹⁰ Зовешь детьми и гонишь их.
Лишь одного, родимого,
Зовешь своим наследником.
Так, на руках лелеючи,
Из всех его целуя лишь,

Как обезьяна деточку,
 Через город весь таскаешь ты.
 Но важно мудрецы твердят,
 Чей это труд, занятие,
 Что все природы таинства
²⁰ Постигнуть надо тщательно;
 Так важно мудрецы твердят,
 Что очень часто матери
 Воображают ревностно,
 Детишек зачинаючи,
 И те черты таинственно
 Неизгладимо явные
 Непостижимым образом
 В самом сойдутся семени.
 Их восприявши внутренне
³⁰ И с ними возрастаючи,
 От дум привитый матери
 Свой облик получает сын.
 Хоть ты от тысяч разнишься,
 Рожавши четырех, жена,
 К тебе весьма бесстрастная,
 Их родила несхожими.
 Но этот сын единственный
 Из всех — твое подобие,
 Ведь мать в его зачатие
⁴⁰ Была весьма встревожена
 И о тебе лишь думала,
 В тревоге вся измаялась, —
 Чтоб ты, Сабин, не вовремя,
 Как будто волк из сказочки,
 Не прибыл, вдруг нагрывуши.

190. СМЕШНАЯ ЭПИГРАММА О ПРИНЦЕПСЕ И СИДЯЩЕМ МУЖИКЕ

Принцепс, когда на мосту он уселся, взирая на воды,
 Знатные ноги свои перед собой протянул.
 Там же присел и мужик, но немного поодаль, однако,
 Думая — именно здесь вежливо будет присесть.
 Некто его поднимает. «Дерзаешь ты с принцепсом, — молвит, —
 Вместе сидеть на мосту? Разве не стыдно, мужик?»
 Тот отвечает: «Сидеть на мосту на одном преступленье?
 А если на десять миль этот протянется мост?»

191. ЗАБАВНАЯ ЭПИГРАММА О ПРИДВОРНОМ

С лошади как-то сойдя, обратился к стоящему возле
 Некий придворный: «Возьми, кто бы ты ни был, коня».

Тот, ибо был боязлив, отвечал: «Господин, неужели
Этого зверя — коня кто-то удержит один?»
«Есть, кто удержит один», — он в ответ. А тот, подхвативши:
«Если ты можешь один, сам ты его поддержи».

192. НА ТРУСЛИВОГО И УКРАШЕННОГО КОЛЬЦОМ ВОИНА

Воин, зачем у тебя на руке кольцо золотое?
Разве не лучше ему ноги твои украшать?
Ибо средь яркого Марса недавно полезней и лучше
Рук послужила тебе только одна лишь нога.

193. НА ПОЭТА БРИКСИЯ

Бриксий, в книжонке твоей объявилась такая загадка,
Что предложить ее Сфинкс мог бы Эдипу вполне.
«ХОРдигера» целиком в ней повсюду найдешь, но не сыщешь
Там, чтобы «КОРдигера» первый присутствовал слог.

194. НА ПЬЯНИЦУ ТУСКА

«Туск, — ему врач говорит, — ты вином глаза убиваешь»;
Просит его не забыть этот полезный совет.
Тот же: «И звезды, и землю, и море, и все, что мы видим,
Я и увидеть успел, и перевидеть давно.
Но не пришлось мне еще испробовать многие вина,
Новые вина когда новый дарует нам год».
Так, не колеблясь и твердо, сказал он: «Вы, глазки, прощайте.
Видел достаточно я, но недостаточно пил».

195. НА КЛЯТВОПРЕСТУПНИКА АРНА

Арн, ты и много, и долго все клялся, и ныне добился,
Что после этого ты можешь не клясться совсем.
Самый клянущийся муж! Твоему теперь слову повсюду
Веры не меньше отнюдь, нежели клятве твоей.

196. НА НЕГО ЖЕ

Вечно клянешься ты, Арн, и без усталости всем угрожаешь.
Хочешь узнать, какова польза отсюда тебе?
Так ты клянешься, что верить тебе наконец перестали,
Так ты грозись, что никто тех не страшится угрозы.

197. НА НЕГО ЖЕ

Арна ногами сильнее никого не найдется доселе,
Но отморозил давно руки короткие он.
Жаждет однако сражений. Кто на ноги скор, но увечен,
Думаю, ведаешь ты, что он в сражение свершит.
Чей необуздан язык, но бессильна рука, у такого
Надо язык отрубить, но не бессильной рукой.

198. О МАРУЛЛЕ

Врач Теодор говорил гноеглазому как-то Марулле,
Чтобы не пил он, когда стать не желает слепым.
Чтобы явиться не пьяным к врачу (хоть и трудно такое),
Целых два дня без вина жил в воздержанье Марулл.
После, иссохший от жажды, привычным вином соблазненный,
Он у порога врача рухнул на землю ничком.
Вновь пристрастился к вину, хоть глаза свои тем, горемыка,
Им предоставив вино, гибели верной обрек.
«Вот он, мой путь, вы сюда привели меня, верные глазки!
Пейте, прощайте теперь, двое вожатых моих!»
Вкус остается и запах; дивится он, света не видя,
И погружаются тут в мрак непроглядный глаза.
В горе злосчастном, однако, себя он одним утешает,
Тем, что не будет лишен малой толики вина.

199. НА РИСКА, ТРУСЛИВОГО КОННИКА

Риск, осмотрительный конник, от долгого опыта сведущ,
Не без причины двоих держит несхожих коней.
Да, он их кормит обоих: того, что и птицы быстрее,
Как и того, что ленив больше лентяя осла.
Так, неспешащего, этот к сраженьям подвозит коняга,
Тот же, лишь грянет труба, прочь от сражений несет.

200. НА ГЕЛЛИЮ

О моя Геллия, жжет говорящий, что будто темна ты.
Сам я судья, что отнюдь ты не темна, но черна.

201. НА НЕЕ ЖЕ

Ты говоришь: я бела. Я не спорю. Но если бела ты,
Черная кожа зачем скрыла твою белизну?

202. НА ОБЛАЧЕННОГО В РОСКОШНУЮ ОДЕЖДУ,
КУПЛЕННУЮ ЗА ЗАЛОЖЕННОЕ ПОМЕСТЬЕ

Я не дивляюсь, что от веса своей ты одежды потеешь:
Полных четыре она югера тянет земли.
Сколько при жизни земли ты носил на себе, облачившись,
Столько в могильном холме у погребенного нет.

203. НА ГАРЕМАНА, БЕДНОГО ПОСЛЕ ПРОДАЖИ ЗЕМЛИ

Продал недавно еще Гареман отцовские земли,
Тут же молва разнеслась, что неимущ он теперь.
Нет, и талант у него, и усердие есть несомненно;
Думаю, это к нему злая враждебна молва.
В желтое золото, хитрец, обратил он вонючие комья,
Но состоянья никак не наживает себе.

204. САБИНУ

Умерли две, — за тебя уже третья выходит супруга,
Только из трех ни одна верной тебе не была.
Ты же, негодник, за это не только супруг обвиняешь, —
Женский весь род целиком в гнев клеймишь ты, Сабин.
Но если хочешь ты все на весах справедливости взвесить,
Более мягким тогда станешь ты к женам своим.
Если все три жены у тебя были нравов негодных,
Значит, с рожденья от звезд это тебе суждено.
Если ж судьбина твоя быть кукушкой велит тебе вечно,
Как же ты ждешь, чтоб жена звездами править могла?
Чистой была для другого и будет. А то, что с тобою
Прелюбодейка она, — рок твой по праву винит.

205. НА ПОТЕРПЕВШЕГО КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ,
УКУШЕННОГО НА БЕРЕГУ ВИПЕРОЙ, С ГРЕЧЕСКОГО

Моря безумных валов ты избег при кораблекрушении,
Но африканский песок горше, чем моря простор.
Вот он у берега лежит, сном тяжелым поваленный наземь,
Гол, обессилен вконец морем, жестоким врагом.
Тут его страшная губит випера. Напрасно, напрасно,
Бедный, от моря бежишь: гибель твоя на земле.

206. О ХИРУРГЕ И СТАРУХЕ

Как-то хирург плащеносный глаза умастил у старухи.
«Через пять дней, — говорит, — пользу почувствуешь ты».

Ступы меж тем и салфетки, бадьи для воды, сковородки —
 Все, что тяжелый в дому труд облегчает, унес.
 Та, исцелившись, глазами прозревшими дом оглядела,
 Видит, что в доме ее утвари нет никакой.
 И, расплатившись с врачом, заявила ему: «Торжествует
 Твой уговор и мое зренье богаче теперь.
 Вижу, однако, теперь в доме утвари меньше, чем прежде;
 Видела много тогда, ныне не вижу совсем».

207. НА НЕКОЕГО

О сколь твой разум проворен! Когда б столь проворными были
 Ноги твои, средь полей ты сумел обогнать бы и зайца.

208. ОБ ИРОДЕ И ИРОДИАДЕ

Вот перед Иродом дочь танцует Иродиады;
 Быть неприятной должна, — нравится все же ему.
 Царь опьяненный любовью к супруге, таким опьяненный
 Буйством фортуны и сверх — чистым вином опьянен, —
 Молвит: «О дева, желай, и клянемся тебе, что воздастся.
 Хочешь, полцарства сего требовать можешь себе».
 Но нечестивая дочь и преступнейшей матери сверху
 Молвит: «Крестителя мне голову дай, я молю».
 Просишь, о дева, даров (если девой бывает плясунья)
 Тех, что их вида едва выдержишь, просишь даров.
 О кровавая мать, о жестокая мачеха дщери,
 Учишь ты пляскам ее, головы учишь рубить.
 Царь заскорбел и, печальный, действительно ей уступает,
 Ибо он связан теперь святостью клятвы своей.
 Царь, верный клятве своей, но тогда-то лишь только и верный,
 Верность преступней твоя, чем вероломство само.

209. НА НЕКОЕГО ПЬЯНИЦУ

Так как не очень поспешно пришел я к тебе на беседу,
 Ты, обвиняя, клянешь вялую леность мою.
 Да, признаюсь, что к тебе я, пожалуй, не вовремя прибыл:
 Позже иль ранее час надо б избрать для того.
 Если бы утром к тебе я пришел на рассвете того же
 Дня или также пришел утром грядущего дня!
 Ныне ж средь белого дня нам о деле беседовать поздно:
 Ты уже пьян, и в тебе толку теперь ни на грош.

210. НА ЖИВОПИСЬ ИРОДОВА СТОЛА

Кровью убитого мужа у Ирода стол окровавлен,
 И у Фламиния стол кровью убийства залит.

Схожие эти убийства свершили похожие девы:

В первом — плясунья виной, в этом — блудница была.
Есть и отличие, однако: блудница виновного губит,
А от плясуньи погиб муж неповинный ни в чем.

211. НА ТУ ЖЕ САМУЮ ЖИВОПИСЬ

Мужа святого уста, что лежат в отвратительной жиже,
И отсеченную стол царский являет главу.
Так вот властитель Атрей сыновей обоих Фiestа
Дал на съеденье тела, — брат на съеденье отцу.
Так же одрисов царю умерщвленного сына царица,
Мстя за сестру, подает, Итиса лютая мать.
Вот какие десерты столы у царей украшают.
Верь мне, бедняк никогда пищи подобной не ест.

212. НА НЕ В МЕРУ НОСАТОГО, С ГРЕЧЕСКОГО

Если б на солнце наставить твой нос, то при зеве отверстом
Ты бы зубами тогда точный указывал час.

213. НА РУМЯНЯЩЕГОСЯ, С ГРЕЧЕСКОГО

Стоит ли мел покупать, воск, румяна и зубы, и волос,
Если дешевле купить можно лицо целиком?

214. НА АКТЕРА, С ГРЕЧЕСКОГО

Прочее все — по преданью, но нечто, и многое даже,
В танце твоём у тебя было ему вопреки.
Изображал ты Ниобу, — и, верно, стоял, словно камень;
Стал Капанеем, — и вот наземь внезапно упал,
Но когда ты, жив-здоров, на мече удалился с Канакой,
Было станцовано здесь не по преданью совсем.

215. НА АКТЕРА, С ГРЕЧЕСКОГО

В танце представил Ниобу, и Дафну нам Мемфис представил;
В Дафне он деревом был, камнем — в Ниобе своей.

216. ТРЕЗВЫЕ БЫВАЮТ НЕСНОСНЕЕ, С ГРЕЧЕСКОГО

Мы за вином ввечеру друг для друга радушные люди,
Но, протрезвев, поутру зверем встает человек.

217. НА АНДРЕЯ, ИЗВЕРГАЮЩЕГО РВОТУ В МОРЕ

Ты благодарный, Андрей, и достоин ты всякого блага,
Ибо тем кормишь ты множество рыб, тебя откормивших.

218. О НЕМ ЖЕ

Рыб ты у моря пожрал, и, разгневавшись, требует море,
Чтоб изо рта своего ты их назад возвратил.

219. НА ДЕВУ, ЕДУЩУЮ ВЕРХОМ, РАСТОПЫРИВ НОГИ

Станет ли кто отрицать, что вместишь ты, о дева, мужчину,
Если такого коня охватить твои голени могут?

220. ГАЛЛУ, КРАДУЩЕМУ СТИХОТВОРЕНИЯ ДРЕВНИХ

Дух, как у древних поэтов, и мысли такие же точно,
Бывшие древле, теперь, Галл, у тебя одного.
Стихотворения те же, а часто и строки такие ж,
Что сочинили они, Галл, сочиняешь и ты.

221. НА БЕДНЯКА-БАЛАГУРА

Ночью увидел когда балагур, что воры забрались
В дом и старательно в нем рыщут и шарят кругом, —
Он засмеялся: «Дивлюсь, что вы ночью здесь видите что-то.
Я и среди белого дня вижу, что нет ничего».

222. О ТРЕВОЖНОЙ ЖИЗНИ ВЛАСТИТЕЛЕЙ

Власть непомерная вечно с заботами жалкими рядом.
Не прекращается страх среди постоянных тревог,
Коль не оцеплен властитель оградой кругом из оружия,
Коль не обедает он, прежде еду испытав.
Это — защита, однако все это — защита плохая
Тем, кто не в силах иным обезопасить себя.
Напоминает она, чтоб меча сателлитов боялся,
Учит, что страшен и яд при испытанье еды.
Значит, найдется ль здесь место от страха свободное, если
То же и гонит его, и порождает опять.

223. НА ПАСЫНКА, ПРИДАВЛЕННОГО УПАВШЕЙ СТАТУЕЙ МАЧЕХИ,
С ГРЕЧЕСКОГО

Пасынок, мачехи ты украшаешь колонну цветами,
Думая — козни ее вместе со смертью прошли.

Но, накренившись внезапно, тебя она давит. Коль мудр ты,
Пасынок, то избегай даже могилы ее.

224. НА НЕКОЕГО ПОЭТА-ИМПРОВИЗАТОРА

Ты уверяешь, что строки написаны эти экспромтом?
Можешь молчать: говорит книга об этом твоя.

225. НА МАЧЕХ, С ГРЕЧЕСКОГО

Пасынку, даже любя, причиняет мачеха беды;
Этому Федра пример, что Ипполиту тяжка.

226. НА НЕКОЕГО, ГОВОРИВШЕГО, ЧТО В ЕГО СТИХАХ
НЕ БУДЕТ НЕДОСТАТКА В ГЕНИАЛЬНОСТИ

Есть в эпиграмме прелестной поэта испанского строчка:
«Книга, чтоб вечною стать, быть гениальной должна».
Эти читая слова, ты уже и стихи нам готовишь,
Весь напрягая свой ум, только, увы, без ума.
Хвалишь ли что или в мере какой-то хулишь, есть надежда:
Жить это будет, своим гением сохранено.
Ведь и в Каменах твоих, гениальнейший муж, — ты уверен, —
Гений какой-то, и он будет откуда-то в них.
Ты же, однако, желай (и не будет отказа), чтоб книга
Гения дар не несла, ибо бездарна она.
Если какой-либо гений продлит ее дни, то он будет
Явно из гениев злых: тысячи их у тебя.
Но это будет не жизнь, если верить тому же поэту,
«Ибо не всякая жизнь, благо — здоровая жизнь».
Если же жизнь твоей книги — тускнеть в непрестанном позоре, —
Пусть тебе будет дано вечной кончиною жить.

227. О СТРАСТИ ВЛАСТВОВАТЬ

Царь из многих царей, кто единственным царством доволен,
Лишь и найдется один, если найдется один.
Царь из многих царей, хорошо управляющий царством,
Лишь и найдется один, если найдется один.

228. О СДАЧЕ НЕРВИИ ГЕНРИХУ VIII, КОРОЛЮ АНГЛИИ

Нервия, Цезарь-воитель тебя, непреклонную, занял
Не без потерь и больших с той и другой стороны.
Генрих тебя покоряет, без крови берет тебя принцепс, —
Цезаря больше он столь, сколь же его и славней.

Знает король, что почетна ему эта сдача, постигла
Также и ты, что сама с пользой не меньшей сдалась.

229. О ФАБУЛЛЕ И АТТАЛЕ

Фабулла, как-то обозлясь на Аттала,
За что — не знаю, но стремясь задеть его
И показать, сколь явно он в презрении,
Ему поклялась: будь бы даже сто у ней
Тех органов, что отличают женщину,
Один ему отдать не соизволила б.
«Отказ? — тот восклицает. — Это что ж, о зло,
Воздержанность иль бережливость новая?
Бывала ты обычно благосклоннее.
Один из сотни дать ты затрудняешься,
О скряга, орган? Но одним, единственным
Ты обладая, тот один мужам всегда
Давала сотням сотен благосклонная.
Увы, боюсь, чтоб эта скупость странная
Тебе в конце концов не повредила бы».

230. О БОЛЬНОМ ЛИХОРАДКОЙ И СКЛОННОМ К ПЬЯНСТВУ ВРАЧЕ

Полутрехдневной когда заболел мой сын лихорадкой,
Я Савромата врача в помощь зову на авось.
Пальцем большим прикоснувшись, он чувствует жилы биенье.
«Жар, — говорит он, — силен, но непременно спадет».
Требуется тотчас бокал и до самого дна осушает,
Даже и Битий такой вряд ли бы смог осушить.
Пьет и больного примером к питью побуждает такому,
И говорит, что его тщательно взвешен совет.
Он ведь пылает в жару, значит, следует выпить побольше,
Ибо не малой водой гасят огромный костер.

231. О КАЮЩЕМСЯ ГЕСПЕРЕ

Наш Геспер, как святой обычай требует,
Грехи смягчая, каялся священнику.
А тот стремится выведать признание,
И, хитрый, все затронув преступления,
Он среди них пытается, а не верил ли,
Как нечестивцы, Геспер в мерзких демонов?
«Ах, мне ль отец, — тот молвит, — верить в демонов!
С большим трудом досель я в бога верую».

232. О БОГЕ СЛУЧАЕ, С ГРЕЧЕСКОГО

- Родом ваятель твой кто? — Сикионец. — Но как его звали?
 — Это Лисипп. — Ну, а ты? — Случай, властитель всего.
 — Что ж ты на кончиках пальцев? — Кружу постоянно. — Зачем ты
 Крылья несешь на ногах? — Я словно ветер лечу.
 — В правой руке почему лезвие у тебя? — Указанье,
 Что в остроте и ему не поравняться со мной.
 — Волосы что ниспадают на лоб? — Кто схватить меня хочет,
 Пусть предупредит. — Почему сзади лыса голова?
 — После того, как на крыльях промчусь я стремительно мимо,
 Сзади не сможет никто снова меня возвратить.
 Значит, ты мог бы отсюда постичь, что поставлен таким я
 Здесь в назиданье тебе мастера умной рукой.

233. О ФИЛЛИДЕ И ПРИСКЕ, НЕОДИНАКОВО ЛЮБЯЩИХ

- Чистая Филлида так с Приском пламенным славно сольется,
 Как с искрометным вином хладная влага воды.
 Любит Филлиду Приск, накаленного пламени жарче,
 Приск же любим холодней, чем ледяная вода.
 Но безопасно сольются. А если бы оба пылали,
 Дом разве смог бы один выдержать пламени два?

234. О ДРЕВНИХ МОНЕТАХ,
СОХРАНЕННЫХ У ИЕРОНИМА БУСЛИДИАДА

- Так же как некогда Рим был в долгу у своих полководцев.
 Все они, Буслидиад, ныне в долгу у тебя.
 Рим полководцы хранили, а ты у себя сохраняешь
 Доблестных римлян, когда Рима давно уже нет.
 Ибо монеты, издревле хранящие цезарей лики
 Или великих мужей, славу стяжавших тогда,
 Ты, кропотливо ища, от начальных веков собираешь,
 Лишь в достоянье таком видя богатство свое.
 Пусть триумфальные арки сокрыты под прахом тяжелым,
 Лики стяжавших триумф, их имена — у тебя.
 И пирамиды, как память о многих своих властелинах,
 Право же, Буслидиад, меньше шкатулки твоей.

235. К НЕМУ ЖЕ

- Буслидиад мой, ужели ты кроткую эту Камену
 В своем все держишь ящичке?
 Что ты достойную света во тьму удаляешь? Что ей ты,
 Что смертным всем, завидуешь?

Слава Музы твоей обязана целому миру.
 Что славу гонишь от нее?
 Сладостен плод от нее и всему он миру обязан.
 Один что всем противишься?
 Иль от собранья мужей содержать тебе должно подальше
 Когорту чистых девушек?
 Этого надо бояться, признаюсь, лишь девам, что могут
 Свою утратить девственность.
 Дай, не боясь, нам твою, ведь и стыд у нее несгибаем,
 Не груб иль не отесан он.
 Как твоя дева самой не уступит богине Диане,
 Стыдом прекрасна сладостным,
 Так твоя дева самой не уступит богине Минерве
 Умом, красой и прелестью.

236. БУСЛИДИАДУ О ВЕЛИКОЛЕПНЫХ ЧЕРТОГАХ В МЕХЕЛЬНЕ

Лишь довелось увидеть полоненными взорами этот
 Дивно украшенный дом, Буслидиад, у тебя, —
 Я пораженный застыл; помогли песнопенья какие,
 Рок умолив, воскресить древних тебе мастеров?
 Думаю, светлое зданье искусными действиями только
 Лишь не Дедала рука соорудила сама.
 Изображения здесь Апеллес написал, вероятно;
 Видя резьбу, поспешишь Мирону труд приписать.
 На изваяния глядя, припомнишь искусство Лисиппа,
 Видя же статуи, мнишь — это Праксителя труд.
 Труд отмечают двустихья, но эти двустихья, бесспорно,
 Если не создал Марон, то пожелал бы создать.
 Здесь подражает орган, модулируя, звукам различным,
 Древним единственно лишь или, скажу, никаким.
 Значит, весь дом — либо слава минувших веков, либо этим
 Новым твореньем века древние превзойдены.
 Пусть этот новый не скоро и поздно состарится дом твой,
 Пусть господина он зрит, но никогда — стариком.

237. О ФИЛОМЕНЕ И АГНЕ, СОЕДИНЕННЫХ ПЛОХИМ ОБЕТОМ

Вот и в наш век чудеса возвращаются снова Венеры
 Те, что и прежний-то век, думаю я, не знавал.
 Юношей цвет — Филомен и цветок среди девушек — Агна
 Соединяются, — к ним Пафия благоволит.
 Он непомерно, однако, гордится себе похвалою,
 В спеси и та от похвал качествам милым ее.
 Значит, супружество это, что просят нередко в обетах,
 Не от Венеры, — себе все приписали они.

Неблагодарных богиня лишает их облика, слиться
Им не дает, наделив разной породой их.
Скоро кукушкою стал Филомен, что средь лета кукует,
Алчной волчицы теперь Агна обличье несет.

238. СРЕДСТВА ДЛЯ ИЗГНАНИЯ ЗЛОВОННОГО ДЫХАНИЯ,
ВОЗНИКШЕГО ОТ НЕКОТОРЫХ ВИДОВ ПИЩИ

Чтоб не пришлось выдыхать тебе мерзостный запах порея,
Ты за пореем вослед лука возьми и поешь.
Далее, если захочешь ты луковый запах исторгнуть,
Съешь чеснока, и легко цели достигнешь своей.
Если же тягостный дух у тебя остается чесночный, —
Или ничто, или кал только и снимет его.

239. ЧИТАТЕЛЮ О НОВОМ ЗАВЕТЕ,
ПЕРЕВЕДЕННОМ ЭРАЗМОМ РОТТЕРДАМСКИМ

Труд сей святой и бессмертный, Эразма ученого подвиг,
Ныне выходит. О сколь пользы народам несет!
Новый вначале Завет толкователем древним испорчен,
После различной рукой пишущих он поврежден.
Иеронимом когда-то ошибки исправлены были,
Но, что написано им, сгнуло в лености лет.
Заново он истолкован теперь с удаленьем ошибок,
Новый Завет от Христа новою блещет красой.
Он не пристрастно, однако, судил о словах, отмечая,
Что в них священо, а что лишь преходящее в них.
Значит, коль кто-либо их лишь коснется, на крыльях промчавшись,
То и величье труда он не сумеет постичь.
Если же следом за ним он проследует мерной стопой,
То заключит, что труда больше, полезнее нет.

240. ПОЧТЕННЕЙШЕМУ И ПРОЧ. ТОМАСУ,
КАРДИНАЛУ И АРХИЕПИСКОПУ ЙОРКСКОМУ
НА КНИГУ НОВОГО ЗАВЕТА, ДАННУЮ ЕМУ ЭРАЗМОМ

Ты, кто единый отец и ученых мужей покровитель,
К чьим приникает устам с жадностью хор Пиерид,
Ты, кому столько почета народ, уделяя, приносит,
Сколько достоинств твоих сам заключает почет.
Книга эта к тебе издадека пришла, от Эразма.
Книгу, молю я, прими с чувством, с каким он дарил.
Не сомневаюсь, ты примешь — ведь автор труду одобренье
Сам по заслугам воздаст так же, как автору труд.

Был неизменно твоим почитателем автор, творенье
 Было — Завет от Христа — делом доселе твоим.
 Этим Заветом тебе подается благая возможность,
 С ним и пред Момом самим ты в состоянье судить.
 На удивленье народу так жалоб запутанность рушишь,
 Чтоб побежденный не мог жалобу вновь принести.
 Это дарует тебе не людское искусство, но божье
 Установленье — одна мера суждений твоих.
 Значит, сей труд, о достойнейший пастырь, с лицом благосклонным
 Ты восприми и всегда к автору милостив будь.

241. ДОСТОЙНЕЙШЕМУ И ПРОЧ. АРХИЕПИСКОПУ КЕНТЕРБЕРИЙСКОМУ

Пастырь благой, все, что ты своему доставляешь Эразму
 Столько и множество раз щедрой своею рукой, —
 Все подтверждает: досуг, что дарован тобою, не празден,
 И среди первых о том труд этот нам говорит.
 Кто бы ни выпустил в свет бесконечные томы, пусть даже
 И не без пользы, но труд новый их всех превзошел.
 Польза для каждого в нем, но заслугу вы делите оба:
 Труд он закончил, а ты, пастырь, дал средства ему.
 Но от сердца всего он тебе свою часть уступает, —
 Все, что ни делает он, ставит в заслугу тебе.
 Просит теперь он, отец-благодетель, за труд свой награду:
 Чтобы ты этим для всех мил был, а он — для тебя.

242. ЭПИТАФИЯ НА МОГИЛЕ ИОАННЫ, НЕКОГДА ЖЕНЫ МОРА,
 ПРЕДНАЗНАЧАЮЩЕГО ЭТУ ЖЕ МОГИЛУ И ДЛЯ СЕБЯ
 И ДЛЯ СВОЕЙ ВТОРОЙ ЖЕНЫ АЛИЦИИ

Здесь Иоанна лежит, дорогая женушка Мора;
 Место Алиции здесь я назначаю и мне.
 Первая то мне дала, быв супругою в юные годы,
 Что называюсь отцом сына и трех дочерей.
 Детям вторая чужим (что случается с мачехой редко)
 Матерью стала родной больше, чем детям своим.
 С первою прожил я так, как с другою ныне живу я,
 И не могу я сказать, кто мне дороже из них.
 О если б вместе нам жить, если б жить нам втроем неразлучно,
 Если бы вера и рок это позволить могли!
 Но заклиною: пусть свяжет нас эта могила и небо!
 Знаю, нам смерть принесет то, чего жизнь не дала.

243. РАДУЮЩЕМУСЯ, ЧТО ОН ИЗБЕЖАЛ БУРИ

Польза какая, что ты ускользнул от свирепого моря?
 Радость, чтоб тщетной ее мне не назвать, коротка.

Брезжит такой же покой для больных лихорадкой, но грозно
 Снова приходит она через положенный срок.
 Сколько скорбей угрожает тебе на суше желанной,
 Сколько набросилось их средь бушевания волн!
 Смерть предваряя, разят иль оружие нас, иль недуги, —
 Горе любое из них смерти самой тяжелей.
 Тщетно! Избегнувший смерти средь волн разъяренного моря,
 Ты, и доспехи надев, козней не минешь ее.

244. НА НЕКОЕГО ТОЛСТОГО МОНАХА,
 У КОТОРОГО НА УСТАХ БЫЛО ПОСТОЯННО,
 ЧТО ЗНАНИЕ ДЕЛАЕТ НАПЫЩЕННЫМ

Павел-свидетель, твердишь ты, что знание всех раздувает,
 И избегаешь его. Чем же ты, отче, раздут?
 В чреве толщенном с трудом ты таскаешь желудок раздутый,
 И раздувает тебе глупость пустейшая ум.

245. НА ХЕЛОНА

Имя лентяя осла почему тебе так ненавистно?
 Именем этим — Хелон — звался философ-мудрец.
 Но не сочти, будто сам ты не различишь с ним совершенно:
 Тот золотым был, а ты, право, свинца тяжелей.
 Ум у того человечий остался и в шкуре ослиной,
 В теле людском у тебя ум пребывает осла.

246. О КОШКЕ И МЫШИ

Из мышеловки пока извлеченную мышь предлагаю
 Кошке, она не спешит алчно добычу пожрать.
 Пленницу в трепете держит она на земле посредине,
 С ней забавляться игрой рада на диво при всех.
 Машет хвостом и глазами, что в трепет бросают, взирает,
 Голову мыши, шая, мечет туда и сюда.
 Ошеломленную, лапой бодрит и, готовую к бегству,
 Снова хватает, — дает и преграждает ей путь.
 Лапой подбросив, затем ее пастью хватает, уходит,
 Ложно надежду дает на ненадежный побег.
 Но караулит и снова бегущую жадно хватает,
 И возвращает туда, где начинался побег.
 Хищная, снова отходит и с разумом истинно дивным
 Все над бедняжкой творит опыты эти свои.
 Делает это не раз и, беспечная, дальше отходит, —
 Мышь неожиданно щель видит и прячется в ней.

Кошка, опять подступив, понапрасно нору осаждает,
 Скрывшись в убежище, мышь там не страшится врага.
 Коль не убила ловушка, защитой тогда и спасеньем
 Сделалась кошка, что смерть часто являет собой.

247. НЕКТО ИЗЪЯВЛЯЕТ РАДОСТЬ,
 ЧТО ВНОВЬ ВСТРЕТИЛ НЕВРЕДИМОЙ ТУ,
 КОТОРУЮ НЕКОГДА ЛЮБИЛ ЕЩЕ СОВСЕМ ЮНЫМ

Ты и сегодня жива, с юных лет самого мне дороже,
 Снова пред взором моим, Елизавета, стойшь.
 Что за злодейка-судьба столько лет нас с тобой разлучала!
 Юным увидел тебя, вижу почти стариком.
 Лет мне четырежды было четыре, из них не хватало
 Двух или около двух лет той порою тебе,
 Взор твой похитил когда мое сердце любовью невинной,
 Взор, убежавший куда ныне с лица твоего?
 Некогда мне предстával мой возлюбленный облик, но ныне
¹⁰ Нет в этом лике того, чем отличался былой!
 Время, которое вечно завидует прелести нежной,
 Взяло тебя у тебя, взять у меня — не могло.
 Прелесть былая, столь часто мои привлекавшая взоры,
 Обликом ныне твоим душу пленяет мою.
 Слабый обычно огонь возрастает, коль есть дуновение,
 Будучи скрыт до того пеплом остывшим своим.
 Как бы ты ни была с той былою несхожа, тобою
 Пламень старый зажжен воспоминаньем живым.
 Вот уж тот день настает, что когда-то резвящейся девой
²⁰ Мне средь девичьих тебя дал хороводов узреть,
 С белою шеей тогда золотистые кудри сливались,
 Щеки равнялись снегам, розанам — губы твои,
 Два твоих светоча ясных все взоры мои полонили
 И через взгляды мои в сердце проникли мое,
 Сам я недвижим застыл, словно молнией ошеломленный,
 И перед взором твоим долго еще трепетал.
 Смех вызывала в ту пору у сверстников наших простая,
 Неискушенная столь, скрытая плохо любовь.
 Так меня лик твой увлек, — иль действительно самый прекрасный,
³⁰ Иль показался он мне лучшим, чем истинно был,
 Или причиной явился пушок моей юности ранней.
 И возмужалость тогда новый мне жар принесла,
 Или же некие звезды, единые нашим рожденьям,
 Силой своей вдохновить наши сумели сердца.
 Ведь и сестра твоя также открыла, болтливая, тайну,
 Предала, что у тебя сердце согрела любовь.

Дан и созвездьям самим с той поры охранитель мощнее, —
Дверь им преградой дана, если сойтись захотят.
Так, разлученных и шедших различными судеб путями,
⁴⁰ После бесчисленных зим день этот сводит теперь,
День, что счастливее редко в мои выпадает години,
Выдался благостным днем встречи счастливица с тобой.
Ты, кто безвинно когда-то все чувства мои захватила,
Ныне, опять без вины, так же все мне дорога.
Чистой была та любовь. И теперь, чтоб была не порочней,
Если не скромность сама — сам этот сделает день.
Добрых, однако, богов, после четверти века во здравье
Мне возвративших тебя, давших тебе и меня,
Я умоляю, чтоб вновь по прошествии четверти века
⁵⁰ Я, невредимый, тебя вновь невредимой нашел.

248. ТОМАС МОР МАРГАРИТЕ, ЕЛИЗАВЕТЕ, ЦЕЦИЛИИ
И ИОАННУ, СЛАДЧАЙШИМ ЧАДАМ,
ЖЕЛАЕТ НЕИЗМЕННО ЗДРАВСТВОВАТЬ

Пусть же посланье одно посетит четырех моих деток,
И невредимыми пусть отчий хранит их привет.
Мы же свершаем наш путь, и пока мы под ливнями мокнем,
Чаще в трясине пока вязнет измученный конь, —
Я сочиняю для вас эту песню свою и надеюсь
(Пусть не отделана) вам будет приятна она.
Собраны в ней подтверждения отцовского чувства — насколько
Пуще очей своих он любит поистине вас.
Ведь ни зыбучая почва, ни воздуха ярые вихри,
¹⁰ Конь исхудалый, что путь держит глубокой водой,
С вами не в силах его разлучить; где б он ни был, — докажет:
Не о себе, но о вас думает более он.
Ибо пока, наклонясь, конь ему угрожает паденьем,
Он, не тревожась о том, все сочиняет стихи.
Песни, что трудно у многих выходят из сердца пустого,
Отчая дарит любовь, чувств полнотой рождена.
Что же дивиться тому, если вас обнимаю от сердца
Полного я: кроме вас нет у меня никого.
Вместе провидец-природа родителя слила с потомством
²⁰ И Геркулеса узлом души связала у них.
Вот почему у меня и характера мягкого нежность,
Часто привыкшая вас греть на отцовской груди.
Вот почему пирогами привык вас кормить я и щедро
Яблоки спелые вам с грушами вместе давать.
Вот почему я привык одевать вас в одежды из шелка,
И никогда я не мог вашего плача снести.

Часто я вам раздавал поцелуи и редко побои,
 Но и при этом бичом хвост мне павлиний служил.
 Впрочем, и этакий бич применял я и робко, и мягко,
³⁰ Чтобы синяк не пятнал нежных седалищ у вас.
 Ах, не тот ведь отец называться достоин жестоким,
 Кто не рыдает, когда чадо рыдает его.
 Что бы свершили другие — не знаю, но вам-то известно,
 Сколь справедлив у меня, мягок поистине нрав.
 Ведь неизменно и крепко любил я свое порожденье,
 И (как и должно отцу) я снисходителен был.
 Ныне же эта любовь до такой разрослася громады,
 Что представляется мне, прежде я вас не любил.
 Нравы серьезные ваши в столь юные годы причиной,
⁴⁰ Также и ваши сердца, добрым искусством полны,
 И красноречие ваше в приятно отточенной речи, —
 Каждое слово у вас взвешено с точностью в ней.
 Все это сердце мое наполняет столь дивным волнением,
 Ныне с моими детьми крепко связуя меня,
 Что к порожденным любовь — лишь единая страсти причина, —
 Свойство многих отцов, пусть не коснется меня.
 Так, о дражайшее племя потомков моих, продолжайте
 Дружество ваше крепить с любящим вашим отцом.
 В доблестях этих такая откроется цель вам, что, право,
⁵⁰ Вот уже кажется мне: прежде я вас не любил.
 Это свершите (ведь можете вы) тех доблестей силой
 Так, чтоб казалось мне: вас я не просто люблю.

249. ПОЭТ ОПРАВДЫВАЕТСЯ В ТОМ,
 ЧТО, ПОКА ОН БЕСЕДОВАЛ С НЕКИМ ПРЕВОСХОДНЫМ КЛИРИКОМ,
 ОН НЕ ЗАМЕТИЛ ОДНОЙ БЛАГОРОДНОЙ ДАМЫ,
 ВОШЕДШЕЙ В ПОКОЙ И ДОВОЛЬНО ДОЛГО СТОЯВШЕЙ
 ПЕРЕД БЕСЕДУЮЩИМИ

Как-то твоя доброта, достоинь меня посещеньем,
 В хижину эту мою, пастырь великий, вошла.
 Ты между тем начинаешь со мною беседовать мило,
 Так, что пред ликом твоим был я — вниманье само.
 Тут, — но, ах, поздно об этом вчера лишь мне слуги сказали,
 А от события того минуло множество дней, —
 Дама вступает, и должно одежд величавость отметить,
 Выше одежд — красота, скромность — превыше красоты.
 В самый вступает покой, предо мною немалое время,
¹⁰ Остановившись, стоит, локтя касаясь локтем.
 Смотрит она на монеты, отборные, древней чеканки,
 Светлая, рада она светлым облициям их.

Благоволит и десерт со стола утонченный отведать,
 И от сладчайшего рта слаще еще аромат.
 Наши, однако, глаза не взирают на это светило,
 Больше я был неуклюж, чем неуклюжесть сама.
 Я извиняю теперь, что мне слуги о том не сказали:
 Кто бы хозяина мог счесть остолопом таким.
 Вы, о глаза, что привыкли смотреть далеко, принимая
²⁰ Блеск, колы от девы какой он, излучаясь, сиял!
 Или состарился я? Или в теле все чувства застыли?
 Или с утра у меня гений несчастливым был?
 Иль, чтоб не мог ничего, лишь тебя ощущать я, беседой
 Отнял своею меня ты у меня самого?
 Диких зверей покорил Орфей искусством и лирой, —
 Сам я покорен твоим медоточивым словам.
 Но эта прелесть твоя мне бедою большой угрожает, —
 Как бы она не сочла: ею тогда пренебрег.
 Чтобы стоявшей так близко, чужой и под взглядами сбоку,
³⁰ Не показалось, что я видел и, видя, презрел.
 Но пусть прежде земля подо мною разверзнется, жажду,
 Нежели в этой душе варварство дикое есть.
 Чтобы, когда, словно ветром несомая легким, проникнет
 Чистая нимфа опять в эти покои мои,
 Я бы, пожалуй, дерзнул (если большее надо отвергнуть)
 Средство найти, чтоб развлечь мне лучезарность ее.
 Как это жаль, если отнята речь! Ибо речи лишенный
 Все признает — отрицать не в состоянии он.
 Так как теперь у меня нет словесного галлов обилья,
⁴⁰ Что для моей госпожи служит родным языком,
 Всеми я был бы оправдан, но нет пред одним оправданья
 Мне судьей: виноват, дело свое проиграл.
 Тот, кто когда-то копья перенес эмонийского рану,
 От эмонийского вновь силу обрел остря.
 Так как бесчестие это твои породили рассказы
 Милые (у госпожи скрытно похитив меня),
 Это бесчестие снять и обязаны эти рассказы
 Также твои и меня вновь подружить с госпожой.

250. СТИХИ, ВЗЯТЫЕ ИЗ «АНТИМОРА» БРИКСИЯ,
 ПО ПОВОДУ КОТОРЫХ ШУТИТ
 СЛЕДУЮЩАЯ НИЖЕ ЭПИГРАММА

СТИХИ БРИКСИЯ

Возле ушей моих все, когда я сочинял, находились
 Фурии ярой толпой, выйдя из глубей земных.
 И Алект, и с главой, что священные змеи обвили,
 Здесь Тизифона, и лик страшный Мегеры самой.

МОР

Бриксий, когда услышал, что он многими здесь порицаем,
 Как ложь одну лишь пишуший,
 Чтобы порок этот мог устранить, говорить он собрался
 О том лишь, что увидено.
 Было бы то несомненным, что правду никто б не отвергнул,
 Хотя она и Бриксия.
 Вряд ли он что-то нашел, у кого и к себе-то доверье
 Вся лживость не ослабила.
 Но лишь едва он постиг и повсюду умом изощрился,
 Столь долго размышляющим, —
 Он лишь одно наконец — что все признают в один голос,
 Что всякой правды праведней, —
 Сам обнаружил, и пишет забавно забавнейший, будто
 Его венчали Фурии.

251. НА КОРАБЛЬ «КОРДЕЛЬЕР» И «ЛЕСА» «АНТИМОР»
 ГЕРМАНА БРИКСИЯ, ГАЛЛА

Бриксий, сей Герман, имеет свои и «леса», и корабль, —
 Мощью на суше богат, мощью на море богат.
 Силы и та, и другая что ведать дают ему? Глупость
 Тащится на корабле, множество Фурий в «лесах».

252. НА ЭТОТ ОДИННАДЦАТИСЛОЖНЫЙ, БОЛЕЕ ТОГО,
 ТРИНАДЦАТИСЛОЖНЫЙ СТИХ ГЕРМАНА БРИКСИЯ,
 ГАЛЛА, ИЗВЛЕЧЕННЫЙ ИЗ «АНТИМОРА»

Он с себя отряхнул и в лики двинул людям.

МОР

Ты, о размере забыв, столь обширные строки рождаешь,
 Коих и древле никто, ныне никто не творит.
 Часто и долго на это дивясь, я исследовать начал,
 Как это, Бриксий, тебе все совершить удалось.
 И наконец я постиг, что стихи не размером ты меряешь
 Или же стопами их: локти — вот мера твоя.

253. НА ТО ЖЕ САМОЕ

То, что у Германа там, где слогов одиннадцать надо,
 Сверх десяти еще три можно, читатель, найти,
 Я извиняю. Ведь он не настолько считать научился,
 Чтоб до одиннадцати правильно мог досчитать.
 Я не хочу, чтобы мне он иль звезды, иль волны исчислил,
 Или погрешности все в виршах (к тому же) своих.

Пусть бы исчислил пергамент за столько годов изведенный,
Если бы девять затем Муз он сумел перечесть,
Восемь конечностей Рака иль Нильского устья седмицу,
Книги у фаст перечесть, книги твои, о Назон,
Если бы страны он света иль Фебовых коней исчислил,
Фурий бы трех перечел, трижды безумней всех трех,
Если бы он (но хочу заручиться я верным залогом,
Если меня победят, сам я условие кладу),
Если б он сам сосчитать глаза свои мог (хоть их пара),
Дал бы один у себя глаз я ему проколоть.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

СТИХОТВОРЕНИЯ, ОПУЩЕННЫЕ В ИЗДАНИЯХ 1518 и 1520 ГГ.

1. НА РОК, С ГРЕЧЕСКОГО

Если влечешься, влеком, — и влекись, а рассердишься, сам же
И пострадаешь, тебя ж будет и влечь, и тащить.

2. НА ЯКОВА, КОРОЛЯ ШОТЛАНДЦЕВ

Генрих пока благочестный победным оружием от папы
Римского снова тебя, Галлия, освобождал,
Яков, шотландцев король, королевство британское занял,
Чести лишенный, тогда вражеским войском своим.
Не удержали его и скрепленные клятвами узы,
Даже на брата жены поднял оружие он;
Мало того, он к вере врагов перекинулся галльской,
Мало того, и Петра он бы ладью утопил.
Вовсе не диво, коль эти свершил он злодейства: ребенком
Кровью отца обагрил он уже руки свои.
Значит, велением бога погиб он, своих погубивший,
Тот, кто обычно привык быть совершителем зла.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

ЛАТИНСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ, ОТСУТСТВУЮЩИЕ
В «ЭПИГРАММАХ»

1. ПОЭТ

Если кому-то приятно смотреть на творенья искусства
И полагать, что на них истинных видишь людей,

Тот в состоянии так усладить правдивостью душу,
 Как услаждает глаза изображениями он.
 Ибо узрит он, сколь тщетны обманные блага людские;
 Быстро они не придут — быстро проходят они.
 Радости, честь и хвала — все поспешной уходят стопою,
 Но неизменен всегда к богу познавший любовь.
 Значит, о люди, теперь-то не верьте делам легковесным:
 Если в загоне добро, можно ль надежду питать.
 Только на бога, кто вечную жизнь нам дарует в награду,
 Сущего вечно, свои вы возложите мольбы.

2. ТОМАСА МОРА, КРАСНОРЕЧИВЕЙШЕГО ЮНОШИ, ЭПИГРАММА НА УЧЕНЫЕ ЗАНЯТИЯ ХОЛТА

Книжечка, что ты читаешь, — благое хищение Холта.
 Муж ты иль мальчик, — ее «млеком детей» назови.
 Думаю я, по заслугам столь сладкое имя имеет
 Книжка, что детям несет сладкое млеко наук.
 Юноши Англии, вы эту книжку читайте: к вершинам
 Пользы она вознесет, хоть эта книжка мала.
 Скромные все предписанья, что в книжке находятся малой,
 Вы прочитаете все, мало потративши дней.
 Холт же все это нашел, неустанным трудам предаваясь,
¹⁰ Это немного взяв из бесконечных томов.
 Он, неустанный, блуждал, обходя медоносное поле,
 Славно исполнил он долг мед приносящей пчелы.
 Все, что он там отыскал, — изобилье желанного меда —
 Все это в маленький он улей вот этот принес.
 Труд этот юноше англов пусть дверью грамматики станет
 Первой, в пути к остальной тем, кто желает войти.
 Двери построили раньше, чем эту, ученые люди,
 Но по-латыни на свой каждый трудился манер.
 Что тебе пользы в кладовой, коль дверь, что открыть невозможно,
²⁰ От превосходных тебя яств отделяет собой?
 Мальчик английский, что ты станешь делать с латинскою речью?
 В первый же день понимать ты ведь не можешь латынь.
 В возрасте нежном тебе возлежать под крылышком няни
 Надо, чужие слова в наших словах постигать.
 Дверь же к нашим словам и грамматике раньше воздвигли,
 Но, если правду сказать, старую явно была
 Дверь эта, сильно она расшаталась от частых ударов,
 И открывалась едва с тягостным скрипом она.
 Наша дверь и нова, и легка для племени юных, —
 Пальцем в нее постучи — вот и открыта она.

3. ЭПИГРАММА ТОМАСА МОРА

Радуйся, мальчик прекрасный, кто б ни был ты, книжечке малой
 Холта: обрадован ты этой усладой твоей.
 Он не дает тебе мяса, плодов земляничника также,
 Сладкие чаши тебе, льющие млеко, дает.
 Мяса тяжелая масса бессильно осядет в желудке,
 И земляничника плод не усладит — водянист.
 Млеко, однако, легко и малютку-питомца питает,
 И на устах у него сладостен вкус молока.
 Значит, ты им насыщен. Очевидно, что нежная печень
 Бремени тяжкого все ж переварить не могла б.
 Ныне, когда ты желаешь сосцов, мы напомним о пище:
 Сладкую слишком не ешь, крепче ты пищу прими.
 Значит, иль легким столом Сульпиция, милый, насыться,
 Или же Фоки себя яствами ты утоли.
 Иль Сепонтина Перотта ты новые мусты отведай,
 Или медовый кондит из Диомедовых чаш.
 Или другому кому ты б хотел подражать, — выбирай же
 Тех, кто умеет в себе с пользою сладость смешать.
 Но предпочтительно ты ухватись за Сульпиция опыт,
 Холта советами ты пользуйся или же — мной.
 Холт гетероклита ясно — что следует знать — объясняет
 В ней, — что включает в себя имя, а также и род.
 В ней ты сумеешь прочесть о конструкции правильной, после ж
 Время прошедшее взять, слитый с глаголом супин.
 И, неизменно прилежный, научишься ты напоследок
 Высшей красе, что стихи в метрах содержат своих.
 Значит, ты в хоровод вступила музический, юность,
 Через Сульпиция ты плектры и лиру возьмешь;
 Молви лишь: так как не мог Холт держать своей правой рукою
 Лиру, напомнил он мне о благодатных сосцах.

4. ТОМАСА МОРА НА «ПРОГИМНАСМАТА» ЛИНАКРА

Тот, кто ученого станет Линакра читать предписанья,
 Молвить захочет (коль он понял, прочтенное им):
 «После такого числа фолиантов грамматики эта
 Малая книжка не зря ныне увидела свет.
 Книга невелика. Но подобно сверкающей гемме
 В маленькой массе своей ценность большую несет».

5. СТИХИ НА ДИПТИХ, НА КОТОРОМ ПРЕВОСХОДНЫМ
 ХУДОЖНИКОМ КВИНТИНОМ ЭРАЗМ И ПЕТР ЭГИДИЙ
 БЫЛИ ИЗОБРАЖЕНЫ ВМЕСТЕ ТАК, ЧТО У ЭРАЗМА,
 НАЧИНАЮЩЕГО «ПАРАФРАЗ НА ПИСЬМО К РИМЛЯНАМ»,
 ИЗОБРАЖЕННЫЕ КНИГИ ИМЕЮТ ВПЕРЕДИ СВОИ ЗАГЛАВИЯ,
 А ПЕТР ДЕРЖИТ ПИСЬМО, НАПИСАННОЕ РУКОЮ САМОГО МОРА,
 КОТОРОЕ ХУДОЖНИК ВООБРАЗИЛ

Г О В О Р И Т К А Р Т И Н А

Точно такими друзьями, как некогда Поллукс и Кастор,
 Здесь я Эразма даю вместе с Эгидием вам.
 Тягостно Морю без них, ибо связан он с ними любовью
 Тесной такой, что иной, право, не ближе себе.
 Так от желанья вдали утешение есть, что их душу
 Буква являет любя, тело — являю сама.

С А М Г О В О Р Ю Я , М О Р

Тех, кого ты зришь, полагаю, знаешь
 Ты в лицо, как тех, кого видел прежде;
 Если ж меньше, то одного укажет
 Это вот письмо, а другого — имя,
 Чтоб ты сам узнал, — посмотри, 'он пишет,
 Хоть и сделал тот, что он здесь безмолвен:
 Смогут научить заголовки книжек —
 Их читают все, всюду в мире славных.
 О Квинтин, искусств обновитель древних,
 10 Апеллесу ты не уступишь, мастер,
 Можешь дивным ты сочетаньем красок
 Жизнь фигурам дать, не имевшим жизни.
 Почему с таким все изображенья
 Сделавши трудом, сих мужей великих,
 Коих редко век доставлял минувший,
 Коих наши дни — несравненно реже,
 Коих — не могу я сказать — узрим ли,
 Мило так тебе на дощечке хрупкой
 Начертать, кому надо б дать надежней
 20 Матерьял, чтоб мог он хранить их вечно?
 О как сможешь ты и своей тем славе,
 И желаньям всем услужить потомков!
 Ибо, коль века, что придут за нашим,
 Сохранят еще и к искусствам рвенье,
 И ужасный Марс не раздавит Мудрость, —
 Сколько даст тогда за нее потомство!

6. НА МОНАХА,
КОТОРЫЙ БЫЛ ПРОТИВ СРАВНЕНИЯ ДРУЗЕЙ С БРАТЬЯМИ

В немногих лишь стихах представить двух друзей
Больших, горя желанием,
Таких назвал бы я, как были некогда
Взаимно Кастор с Пóллуксом.
«С друзьями глупо братьев ты сравнил», — изрек
Сей братец, вздор болтаючи.
«А что, не так? — в ответ я. — Есть ли кто-нибудь,
Чем брат для брата родственней?»
Тот засмеялся над моим неведеньем, —
Ведь я не знаю явного.
«Есть дом у нас обширный, многолюдный дом,
В нем братьев двух сот более,
Но сгинуть мне, коль двух найдешь ты из двухсот
Друг другу братьев дружеских.»

7. СТИХИ МОРА — КАЛАМБУР ПО ПОВОДУ ЕГО ИМЕНИ

Медлишь ты, коль у тебя есть надежда продлить промедленье, —
Это глупец-морион, Мор, тебе может сказать.
Медлить ты перестань и на небе следить промедленье, —
Это глупец-морион, Мор, тебе может сказать.

ИСТОРИЯ РИЧАРДА III

ИСТОРИЯ КОРОЛЯ РИЧАРДА III

(неоконченная),

НАПИСАННАЯ ГОСПОДИНОМ ТОМАСОМ МОРОМ,
ОДНИМ ИЗ ПОМОЩНИКОВ ЛОНДОНСКОГО ШЕРИФА,
ОКОЛО 1513 ГОДА.

СОЧИНЕНИЕ ЭТО БЫЛО НАПЕЧАТАНО РАНЕЕ
В ХРОНИКЕ ХАРДИНГА И В ХРОНИКЕ ХОЛЛА,
НО С БОЛЬШИМИ НЕТОЧНОСТЯМИ ВО МНОГИХ МЕСТАХ —
ИНОГДА С УБАВЛЕНИЯМИ, ИНОГДА С ПРИБАВЛЕНИЯМИ,
С ПЕРЕМЕНЮ СЛОВ И ЦЕЛЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ,
ЧТО ВЕСЬМА ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ ЕГО СОБСТВЕННОРУЧНОЙ КОПИИ,
С КОТОРОЙ НАПЕЧАТАНА ЭТА КНИГА

Король Эдуард IV, жизни которого было 53 года, 7 месяцев и 6 дней¹, а царствованию 22 года, 1 месяц и 8 дней², скончался в Вестминстере 9 апреля в лето господне 1483-е, оставив весьма многочисленное потомство, а именно: Эдуарда, принца, от роду 13 лет; Ричарда, герцога Йорка, на 2 года моложе³; Елизавету⁴, которой впоследствии выпало на долю счастье быть королевою, супругой короля Генриха VII и матерью Генриха VIII *; Сесиль, не столь счастливую, как прекрасную; Бригитту, которая по достоинству той, чье имя она носила, приняла обет и жила для господина в Дертфорде, в обители монахинь-затворниц; Анну, которая впоследствии с честью вышла замуж за Томаса, лорда Говарда, ставшего позднее графом Серри⁵; и Катерину, которую долгое время судьба то бросала к счастью, то чаще к несчастью и которая наконец (если это конец, ибо она и поныне жива) по милости своего племянника, короля Генриха VIII, обретается ныне в благополучии, соответствующем ее рождению и достоинству.

Вышеназванный благородный правитель почил в Вестминстерском дворце ** и с пышными погребальными почестями, средь великого народного горя, был оттуда вынесен и доставлен в Виндзор⁶. И таков был этот государь⁷ в своем правлении и поведении в мирные времена (в военное же время сторона стороне поневоле враг), что никогда в этом краю не было другого правителя, с бою захватившего венец и после этого столь сердечно любимого народом; причем при кончине его любовь эта была больше, чем когда-либо при жизни, а после кончины и любовь и приверженность к нему сделались еще того сильнее вследствие жестокости, злодейств и смут последующего бурного времени.

* В латинской версии 1565 года (далее будем указывать только 1565) после этого слова добавлено: «королевою, известной своей красотой и талантами».

** В 1565 добавлено: «который расположен близ бенедиктинского монастыря в одной миле на запад от Лондона».

К тому времени, как он скончался, совсем уже утихло и улеглось негодование тех, кто питал к нему ненависть за низложение короля Генриха VI, потому что многие из злобствовавших уже умерли за двадцать с лишним лет его правления, немалый срок любой долгой жизни, а многие другие за это время сами оказались у него в милости, потому что он никогда никому в ней не отказывал. Он был добрым человеком и держался очень царственно, сердцем — смел, рассудителен — в совете, никогда не падал духом при несчастьи, при успехе скорее бывал радостен, чем горд, во время мира — справедлив и милостив, в годину войн — жесток и беспощаден, на поле брани — отважен и смел, перед опасностями — дерзок, однако же не сверх разума. Кто внимательно рассмотрит его войны, тот не меньше подивится его благоразумию при неудачах, чем доблести в победах. Лицом он был красив, телом складен, крепок и силен, хотя в последние дни своей жизни немного потучнел и обрюзг от неумеренности в еде* и не менее того от великого смолоду пристрастия к плотской похоти: кто телом здоров и благополучием цветущ, того от такой беды едва ли сохранишь без особой на то милости. Но эта страсть не очень отягчала народ, ибо не может наслаждение одного человека пробудить и вызвать неудовольствие в столь многих; к тому же это совершалось без насилия**, а в последние дни эта страсть и вовсе уменьшилась и совершенно оставила его.

К концу его дней королевство пребывало в покое и процветании: ни враг не страшил, ни война не велась и не предвиделась, разве что никем не ожидаемая; а народ к государю питал не вынужденный страх, а добровольное и любовное послушание. Общины между собой жили в добром мире, а лордов, чьи раздоры были ему ведомы, он сам помирил на своем смертном одре. Он отказался от всех денежных поборов (а поборы — единственная вещь, которая удаляет сердца англичан от их короля), ибо обложил в свое время данью Францию⁸; и он ни на что не посягал, что бы вновь могло его к этому принудить; а за год до своей кончины он завоевал Бервик⁹. Во все время своего правления был он так милостив, учтив и внимателен к людям, что ни одно из его достоинств не было людям милей; и даже под конец его дней (когда многие государи, закоснев в долговременном всевластии, оставляют прежнее свое любезное поведение и впадают в гордыню) эти качества продолжали в нем удивительным образом расти и усиливаться. Так, в последнее лето, которое ему довелось видеть, его величество, находясь на охоте в Виндзоре, послал за мэром и олдерменами Лондона — не для какого-либо поручения, но лишь для того, чтобы поохотиться и повеселиться с ними, а принял он их здесь не с величавостью, но с таким дружелюбием и радушием, и оленину с той охоты послал в город с такою щедростью, что никакой другой поступок за многие прежние дни не принес ему так много сердечного расположения среди простого люда, который часто дороже ценит и выше ставит малую учти-вость, чем большую выгоду.

* В 1565 добавлено: «и снисходительности к телу».

** В 1565 добавлено: «у него было в обычае либо получать за деньги то, что ему хотелось, либо добиваться этого посредством убедительных просьб».

Так почил (как мною сказано) этот благородный государь в то самое время, когда жизнь его была всего желаннее. И народная к нему любовь и бесконечная преданность явились бы дивной твердыней и надежной броней для его благородных сыновей (в которых столько было королевских доблестей, столько даров природы, столько добрых склонностей, сколько мог вместить их юный возраст), если бы распри и раздоры друзей не оставили их одинокими и безоружными, а проклятая жажда власти не принесла бы им гибель от руки того, кто сам был должен стать их главным защитником *, будь в нем хоть немного родственного чувства или доброты. Ибо не кто иной, как Ричард, герцог Глостер, по крови их дядя, по должности их протектор, обязанный их отцу, связанный с ними самими присягой и вассальной зависимостью, порвал все узы, связующие человека с человеком, попрал законы мирские и божеские и решился вопреки естеству лишить их не только сана, но даже жизни. И вот поскольку действия названного герцога и составят истинный предмет этой книги, то нелишним будет, прежде чем мы пойдем дальше, пояснить вам, каков был этот человек, в сердце своем сумевший зародить столь ужасное злодеяние.

Ричард, герцог Йорк, муж благородный и могущественный, некогда начал не войной, а законным путем добиваться короны, заявив о своем требовании в парламенте. По закону ли, по расположению ли к нему **, но иск его был так хорошо принят, что отпрыск короля Генриха (хоть был он хорошим принцем) был совершенно отстранен от наследования, корона же властью парламента *** передавалась в вечное владение герцогу Йорку и его мужскому потомству немедленно после смерти короля Генриха ¹⁰. Но герцог не собирался так долго ждать, а вознамерился под предлогом распри и споров, происходивших в королевстве, предвратить события и захватить власть при жизни короля Генриха, однако был со многими дворянами королевства убит при Уэйкфилде, оставив троих сыновей — Эдуарда, Георга и Ричарда. Все трое рождены были в великой знатности и потому обладали великой гордыней, властолюбием и жаждой славы, не терпя никаких соперников. Эдуард, мстя за смерть отца, сверг короля Генриха и присвоил себе корону. Георг, герцог Кларенс, принц добрый и благородный, был бы счастлив во всех отношениях, если бы собственное честолюбие не толкнуло его на борьбу с братом, а козни его врагов не воспользовались братом против него ¹¹. Случилось ли это по вине королевы ¹² и лордов ее крови, которые люто ненавидели родственников короля (ибо ведь женщины обычно не по злобе, но по природе своей ненавидят тех, кого любят их мужья), или же вследствие заносчивых посягательств самого герцога, вознамерившегося стать королем, — как бы то ни было, он был обвинен в государственной измене и, виновный или невинный, был в конце

* В 1565 добавлено: «должен был бы собственным телом заслонить их от врагов».

** В 1565 добавлено: «поскольку король был скорее невинен, чем мудр».

*** В 1565 добавлено: «чья власть в Англии является безусловной и окончательной».

концов объявлен виновным в парламенте и осужден на смерть, а затем поспешно утоплен в бочке мальвазийского вина*. И хотя король Эдуард сам отдал приказ совершить эту казнь, но когда он узнал о его смерти, то жалостно оплакивал ее и горько раскаивался.

Третий сын, Ричард, о котором сейчас мы поведем речь, был умом и духом равен каждому из них, но в телесной мощи и доблести далеко уступал им обоим: мал ростом, дурно сложен, с горбом на спине, левое плечо намного выше правого, неприятный лицом¹³ — весь таков, что иные вельможи обзывали его хищником, а прочие и того хуже. Он был злобен, гневлив, завистлив с самого своего рождения и даже раньше. Сообщают как заведомую истину, что герцогиня, его мать, так мучилась им в родах, что не смогла разрешиться без помощи ножа, и он вышел на свет ногами вперед** (тогда как обычно бывает наоборот) и даже будто бы с зубами во рту. Так гласит молва; то ли это люди по злобе своей говорят лишнее, то ли само естество изменило свое течение при рождении того, кто в течение жизни совершил столь многое против естества.

На войне он был весьма недурным военачальником, ибо к ней он был куда более расположен, нежели к миру. Часто он побеждал, иногда терпел поражения, но никогда из-за недостатка личного мужества или рассудительности***. Говорили, что он легко тратит деньги и порой не по возможностям щедр: богатыми дарами он приобретал себе непрочную дружбу, но ради этого был вынужден разбойничать и грабить в других местах, навлекая прочную ненависть. Он был скрытен и замкнут, искусный лицемер****, со смирением в лице и высокомерием в сердце: внешне льстивый перед теми, кого внутренне ненавидел, он не упускал случая поцеловать того, кого думал убить; был жесток и безжалостен, не всегда по злой воле, но чаще из-за честолюбия и ради сохранения или умножения своего имущества.

К друзьям и врагам относился он с равным безразличием; если это вело к его выгоде, он не останавливался перед убийством любого человека, чья жизнь стояла на пути к его цели. Люди упорно говорят, что он собственными руками¹⁴ убил заключенного в Тауэре короля Генриха VI*****, причем даже без приказа и ведома короля, который, несомненно, решившись на такое, поручил бы это палаческое дело кому-либо другому, а не

* 1565 иначе излагает этот факт: «парламент в полном составе присудил ему суровейшую казнь. Но король смягчил этот приговор и позволил ему умереть самой легкой смертью: его окунули головой в бочку с критским вином, и тогда, не в силах дышать, он испустил дух».

** В 1565 добавлено: «подобно тому, как был рожден Агриппа».

*** В 1565 эта мысль изложена иначе: «даже его соперники не приписывали это неспособности или трусости с его стороны».

**** 1565 более пространен: «Он никогда не доверял никому своих планов, кроме тех, в ком нуждался для их выполнения; но даже им он не открывался ни раньше, ни больше, чем требовало дело. Любую роль мог он принимать, играть и старательно выдерживать: веселье, суровость, важность, распущенность принимал он на себя и хранил по мере надобности».

***** В 1565 добавлено: «после того, как он был лишен власти», «злобно погрузив кинжал ему под ребро, он пронзил его и зарезал».

родному брату*. Некоторые разумные люди полагают также, что без его тайного содействия¹⁵ не приключилась бы и смерть его брата Кларенса**: хотя он и выступал открыто против нее, однако же (как люди отметили) далеко не так настойчиво, как если бы сердечно о нем заботился. И они, которые это думают, полагают также, что еще при жизни короля Эдуарда он замыслил, что сам будет королем в том случае, если королю, его брату (чья жизнь, он видел, должна укоротиться от недоброго питания), случится умереть, оставив детей малолетними (как это в действительности и произошло). Оттого-то, полагают они, и был он рад смерти своего брата, герцога Кларенса, чья жизнь неизбежно должна была помешать его намерениям в обоих случаях: сохранил бы герцог Кларенс верность своему племяннику, юному королю, или попытался бы сам стать государем. Все же твердой уверенности в этом нет, а кто в своих подозрениях опирается лишь на догадки, тот легко может угадать невпазд, а в перелет или в недолет. Как бы то ни было, я по достоверным сведениям узнал, что в ту самую ночь, когда умер король Эдуард, некий Мистлбрук еще до рассвета прибежал к дому некоего Поттиера¹⁶, что на Ред-Кросс-Стрит¹⁷ за Крепл-Гэйт, и когда на частый стук его быстро впустили, то он сообщил Поттиеру, что король Эдуард почил***. «Клянусь честью, приятель, — сказал на это Поттиер, — теперь мой господин, герцог Глостер, будет королем!» По какой причине он так думал — то ли он по своей близости к герцогу что-то знал о таком его замысле, то ли еще почему-нибудь возымел такое подозрение, — это едва ли возможно решить****, так как более он не хотел говорить об этом ни слова.

Вернемся, однако, к ходу нашей истории. Давно ли герцог Глостер предвидел такой исход, впервые ли он возымел теперь такую мысль и надежду, видя, как малы еще принцы, его племянники (ибо ведь скорая возможность и вероятность побуждают человека посягать даже на то, о чем он и помышлять не смел), — заведомо известно лишь то, что он задумал их погубить и захватить королевскую власть. И поскольку он хорошо знал и сам помогал разжигать***** давнюю вражду и пылкую ненависть между родней королевы и семьей короля, завидовавших могуществу друг друга, то теперь он думал, что раздоры их послужат хорошим началом для выполнения его замысла и надежным основанием для всей

* В 1565 добавлено: «которого он, быть может, считал выгоднее держать в своих руках живым».

** В 1565 подробнее: «Хотя он выступал и возражал против этого открыто, но если вникнуть в дело, то кажется, что протестовал он слабее, чем человек, серьезно взявшийся защищать родного брата».

*** В 1565 добавлено: «Услышав весть, Поттиер едва не подпрыгнул от радости».

**** В 1565 добавлено: «Я помню, что узнал об этом разговоре от человека, который сам слышал собеседников и сообщил об этом моему отцу еще тогда, когда никаких подозрений об измене Ричарда не возникало».

***** В 1565 пространнее: «которую он старательно поддерживал, поскольку это было ему выгодно».

его постройки (как оно и случилось на самом деле), если только он сперва сумеет под предлогом мести за старые обиды усилить злобу и непримиримость каждой стороны на погибель другой стороне и затем привлечет на свою сторону всех, кого сможет, а кого не сможет привлечь, тех погубит раньше, чем они спохватятся*. Но знал он твердо еще и другое: если его замыслы окажутся раскрытыми, мир между обеими партиями будет быстро установлен ценой его крови.

Пока жив был король Эдуард, эти распри между его друзьями порой досаждали ему, но, находясь в добром здравии, Эдуард мало обращал внимания на них; что бы ни происходило между двумя партиями, он всегда (так он думал) сам сумел бы с ними управиться. Но во время своей последней болезни¹⁸, когда он почувствовал, что жизненные силы в нем иссякли и надежды на выздоровление нет**, он начал размышлять о юном возрасте своих детей. И хотя ничего подобного тому, что произошло, он не предчувствовал, однако он ясно видел, как много зла может случиться из-за придворных раздоров, если дети его по молодости лет и сами будут неосмотрительны, и доброго совета друзей лишены***, ибо каждая партия станет в своих советах искать лишь собственной выгоды, чтобы скорее вкрасься в милость угодливую подсказкою, чем оказать принцам услугу полезным предложением. Поэтому**** он призвал к себе некоторых из тех, которые были в споре¹⁹, и прежде всего лорда-маркиза Дорсета²⁰, сына королевы от первого мужа, и Ричарда, лорда Гастингса²¹, барона и тогдашнего лорда-чемберлена, которого королева особенно ненавидела за то, что он был в великой милости у короля, а также подозревая, что он был тайным поверенным короля в его любовных похождениях. Ее родня тоже его не терпела как за то, что король назначил его капитаном Калэ (а эту должность требовал от короля лорд Риверс, брат королевы²², ссылаясь на его давнее обещание), так и за другие богатые дары, которые они искали, а он перехватил. И вот когда эти лорды вместе с другими из обеих партий явились перед ним, то король приподнялся и, опершись на подушки, обратился, говорят, к ним с такими словами:

«Милорды, любезные мои родственники и друзья! В каком бедственном состоянии лежу я здесь, вы это видите, а я чувствую. Поэтому чем меньше времени осталось мне прожить с вами, тем больше тревожусь я о том, в каком взаимном расположении я вас оставляю, — ибо какими я вас оставляю, такими же мои дети вас найдут. Так, если они (избави бог)

* 1565 излагает эту мысль лучше: «затем он мало-помалу в удобное время привлечет на свою сторону тех, кто останется; если же он столкнется с неподатливыми, то сокрушит их посредством обмана раньше, чем они заподозрят дурное».

** В 1565 добавлено: «и когда доктора потеряли всякую надежду на спасение».

*** В 1565 добавлено: «посредством которого (совета друзей) только и возможно было их поддержать; если же друзья будут разделены между собой разногласиями и враждой, то заботиться они будут только о своих партиях и интересах, а на то, что на самом деле нужно, не найдется у них ни дум, ни забот».

**** В 1565 добавлено: «думая об этих и подобных вещах».

найдут вас в распри, то может случиться *, что они окажутся ввергнуты в войну ранее, чем собственный их разум поможет им держать вас в мире. Вы видите юный их возраст; единственную его опору полагаю я в вашем согласии. Много ли пользы, что вы все любите их, коль скоро каждый из вас ненавидит другого? Будь они уже мужчинами, быть может, им было бы довольно и вашей верности; но детство должно быть поддержано мужской заботой, а нетвердая юность должна опираться на совет старшего, — а это они могут получить лишь от вас, а вы это можете им дать, лишь обретя согласие. Ибо где каждый старается разрушить то, что делает другой, где из ненависти друг к другу все оспаривают мнения друг друга, там долго придется ждать, чтобы прийти к любому разумному решению. И пока каждая партия рвется к первенству, там будет больше лести, чем советов верных и прямых **; а неизбежным следствием этого будет дурное воспитание правителя, ум которого, смолоду развращенный ***, легко впадет в злодейство и беззаконие, и тем приведет себя и все королевство к гибели, если только милость господня не обратит его на путь мудрости. Если же умудрит его бог, тогда те, кто прежде умел угрождать ему дурными средствами, окажутся дальше всего от почета, ибо всегда в конце концов дурные умыслы ни к чему не ведут, а лишь пути прямые и добрые сулят торжество.

Долгое время между вами жила вражда, не всегда по важным причинам. Иногда намерения, направленные на благо, неверное наше понимание обращает во зло; порой малую обиду, причиненную нам, раздувает в большую либо собственное наше самолюбие, либо злые людские языки. Мне же ведомо одно: никогда у вас не было столько причин для ненависти, сколько есть для любви. Что все мы люди, что все мы христиане, об этом пусть говорят вам проповедники (хоть и думается мне, что больше любых проповедных слов должны бы вас тронуть слова человека, который вот уже отходит в те места, о которых и гласят эти проповеди). Я же лишь хочу вам напомнить, что одни из вас — мои родственники, а другие — мои свойственники и что каждый из вас связан с другим либо кровным родством, либо брачным свойством; духовное же родство, приобретаемое через брак, если таинства христовой церкви действительно имеют ту силу, какую они имеют по воле божьей, должно не в меньшей степени побуждать нас к любви, чем кровные узы. Господь запрещает вам враждовать из-за того, из-за чего должны вы, напротив, еще более любить друг друга. Но что случилось, то случилось: нигде мы не найдем столь жестоких разногласий, как среди тех, кто и по природе, и по закону должен действовать заодно. Гордыня и жажда суетной славы и власти — вот та ядовитая змея, которая, раз проникнув в вельможные сердца, внедряется в них

* В 1565 добавлено: «и они сами примкнул к вашим партиям и затеют между собою новые распри».

** В 1565 добавлено: «так как добрые советы не могут быть даны без вашего взаимного согласия».

*** В 1565 добавлено: «дурной лестью».

до тех пор, пока разобщением и рознью не сокрушит всего, что есть: ибо каждый стремится быть сначала вторым после первого, потом — равным первому и наконец — главным и выше первого. А от этого неумеренного стремления к почету и от вызываемых им споров и разногласий — какие потери, какое горе, какие смуты недавно лишь царили в нашем королевстве! Я молю господа бога, чтобы он настолько же забыл о них, насколько мы о них будем помнить.

Если бы сумел я предвидеть эти события прежде, чем довелось мне их самому испытать, скорей на горе мое, чем на радость, то, клянусь пречистой божьей матерью (так он всегда клялся), я бы никогда не стал рубить столько голов, чтобы поставить перед собой на колени столько людей. Но поскольку прошедшего не вернуть, нам следует тем более остерегаться, как бы причина стольких наших бед не стала для нас причиною новых бед. Благодарение богу, что сейчас невзгоды прошли и все спокойно, и благотворный этот мир может процветать и далее при ваших кузенах, моих сыновьях, если бог даст им жизнь, а вы свою любовь. Если же не суждено сбиться и тому, и другому, то меньшею потерей будут дети мои — ибо, коли будет на то божья милость, королевство всегда бы нашло королей, и даже, быть может, не хуже, чем они; если же они будут царствовать, а вы при них затеете усобицу, то много погибнет добрых людей, а меж ними, быть может, и ты, и он, прежде чем земля эта вновь обретет спокойствие*.

Поэтому вот мои, как видно, последние слова, с которыми обращаюсь я к вам: я убеждаю вас и требую от вас всех ради вашей ко мне любви, ради моей к вам любви, ради господней к нам любви: с этого часа впредь забудьте о всех обидах и любите друг друга. Я твердо верю: вы сделаете это, если здесь, на земле, вам хоть что-нибудь дорого — бог или ваш король, родство или свойство, отечество или собственная ваша безопасность».

И с этими словами король, не имея более сил сидеть, опустился на правый бок лицом к ним, и не было там никого, кто бы мог удержаться от слез. Но лорды ободрили его, как сумели, добрыми словами и ответили тотчас, что они готовы поступить, как ему угодно; и затем на глазах у него они простили друг друга и соединили руки вместе (как это явствовало по их словам), однако сердца их оставались друг другу далеки и чужды (как это позднее стало явно по их делам).

Как только король испустил дух, благородный принц, его сын, направился к Лондону** из Ладлоу в Уэльсе²³, где в дни болезни отца держал он свой двор. Дело в том, что этот край, далекий от закона и надлежащего правосудия, начинал развращаться и дичать: даже разбойники и грабители там безнаказанно разгуливали на свободе. По этой причине еще при жизни отца принц был послан туда, чтобы своим присутствием обуз-

* 1565 излагает эту мысль иначе: «прежде чем народ, истерзанный усобицами, вновь вернется к миру и согласию».

** В 1565 добавлено: «королевскому городу».

дать злонамеренных лиц в их привычных злодеяниях. Для наставления и наблюдения при юном принце перед отправлением его был поставлен сэр Энтони Вудвиль, лорд Риверс, брат королевы, весьма почтенный человек, доблестный в бою и мудрый в совете²⁴; а при нем находились и другие лица из той же партии, так что по существу в окружении принца оказались все ближайшие родственники королевы.

Этот план, хитроумно выдуманный королевою, чтобы укрепить свою родню в милости у принца с молодых его лет, и послужил для герцога Глостера орудием к их сокрушению и основой всех его злоустроений. Всех, о ком он знал, что с этими лицами они во вражде, а к нему благорасположены, он либо устно, либо письменно через тайных гонцов стал убеждать, что неразумно и неосновательно было бы терпеть, чтобы юный король, их господин и родственник, был в руках и под охраной своей материнской родни, удаленный тем самым от их общества и забот, — хотя каждый из них обязан столь же верно служить ему, как и те, и хотя многие из них гораздо знатнее по крови, чем его материнская родня, чья кровь (говорил он), не будь на то королевской прихоти, была бы вовсе недостойна сочетаться с кровью короля. «И если теперь достойнейшие удалены от короля, а менее благородные оставлены при нем, то это (говорил он) не к чести ни его величеству, ни нам: для его милости небезопасно быть вдали от сильнейших своих друзей, а для нас весьма рискованно позволять заведомым нашим недоброжелателям безмерно увеличивать влияние свое на юного принца, пока он легковверен и податлив. Я уверен, что вы помните (говорил он), как сам король Эдуард, человек и взрослый, и разумный, тем не менее во многих делах позволял этой банде управлять собою в большей степени, чем то служило его чести, нашей выгоде или чьей угодно пользе, кроме разве непомерного их возвышения. И трудно сказать, чего они более жаждут: собственного успеха или нашей гибели. Так что не будь королю дружба некоторых из нас ближе лютого родства, они давно уже, вероятно, могли бы нас легко опутать и погубить так же легко, как уже погубили они некоторых других, не менее близких королю по крови, нежели мы. Но господь проявил свою волю, по милости его опасность пока миновала. Однако она вырастет еще больше, если мы оставим юного короля в руках наших врагов, которые без его ведома смогут злоупотребить его именем, приказав расправиться с любым из нас, чего да не допустят бог и разумная ваша бдительность. Разумная эта бдительность всем нам теперь нужнее всего, поскольку недавнее соглашение скорее было заключено в угоду королю, чем по желанию сторон. Никто из нас, я думаю, не настолько глуп, чтобы опрометчиво поверить, будто старый враг сразу стал новым другом или будто ненадежная доброжелательность, торопливо налаженная за один час и живущая не больше двух недель, могла глубже проникнуть в их сознание, чем давняя привычная злоба, укоренявшаяся в течение многих лет».

Таковыми и другими подобными речами и письмами герцог Глостер скоро сумел раздуть огонь в тех, кто и сам уже горел, особенно же в двоих — в Эдуарде, герцоге Бэкингеме²⁵, и в Ричарде, лорде Гастингсе и ко-

ролевском чемберлене²⁶. Оба были мужи видные и могущественные, один вследствие древней своей родословной, а другой благодаря своей должности и милости короля. Было в них не столько взаимной любви, сколько ненависти к приверженцам королевы: оба были согласны с герцогом Глостером в том, что надлежит совершенно удалить из королевской свиты всех друзей его матери, представивши их врагами. Так и было решено.

Так как герцог Глостер понимал, что лорды, окружавшие короля, вознамерятся привезти его на коронацию в сопровождении такого толпища своих приверженцев, что едва ли ему удастся достичь своей цели, не собравши множества народа и не начав открытую войну, — а в такой войне победа, полагал он, будет сомнительной, да и все предприятие представится и прослышет простым мятежом, поскольку король будет на стороне противников, — то по этой причине он тайным образом постарался разными средствами убедить королеву и внушить ей, будто большая свита для короля вовсе не нужна и даже опасна. Поскольку отныне все лорды возлюбили друг друга и ни о чем не помышляют, кроме как о коронации и о служении королю, то если сейчас лорды ее рода соберут королевским именем много людей, это внушит лордам, еще недавно с ними враждовавшим, страх и подозрение, что народ этот собран не для охраны короля, которому ни один человек не угрожает, а единственно для того, чтобы их уничтожить, потому что лучше помнятся давние распри, чем недавнее соглашение. По этой причине и они со своей стороны тоже должны будут собирать людей для своей охраны, а королеве неизвестно, что сил у них много больше. И таким образом все королевство окажется охвачено смутой; а за все то зло, и, должно быть, немалое, которое за этим воспоследует, величайший позор постигнет тех, кого позорить ей вовсе не хочется: все начнут обвинять и ее, и ее родственников, будто они вероломно и по-глупому нарушили дружбу и мир, которые король, ее супруг, так разумно положил, умирая, меж своей и ее роднею и которые противною стороною верно блюлись.

Королева, поддавшись на эти увещания²⁷, послала своему сыну и сопровождавшему его брату соответствующее послание; да и сам герцог Глостер и другие лорды его группы писали королю так почтительно, а друзьям королевы так дружелюбно, что те, не подозревая ничего низкого, торопливо, но неспешно повезли короля в Лондон, сопровождаемого лишь малым отрядом.

И вот едва только в своем пути король отбыл из Нортгемптона, как тотчас туда прибыли герцоги Глостер и Бэкингем. Там еще оставался дядя короля лорд Риверс, намереваясь утром следовать за королем, чтобы догнать его через 11 миль в Стони Стаффорд, раньше чем тот направится далее²⁸. Вечером герцоги устроили долгий и дружеский пир с лордом Риверсом²⁹. Однако тотчас после того, как они открыто и весьма любезно распрощались и лорд Риверс отправился к себе, герцоги с немногими из наиболее доверенных друзей уединились на совет, который продлился до поздней ночи. А встав на заре, они тайно послали за своими слугами, расположившимися поблизости в гостиницах и на квар-

тирах, с приказом быстро приготовиться, потому что господа уже готовы в путь *. Благодаря этому приказу многие их люди оказались наготове, тогда как большинство слуг лорда Риверса еще не собрались. Затем герцоги поставили стражу к ключам от гостиницы, чтобы никто не мог оттуда выйти без их дозволения; кроме того, на большой дороге к Стони Стаффорд, где остановился король, они расставили своих людей, которые должны были задерживать и возвращать всякого, кто направлялся из Нортгемптона в Стони Стаффорд, пока не последует нового распоряжения. Это делалось якобы потому, что герцоги намеревались показать свое усердие, первыми явившись в этот день к его величеству из Нортгемптона, — так объявили они людям.

Когда лорд Риверс узнал, что ворота заперты, все пути отрезаны и ни ему, ни его людям не позволено выходить, он сразу понял, что такое важное дело не началось бы по пустякам и без его ведома, а сравнив такое поведение герцогов со вчерашним пиром, он был поражен столь удивительной переменой за столь немногие часы. Как бы то ни было, поскольку выйти он не мог, а сидеть взаперти не хотел, дабы не показалось, будто он скрывается, чувствуя тайный страх за какой-либо свой проступок (а он ничего подобного за собой не знал), то он решил, полагаясь на чистую совесть, смело выйти к герцогам и спросить, что все это значит. Но те, едва его увидев, тотчас стали осыпать его попреками, утверждая **, будто он собирается отдалить их от короля и потом погубить, но ему это будет не под силу. Когда же он начал пристойным образом оправдываться *** (а был он человеком, умевшим убедительно говорить), то они не дождалась конца его ответа, а тут же схватили его и заключили под стражу. Сделав так, герцоги тотчас вскочили на коней и направились к Стони Стаффорд.

Здесь они нашли короля и его свиту готовыми сесть на коней и двигаться дальше, а ночлег оставить для них, поскольку дом был мал для двух отрядов. И вот как только герцоги появились перед королем, они тотчас

* 1565 дает иную версию событий: «На пути короля лежал город Гемптон, который, хотя был расположен почти посредине королевства, тем не менее называется Нортгемптон (т. е. Северный Гемптон) в отличие от другого города, который лежит на южном берегу. В тот самый день, когда король покинул этот город, герцоги Глостер и Бэкингем вошли в него. Случилось так, что Вудвиль, брат королевы, о котором мы уже говорили, задержался там же, намереваясь следующим утром отправиться к Стаффорду, где король проводил эту ночь. Поэтому Вудвиль учтиво вышел из Гемптона, чтобы встретить герцогов, и они приветствовали друг друга самым дружельным образом. Проведя за разговором и пиром достаточное время, Вудвиль был отпущен и пошел спать, польщенный милостью герцогов, исполнившись великих надежд, счастливый и успокоенный. Но герцоги, у которых на уме было совсем не то, что выражалось на лицах, приказали всем удалиться, кроме сэра Ричарда Рэтклифа и других ближайших участников их замысла, и, усевшись с ними подле стола, всю ночь напролет обсуждали свои планы. Когда же наконец они поднялись, то послали разбудить без шума своих спутников, чтобы они были наготове, так как сами они уже садятся на коней».

** В 1565 добавлено: «что он возбуждает распри между вельможами».

*** 1565 начинает фразу по-другому: «Удивленный такими словами и пытаясь себя оправдать», но замечание о его красноречии опущено.

спешили со всею свитой*; герцог Бэкингем сказал: «Идите вперед, джентльмены и йомены, займите ваши комнаты!» — а затем герцоги достойным образом подошли к королю и приветствовали его милость почтительнейшим коленопреклонением. Король их принял любезно и радостно, ничего еще не зная и не подозревая. А они тотчас затеяли ссору с лордом Ричардом Греем³⁰, одним из сводных братьев короля по матери, утверждая, будто он с лордом-маркизом, своим братом, и лордом Риверсом, своим дядей, замышляли подчинить себе короля и королевство, перессорить дворянство, подавить и искоренить знатнейшие роды в стране. Именно ради этого, говорили они, лорд-маркиз ворвался в лондонский Тауэр** и увез оттуда королевскую казну, а моряков выслал в море*** (между тем они хорошо знали³¹, что все это было сделано на благо и по необходимости, как решил весь лондонский совет, кроме разве что их самих)****. На эти слова король***** ответил: «Что сделал мой брат-маркиз в Лондоне, я сказать не могу*****; но о дяде моем Риверсе и об этом моем брате, присутствующем здесь*****, я по чистой совести решаю утверждать, что они ни в чем подобном не виновны». — «Да, мой сеньор, — сказал герцог Бэкингем*****, — они отлично умели скрывать свое участие в таких делах от вашей милости!» И тотчас на глазах у короля они взяли под стражу лорда Ричарда и сэра Томаса Вогена³², рыцаря*****, а короля со всеми спутниками доставили назад в Нортгемптон.

В Нортгемптоне они вновь стали совещаться. Они отослали от короля тех, кто был угоден ему, и приставили к нему новых слуг — таких, которые были милее им, чем ему. При виде этого король заплакал, выражая свое несогласие, но все оказалось бесполезным. Во время обеда герцог Глостер послал лорду Риверсу блюдо со своего стола, убеждая его не печалиться, потому что все обойдется благополучно*****, а тот поблагодарил герцога и просил слугу отнести это блюдо его племяннику лорду Ричарду, ободрив его теми же словами, — он полагал, что племяннику такая под-

* В 1565 добавлены важные детали: «Сойдя с коней, предшествуемые длинным строем слуг, они приблизились к королю, и здесь слуги встали двумя рядами, а герцоги прошли по проходу между ними».

** В 1565 добавлено: «как только умер король».

*** В 1565 детальнее: «и истратил королевскую казну на жалованье солдатам, которых он (Дорсет) послал во флот, чтобы усилить этим свою партию».

**** В 1565 точнее: «герцоги клеветнически извратили это дело, чтобы им было на что ссылаться».

***** В 1565 добавлено: «опередив Грея, который приготовился говорить».

***** В 1565 добавлено: «поскольку его нет с нами, хотя я надеюсь, что ничего злого».

***** В 1565 добавлено: «которые никогда не отлучались от меня надолго».

***** В 1565: «сказал герцог Глостер».

***** В 1565 добавлено: «Грей, который был крепок телом и пылок душой, при виде опасности взял за меч; но кто-то с попреком сказал ему, что теперь уже поздно что-либо сделать, и он, смирясь, сложил оружие».

***** В 1565 подробнее: «приказав слуге ободрить его от имени герцога и сказать ему, чтобы он мужался и не сомневался, что эти неприятности кончатся благополучно».

держка нужней, потому что такие превратности судьбы ему еще внове*. Сам же лорд Риверс за свою жизнь к этому привык и переносил это легче. А герцог Глостер, хоть и выказал ему столь любезную учтивость, тем не менее выслал лорда Риверса и лорда Ричарда с сэром Томасом Вогеном на север страны, заточив их по разным местам, а затем доставил всех их в Помфрет³³, где они и были обезглавлены в тюрьме. Так герцог Глостер принял на себя охрану и распоряжение юным королем; оказывая ему великие почести и смиренное почтение, он сопровождал его дальше и дальше к городу Лондону.

Не прошло и суток, как вести о случившемся дошли до королевы³⁴, и вести эти были самые скорбные: король, ее сын, схвачен; брат ее, сын ее и другие друзья арестованы и отправлены неизвестно куда, а что с ними будет, знает только бог**. Услыхав такую весть, королева в великом страхе и горести стала оплакивать гибель сына, несчастье друзей и собственное свое злополучие, проклиная тот день, когда она согласилась распустить королевскую охрану. Как можно быстрее она перешла с младшим сыном и дочерьми из Вестминстерского дворца, где они жили, в святое убежище, расположившись со своею свитою в покоях аббата.

В ту же ночь, вскоре после полуночи, к канцлеру Англии архиепископу Йоркскому³⁵ в его резиденцию близ Вестминстера пришел от лорда-чемберлена гонец. Он объявил слугам, что принес такое важное известие, что господин его велел не пожалеть даже архиепископского сна. Слуги, не колеблясь, разбудили архиепископа, а тот допустил гонца к своей постели. От него он услышал, что герцоги с его королевской милостью вернулись из Стони Стаффорд в Нортгемптон. «Тем не менее, сэра, — сказал гонец, — мой господин дает слово вашей светлости, что бояться нечего: он заверяет вас, что все будет хорошо». — «Я же заверяю его, — ответил архиепископ, — что как бы все хорошо ни стало, никогда оно не будет так хорошо, как было». И поэтому тотчас, как гонец ушел, архиепископ спешно поднял всех своих слуг и так, окруженный свитою, в полном вооружении, взяв с собой большую государственную печать, еще до рассвета явился к королеве.

Там все было полно страхом, шумом, беготней и суетней: королевское добро доставляли и перетаскивали в убежище. Сундуки, ящики, короба, узлы, тюки — все на спинах людей, ни одного человека без дела: кто грузит, кто носит, кто разгружает, кто возвращается за новой ношей, кто домает стену, чтобы расчистить прямой путь, кто хлопочет, чтобы помочь на окольном пути; а сама королева одиноко сидит на соломе, покинутая и растерянная***. Архиепископ ободрил ее как мог, сделав вид, что все

* В 1565 добавлено: «и поэтому он к ним чувствительней».

** В 1565 добавлено: «все переменялось, все смешалось и рухнуло; нельзя было терять времени, следовало, пока не поздно, позаботиться о себе и о своем добре, чтобы стремительно надвигавшиеся враги не захватили и всего остального».

*** В 1565 добавлено: «стиснув пальцы и оплакивая участь свою и своих близких».

не так уж плохо, как ей кажется*, и что послание лорда-чемберлена обнадежило его и избавило от страха. «О будь он проклят! — воскликнула на это королева, — он и сам из тех, кто стремится погубить меня и мой род!» — «Государыня, — ответил ее собеседник, — не падайте духом: клянусь вам, если они коронуют кого-то другого вместо вашего сына, который сейчас у них в руках, то мы завтра же коронуем его брата, который при вас. А вот и большая государственная печать: как мне ее вверил благородный государь, ваш супруг, так я теперь вручаю ее вам для блага и пользы вашего сына». С этими словами он отдал ей большую печать и отправился обратно домой.

Уже занимался день, и из окна архиепископской палаты видна была Темза, полная лодок со слугами герцога Глостера, сторожившими, чтобы ни одна душа не проникла в королевское убежище и чтобы даже мимо никто не смог проплыть бы незамеченным. Великое волнение и ропот были и здесь, и всюду, и особенно в городе: всякий по-своему гадал о событиях; иные лорды, дворяне и джентльмены из преданности королеве или из страха за себя собирались группами там и сям и ходили, сгрудившись, с оружием в руках; а многие поступали так потому, что думали, будто такие действия герцогов направлены не столько против других лордов, сколько против самого короля, чтобы помешать его коронации**.

Между тем лорды съехались в Лондон. Накануне их собрания архиепископ Йоркский, страшась, что его обвинят в чрезмерном легкомыслии (как оно и случилось на самом деле) за то, что он без особого на то приказа короля вдруг отдал большую печать королеве, которой она никогда не доверялась, послал к королеве за печатью и стал опять держать ее, как обычно. А в собрании лордов лорд Гастингс, в чьей верности королю никто не сомневался и не мог сомневаться, сумел всех убедить, что герцог Глостер предан государю верно и твердо и что лорд Риверс и лорд Ричард с остальными рыцарями, выступившие против герцогов Глостера и Бэкингема, взяты под стражу только ради безопасности последних*** и без всякой угрозы королю; а под стражей они будут не долее, чем пока дело их не будет беспристрастно рассмотрено всеми лордами королевского совета (а не одними только герцогами), по усмотрению которых они и будут либо осуж-

* В 1565 пространнее: «убеждая ее не отчаиваться в происходящем и не оставлять надежду на лучшее: у него еще есть надежда, что дело обернется не так ужасно, а ей от страха все представляется в дожном свете».

** 1565 излагает эти события иначе: «Тотчас пошли слухи, новость была у всякого на устах, все недоумевали, все волновались гневом, страхом и скорбью; одни собирались тут и там вооруженные, ходили отрядами, угрожали друг другу, объединяемые общими заботами или страхом опасности. Движимые враждою или верностью, одни старались скрасить словами ненавистные дела, другие обличить их красноречием. Чтобы Лондону не было причинено какого-либо вреда, горожане расставили караулы. А так как лорды по большей части находились или в столице, или поблизости, то все это смятение и слухи побуждали их к самым различным догадкам».

*** 1565 излагает иначе: «потому что существовала уверенность, что они угрожали безопасности герцогов, — так это или нет, предстоит решить вам: для вашего разбирательства их и задержали герцоги, жалуясь на такую нимало не заслуженную обиду с их стороны».

дены, либо оправданы. Однако же, предостерегал он, о таком деле не следует судить опрометчиво, не выяснив всю истину, не следует обращать личные обиды на общую беду, не следует смущать умы и разжигать злобу и тем самым препятствовать коронации, ради которой направляются сюда герцоги, так как иначе они сумеют, вероятно, довести раздоры до такой степени, что уже ничего нельзя будет уладить. А если, как можно предвидеть, в такой борьбе дело дойдет и до оружия, то хоть силы сторон и равны, но перевес будет за теми, с кем король.

Подобные доводы лорда Гастингса (отчасти он в них сам верил, отчасти же думал совсем иначе) до некоторой степени успокоили брожение умов, тем более что герцоги Глостер и Бэкингем были уже близко, спеша доставить в Лондон короля не иначе, как с целью его коронования, — ни на что другое они не указывали ни словом, ни видом. Зато они старательно раздували молву, что те лорды и рыцари, которые были схвачены, действительно замыслили погубить герцогов Глостера и Бэкингема и других знатнейших особ королевства с той целью, чтобы самим держать в руках короля и распоряжаться им по своему усмотрению. А чтобы это казалось правдоподобнее, слуги герцога, сопровождавшие телеги с добром арестованных, по всем дорогам показывали его народу с такими словами: «Вот полные бочки оружия, которое эти изменники тайно везли в обозе, чтобы погубить благороднейших лордов!» (Между тем решительно ничего не было удивительного, что среди этого их добра имелось и оружие, вынесенное или выброшенное, когда громили их дворы). Умных людей такая выдумка только укрепляла в их сомнениях, так как они хорошо понимали, что для такой цели заговорщики скорее будут носить оружие при себе, чем прятать в бочки; однако большей части простого люда этого было вполне достаточно*, и даже слышались крики, чтоб их повесить.

Когда король приблизился к городу, мэр Эдмунд Шей, ювелир, вместе с Уильямом Уайтом и Джоном Мэтью, шерифами, со всеми остальными олддерменами, одетыми в алое, и в сопровождении 500 горожан, одетых в фиолетовое и верхом на конях, встретили его почтительно близ Горнси³⁶ и оттуда сопровождали его в город, куда они и прибыли 4 мая³⁷ в первый и последний год его правления³⁸. Герцог Глостер у всех на глазах держался по отношению к государю очень почтительно и с видом крайней скромности, так что тяжкое подозрение, лежавшее на нем совсем недавно, вдруг сменилось таким великим доверием, что на совете, вскоре собравшемся, именно он был признан и избран, как наиболее пригодный человек быть протектором короля и королевства³⁹. Вот как случилось, что по неразумию или по воле судьбы ягненок был отдан под охрану волка. На этом же совете великим упрекам подвергся архиепископ Йоркский, канцлер Англии, за то, что он выдал королеве большую печать; печать у него была отобрана и вручена доктору Расселу, епископу Линкольна,

* В 1565 добавлено: «чтобы поверить, что явная и несомненная измена угрожала безопасности герцогов со всех сторон».

человеку мудрому, доброму, многоопытному и, несомненно, одному из самых ученых людей, которых имела тогда Англия⁴⁰. Различным лордам и рыцарям были назначены различные должности; лорд-чемберлен и некоторые другие сохранили за собой прежние свои посты.

Протектор страстно желал довершить то, что начал, и каждый день казался ему годом, пока это не было достигнуто; но он не отваживался на дальнейшие попытки, так как в руках у него была только половина добычи: он хорошо понимал, что если он низложит одного брата, то все королевство поддержит другого, останется ли он заточен в убежище или его сумеют благополучно вывести на вольную волю*. Поэтому вскоре же он заявил в ближайшем собрании совета лордов⁴¹, что королева поступает гнусно и оскорбительно для королевских советников, стараясь удержать королевского брата в своем убежище, хотя король более всего был бы рад и счастлив видеть брата рядом с собой; а сделала это она только затем, чтобы вызвать недовольство и ропот народа против всех лордов, — разве нельзя доверить королевского брата тем, кто по решению всего дворянства страны назначен охранять самого короля как ближайшего его друга? ** «Благополучие же короля, — говорил он, — это не только охрана от врагов или от вредной пищи, это также и отдых, и скромные развлечения***, которых ему в его нежном возрасте не может доставить общество пожилых людей, а может доставить лишь дружеское общение с теми, кто не слишком моложе его и не слишком старше, а по знатности достойны быть рядом с его величеством, — с кем же, короче говоря, как не с собственным своим братом? **** А если кто подумает, что все это мелочи (впрочем, я надеюсь, ни один человек, любящий короля, этого не подумает), то пусть он вспомнит, что порой без малых дел не вершатся и великие. Поистине великий позор и для его королевского величества, и для всех нас, близких к его милости, слышать, как и в нашей земле, и в других краях (дурная весть далеко бежит!) из уст в уста разносится молва, что королевский брат должен изнывать в убежище! Слыша это, всякий подумает, что без причины такое не делается; и дурная мысль, поселясь в сердцах

* В 1565 пространнее: «или скорее, чего он весьма опасался, его увезут куда-нибудь за пределы Британии».

** В 1565 пространнее: «Она как будто завидует радостям их взаимной любви; а всего преступнее то, что выставляет она — как главную свою заботу — то, что сына своего она лишила свободы, лишила света и блеска славной его доли и, увлекши его в убежище, словно столкнула его в убожество, мрак и грязь. А единственная всему этому причина — желание возбудить лютую народную ненависть против вельмож королевского совета: сама же она ненавидит их с таким пылом, что готова им отомстить даже ценою родных детей, как Медея в сказании. Ибо зачем держать дитя в убежище, как не затем, чтобы показать народу, будто попечение ваше о государе то ли ненадежно, то ли неразумно, будто опасно доверить мне даже королевского брата, тогда как вы доверили моему воспитанию и признанию самого короля?»

*** В 1565 добавлено: «которые удивительным образом освежают и укрепляют детскую душу».

**** В 1565 добавлено: «которого теперь родная мать, хуже чем мачеха, не пускает к нему».

людских, уж не скоро их покинет, а какая из этого может вырасти беда — и предугадать трудно. Поэтому, мне думается, для поправления дела неплохо бы послать к королеве человека почтенного и верного, который пользуется ее любовью и доверием, но печется и о благе короля, и о чести его совета.

По всем этим соображениям представляется мне, что нет для этого дела более подходящего человека, чем присутствующий здесь досточтимый наш отец кардинал, лорд-канцлер⁴², который тут может больше всех принести добра, если только будет ему угодно принять на себя эту заботу. Я не сомневаюсь, что он не откажется как по доброте своей, так и ради короля, ради нас и ради блага юного герцога, высокочтимого королевского брата и моего племянника, который мне дороже всех после государя. Этим тотчас укротятся рассеваемые ныне клевета и злословие и устранятся все грозящие от них бедствия, — мир и тишина воцарятся в королевстве. Если же, паче чаяния, королева будет упорствовать и непреклонно стоять на своем, так что ни его преданный и мудрый совет ее не поколеблет, ни чьи-либо иные человеческие доводы не убедят, тогда, по моему мнению, мы именем короля выведем герцога из заточения и доставим к государю, находясь при котором неотлучно будет он окружен такой заботой и таким почетом, что к нашей чести и ее позору весь мир поймет, что только злоба, упрямство или глупость вынуждали ее держать его в убежище. Таково мое нынешнее мнение, если только кто-нибудь из ваших светлостей не полагает иначе; благодарение богу, я не настолько привержен к собственному суждению, чтобы не изменить его по вашим разумнейшим советам.

На такие слова протектора весь совет подтвердил, что его предложение было и добрым, и разумным, и почтительным перед королем и герцогом, королевским братом, и что если королева подобру на это склонится, то великому ропоту в королевстве наступит конец. И архиепископ Йоркский⁴³, которого все сочли удобным туда послать, взялся убедить ее и этим выполнить первейший свой долг.

Тем не менее и он, и другие присутствовавшие там священнослужители полагали, что если ничем не удастся убедить королеву освободить герцога по доброй воле, то никоим образом не следует пытаться захватить его ей наперекор, — ибо если будут попораны права святого места, то все люди на это возропдуют, а всевышний господь прогневется. Права эти блюлись много лет. Пожалованы они были по милости королей и пап, подтверждены были многократно, а священным основанием их⁴⁴ было то, что более чем за пятьсот лет до того сам святой апостол Петр, явившись ночью в образе духовном и сопутствуемый несметными ангельскими силами, освятил это место⁴⁴, предназначив его всевышнему (в доказательство чего и доселе в обители св. Петра сохраняют и показывают плащ сего апостола). С тех самых пор и донныне не было еще ни одного столь безбожного короля, чтобы посмел осквернить божие место, и не было столь святого епископа, чтобы осмелился его освятить. «И потому (сказал архиепископ Йоркский) никакому человеку ни для каких земных причин не дозволяет господь по-

сягать на неприкосновенность и свободу святого убежища, которое сохранило жизнь столь многим добрым людям. Я надеюсь (продолжал он), что по милости божией нам это и не понадобится; но даже если понадобится, мы отнюдь не должны этого делать. Таково мое мнение; я уверен, что королева склонится к доводам разума, и все уладится по-доброму. Если же не случится мне достигнуть цели, то и тогда я сделаю все, что могу, чтобы всем было понятно: не моя нерадивость, но лишь женский страх и материнская тревога были тому причиной». — «Женский страх? Нет, женское упрямство! — возразил герцог Бэкингем. — Я смело и по совести говорю: она отлично знает, что ей нечего бояться ни за сына, ни за себя. Право же, здесь нет ни одного мужчины, который стал бы воевать с женщиной! И если бы господу угодно было иных мужчин из ее рода сделать женщинами, тогда бы все успокоилось очень скоро. Да и то ведь ее родственников ненавидят не за то, что они ее родственники, а за то, что у них дурные умыслы. Но если мы и не любим ни ее, ни ее родню, то из этого совсем не следует, что мы должны ненавидеть благородного брата короля, которому мы и сами все приходимся родственниками. Если она ищет ему чести так же сильно, как нашего бесчестия, если заботится о его благе не меньше, чем о собственной воле, то она так же не захочет отрывать его от короля, как не хочет этого каждый из нас *. Если же есть в ней хоть немного рассудительности (а ведь дай ей бог столько доброй воли, сколько у нее тонкого ума!), то она бы не считала себя умнее некоторых, здесь присутствующих. В верности нашей она не сомневается, зная и вполне понимая, что мы о его беде тревожимся не менее, чем она, но тем не менее отнимем его у нее, если она останется в убежище. Право же, все мы были бы рады оставить обоих при ней, если бы она вышла оттуда и поселилась в таком месте, где не позорно им жить. Если же она откажется освободить герцога и последовать совету тех, чья мудрость ей известна и верность испытана, то легко будет понять, что владеет ею упрямство, а не страх. Но пусть это будет даже страх (можно ли помешать ей бояться собственной тени?), — тогда чем больше она боится выпустить герцога, тем больше мы должны бояться оставить его при ней. Если сейчас она в праздных своих сомнениях боится, как бы его не обидели, то потом она будет бояться, как бы его и оттуда не похитили: ведь она подумает, что если люди решились на такое великое злодеяние (от какого избави нас бог), то и священное убежище им не помеха. Думається мне, что добрые люди без греха на душе могут с таким страхом считаться меньше, чем они считаются. Ведь если она будет опасаться, что сына у нее отнимут, то разве с нее не станется отправить его куда-нибудь прочь из королевства. Воистину я не вижу ничего другого; и я не сомневаюсь, что она сейчас так же упорно над этим думает, как мы думаем над тем, чтобы этому помешать. И если ей удастся

* MS Arundel иначе: «Если бы действительно забота о его здоровье руководила ею не меньше, чем ее своеволие или ее ненависть к нам, она сама бы поспешила вызвать его из этого заточения, она бы так же горевала, видя сына взаперти, как сейчас стремиться заточить его и сковать».

достигнуть своего (а это ей не трудно, если мы оставим ее одну), то весь мир о нас скажет: хороши, мол, мудрые королевские советники, что позволили из-под носа у себя увезти королевского брата!

Поэтому я со всей решимостью заявляю вам, что наперекор королеве я охотнее бы отнял герцога, чем оставил при ней, пока ее упрямство или праздный страх не умчат его прочь. И все же ради этого я не стану осквернять убежище. Священные права этого и других подобных мест блюдутся исстари, и я не стану нарушать их; но скажу по совести, если бы они утверждались сегодня, то я не стал бы утверждать их. Пожалуй, я не сказал бы и «нет», но разве лишь из жалости, потому что, конечно, те люди, которых море или тяжкие долги * довели до разорения, должны иметь хоть какое-то место, где бы свободе их не грозила опасность от злобы заимодавцев. И когда идет борьба за корону (как это бывало) и каждая партия обвиняет другую в измене, то хотелось бы, чтобы обе располагали какими-то убежищами **. А вот что касается воров, которыми кишат такие места и которые, предавшись своему ремеслу, уже от него не откажутся, то очень жаль, что убежище служит им защитой. И еще того прискорбнее, что спасаются там и убийцы, которых сам бог повелел брать от алтаря и умерщвлять, если убийство было совершено ими предумышленно. А когда убийство непредумышленно, то нет нужды и в убежище, которое бог установил в Ветхом Завете: кого понудили к такому делу необходимость, самозащита или несчастье, тот получит прощение или в силу закона, или по милости короля. Но давайте посмотрим, как немного в этих убежищах людей, понужденных к тому уважительной необходимостью; и посмотрим, с другой стороны, как обычны там такие люди, которых довело до беды собственное и сознательное распутство. Что это за банды воров, убийц и коварных мерзостных предателей! А больше всего их в двух местах: одно бок о бок с городом, другое в самых его недрах⁴⁵; и если бы взвесить то благо, которое эти убежища приносят, и то зло, которое от них происходит, то смею думать, вы и сами сказали бы, что лучше не иметь ни одного убежища, чем иметь целых два. Я сказал бы то же самое, даже если бы они не были так обесщечены, как обесщечены сейчас, обесщечены давно и, боюсь, так и останутся обесщечены, пока люди не решатся собственными руками исправить такой порядок, — словно бог и святой Петр покропят кровью людским порокам! Распутники бесчинствуют и разоряются, надеясь на убежище в этих местах; богачи бегут туда, захватив добро бедняков; здесь они строят жилье, тратятся на пиры, а заимодавцам предлагают посвистеть под стеной. Замужние жены бегут сюда, прихватив столовое серебро своих супругов, и заявляют, что не хотят жить с мужьями потому, что те их бьют. Воры бегут с награбленным добром, здесь они привольно его проживают, здесь замышляют новые грабежи, отсюда выходят по ночам красть, грабить, обирать и убивать, словно эти места

* В 1565 добавлено: «или иные удары судьбы».

** В 1565 добавлено: «где они находились бы в безопасности, пока победа еще не решилась, а обстоятельства сомнительны и тяжелы».

не только охраняют их от расплаты за старые преступления, но дают им право и на новые. А ведь многие из этих зол можно было бы исправить с божьей помощью и без нарушения священных прав, если бы только умные люди приложили к этому руки.

Ну, что ж! Если уж некогда какой-то папа и какой-то король, больше из сострадания, чем из благоразумия, установили права этих мест, а другие люди из-за некоего священного страха не осмеливались их нарушать, то будем терпеть их и мы, и пусть они с богом остаются как есть, но только до тех пределов, пока это позволяет здравый смысл, и уж никак не настолько, чтобы помешать нам вызволить благородного человека к его чести и благополучию из такого убежища, которое ему никак не к лицу и не может быть к лицу. Ведь убежище всегда служит человеку для защиты не просто от большой беды, но еще и от заслуженной беды. А для защиты от незаслуженных обид ни папа, ни король никакому месту не собирались давать никаких особых прав*, ибо таких прав ни одно место не лишено. Неужели хоть где-нибудь позволяет закон человеку человека обижать безнаказанно? На противозаконную обиду и король, и закон, и сама природа кладут повсеместный запрет, и в этом всякому человеку всякое место служит убежищем. Только когда человека преследует закон, то приходится ему искать покровительства от особых прав; только на этом основании и по этой причине и возникли убежища. Но наш благородный принц от такой необходимости далек; о его любви к королю свидетельствует природа и родство, о его невиновности перед всем миром свидетельствует нежный его возраст. Стало быть, убежище ему не нужно, убежища для него и быть не может. Человек не приходит в убежище, словно на крещение, по воле крестных родителей, — он должен сам о нем молить, и тогда лишь он его получит. Но если из всех людей право на убежище имеет только тот, кто знает за собою вину, понуждающую его просить об этом, то какое же право на убежище может иметь маленький мальчик**? Даже если бы он был уже достаточно разумен, чтобы просить о нем в случае нужды, то сейчас, осмелюсь сказать, он мог бы только негодовать на тех, кто держит его в этом убежище. Поэтому я буду утверждать без всякого угрызения совести и без всякого нарушения священных прав, что даже с теми, кто по праву укрылся в убежище, обращаться надо попроще***. В самом деле, если кто скрылся в убежище с чужим добром, то почему король не может, не посягая на его свободу, отобрать часть этого добра даже и из убежища****? Ведь ни король, ни папа не могут дать никакому месту такой привилегии,

* В 1565 иначе: «не существует причин предоставлять особые привилегии какому-либо одному месту».

** В 1565 добавлено: «с какой стати ему требовать от убежища бесполезной охраны для себя?»

*** 1565 излагает эту мысль иначе: «Нет ничего страшного в том, чтобы освободить из убежища того, кто сам не против этого; я настолько в этом уверен, что, полагаю, нелишним быть посмелее обычного и с теми, кто действительно нуждается в убежище».

**** 1565 четче: «отобрать у беглеца и вернуть хозяину похищенное, не нанося никакого оскорбления святыне».

которая освобождала бы человека, способного платить, от уплаты его долгов.»

С такими его словами согласились многие присутствовавшие духовные лица, то ли стараясь угодить говорившему, то ли и вправду так думая: «Действительно, — говорили они, — что по закону бога и святой церкви имущество человека, находящегося в убежище, должно быть отдано для уплаты его долгов, а ворованное добро возвращено их владельцу; самому же ему довольно и свободы поддерживать свою жизнь трудом собственных рук.»

«В самом деле, — сказал герцог, — вы сказали, мне думается, истинную правду. А если замужняя жена захочет уйти в убежище, дабы избавиться от своего мужа, то и тут, я бы полагал, он мог бы законно и не оскорбляя святого Петра взять ее из Петровой церкви силою — в том случае, конечно, если она не сумеет привести никакой другой причины. Если же считать, что ни один человек, желающий остаться в убежище, не может быть оттуда взят, то, должно быть, и ребенок, которому страшно идти в школу, может укрыться в убежище, и учитель не посмеет его тронуть? А ведь наш случай так же прост, но еще менее оправдан: там хоть был детский страх, но все-таки страх, а здесь нет совершенно ничего. Честное слово, я часто слышал о мужчинах из убежища, но никогда не слышал о детях из убежища. Поэтому, заканчивая свою мысль, скажу: кто по проступку своему нуждается в убежище и думает найти в нем защиту, тот пусть укроется в нем; но не может укрываться в убежище человек, не столь разумный, чтобы этого желать, не столь преступный, чтобы этого заслужить, и чьей жизни или свободе не грозит никакое законное преследование*. И тот, кто вызовет такого человека из убежища для его же собственного блага, истинно говоря, не нарушит ничем священных прав убежища.»

Когда герцог кончил, то все светские лорды, а также многие из духовных лиц, полагая, что никто на свете не замышляет зла против малолетнего ребенка, постановили, что если его не отпустят добровольно, то он должен быть выведен насильно. Однако, во избежание всякого рода слухов, они почли за лучшее, чтобы лорд-кардинал попытался сначала вызвать его с согласия королевы. И поэтому весь совет явился в Звездную палату Вестминстера⁴⁶; и лорд-кардинал, оставив протектора со свитой в Звездной палате⁴⁷, вошел в убежище к королеве. При нем было несколько других лордов: либо из уважения к ее сану, либо для того, чтобы она по присутствию многих поняла, что он говорит не от единственного лица, либо потому, что протектор не считал здесь возможным довериться одному человеку, либо же, быть может, если бы она все-таки решила оставить сына при себе, то кое-кому из свиты было тайно поручено, не считаясь

* В 1565 добавлено: «Беззаконного же преследования здесь еще меньше можно опасаться, поскольку высшей властью владеет его брат, у самого у него также немало сил, у друзей его еще того более, а светлейший его дядя и все мы вместе с ним усерднейше печемся о его жизни и безопасности».

с нею, взять ее сына силой, не дав ей времени отослать его прочь, хотя она, вероятно, услышав, в чем дело, и попыталась бы просить для этого выгодной ей отсрочки.

Когда королева и лорды предстали друг другу, то лорд-кардинал сообщил ей, что, по мнению протектора и всего совета, укрывши королевского брата в таком месте, она этим самым вызывает не только сильнейший ропот и злословие в народе, но также и великую печаль и неудовольствие его королевского величества. Единственной утехой его милости было бы иметь родного брата при себе; а когда он томится здесь, в убежище, то это позор и для них обоих, и для нее самой: как будто брат брату грозит бедою и опасностью!

Далее он сообщил, что совет прислал его просить, чтобы она освободила сына и чтобы из этого места, которое они считают тюрьмой, принц был доставлен на волю к королю, где он будет жить, как подобает его сану. Такой ее поступок будет великим благом для королевства, услугой для совета, выгодой для нее самой, помощью для ее друзей в беде, а сверх того (что, конечно, для нее всего желаннее) большим удовольствием и почетом не только королю, но также и юному герцогу: ведь для них обоих лучше всего быть вместе, хотя бы ради совместного их отдыха и забав, не говоря о многих более важных причинах. Это могло бы показаться пустяком, однако лорд-протектор и к этому относится серьезно, хорошо понимая, что отроческий их возраст нуждается в развлечениях и играх, а по возрасту и сану никто посторонний не подходит им в товарищи лучше, чем сами они друг для друга*.

«Милорд, — ответила королева, — я не смею отрицать: благородному отроку, за которого вы просите, и впрямь было бы всего уместнее жить вместе с королем, его братом; и, сказать по совести, им обоим покамест было бы очень на пользу находиться под материнским присмотром, так как даже старший из них еще в нежном возрасте, а младший и тем более: он дитя, ему нужен хороший уход, недавно он очень ослабел от тяжелой болезни и до сих пор еще не столько выздоровел, сколько чуть-чуть поправился, так что я никому на свете не могу его доверить, а должна ухаживать за ним сама, тем более что и врачи говорят и мы сами знаем, что повторение болезни вдвойне опасно, так как природа человека, истомленная, потрясенная и ослабленная от первого приступа, уже почти не в силах вы-

* В 1565 сцена встречи кардинала с Елизаветой изложена иначе: «Поэтому когда они предстали друг другу, кардинал заявил, что баронам представляется варварством, что единственный брат оторван от короля и чуть ли не заточен в тюрьму; этим она навлекает на обоих лишь бесчестие, а во всех заморских землях вызывает и раздувает лишь неприязнь к правителю, чей единственный брат, как гласит молва, изнывает в убежище, и дурные толки о такой стране, где живет народ столь жестокий и дикий, что даже брат не безопасен от брата. Потому и прислали его король и вельможи, чтобы со всею преданностью и любовью подать ей добрый и спасительный совет. Прежде всего следует освободить герцога из этого темного узнищца и вернуть к державному двору, в сладостное общество его брата. Сделав так, она покажет, что правильно судит и предо всеми о государственных делах, и пред друзьями об общих, и сама с собою о частных, а более всего доставит удовольствие королю и герцогу, которым так приятно и удобно жить друг при друге».

нести второй. И хотя, быть может, найдутся и другие, которые сделают для него все, что могут, однако никто не умеет лечить его так, как я, выхаживавшая его так долго, и никто не будет лелеять его нежнее, чем собственная мать, носившая его во чреве.»

«Государыня, — сказал кардинал, — ни единый человек не станет отрицать, что ваша милость вашим детям нужней, чем кто бы то ни было *; и весь совет будет не только согласен, но даже рад, если вы изъявите желание поселиться в месте, соответствующем их сану. Но если вы решили оставаться здесь, тогда совет полагает, что было бы пристойнее, чтобы герцог Йорк находился вместе с королем на свободе и в почете к обоюдному их удовольствию, а не ютился, как изгнанник, в убежище к обоюдному их бесчестью и стыду. Не всегда ведь столь неизбежно для ребенка быть при матери, иногда случается и так, что ему удобнее жить в другом месте. Это хорошо видно из того, что когда ваш любезный сын, тогда еще принц, а ныне король, для чести и блага страны должен был держать свой двор вдали от вас, в Уэльсе, то ваша милость сами это одобрили.»

«Не так уж я это одобрила, — отвечала королева, — да и случай был совсем не такой, так как тот был тогда здоров, этот же сейчас болен. Оттого я так и удивляюсь, почему милорд-протектор так жаждет принять его под свою опеку? Ведь болезнь, постигшая дитя по немилости природы, может навлечь на него самого клевету и подозрение в обмане! ** И напрасно лорды уверяют, будто для чести моего сына и для них самих такой позор, что он находится здесь, в этом месте: наоборот, дело чести для них именно в том, чтобы он оставался там, где за ним, без сомнения, будет лучший уход. А такой уход за ним будет только здесь, пока я здесь, я же отсюда уходить не собираюсь, чтобы не попасть в беду вслед за другими моими друзьями, — право, лучше бы, с божьей помощью, им быть в безопасности здесь, при мне, чем мне быть в опасности там, при них».

«Государыня, — заметил другой лорд⁴⁸, — почему вы предполагаете, будто ваши друзья в опасности?»

«Не предполагаю, а знаю, — ответила она, — и не только в опасности, а уже и в тюрьме. Поэтому я и не удивилась бы, если бы те, кто решились

* В 1565 добавлено: «пока вы живы, чтобы заботиться о жизни ваших детей, особенно в этом нежном их возрасте».

** 1565 пространнее: «Ведь если бы волею судьбы невинное дитя погибло (чего не дай бог!), он легко бы оказался сам под подозрением в злодействе? А сейчас он подвергает злобным интолкованиям (это ведь ни для кого не трудно!) мой поступок, который и невынужденный ничуть не постыден, а в нынешней моей вынужденности и подавно простителен, даже если бы в нем и было чего стыдиться. Гнусными речами он порочит мою материнскую заботу о благе сына и тревогу мою выдает за злокозненность, будто я не спасения ищу для себя и сына, а ненависть разжигаю к нему и вельможам! Я и так уже слишком терпелива: ах, если бы могла я возмущаться словами и не тревожиться худшими бедствиями! Даже последовательности я не вижу в его речах: ибо он утверждает, что меня никто ни в чем не трогает, и он же не хочет мне оставить даже родного сына; он уверяет, будто мне нигде не грозит опасность, но не дает мне покоя даже там, где и разбойник чувствует себя в безопасности. Если я действительно свободна, тогда почему нельзя мне жить, где это позволено? И почему позорно моему ребенку быть при матери?»

бросить их в тюрьму без повода, столь же легко решились бы и казнить их без вины.»

Кардинал сделал знак упомянутому лорду, чтобы он больше не задевал этой струны. А королеве он сказал, что с этими лордами из ее почтенной родни, которые пока еще под стражею, несомненно, по рассмотрении дела будет поступлено с полной справедливостью; что же касается ее собственной благородной особы, то ей ни малейшая опасность не угрожает и не может угрожать.

«С какой стати могу я в это поверить?— отвечала королева. — Не с того ли, что я невиновна? Как будто они были виновны! Не с того ли, что их враги ко мне мягче? Да они как раз из-за меня их и ненавидят! Не с того ли, что я близкая родня королю? А разве далеки от него они? Если бы это помогало, это бы их спасло; однако, дай бог, чтобы это их не погубило. Вот почему сама я не намерена уходить отсюда, и сыну моему, благородному отроку, лучше быть при мне, пока я не увижу, что будет дальше. Поверьте мне: чем больше я смотрю, как некоторые лица, без всяких на то причин, рвутся заполучить его в свои руки, тем больше и больше мне приходится бояться его освобождения.»

«Подумайте, государыня, — последовал ответ, — ведь чем больше вы боитесь его освободить, тем больше остальные боятся вам его оставить, чтобы вы в беспричинном вашем страхе не решились отправить его отсюда куда-нибудь еще дальше. А много есть и таких, кто считает, что это место не дает ему никакой защиты *, ибо у принца не было ни намерения просить ее, ни вины, чтобы заслужить ее; и поэтому они думают, что могут взять его отсюда, не нарушив священных прав. Если вы решительно откажетесь освободить его сами, я уверен, они его и возьмут, — так боится в своей нежной любви к принцу мой господин, а его дядя, чтобы ваша милость при случае не отправила его отсюда прочь».

«Вот как, сэр! — воскликнула королева. — Стало быть, протектор оттого лишь так пылко любит принца, что его тревожит, как бы тот не ускользнул от него! Уж мне ли отправлять отсюда принца прочь, если у меня к тому и возможности нет? ** И где же мне считать его в безопасности, если он не в безопасности даже здесь, в этом убежище, чьих прав ни разу не нарушал доселе ни один тиран, даже обуянный самим дьяволом? Впрочем, я уповаю, что господь как прежде, так и ныне властен охранить свое убежище от недругов ***. Но, оказывается, мой сын не имеет права на убежище и поэтому не должен пользоваться им! Да, недурное придумано толкование: стало быть, святое место может защитить грабителя, а невинного ребенка не может! Говорят, мой сын вне опасности, а значит

* В 1565 пространнее: «Есть такие, которые считают, что у вас и права нет различать короля и его брата, так как простота и невинность отроческого возраста не имеют никакого отношения к убежищу».

** В 1565 вместо этого: «Он боится, что я отправлю от себя сына, о котором вся моя забота и незрячему видна? Отправлю, чтобы он тотчас попался в западни, расставленные на его пути? Нет, об этом уж и речь заводить бессмысленно!»

*** В 1565 добавлено: «Разве есть на свете место святее этого?»

убежище ему и не нужно. Дай бог, чтобы стало так! Но неужели-же протектор (господи, покажи нам, что это за протектор!) думает, будто я не понимаю, к чему ведут все его хитрости, шитые белыми нитками? Недостойно-де, чтобы герцог находился здесь*: было бы удобнее обоим, чтобы он находился вместе с братом, потому что у короля нет хорошего товарища для игр. Дай бог им обоим лучшего товарища для игр, чем тот, кто для дальних своих замыслов приискивает такой пустяковый предлог! Будто бы некого найти, чтоб играть с королем**, если только его брат, которому в его болезни и вовсе не до игры, не выйдет для этого из-под защиты своего убежища! Как будто правители в пору детства могут играть лишь с равными! Как будто дети умеют играть лишь с родственниками! Да с родственниками-то они обычно куда больше ссорятся, чем с чужими.

Кто сказал, что ребенок не может требовать убежища? Пусть он послушает, и он сам услышит его мольбу! Но все это смешные пустяки: пусть мальчик не может, пусть мальчик не хочет просить убежища, пусть он даже просится уйти отсюда, — но если я сказала, что он отсюда не выйдет, и если я сама испросила для себя убежище, то всякий, кто против моей воли уведет отсюда моего сына, нарушит этим священные права этих мест. Разве убежище охраняет только меня, а не все мое добро? Или вы не вправе увести у меня лошадь, но вправе увести у меня ребенка? Нет, он также находится под моей охраной: мой ученый совет заверил меня, что пока он по малолетству не принят на рыцарскую службу⁴⁹, закон велит матери быть над ним опекуном. Поэтому, я полагаю, ни один человек не может взять у меня отсюда моего подопечного, не нарушив этим прав убежища. Но даже если мое право убежища не может охранять сына, а сам он для себя убежища не просит, то все равно: так как закон поручает мне охранять его, то я вправе сама для него потребовать убежища. Разве закон дает опекуна ребенку только для охраны его земли и движимости, а не для заботы и попечения о нем самом, кому должны служить и земли и движимость? Если же нужны примеры⁵⁰, чтобы получить для мальчика право убежища, то мне незачем искать их далеко. Вот в этом самом месте, где мы сейчас стоим и о котором спорим, может ли мой ребенок пользоваться его правом убежища, — в этом самом месте родился когда-то мой другой сын, нынешний король, здесь он лежал в колыбели, здесь он был сохранен для лучшей своей доли, дай бог, чтоб на долгие годы! Вы ведь знаете, что я не впервые в этом убежище: было время, когда супруг мой был разбит и изгнан из королевства, а я на сносях бежала сюда и здесь родила принца. Это отсюда я вышла приветствовать супруга, вернувшегося с победой, это отсюда я вынесла младенца-сына, чтобы отец впервые принял его в объятия⁵¹. И сейчас, когда царствует он, дай бог ему столько безопасности в его дворце, сколько было в этом убежище в те дни, когда царствовал враг!

* В 1565 добавлено: «это навлекает-де позор на дворян и ненависть на правителя».

** В 1565 добавлено: «(если только у короля есть время для этого!)»

Вот почему я намерена держать его здесь. Людской закон предписывает опекуну охранять несовершеннолетнего; закон природы велит матери беречь свое дитя; божий закон дает священные права убежищу, а оно моему сыну. Я боюсь отдать его в руки протектора, который уже завладел его братом: ведь если оба погибнут, то он сам станет наследником короны. Откуда этот страх, пусть никто не допытывается; во всяком случае я боюсь не больше, чем на это дает основание закон, который ведь недаром (как сказали мне ученые люди) запрещает человеку принимать опеку над теми, чья смерть сделает его наследником даже малою клочка земли, не говоря уж о королевстве. Больше я ничего не могу сделать; но кто бы ни был осквернитель этого святого убежища, я молю бога, чтобы он и сам вскорости почувствовал нужду в убежище, но не смог бы его достичь. А достичь его и быть силой выведенным оттуда, — этого я не пожелаю даже моему смертельному врагу»*.

Лорд-кардинал увидел, что королева чем дальше, тем больше раздражается, что она уже пылает и неистовствует и даже начинает говорить резкие слова против самого протектора; а так как этим обвинениям он не верил и не хотел их слушать, то он сказал ей наконец, что дольше об этом спорить он не намерен: если она согласна доверить герцога ему и другим лордам, здесь присутствующим, то он готов отдать и тело, и душу в залог его безопасности и сана; если же она решительно им откажет, то он тотчас уйдет отсюда со всеми спутниками, и пусть тогда, кто хочет, занимается этим делом. У него нет и не было никакого желания вовлекать ее в такое дело, в котором, как видимо ей кажется, всем, кроме нее самой, не хватает то ли ума, то ли честности: ума, если они по своей тупости не понимают намерений протектора, и честности, если они понимают его к принцу зложелательство, а все-таки хотят выдать мальчика в его руки.

Королева после этих слов стояла некоторое время в глубокой задумчивости. Ей показалось, что кардинал вот-вот уйдет, а остальные останутся, и что сам протектор** ждет вблизи и наготове; поэтому она и вправду подумала, что не сможет удержать сына при себе, и он немедленно будет взят отсюда; а чтобы отослать его еще куда-нибудь, не было уже ни времени, ни условленного места, ни приготовленных помощников, — ибо посольство застало ее врасплох, ничто не было заранее устроено, не искали даже, кто вывел бы принца из убежища, которое, полагала она, уже окружено со всех сторон, так что принцу не миновать быть схваченным по пути. Еще она подумала, что страхи ее могут ока-

* В 1565 пространнее: «Против этой опасности вернейшею, если не единственною, защитою служит неприкосновенность этого места; с моего согласия мой сын никогда его не оставит, а кто против моей воли возьмет его отсюда (хоть не думаю, что дело дойдет до этого), тот осквернит великую святость убежища, и тогда я молю небеса, его блюдушие: пусть этот человек вскоре сам испытает нужду в неприкосновенном убежище, но пускай его схватят раньше, чем удастся ему войти в святую сень, — потому что укрывшемуся быть выведенным я и врагу не пожелаю».

** В 1565 добавлено: «с вооруженными слугами».

заться и напрасными, а действия бесполезными или ненужными*; по-этому если уж суждено ей лишиться его, то лучше будет, решила она, отпустить его самой. А в верности кардинала и других присутствовавших лордов она не сомневалась, полагая, что хоть обмануть их и можно, но подкупить нельзя. Затем она подумала, что они будут бережнее наблюдать за ним и зорче следить за его безопасностью, если она доверит его им собственными руками⁵². И тогда она взяла юного герцога за руку и сказала лордам:

«Милорд-кардинал и вы все, милорды, я не настолько глупа, чтобы не доверять вашему уму, и не настолько подозрительна, чтобы сомневаться в вашей верности. И я хочу представить вам доказательство моего доверия: ведь если того или другого достоинства в вас не окажется, то мне это будет тяжким горем, королевству большой бедой, а вам великим позором. Вот перед вами этот благородный отрок**, которого, несомненно, что бы там ни говорили, я могла бы здесь держать в безопасности. Несомненно и то, что там, за этими стенами, есть люди, которым так ненавистна моя кровь, что окажись ее частица в их собственных жилах, они выпустили бы ее своею рукой. А опыт учит нас, что жажда королевской власти не считается ни с каким родством: брат губит брата***, и могут ли племянники полагаться на дядю? Каждый из этих детей защита другому, пока они находятся порознь, и жизнь одного — залог жизни другого. Уберегите одного, и спасены будут оба; а вместе им быть опаснее всего. Какой разумный купец доверит все свои товары одному кораблю? И вот, несмотря на все это, я сейчас передаю в ваши руки и его, и в его лице — его брата, и я буду просить вас за них перед богом и людьми. Верность вашу я знаю и мудрость вашу тоже; сил и средств для его защиты у вас при желании довольно, в поддержке у вас также не будет недостатка. Если вам трудно защищать его в другом месте, то оставьте его здесь; об одном только заклинаю вас, во имя доверия, которое всегда питал к вам его отец, и во имя доверия, которое теперь питаю к вам я сама: вы говорили, что страх мой слишком силен; постарайтесь же, чтобы ваш страх не оказался слишком слаб!» После таких слов она обратилась к сыну: «Прощай, мое милое дитя, и дай бог тебе заботливый присмотр! Дай мне поцеловать тебя перед уходом, потому что бог знает, когда придется нам поцеловаться вновь». С этими словами она поцеловала его, осенила его крестом, повернулась к нему спиной, заплакала и пошла прочь, оставив ребенка плачущим так же горько.

Когда лорд-кардинал и сопутствовавшие ему лорды получили таким образом юного герцога, они доставили его в Звездную палату⁵³, где протектор взял ребенка на руки, поцеловал его и промолвил так: «Рад

* В 1565 добавлено: «(как обычно думают даже в безнадежных случаях)».

** В 1565 добавлено: «мой сын и сын Эдуарда, еще недавно вашего обожаемого монарха».

*** В 1565 добавлено: «сыновья умерщвляют изгнанников, ближайшие родственники ссорятся из-за власти».

приветствовать моего господина всем своим сердцем!» И он выразил этим то, что думал. Тотчас затем они доставили его к королю, его брату, в епископский дворец у собора св. Павла, а оттуда через весь город с почетом препроводили детей в Тауэр⁵⁴, откуда с этого дня они никогда уже не вышли*.

Теперь, захватив в свои руки обоих детей⁵⁵, протектор стал уже смелее раскрывать свои намерения доверенным людям, более же всего герцогу Бэкингему. Правда, многие думают, как известно, что герцог был тайным участником этого заговора с самого начала, а некоторые из друзей протектора даже говорят, будто герцог первый и толкнул протектора на такое дело, послав к нему с этой мыслью тайного гонца сразу же после смерти короля Эдуарда; однако те, кто лучше знают хитрый ум протектора, твердо заявляют, что он открыл дальнейшее не раньше, чем исполнил предыдущее. Только заключив в тюрьму родственников королевы и прирав к рукам ее обоих сыновей, открыл он уже смелее дальнейшие свои замыслы тем, кому считал нужным открыть их для дела, более же всего герцогу, чья поддержка, полагал он, удаивала его силу. Дело было открыто герцогу через хитрых людей, мастеров своего дела; они сообщили ему, что юный король в обиде на него за свою родню и при случае будет ему мстить; и если узники будут отпущены, то они сами станут подстрекать короля, памятуя свою тюрьму и оковы, если же их казнят, то король, пожалевший их в тюрьме, не простит их смерти. Раскаяние не поможет, никакими услугами уже не искупить преступления; герцог скорее погубит, чем спасет короля, который вместе с братом и родственниками, как ему известно, уже заключены в такие места, где протектор может одним кивком головы уничтожить их всех. Несомненно, тот так и сделает, едва только задумает что-то новое; к этому, как видно, дело и идет, так как протектор уже завел тайную охрану для себя, уже шпионит за герцогом и схватит его при малейшем противодействии, — опасность грозит ему даже от тех, кого он меньше всего подозревает, ведь и положение дел, и настроение людей таковы, что невозможно быть уверенным, кому доверять, а кого бояться.

Измученный такими мыслями, герцог решил наконец, что на какую дорогу он вступил, хоть и против совести, по той и должен идти дальше. Раз начав, нужно обдуманно действовать до конца; так и здесь, не в силах будучи ничему воспрепятствовать, он связал себя сочувствием и помощью злодейскому замыслу протектора, порешив, что раз уж общей беде не помочь, то надо хоть обратить ее, сколько можно, к личной выгоде.

Тогда-то и было решено, что герцог поможет протектору сделаться королем, что единственный законный сын протектора⁵⁶ вступит в брак с дочерью герцога и что протектор должен предоставить герцогу в полное владение графство Герифорд, которое он требовал по праву наследства⁵⁷ и не мог получить во времена короля Эдуарда. Вдобавок к этим

* В 1565 пространнее: «вступили в Тауэр среди радостных криков со всех сторон и в сопровождении тех, кому суждено было сделать тщетными пожелания кричащей толпы, так как больше они уже никогда отсюда не вышли».

притязаниям герцога протектор по своей доброй воле обещал ему немалую часть королевской казны и дворцового имущества. И когда на этих условиях они вступили в свой сговор, тотчас же для отвода глаз и умов начали они, ни дня не медля, усерднейше хлопотать о торжественной коронации нового короля. Были созваны во множестве лорды со всех концов королевства; было повелено лорду-кардиналу, канцлеру, архиепископу Йоркскому, епископу Эли⁵⁸, лорду Стенли⁵⁹ и лорду-чемберлену лорду Гастингсу со многими другими вельможами собираться и совещаться о коронации; сами же протектор и герцог* в то же время, но в другом месте, обдумывали противоположное — как бы сделать королем протектора. И хотя к этому второму совету допущены были очень немногие и в большой тайне, все же здесь и там уже пошли в народе разные толки, будто скоро всему благополучию конец; и хоть люди сами не знали, чего боятся и почему, однако так бывает, что накануне таких великих событий человеческие сердца по природе своей тайным чутьем предчувствуют их приближение. Как безветренное море само приходит в волнение перед бурей, так подчас один-единственный человек, случайно что-то заметив и не многим об этом сказав, многих заражает своим подозрением. Как бы то ни было, хоть заговор был и тайным, само поведение заговорщиков заставляло людей догадываться, в чем дело. Мало-помалу люди все покинули Тауэр и пришли в дом Кросби на улице Бишопсгейт, где расположился двор протектора⁶⁰. К протектору приходили, короля покидали. Некоторые по роду своих занятий обращались туда, где велись настоящие дела, другие были тайно предупреждены друзьями, что не к добру им может быть чрезмерное усердие к королю без приказа протектора, а некоторых старых слуг сам протектор отстранил от принцев, заменивши новыми⁶¹. Такое стечение многих событий, отчасти случайное, отчасти намеренное, привело наконец к тому, что не только простой народ, который колеблется, как трава на ветру, но и разумные люди, а также некоторые лорды стали обращать внимание на происходящее и задумываться о смысле его.

Так, даже сам лорд Стенли, будущий граф Дерби**, испытывал разумное недоверие и говорил лорду Гастингсу***, что ему очень не нравятся эти два разных совета. «В одном месте мы говорим об одном деле, — сказал он, — но много ли мы знаем, о чем они говорят в другом месте?»

«Милорд, — отвечал ему на это лорд Гастингс, — клянусь жизнью, вам не о чем беспокоиться! Там есть один человек, и пока он там, ни единое дело не будет у них обсуждаться без моего ведома: каждое слово их будет в моих ушах раньше, чем на их устах».

Говоря так, он имел в виду Кэтсби⁶². Это был один из ближних его тайных советников, и Гастингс очень ему доверял: в самых важных делах он полагался на него, как ни на кого другого, считая, что для Кэтсби

* В 1565 добавлено: «с теми, кого они вовлекли в свой заговор».

** В 1565 добавлено: «уже поседелый среди многих важных дел».

*** В 1565 добавлено: «с которым они доверяли друг другу во всех тайных делах».

он дороже всех, и зная, что Кэтсби ему обязан больше всех *. Был этот Кэтсби большим знатоком законов государства и, по милости лорда-чемберлена, пользовался великим влиянием и властью во всем графстве Лейстер, которое и было главною опорой лорда-чемберлена. Но поистине было бы лучше, если бы у этого человека было или побольше честности, или поменьше тонкости ума, — ибо только его двуличие и стало причиной всех дальнейших несчастий. Если бы лорд Гастингс не доверял столь безмерно этому человеку, он мог бы бежать вместе с лордом Стенли и остальными лордами, расстроив всю затею; ибо он сам замечал многие недобрые знаки, хоть и перетолковывал их для себя к лучшему, — настолько был он уверен, что не может быть ему опасен тот совет, где находится Кэтсби.

Протектор и герцог Бэкингем очень искусно выражали притворное расположение к лорду Гастингсу и часто разделяли его общество. Несомненно, протектор и вправду относился к нему хорошо и неохотно пошел на то, чтобы потерять его, однако он боялся, что, пока тот жив, они не достигнут своей цели. По этой причине он поручил Кэтсби замолвить издали несколько слов, чтобы дознаться, возможно ли залучить Гастингса на их сторону? Но Кэтсби — неизвестно, беседовал ли он с ним или нет, — сообщил им, будто Гастингс оказался так тверд и в суждениях своих так резок, что он не решается продолжить переговоры. И действительно, лорд-чемберлен вместо доверия высказал Кэтсби свое недоверие к его участию в этом деле; поэтому-то Кэтсби, опасаясь, как бы лорд Гастингс с друзьями не подорвал своими действиями его доверенного положения (к чему уже клонилось все дело), побудил протектора поскорее избавиться от него, тем более что он надеялся после его смерти получить немалую долю той власти, какой пользовался лорд Гастингс в своем графстве **. Одной этой надежды было достаточно, чтобы сделать его участником и даже главным зачинщиком этого ужасного предательства.

* В 1565 иначе: «поскольку он пожаловал Кэтсби большие богатства и помог занять высокое положение. Впрочем, выдвинуть его было нетрудно, так как, кроме редких познаний в английских законах, он обладал статным телом, красивым лицом, блестящей внешностью и был способен не только вести тяжбы, но и вершить дела поважней. Можно было только пожалеть, что такое дарование выпало человеку столь вероломному, ибо его-то коварство и стало причиной того поветрия всех бед, которое распространилось в самом скором времени. Если бы и Гастингс, и Стенли, граф Дерби, и другие его сторонники не питали к Кэтсби такого доверия, то они бежали бы при первом подозрении в обмане и своим бегством расстроили бы все тайные и преступные замыслы».

** В 1565 иначе: «Все случилось наихудшим образом, потому что Гастингс в дружественной беседе, похваставшись своей самоуверенностью, открыл опасения других. Поэтому Кэтсби из страха, что многие могут выступить и помешать его обману, сорвавши этим весь их замысел, уже, казалось, продвинувшийся вперед, решил, что преступление следует ускорить и колеблющихся схватить, а лорда-чемберлена казнить, коль скоро его нельзя привлечь на свою сторону. И он это доказывал тем усерднее, что сам намеревался получить должности Гастингса в графстве Ланкастер, где тот был всего сильнее».

Вскоре после сказанного, а именно в пятницу, 13 июня, многие лорды собрались в Тауэр на совет⁶³ и здесь обсуждали, какими торжествами отпраздновать королевскую коронацию, срок которой был уже так близок, что процессии и фигуры для этих торжеств готовились в Вестминстере день и ночь, а скота было забито столько, что мясо потом пришлось выбрасывать. И вот когда эти лорды заседали там, совещаясь о подобных делах, протектор в первый раз вышел к ним лишь около девяти часов, приветствовал их почтительно и просил извинения за то, что отсутствовал так долго, сказавши просто, что в это утро он проспал. Поговоривши с ними немного, он обратился к епископу Эли с такими словами:

«Милорд! В вашем саду в Холберне растет отменная земляника. Я прошу вас, позвольте мне взять оттуда корзинку ягод!» *

«С радостью, милорд, — отозвался тот, — и дай бог, чтобы я мог с такою же готовностью преподнести вам на радость что-нибудь и получше». И тотчас он со всей поспешностью послал своего слугу за корзинкой земляники.

Протектор предложил лордам продолжать обсуждение, а сам попросился отлучиться ненадолго и удалился. А час спустя, между десятью и одиннадцатью, он вернулся к ним в палату, весь изменившись, с удивительно раздраженным и злым выражением лица; насупив брови, нахмурив лоб, с пеной на искусанных губах, он прошел и сел на свое место. Все лорды были тяжело изумлены и испуганы столь внезапной переменой, не зная, что она предвещает. И вот, посидевши немного молча, он начал так:

«Какого наказания заслуживают те, кто замышляет и готовит гибель мне, — мне, столь близкому родичу короля и протектору его королевской особы и всего королевства?»

На такой вопрос все лорды хранили молчание, в тяжком изумлении гадая, кто же здесь имеется в виду, ибо каждый знал, что он-то чист от подозрений. Наконец лорд-чемберлен, которому дружба с протектором придавала смелости, дал ответ и сказал, что такие люди, кто бы они ни были, заслуживают казни как гнусные изменники. И все остальные подтвердили его слова.

«А чародейством этим занимается, — сказал тогда протектор, — не кто иной, как жена моего брата и вместе с ней другие!» Так он сказал о королеве.

При таких словах многие из лордов, которые стояли за королеву, пришли в сильное замешательство. Зато лорд Гастингс ** был в душе гораздо больше рад, что виновницей оказалась она, а не кто-нибудь из друзей; и сердце его лишь роптало, что он не был в это посвящен заранее, — ведь когда перед этим были схвачены и приговорены к смерти родственники королевы, то делалось это с его согласия, и он сам велел их

* В 1565 добавлено: «как знак вашего доброго расположения».

** В 1565 добавлено: «которого одного только и ждала уже казнь».

обезглавить в Помфрете⁶⁴, не зная, что в тот самый день⁶⁵ его самого велено обезглавить в Лондоне.

Затем протектор сказал: «Все вы сейчас увидите, каким образом эта колдунья и ее ведьма-советчица, жена Шора⁶⁶, с их присными иссушили мое тело своим колдовством и чародейством!» И тотчас он подтянул рукав своего кафтана до локтя и показал свою левую руку, совершенно высохшую и маленькую, но лишь потому, что она всегда такой и была.

Тут каждый в душе почувствовал приближение беды, понимая, что это затевается новая распря. Все хорошо знали, что королева слишком умна, чтобы заниматься подобными глупостями; а если бы даже и захотела, то в советницы она бы взяла кого угодно, только не жену Шора, которую она ненавидела больше всех за то, что король, ее муж, любил ее больше всех любовниц. Да и не было здесь человека, который бы не знал доподлинно, что рука у него всегда была больной, с самого рождения. Тем не менее лорд-чемберлен (к которому после смерти короля Эдуарда перешла жена Шора: он был в нее влюблен без ума еще при жизни короля, однако, говорят, сторонился ее из почтения к королю или ради верности другу) ответил и сказал:

«Несомненно, милорд, если они так ужасно поступили, они заслуживают ужасного наказания».

«Вот оно что! — воскликнул протектор. — Вижу я, как ты служишь мне: «если бы, да кабы!» Я сказал тебе, что они так сделали, и я за это расправлюсь с тобою, предатель!» И, словно в великом гневе, он с грохотом ударил кулаком по столу.

Услышав этот знак, за стеной палаты кто-то закричал: «Измена!», дверь распахнулась, и ворвались вооруженные воины, толпой заполнив всю палату до отказа. И тогда протектор* сказал: «Я арестовываю изменника!»

«Как, милорд? Меня?!» — воскликнул Гастингс.

«Да, изменник!» — ответил протектор.

Кто-то другой бросился к лорду Стенли**, тот отпрянул от удара и свалился под стол. Если бы не это, голова его была бы расколота до зубов: хоть он и быстро отпрянул, все же на ушах у него показалась кровь***.

Затем они все были быстро разведены по разным палатам****, исключая лорда-чемберлена, которому протектор приказал не медлить и пото-

* В 1565 добавлено: «коснувшись рукою Гастингса».

** В 1565 иначе: и «тотчас некий Миддлтон⁶⁷ замахнулся на графа Дерби секирой... и хоть он и уклонился от удара, быстро скользнув вниз, но кончик острия его задел, и он весь залился кровью из раны».

*** В 1565 добавлено: «Граф и напавший на него однажды поспорили из-за некоторых владений, и поэтому многолетняя вражда возникла между ними. То ли силой, то ли по суду граф выдворил Миддлтона из его поместья, и тот, позволив себе слишком многое, решился в чужом деле утолить свою обиду».

**** В 1565 иначе: «Тут же были арестованы остальные бароны и епископы и во избежание сговора разведены по разным местам».

ропиться с исповедью. «Клянусь святым Павлом, — сказал он, — я не сяду обедать, пока не увижу тебя без головы!» Ему было запрещено спрашивать, в чем дело; с трудом он нашел случайного священника и сделал краткую исповедь, — на более длинную ему не дали времени, потому что протектор спешил к обеду, а не мог сесть за стол, пока не будет выполнена его клятва. Потом он был приведен* на зеленый луг близ часовни в Тауэре, здесь его голову положили на длинное бревно, и она была отрублена. А затем тело вместе с головой похоронили в Виндзоре рядом с телом короля Эдуарда. Помилуй, господи, души их обоих!

Здесь следует рассказать удивительный случай — то ли предостережение о том, чего лорду-чемберлену следовало избегать, то ли знамение о том, чего он не мог избежать**. В полночь накануне смерти лорд Стенли прислал к нему с великой спешностью тайного гонца с просьбой тотчас встать и бежать вместе с ним: ждуть некогда, ему приснился ужасный сон***; ему показалось, что вепрь⁶⁸ своими клыками так истерзал им обоим головы, что кровь потекла у них по плечам. А так как вепрь был в гербе у протектора, то этот сон показался ему таким страшным, что он решил не мешкать долее, но седлать коня и вместе с лордом Гастингсом, если тот согласен, той же ночью пуститься прочь, чтобы к рассвету быть уже вне опасности. Но лорд Гастингс сказал гонцу так: «О добрый лорд! Неужели милорд, твой господин, так заботится о бездельцах, так верит снам? Ведь это или призраки его собственного страха, или ночное отражение его дневных забот. Скажи ему, что верить в такие сны попросту нечестиво. Если же они служат знамениями грядущего, то не кажется ли ему, что они с таким же успехом сбудутся и в случае нашего бегства, если нас схватят и вернут, — ведь за беглеца заступиться некому! Вот тогда-то вепрю и будет предлог вцепиться в нас своими клыками: кто бежит, тот ведь в чем-нибудь да виновен. Поэтому либо здесь нет опасности, и нам никто не угрожает; либо если опасность есть, то она страшней бегущему, чем оставшемуся. Если же гибель наша неизбежна, то пусть лучше люди увидят, что нас обманом погубили враги, а не думают, что причиной тому наша собственная глупость или трусость. Ступай же к своему господину, человек, и передай ему от меня привет, и пусть он будет спокоен и ничего не боится: в том человеке, которого он подозревает, я уверен, как в своей собственной руке». — «Да

* В 1565: «Поэтому по приказу герцога Бэкингема (которого осужденный на коленях умолял о пощаде), едва успев исповедаться, он был доставлен...»

** В 1565 иначе: «Заслуживают внимания некоторые сновидения, предвещавшие ему смерть, — считать ли их божьими предостережениями от опасностей или знаменьями необоримой судьбы; а может быть, это вещая душа в смутных образах предсказывает грозящие бедствия, пока чувства погружены в сон, и так предугадывает будущие события телу».

*** 1565 пространнее: «потому что в страшном сне его хозяину явилось грозное видение: им обоним (страхится он) оно предвещает в будущем беду, если они не спасутся бегством».

поможет этому бог, сэр», — сказал гонец и отправился в обратный путь*.

Известно также, что в то самое утро, когда он был обезглавлен, его лошадь по дороге в Тауэр два или три раза споткнулась так, что едва не упала. Подобное, как всякому известно, повседневно случается и с теми, кому никакое несчастье не грозит, однако по старинному преданию и суеверию в этом усматривается знак, не раз уже несомненно предвещавший очень большую беду.

Следующий пример был уже не предостережением, а вражескою угрозою. В то утро, прежде чем он встал, пришел к нему один рыцарь, якобы из почтительности, чтобы сопровождать его в совет, но на самом деле присланный протектором, дабы его поторопить, ибо с протектором был он в тайном сговоре ради этой цели. В то время это был средний человек, а теперь достиг великой власти. И вот, когда случилось лорду-чемберлену по дороге остановить свою лошадь на Тауэр-Стрит и побеседовать со священником, которого он встретил, то этот рыцарь нарушил их беседу и шутя сказал ему так: «Милорд, я прошу вас продолжить путь: зачем вам столько толковать с этим священником? Ведь пока еще священник вам не надобен!» Этой насмешкою он словно хотел сказать: «а скоро понадобится!» Но лорд так мало в это вдумался и так мало почувствовал сомнений, что никогда в жизни он не был так бодр и весел; а такое настроение само по себе часто сулит большие перемены. Пусть меня лучше постигнет что угодно, только не эта праздная уверенность человеческого ума накануне смерти!

У самой пристани Тауэра, так близко от того места, где так скоро отлетела его голова, ему встретился некий глашатай Гастингс, его однофамилец⁶⁹. И, повстречав его там, лорд припомнил другое время, когда им случилось обоим встретиться подобным же образом и на этом же месте**. В то прежнее время лорда-чемберлена обвинил перед королем Эдуардом лорд Риверс, брат королевы***, так что некоторое время (хотя и недолгое) он был в немилости у короля и сильно боялся за себя. И так как теперь он встретил этого глашатая на том месте, где когда-то опасность так удачно его миновала, он с большим удовольствием заговорил с ним о том, о чем они говорили здесь, когда он был в Тауэре. Он сказал: «А, Гастингс! Помнишь ли ты, как однажды я здесь тебя встретил с легким сердцем?» — «Да, милорд, — ответил тот, — это я помню отлично; что ж, благодарим бога, враги ваши не снискали этим добра, а вы не

* В 1565 добавлено: «Истинность этого знамения оказалась подтвержденной десятью часами позже, когда были схвачены и он, и Стенли (который тоже раздумал бежать), не послушавшиеся этого вешего сна».

** В 1565 добавлено: «и он поведал ему свою печаль и страх».

*** В 1565 добавлено: «в том, что он замышлял предать французам Калэ, в котором он был наместником. И хотя, как потом обнаружилось, это обвинение было чистой выдумкою, вначале казалось, что Гастингс находится в большой опасности. Дело в том, что он обошел в этой должности Риверса, которому она была наверно обещана и который на нее надеялся, и он, разозлившись, через ночные речи королевы донес это коварное обвинение до монарших ушей».

получили вреда». — «Ты мог бы сказать это еще вернее, — молвил лорд, — если бы ты знал столько, сколько я знаю о том, что пока известно лишь немногим, но вскоре откроется многим». Он имел в виду недавно арестованных лордов из родни королевы, которые в этот самый день⁷⁰ должны были быть обезглавлены в Помфрете: это он знал хорошо, а о том, что топор уже повис и над его собственной головой, не догадывался. «Право же, приятель, — продолжал он, — никогда у меня не было столько горя, и никогда надо мной не было такой опасности, как тогда, когда мы с тобою здесь встретились. И вот как все переменялось: теперь в опасности находятся мои враги (как ты об этом вскоре узнаешь поподробнее), а я еще никогда в жизни не был так весел и так далек от беды». О милостивый боже! Так слепа наша смертная природа: когда человек больше всего боялся, он был в полной безопасности, а когда уверился было в своей безопасности, то не прошло и двух часов, как он лишился головы.

Так окончил свою жизнь этот достойный человек, добрый рыцарь и дворянин, пользовавшийся таким вниманием у государя, живший на широкую ногу, прямой и откровенный с врагами, а с друзьями скрытный; его просто было обмануть, так как из-за доброго сердца и мужества он не умел предвидеть опасностей. Муж любящий и горячо любимый, верный и доверчивый, в этой доверчивости своей оказался он неумерен.

Тотчас молва о кончине этого лорда быстро побежала по городу, а потом и еще дальше, свистя, как ветер, в уши каждому человеку⁷¹. Но протектор, намереваясь набросить некий покров на совершенное, тотчас после обеда послал со всей поспешностью созвать в Тауэр виднейших людей со всего города. Чтобы их принять, он надел вместе с герцогом Бэкингемом старые и плохо скванные доспехи — такие, что никто бы не подумал, что они удостоили бы надеть их на плечи, если бы не какая-то внезапная опасность. И затем протектор объявил им, что лорд-чемберлен и его сообщники замыслили во время совета в этот день убить врасплох и его, и герцога, а что они намеревались делать далее, о том еще неизвестно. Об этой их измене он ничего не знал прежде десяти часов нынешнего утра. Такая внезапная опасность и заставила их надеть для защиты первые попавшиеся доспехи. Но бог помог им, и несчастье обернулось против замысливших. Эту весть и велел он разнести повсюду. И все дали на это самый учтивый ответ, словно никто и не усомнился в том, во что никто не верил*.

Однако для дальнейшего умиротворения людских умов он тотчас после обеда спешно послал глашатая, чтобы от имени короля огласить по городу объявление. В нем говорилось, что лорд Гастингс и его различные сообщники с изменнической целью сговорились в этот день убить лорда-протектора и герцога Бэкингема, заседавших в совете, а затем взять власть над королем и королевством на свое усмотрение, чтобы без помехи

* В 1565 подробнее: «(каждый) превозносил их мужество, хвалил милосердие, поздравлял со спасением, но молча и про себя они испытывали только отвращение как к преступлению, так и к его свершителям».

обирать и грабить, кого им будет угодно. В объявлении много было сказано и другого, чтобы очернить лорда-чемберлена: он-де был дурным советником отцу короля и дурным своим обществом, коварным сводничеством и недобрым примером подстрекал его ко многим поступкам, пятнавшим его честь и вредившим всему королевству, в особенности же к порочной жизни и безмерному изнурению тела со многими женщинами и более всего с женой Шора, которая была ему самой тайной советчицей в этой гнусной измене, с которой он спал и раньше, спал и в последнюю свою ночь перед смертью; поэтому не диво, что такая недостойная жизнь привела его к столь злополучной кончине. Казни он был подвергнут по наистрожайшему распоряжению его королевского высочества и его почтенного и преданного совета как за его пороки, открыто проявившиеся в этой коварно затеянной измене, так и затем, чтобы отсрочка казни не смогла подтолкнуть других злонамеренных соучастников заговора собраться и восстать для его освобождения. Такие замыслы теперь благодаря вполне им заслуженной казни мудро предотвращены, и все королевство должно божьей милостью пребывать в добром спокойствии и мире.

Объявление это сделано было всего лишь через два часа после того, как лорд-чемберлен был обезглавлен; но оно было так тщательно составлено и так красиво выписано на пергаменте такой искусною рукой (что само по себе дело долгое), что и ребенку было совершенно ясно: все это было приготовлено заранее. Всего промежутка между казнью и объявлением едва достало бы и для того, чтобы все это только записать, будь то хоть бы на бумаге, второпях и кое-как. Поэтому когда при чтении объявления нечаянно случился один школьный учитель при соборе св. Павла и сравнил в уме краткость времени с пространностью речи, то он сказал соседям: «Славное дело, да не быстро ли поспело?» — на что один купец ответил ему: «Это писалось по предвидению»*.

Тотчас после этого, движимый будто бы гневом, а на самом деле жадностью, протектор послал людей к дому жены Шора⁷² (которая там жила одна, без мужа), отобрал у нее все, что она имела, ценностью свыше двух—трех тысяч марок, а ее отправил в тюрьму⁷³. А немного спустя он выставил обвинение, что она умышляла его околдовать и была в сговоре с лордом-чемберленом, чтобы его убить; когда же стало ясно, что в этом нет ни следа правдоподобия, тогда он подло обвинил ее в том, чего она сама не могла отрицать, так как все знали, что это правда, хоть и все потешались, слыша какой великой это вдруг стало виной: в том, что она нецеломудренна телом. И по этой-то причине сей воздержный, сей чистый и непорочный правитель, прямо с неба ниспосланный в наш порочный мир для исправления людских нравов, вынудил лондонского епис-

* В MS Agundel иначе: «И хоть суровость событий, казалось, не допускала никаких шуток, один школьный учитель не без остроумия высмеял образцовую нелепость этого указа: слушая среди толпы то, что ей читалось, он сравнил краткость времени с пространностью писания и трудом писавших и сказал на это кстати строку из Теренция:

«Что-то вышло, Дав, неладно у тебя со временем!»

копа наложить на нее всенародное покаяние — идти в воскресной процессии перед крестом и со свечой в руках. Шла она очень женственно, с видом и поступью самыми чинными, и хоть на ней не было никаких украшений, ничего, кроме платья, она была мила и прекрасна, потому что от взглядов толпы лицо ее покрылось румянцем стыда, прежде ей почти неизвестным; таким образом, этот великий позор принес ей много славы среди тех, кто больше желал ее тела, чем думал о ее душе. И даже многие достойные люди, которые осуждали ее образ жизни и были рады видеть грех исправленным, все же больше сочувствовали ей в наказании, чем радовались ему, так как скоро поняли, что протектор учинил это скорее злонамеренно, чем из любви к добродетели.

Эта женщина родилась в Лондоне, была окружена достойными друзьями, честным образом воспитана и очень хорошо выдана замуж — кое-что было сохранено родителями лишь сыну. Муж ее был почтенный горожанин, молодой, красивый, с большим состоянием. Но так как сочетались они раньше, чем она созрела для этого, то она и не могла любить того, кого ей не пришлось желать. Оттого, по-видимому, и склонилась она так легко к вожделению короля, когда тот пожелал ее иметь. Как бы то ни было, блеск королевского сана, надежда на яркое платье, легкую жизнь, всяческие удовольствия и прочие выгоды распутства оказались способными быстро подчинить мягкое и нежное сердце. Когда же король овладел ею, то муж ее, человек почтенный, понял что к чему и не стал посягать на королевскую любовницу, всецело оставив ее королю*. А после смерти короля она перешла к лорду-чемберлену, который любил ее и в дни, когда король был жив, но воздерживался от нее либо из почтения, либо из преданности другу.

Она была красива и миловидна**, телом она не оставляла желать лучшего, разве что можно было пожелать побольше роста. Так говорят те, кто знал ее в молодости. Правда, иные из тех, кто видел ее теперь (ибо она еще жива), полагают, что она вовсе и не была хороша; но такой приговор, пожалуй, похож на то, как если бы люди пытались угадать красоту покойницы по ее черепу, давно уже сбросившему плотские покровы, так как сейчас это — старуха, тощая, увядшая и иссохшая, вся из морщинистой кожи и жестких костей. Но даже и теперь, всмотревшись в ее лицо, можно угадать и представить, как черты его, округляясь, сложились бы в красивый облик. Да и восхищались в ней не столько ее красотой, сколько приятным поведением: наделенная острым умом, она хорошо читала и писала, была весела в обществе, быстра и ловка в ответах, не молчалива и не болтлива, а иногда шутила без оскорбительности, но не без забавности.

Король говаривал, что есть у него три любовницы, и каждая по-своему замечательна: одна — самая веселая, другая — самая хитрая,

* В 1565 добавлено: «Настолько учтивее он был, чем другие, чьи права на эту женщину были далеко не столь бесспорными».

** В 1565 подробнее: «у нее был прекрасный цвет кожи, редкая красота во всем лице, в особенности же дивно привлекательны были ее глаза».

а третья, как есть, самая святая блудодейка во всем королевстве, которую никуда не увести было из церкви, кроме как в его постель⁷⁴. Двое из них были особами поважней, и тем не менее им пришлось остаться без имен и без похвал за их качества. Но самую веселой из всех была жена Шора, к которой король поэтому и питал особую привязанность. Имел он многих, но любил лишь ее*, и по правде сказать (ибо грех — клеветать на дьявола), никогда она не пользовалась его милостью во вред людям, зато многим несла утешение и помощь. Когда король был в гневе, она умела успокоить и смягчить его дух; когда человек находился в опале, она помогала ему вернуть королевскую милость; для многих, совершивших важные проступки, она выхлопотала помилование; при больших взысканиях она добивалась для людей послабления. И наконец во многих трудных тяжбах она отстаивала многих людей с большой твердостью, ничего или почти ничего за то не требуя — разве что вещицу скорей красивую, чем богатую: потому ли, что она сама испытывала удовольствие от дела, правильно решенного, потому ли, что ей приятно было вмешиваться в суд и показывать, что она способна сделать с королем, потому ли наконец, что и богатая распутница не всегда бывает жадной**.

Некоторые подумают, конечно, что эта женщина — слишком ничтожный предмет, чтобы писать о нем среди воспоминаний о великих делах, — и в особенности так будут думать те, кому случится судить о ней только по тому, чем она стала сейчас. Но думается мне, что о таком случае тем более следует упомянуть, что теперь она живет куда как убого, без друзей, всеми покинутая, и это после стольких богатств и такой государевой милости, после стольких судов и прений ради всех, кто вел тогда срочные дела, да и многих других, кто сейчас знаменит только мерзостью своих дурных деяний. А она ведь сделала не меньше, хоть об этом и меньше помнят, потому что дела ее не были дурными. Людям ведь свойственно о дурных деяниях писать на мраморе, а о добрых на песке, и ее судьба этому доказательство: в те дни она протянула руку помощи многим, ныне здравствующим, кто без этого сам бы теперь протягивал руку за подаванием.

Итак, по решению протектора и его совета, в тот самый день и почти в тот самый час, когда в лондонском Тауэре был обезглавлен лорд-чемберлен, в Помфрете не без его ведома были обезглавлены выше упомянутые лорды и рыцари, схваченные в свите короля в Нортгемптоне и Стони Стаффорде⁷⁵. Сделано это было в присутствии и по приказу сэра Ричарда Рэтклифа⁷⁶, рыцаря, чьими услугами протектор обычно пользовался при обсуждении и исполнении подобных незаконных предприятий, поскольку человек этот был давним его поверенным в тайных делах, имел жизненный опыт и хитрый ум, в речах был краток и груб, в обра-

* В MS Arundel добавлено: «но здесь не было вреда, кроме похоти, так как к жене своей он относился с глубочайшим уважением и обращался с ней почти-тельно».

** В 1565: «Во всяком случае, ненависти она не знала ни от кого, кроме королевы, и обе партии, враждовавшие друг с другом, относились к ней с одинаковой любовью».

щении резок и крут, в злодеяниях смел, а человеческой жалости и страху божию одинаково чужд. Выведя их из тюрьмы на эшафот и объявив народу, что они изменники, этот рыцарь не позволил им сказать ни слова о своей невинности, чтобы от таких речей народ не почувствовал к ним жалости, а к протектору и к его людям — ненависти. Быстро, без суда, без приговора, без законного приказа он заставил их всех обезглавить не ради какой иной вины, но только потому, что это были хорошие люди, верные королю и близкие королеве.

Теперь, когда лорд-чемберлен и другие лорды и рыцари оказались таким образом казнены и убраны с дороги, то протектору и пришлось на ум, что, пока люди гадают, в чем дело, пока лорды королевства находятся при нем и без своих дружин, пока ни один человек не знает, что думать и кому верить, пока нет у них времени разобраться, решиться и разбиться на партии, следует ему как можно быстрее идти к своей цели и завладеть короною, не дав людям найти способ к противодействию. Главная забота была теперь в том, чтобы изыскать средство о таком гнусном деле сообщить народу в первый раз и снискать к нему расположение. Для совета привлечены были различные люди — такие, которым они полагали возможным довериться, в надежде привлечь их на свою сторону и получить от них помощь либо умом, либо силою. Среди этих лиц, привлеченных к совету, был Эдмунд Шей, рыцарь, тогда мэр Лондона, страстно жаждавший дальнейшего возвышения, столь желанного ему в его гордыне; он-то и должен был за такой посул склонить народ к их намерениям. А из духовных лиц они пригласили тех, кто отличался умом, пользовался уважением за свою ученость и не отличался щепетильной совестью. Среди них оказались белый клирик Джон Шей⁷⁷, брат мэра, и монах Пенкер⁷⁸, приор августинского ордена: оба доктора богословия, оба славные проповедники, оба богаче ученостью, чем добродетелью, и богаче славой, чем ученостью. До этого они были в большом почете у народа, но после этого — никогда. Первый из них выступил с проповедью* во славу протектора еще перед коронацией, второй после коронации, но оба с такою утомительной лекцией, что ничьи уши не могли ее выдержать. Пенкер в своей проповеди так надорвал голос, что был вынужден прервать ее на середине и сойти с кафедры**. Доктор Шей из-за своей проповеди потерял честь, а вскоре и жизнь, потому что из великого стыда перед людьми он никогда с тех пор не смел выходить из дому. Августинец не навлек на себя такого позора, поэтому его проповедь была для него не столь пагубна***. Впрочем, некоторые сомневались, а некоторые утверждали, будто Пенкер не участвовал в этом совете прежде коронации, и только после нее, как водится, пустился

* В 1565 добавлено: «тщательно продуманной».

** В 1565 добавлено: «Люди говорили, что это было ему божье воздаяние за такую кощунственную лекцию».

*** В MS Arundel иначе: «А августинец с его бесстыдным лицом, с которого ему так часто приходилось вытирать плевки во время диспутов, на долгие годы позорно онемел».

в леств *, — тем более что проповедь свою он произнес не сразу, но в следующую после коронации пасху в церкви госпиталя св. Марии. Зато доктор Шей вне всякого сомнения был в этом заговоре с самого начала, поскольку именно ему было поручено первому заговорить о деле во время проповеди в соборе св. Павла, в которой он и должен был силою своего слова склонить народ к замыслу протектора.

Все старания и усилия были направлены на подыскание какого-либо благовидного предлога, который побудил бы народ низложить принца и признать протектора королем. Ради этого придуманы были разные средства; но самым главным и важным из всех измышлений было утверждение, что либо сам король Эдуард, либо его дети, либо и тот и другие являются незаконнорожденными; а стало быть ни он сам не имел права наследовать корону после герцога Йорка, ни принц после него**. Чтобы объявить короля Эдуарда незаконнорожденным, пришлось возвести хулу на родную мать протектора, которая родила их обоих: тут нельзя было поступить иначе, как сделать вид, будто она была прелюбодейкою. Тем не менее он и на это пошел, чтобы достигнуть своей цели, однако пожелал, чтобы об этом было сказано менее определенно и более благожелательно, а именно тонко и обиняком, словно люди не решаются сказать всю правду, чтобы его не обидеть. Зато уж где речь шла о мнимой незаконнорожденности детей короля Эдуарда⁷⁹, там он потребовал разгласить это открыто и раздуть до крайней степени.

Под каким видом и предлогом все это делалось, нельзя хорошо представить, если не напомнить сперва о некоторых давних обстоятельствах женитьбы короля Эдуарда. После того как король Эдуард IV низложил короля Генриха VI и вступил в мирное правление королевством, он решил жениться, как того требовало благо королевства и его собственное. Он послал послом графа Уорвика⁸⁰ вместе с другими дворянами в Испанию, чтобы обсудить и заключить брачный союз между ним и дочерью короля Испании⁸¹. Здесь граф Уорвик встретил такую благосклонность и доброжелательность к его поручению, что он, как было ему указано, быстро и без всяких трудностей привел дело к наилучшему завершению. Однако случилось, что в то самое время королю пришлось вести разбирательство по петиции от дамы Елизаветы Грей⁸², которая впоследствии стала королевою, а тогда была вдовой из знатного рода, особенно по своей матери, которая да брака с лордом Вудвилем, ее отцом, была герцогинею Бэдфорд. Названная дама Елизавета, находясь на службе у королевы Маргариты⁸³, супруги короля Генриха VI, была выдана замуж за некоего Джона Грея⁸⁴, сквайра***, которого король Генрих сделал рыцарем на поле битвы с королем Эдуардом при Сент-Олбенсе

* В 1565 добавлено: «правителю, который был жаден до похвал».

** В 1565 добавлено: «и по этой причине протектор является единственным законным сыном герцога Йорка и только он имеет право царствовать».

*** В 1565 добавлено: «весьма красивого и храброго мужчину, но более благородного, чем влиятельного или видного, так как ни в войне, ни в мире он еще ничем не отличался».

в прощенный вторник, но который недолго радовался своему рыцарству, так как в этом же бою он был убит *. Вскоре после этого, как раз когда граф Уорвик был в посольстве, улаживая вышеупомянутый брак, эта бедная дама обратилась к королю ** со смиренной просьбою о возвращении ей тех маленьких имений, которые предоставил ей муж во вдовый надел ***. И когда король увидел ее и услышал ее речь, — а была она красива, миловидна, небольшого роста, хорошего сложения и очень умна, — он не только пожалел ее, но и воспыал к ней любовью. И потом, отозвав ее незаметно в сторону, он заговорил с ней откровеннее: но она, быстро поняв его вожделение, ответила целомудренным отказом ****. Однако сделала она это так умно, так изящно и такими искусными словами, что скорее разожгла, чем угасила его желание. И наконец после многих встреч, долгих домогательств и многих обещаний, уверившись, что страсть короля к ней достаточно разгорелась, она отважилась уже смелее сказать ему, что думала, так как видно было, что сердце его привязано к ней достаточно прочно и от лишнего слова уже не охладает *****. Тут она и заявила ему прямо, что хотя она слишком скромна, чтобы стать его женой, однако все же слишком хороша, чтобы стать его любовницей ⁸⁵. Король, очень удивленный ее твердостью, как человек, который не привык к таким решительным отказам, проникся таким почтеньем к ее воздержанию и целомудрию, что стал ценить ее добродетель выше всех владений и богатств. И тогда-то, побуждаемый страстью, он передумал и решил как можно скорее жениться на ней.

Приняв такое решение и дважды ее в этом заверив, он спросил совета и у друзей *****, однако в такой форме, что они легко поняли, насколько бесполезно ему возражать. Тем не менее герцогиня Йорк, его

* В 1565 добавлено: «Жена же его, как было сказано, после смерти мужа и плена короля Генриха оказалась в скудости и убожестве, так как все ее имущество было отобрано в казну за то, что муж ее сражался на вражеской стороне».

** В 1565 иначе: «она упала на колени перед Эдуардом и протянула ему свое прошение, а затем, видя, что он повернулся к ней и колеблется, словно не прочь ее выслушать, она на словах изложила свое дело».

*** В 1565 добавлено: «так как муж ее ничем не мог навлечь преследования по закону, если только не считать преступлением то, что до самой смерти он был верен королю, которому присягал; да и то она твердо уверена, что, если бы судьба пощадила его, он верно служил бы новому королю».

**** В 1565 иначе: «И тогда он любезно отвечал ей, чтобы она надеялась на лучшее: он сам рассмотрит ее дело. А потом, отозвав ее в сторону и сказавши несколько слов о ее деле, он обещал уступить ей имения, если за это и она ему уступит; он даже даст ей еще больше, если она со своей стороны не откажет ему в любезности. Она, воспользовавшись двусмысленностью королевских слов, притворилась, что не понимает, чего он хочет, и ответила ему любезно и осмотрительно, обещая все, но с разумными оговорками. И лишь когда, отбросив увертки, он показал, что ищет от нее недостойного, то она отказалась открыто».

***** В 1565 иначе: «А увидав, что его желание разгорелось уже так, что легко не угаснет, она стала просить его оставить тщетные попытки и ссыалась то на позор, то на угрызения совести».

***** В 1565: «чтобы не показалось, будто он больше повинуется своей страсти, нежели дружеским советам».

мать⁸⁶, была этим так огорчена, что отговаривала его, сколько могла, утверждая, что жениться на иноземной принцессе для него и достойней, и безопасней, и выгодней, так как подобное родство очень укрепит его положение и даст хорошую возможность к расширению владений. Да и нельзя поступать иначе, потому что граф Уорвик уже далеко и вряд ли он будет доволен, если вся его поездка окажется не нужна, а его договоры осмеяны. Еще она говорила, что недостойно правителя жениться на собственной подданной, если нет на то важных причин — ни земельных владений, ни иных благ, которые могли бы из этого проистечь. Это все равно как если бы богатый человек женился на служанке только из-за похотливой и пошлой к ней привязанности: можно радоваться об удаче служанки, но не о рассудке хозяина. «Да и то, — говорила она, — в таком браке больше чести, чем в этом, потому что никакого куца с его служанкой не разделяет столько, сколько короля и эту вдову. И хотя она ни в чем не заслуживает упрека, однако (говорила королева) нет в ней и ничего столь блестящего, чтобы этого нельзя было найти во многих других невестах, которые более отвечали бы Вашему сану и к тому же были бы девицами*. Ведь одно вдовство Елизаветы Грей, хотя бы она во всем другом и была бы достойна Вас, должно бы уже удерживать Вас от брака с нею, — ибо это недостойно, это весьма позорно, это крайне унижительно для священного величества государева сана, который так же близок к духовному по чистоте, как и по величию; и не должно пятнать его двоебрачием при первом же вступлении в брак».

Король, когда мать закончила свою речь, дал ей ответ полусерьезный и полусхотливый, хорошо понимая, что он ей уже не подвластен. И хотя он был бы рад, если бы она с ним согласилась, однако окончательное решение он оставил за собой, независимо от ее согласия или несогласия. Но чтобы как-то удовлетворить ее, он сказал, что брак есть дело духовное и совершаться должен из почтения к божьей воле всегда, когда по милости господней людей соединяет взаимная любовь, как здесь, а не мирская выгода; впрочем, и по мирским выгодам этот брак представляется не бесполезным**. Ибо, думается ему, что любовь своего собственного народа ему нужнее, чем любого другого народа на земле; а народ, наверное, выкажет ему гораздо больше сердечной приязни за то, что он не погнушался жениться на женщине из собственной земли. И даже если внешний союз окажется ему так нужен, как она думает, то он лучше найдет средство заключить его через какого-нибудь родственника и этим удовлетворить всех, нежели самому жениться на той, кого он никогда не

* В 1565 добавлено: «Воистину не бывает счастьем, когда соединяются неровни — кто мыслит по-разному, тем никогда не сговориться. Дети же от неравных браков всегда дурные и увечные. Неужели Вы потерпите над Вашим столь процветающим королевством королей-ублюдков, королей-выродков? Неужели сыновья Ваши будут братьями какого-то Грея?»

** В 1565 пространнее: «если даже кто-либо рассудит об этом браке проще, как те пошлые люди, для которых полезное выше святого, то и тогда он не сможет назвать такой брак неудачным».

сможет счастливо любить, чтобы ради надежды на расширение владений не потерять отрадный плод тех, которые он уже имеет, — ибо если человек женится против желания, то мало ему радости от всего остального. «Я не сомневаюсь, — сказал он ей, — что и вправду, как Вы говорите, можно найти и других, ничуть не хуже ее *. Что ж, я не осуждаю, пусть, кому они нравятся, те и женятся на них; точно так же, я думаю, и меня не осудят, что я женюсь на той, которая мне нравится. И кузен мой Уорвик, я уверен, достаточно меня любит, чтобы не сердиться на ту, кого я люблю, и достаточно разумен, чтобы понимать, что при выборе жены я скорее поверю своим глазам, чем чужим: я ведь не подопечный, которому назначает жену опекун! Право, я не хотел бы быть королем, если б это меня лишало свободы выбора при вступлении в брак. Что же касается надежды приумножить наследные владения с помощью заморского родства, то право же, от этого нередко бывает больше хлопот, чем выгод. Титул наш и так дает нам права на столь многое, что нужна вся жизнь, чтобы их упрочить и поддержать. А коли она — вдова и имеет детей, то, клянусь богородицей, я хоть и холост, но тоже имею детей⁸⁷, так что каждый из нас может быть уверен, что бесплодны мы не останемся. Поэтому, государыня, я умоляю Вас не гневаться: бог свидетель, что жена моя принесет Вам такого юного принца, которым Вы будете довольны. А что касается двоебрачия, то пусть меня этим попрекает епископ, коли я соберусь в духовное звание: насколько я понимаю, это запрещено священникам, но я никогда не слышал, чтобы это было запрещено и королям».

Герцогиню такие слова ничуть не успокоили; и видя, что король в решении тверд и ей его не удержать, она до того дошла в своей ненависти к этому браку, что почла своим долгом перед господом разрушить этот союз, чтобы лучше уж король женился на некоей даме Елизавете Люси **, которая незадолго перед тем от него забеременела. Поэтому мать короля выступила открыто против его брака ***, словно для облегчения своей совести заявив, что король обязан верностью даме Елизавете и что он — ее муж перед богом⁸⁸. И эти слова оказались делу такой помехой, что ни епископы не решались, ни король не хотел приступать к торжеству бракосочетания прежде, чем обвинение это не было бы отвергнуто, а истина точно и открыто не удостоверена. Поэтому пришлось послать за дамой Елизаветой Люси. И хотя королевская мать и многие другие побуждали ее добрыми обещаниями утверждать, что она была обещана королем, однако, присягнув торжественно говорить лишь истину, она заявила, что они никогда не были связаны обещаниями, хотя, конечно, сказала она, его милость говорил ей такие любовные слова, что она и вправду надеялась, что король женится на ней, и если бы не эти любезные слова, она никогда не позволила бы ему столь любезно оставить

* В 1565 добавлено: «и даже лучше ее во многих отношениях».

** В 1565 добавлено: «девице благородной крови и отменной красоты».

*** В 1565 добавлено: «когда день бракосочетания был назначен и оглашено было, чтобы всякий, кто знает препятствие к браку, не попустил осквернения тайнства...»

ее беременной. После такого торжественного показания стало ясно, что препятствий больше нет; и поэтому король с великим торжеством и пышностью вступил в брак с дамой Елизаветой Грей и венчал ее королевской короною. И хоть она была женой его врага и не раз молилась всем сердцем за его гибель, но бог был к ней милостивей и подарил ей его тело, а не кости.

Но когда об этом браке узнал граф Уорвик, он сильно обиделся, что его посольство оказалось выставлено на смех, и поэтому, вернувшись, он от великой злобы и досады собрал большую силу против короля и столь стремительно напал на него, что тот не мог сопротивляться и должен был покинуть королевство и бежать в Голландию за помощью. Там он пробыл два года⁸⁹, оставив свою молодую жену в Вестминстере, в убежище, где у нее и родился тот принц Эдуард, о котором была речь⁹⁰. А между тем граф Уорвик освободил из заключения и вновь возвел на трон короля Генриха VI, который прежде был низложен Эдуардом к чему тогда немало усилий приложил и сам граф Уорвик. Был он человеком умный, воин доблестный, а имения, родство и народная любовь давали ему такую мощь, что он венчал королей и свергал королей по своему усмотрению и легко мог бы сам достигнуть власти, если бы не считал, что почетней делать королей, чем быть королем. Но ничто не продолжается вечно: в конце концов король Эдуард воротился и в праздник пасхи с намного меньшими силами разбил графа Уорвика на Барнетском поле. Граф Уорвик был убит со многими другими вельможами из его сторонников, а Эдуард вновь так прочно завладел короною, что мирно владел ею вплоть до своего смертного дня; и когда он ее оставил, то потерять ее было бы почти невозможно, когда бы не распри между его истинными друзьями и не предательство его ложных друзей.

Я столь подробно пересказал эти брачные дела* для того, чтобы виднее было, на каком зыбком основании построил протектор свое обвинение, что дети короля Эдуарда — незаконнорожденные. Но хоть такое измышление и было очень пошлым, оно пришлось по душе тем, кому важно было хоть что-то сказать: они были уверены, что никаких более веских доказательств от них не потребуются. Тогда-то, как я начал уже рассказывать, и решено было протектором и его советом, что названный доктор Шей в своей проповеди в соборе св. Павла должен объявить народу, что ни король Эдуард, ни герцог Кларенс не были зачаты в законе и не были истинными детьми герцога Йорка, но герцогиня, их мать⁹¹, понесла их незаконно в прелюбодеянии от других лиц, а также что подлинною женою короля Эдуарда была дама Елизавета Люси и поэтому сам государь и все его дети от королевы — незаконнорожденные.

В соответствии с этим замыслом доктор Шей в ближайшее воскресенье выступил с проповедью у креста перед собором см. Павла⁹² при многолюдной толпе, всегда стекавшейся на его проповеди, и взял предметом такие слова: «*Spuria vitulamina non agent radices altas*», что значит:

* В 1565 добавлено: «обойти их было бы неуместно».

«Прелюбодейные поросли не дадут корней в глубину» (Премудрость Соломонова, 4, 3). Для начала он показал великую милость, которую бог таинственным образом дает и сообщает законному потомству по закону супружества, а далее провозгласил, что в наказание родителям те лишь дети обычно лишены этой милости и в жизни своей злополучны, которые родились во грехе, особенно же при прелюбодейнии. И хотя некоторые из них по мирскому неведению и из-за сокрытия истины от умов наследуют до поры до времени чужие земли, однако господь всегда печется, чтобы они недолго оставались в их роду: истина выходит на свет, законные наследники восстанавливаются*, а прелюбодейная поросль выдергивается, не успев пустить глубоких корней. Для доказательства и подтверждения этой мысли он изложил некоторые примеры из Ветхого завета и другие древние истории, а потом начал распространяться в похвалах покойному Ричарду, герцогу Йорку, называя его отцом лорда-протектора, и сообщил о правах его наследников на корону, которые были определены властью парламента после смерти короля Генриха VI. А единственным истинным его наследником и законнорожденным сыном, заявил он, является только лорд-протектор. Ибо, провозгласил он затем, король Эдуард не был никогда законным образом женат на королеве, а перед богом оставался мужем дамы Елизаветы Люси, и поэтому его дети — незаконнорожденные. Да и сам король Эдуард, и герцог Кларенс никогда не считались среди тех, кто знал тайны дома, за бесспорных детей благородного герцога**, так как лицом они больше напоминали не его, а некоторых других людей, и от душевных его доблестей (добавил он) король Эдуард тоже был далек. Зато лорд-протектор, сказал он, — вот благороднейший правитель, вот образец рыцарских доблестей: как царственным своим поведением, так и чертами лица представляет он подлинный облик благородного герцога, его отца. Это его образ, продолжал проповедник, это свойственное ему выражение лица, истинный отпечаток его черт, несомненное его подобие, воочию зримый облик названного славного герцога.

Было условлено, что при этих словах протектор сам должен был явиться средь народа, слушавшего проповедь, чтобы людям показалось, будто эти слова, совпавшие с его появлением, сам дух святой вложил

* В 1565 добавлено: «отпрыски-сверстники возвращаются на свою почву».

** В 1565 пространнее: «Поскольку Эдуард вопреки закону и обычаю сочетался с королевой в то время, когда еще была жива истинная и несомненная жена его госпожа Люси. Он был помолвлен с ней еще в ее девичестве, потом вступил с нею в брачную связь и даже имел от нее ребенка, однако своих обязательств перед нею он не выполнил, так как к нему тогда явилась прекрасная вдова и он попал верность во имя похоти, так что ни один из их отпрысков не имеет права царствовать. Говорил об этом Шей с большою силою — не только намеками и подозрениями, но даже живо называя имена свидетелей. Ему ведомо, продолжал он, какой великой опасности он себя подвергает, но ведь он говорит с того места, откуда должна звучать только истина, которая дороже, нежели сама жизнь; и образец для него — Иоанн Креститель, презревший смерть, обличая незаконные браки королей. Да и удивительно ли, что Эдуард не был озабочен мыслию о том, законных ли он оставит сыновей или незаконных, если ни сам он, ни брат его Кларенс не были на самом деле достоверными сыновьями их отца...»

в уста проповедника, и чтобы под этим впечатлением народ закричал: «Король Ричард! Король Ричард!» — тогда можно было бы сказать потом, что сам бог избрал его, явивши чудо. Но замысел не удался — то ли из-за небрежности протектора, то ли из-за непомерного усердия проповедника. Дело в том, что протектор в своем пути нарочно мешкал, чтобы не опередить этих слов, а доктор, опасаясь, что тот прибудет скорее, чем его речь дойдет до нужных слов, чрезмерно с ними поторопился: он подошел к ним, и миновал их, и приступил к другим предметам раньше, чем появился протектор. И поэтому, завидев его появление, он разом бросил говорить, о чем говорил, и без всякого перехода, порядка и связи начал вновь повторять слова, что это — «тот самый благороднейший правитель, образец всех рыцарских доблестей, который как царственным своим поведением, так и выражением и чертами лица являет подлинный облик герцога Йорка — его отца: это его образ, свойственное ему выражение лица, истинный отпечаток его черт, несомненное его подобие, воочию зримый облик славного герцога, чья память никогда не умрет, пока жив этот муж». При этих самых словах протектор в сопровождении герцога Бэкингема прошел меж народом к тому месту на верхнем ярусе, где обычно стояли духовные лица. Там он остановился, слушая проповедь. Но люди и не помышляли кричать: «Король Ричард!» — пораженные постыдною проповедью, они стояли, словно превратившись в камни.

После того как эта проповедь окончилась, проповедник укрылся дома и от стыда не смел более оттуда показываться, скрываясь от света, как сова. А когда однажды он спросил у своего старого друга, что о нем говорят в народе (хоть и собственная совесть достаточно подсказывала ему, что ничего хорошего не говорят), а тот ответил ему, что из каждых уст о нем слышен только позор, это так поразило его сердце, что через несколько дней он угас и покинул этот мир*.

Затем, в следующий вторник после этой проповеди, в лондонский Гилдхолл** явился герцог Бэкингом⁹³ с толпою лордов и рыцарей, среди которых не все даже знали, с какой вестью они идут. И здесь, в восточном конце зала, откуда мэр правил суд, окруженные мэром и олдерменами, они собрали перед собою все общины города; именем протектора, под страхом большого наказания, всем было приказано замолчать, и тогда герцог встал (а был он не лишен учености и от природы имел редкостный дар слова) и ясно, громко обратился к народу с такой речью:

«Друзья! Преданное и сердечное расположение, которое мы испытываем к вам***, побудило нас прийти сюда, чтобы сообщить вам о деле большом и важном, и не только важном, но и угодном богу и выгодном всему королевству, а в особенности выгодном не кому-нибудь другому в королевстве, а вам, гражданам этого благородного города. Так вот,

* В 1565 добавлено: «Однако что было дерзко начато, то должно было дерзко и продолжиться».

** В 1565 добавлено: «место прекрасное и достаточно просторное, чтобы вместить большую толпу».

*** В 1565 добавлено: «ведь вам известно, кто мы такие».

мы пришли сюда, дабы принести вам то, в чем вы заведомо долго нуждались, чего страстно желали, за что готовы были отдать большие деньги, за чем пустились бы в самый дальний путь; мы же это приносим вам без усилий, страданий, затрат, риска и опасности для вас. Что же это такое? Это безопасность вашей жизни, спокойствие ваших жен и дочерей, сохранность вашего имущества: ведь в былые времена вы ни в чем этом не могли быть уверены. Кто из вас мог бы чувствовать себя истинным хозяином своего добра среди стольких силков и ловушек, сколько их было вокруг, среди стольких грабежей и поборов, среди стольких налогов и пошлин, которым никогда не было конца и в которых часто не было нужды? а если и была нужда, то скорее из-за мятежей и неразумных опустошений, чем для какого-нибудь необходимого или достойного расхода*. У людей богатых и почтенных, что ни день, отбиралось новое и новое добро, чтобы раздать его расточителям; а когда не хватало «пятнацатины»⁹⁴ и любых иных привычно звучащих налогов⁹⁵, то под удобным именем беневоленции⁹⁶, или доброхотных дааний, сборщики вымогали от каждого столько, сколько ни один человек доброхотно не мог бы им дать. И если этот побор назывался беневоленцией, то это значило, что каждый человек должен платить не столько, сколько он хочет дать, а столько, сколько король хочет взять. Тогда ничто не запрашивалось помалу, но всего требовали сверх меры⁹⁷: штрафы превращались в поборы, поборы в выкупы, малое злоупотребление в преступление, преступление в измену.

Я думаю, никто здесь не нуждается в том, чтобы мы приводили поименные примеры. Разве вы забыли Бардета⁹⁸, который за одно необдуманное слово** был жестоко обезглавлен, и законы королевства были нарушены в угоду королю? Сколько славы стяжал тогда Маркхем⁹⁹, главный судья, который предпочел оставить свою должность, чем дать согласие на такой приговор, и сколько позора легло на всех, кем из страха или из лести приговор этот был вынесен!*** А Кук¹⁰⁰, уважаемый ваш сосед, олдермен и мэр этого благородного города****? кто из вас столь невежествен, чтобы о нем не знать, или столь забывчив, чтобы о нем не помнить, или столь бессердечен, чтобы не жалеть о потерях этого достойного человека? О потерях? нет, о совершенном его разорении***** и о незаслуженной гибели, и все это лишь оттого, что он любил тех, кого не любил король. Я думаю, что нет надобности перечислять всех остальных по именам: уверен, что многие здесь присутствующие помнят,

* В 1565 иначе: «хотя и королю не для чего было требовать денег, и народу не из чего платить».

** В 1565 добавлено: «за чашей с вином».

*** В 1565 добавлено: «Благодаря лживому толкованию законов они погубили невинного человека, который положил на их верность долгу и совести».

**** В 1565 добавлено: «Немногие города могут гордиться такими людьми: должным образом он получал от вас все места и должности и на каждом прекрасно управлял».

***** В 1565 добавлено: «из такого огромного богатства он был сброшен не просто в бедность, но прямо-таки в нищету».

как они сами или их ближайшие друзья видели немалые опасности и своему добру, и себе самим из-за обвинений или вовсе лживых, или ничтожных, но прикрытых грозными словами!

Не было такого страшного обвинения, для которого не находилось бы предлога. Ведь король наш, не дождавшись срока своего престолонаследия, добился короны мечом; и поэтому, чтобы обвинить богатого человека в измене, достаточно было его родства, дружбы, близости или простого знакомства с кем-нибудь из врагов короля, а во врагах короля побывало не меньше половины королевства. Таким образом, никогда ваше добро не находилось в безопасности, а самим вам все время грозили обычные превратности войны. Война всегда бывает причиною многих злополучий, но злополучнее всего она тогда, когда народ в раздоре с самим собой; и нигде на свете не была она так пагубна и опустошительна, как у нас; и никогда у нас не была она столь долгой, со столь частыми битвами, такими ожесточенными и смертоносными, как это было в дни покойного государя, да простит ему это бог. При нем и ради него, когда он добывал венец, удерживал его, терял его и вновь отбивал его, пролилось больше английской крови, чем при двукратном завоевании Франции. Столько древней дворянской крови стоили нам эти междоусобицы, что осталась едва ли половина ее, к большому ущербу этой благородной страны; а что уж говорить обо всех богатых городах, разоренных и разграбленных по пути на битву или с битвы! Но и мир потом был не спокойнее войны: никогда не было такого времени, чтобы человек богатый был спокоен за свои деньги, а человек знатный за свои земли, а кто бы то ни было за собственную безопасность. Воистину, кому король мог доверять, не доверяя родному брату? кого он мог жалеть, убив родного брата? и кто мог любить его, если не мог родной его брат? Мы поощрим его честь и не станем говорить, каким людям он больше всего благоволил; однако вы все знаете хорошо: чем больше он любил человека, тем меньше тот считался с законом, и много больше подавалось судебных прошений жене Шора, пошлой и презренной развратнице, нежели всем лордам Англии, исключая тех, которые у нее же искали помощи. А ведь эта простая женщина пользовалась и уважением, и доброй славой, пока король в своей распутной похоти и греховной страсти не отнял ее у мужа, честного и состоятельного человека из вашей же среды. По чести сказать, мне об этом очень бы не хотелось говорить, но бесполезно держать в секрете то, о чем знает каждый: алчная похоть короля была ненасытной и несносной для всего королевства, так как не было такой женщины, молодой или старой, богатой или бедной, которая бы ему приметилась и понравилась чем угодно — видом, лицом, речью, поступью или осанкою, — чтобы он, не боясь ни бога, ни бесчестия, ни мирской молвы, не устремился бы к ней в своем вожделении, не овладел бы ею и не принес бы этим погибели многим добрым женщинам и большого горя их мужьям и другим друзьям — людям честным и так высоко чтущим чистоту дома, целомудрие жен и стыд детей, что им легче было бы всего лишиться, нежели претерпеть такое поношение.

Не было в королевстве места, не затронутого этими и другими непереносимыми обидами; но более всех страдали вы — граждане этого благородного города, как потому, что у вас больше всего было добра, ради которого вершатся такие несправедливости, так и потому, что вы всегда были у него под рукой, ибо время свое он обычно проводил здесь или поблизости. А между тем он имел особую причину именно к вам относиться лучше и любезнее, нежели к любым другим своим подданным, — и не только потому, что этот знатный город, столица государя и славнейший город его государства, умножает честь и славу правителя среди всех других народов, но также и потому, что, несмотря на немалые траты и великие тревоги и опасности, вы всегда во всех войнах были на его стороне из-за душевной вашей преданности дому Йорков¹⁰¹. Отплатить вам достойно он не смог; но есть в доме Йорков человек, который с божьей помощью сумеет это сделать лучше. Объявить вам об этом — вот единственная цель нашего к вам прихода*.

Думается мне, что нет надобности повторять вам то, что вы уже слышали от того, кто мог об этом лучше сказать и кому вы должны были больше поверить. У меня есть основания так полагать: ведь я не настолько горд, чтобы надеяться весом моих слов сравниться с проповедником слова божьего, человеком настолько ученым и мудрым, что никто лучше его не умеет говорить, и человеком настолько честным и добродетельным, что он не скажет, чего не надобно, да еще с той кафедры, откуда ни один честный человек не осмелится солгать. Так вот, все вы помните, как этот почтенный проповедник в минувшее воскресенье у Павлова креста убедительно возвестил вам, какие права и притязания на корону и королевство имеет првосходнейший принц Ричард Глостер**, ныне протектор нашего государства. Достойнейший этот проповедник обоснованно показал вам, что дети Эдуарда IV никогда и не были законными, поскольку при жизни дамы Елизаветы Люси, истинной супруги короля, никогда он не был по закону женат на королеве, их матери: и не поставь король свое сладострастие превыше чести, никогда бы ее кровь не была достойна сочетаться с королевской; а смешавшись с ней, она лишила королевство немалой доли знатнейшей его крови. Из этого ясно, что не хорош был брак, от которого взросло столько бед. И вот из-за незаконности этого брака, а также по другим причинам, о которых названный почтенный доктор сказал лишь намеком без подробностей и о которых я тоже не буду говорить и никто не посмеет сказать, что мог бы, дабы не навлечь неудовольствия моего благородного лорда-протектора, от природы питающего сыновнее уважение к герцогине, своей матери***, — по этим-то упомянутым мною причинам, т. е. из-за отсутствия другого потомства, законно происходящего от покойного благород-

* В 1565 добавлено: «Выслушайте же меня до конца так же внимательно, как и до сих пор».

** В 1565 добавлено: «Муж цветущий всеми добродетелями».

*** В 1565 добавлено: «вследствие чего он даже ради общественного блага не позволит дурно отзываться о ней».

ного принца Ричарда, герцога Йорка, чьей королевской крови корона Англии и Франции была вверена высокою властью парламента, ныне все его права и звания по законному порядку наследования, принятому в общем праве этой страны, передаются и переходят к превосходнейшему принцу лорду-протектору как единственному законнорожденному сыну упомянутого благородного герцога Йорка. Старательно это рассмотрев и обдумав те рыцарские доблести и многообразные добродетели, которых так много в его благородной особе, дворяне и общины этого королевства, особенно же северных его областей, не желая, чтобы власть над страной принадлежала нечистой крови и чтобы злоупотребления прежних лет продолжались далее, согласились и единодушно решили обратиться со смиренным прошением к могущественнейшему принцу, лорду-протектору: пусть его милость соизволит в ответ на нашу смиренную просьбу принять на себя власть и блюстительство над этим королевством ради процветания его и расширения согласно истинному своему праву и законному титулу. Однако же я знаю, что принять этот сан ему не по сердцу, ибо в мудрости своей он ясно предвидит все тяготы и заботы как умственные, так и телесные, которые выпадают на долю того, кто трудится на этом месте так, как будет трудиться он, если пожелает занять его. Говорю об этом смело, ибо королевское место, — я предостерегаю вас! — это не детская должность. И это понимал премудрый, когда он сказал: «*Veh regno cujus rex ruet est*» — «Горе тебе, земля, когда царь твой отрок» (Экклес., 10, 16). Поэтому тем более должны мы благодарить бога за то, что столь благородный муж, столь законно носящий свое звание, находится в столь зрелом возрасте и сочетает великую мудрость с великим опытом*. И однако при всем этом, повторяю вам, он вовсе не хочет принять этот сан, и к прошению нашему он милостиво склонится лишь тогда, когда вы, почтеннейшие граждане столичного города в королевстве, соединитесь с нами, дворянами, в указанной нашей просьбе. Мы не сомневаемся, что ради вашего собственного блага вы так и сделаете; и все же я и со своей стороны от души вас об этом прошу. Этим вы и всему королевству сделаете большое благо, избрав столь хорошего короля, и себе получите особенную выгоду: к вам его высочество будет всегда тем благосклоннее, чем он больше увидит в вас готовности и благожелательности при его избрании. Поэтому, дорогие друзья, мы и просим вас открыто нам сказать, что вы об этом думаете».

Когда герцог окончил речь, он взглянул на народ, ожидая, что на такое предложение все закричат: «Король Ричард! Король Ричард!», как обещал это мэр; но все были безмолвны, как немые, и не отвечали ни единым словом. Это герцога до крайности смутило; и он, подозвав к себе мэра и остальных, кто был в сговоре, тихо спросил их, что означает подобное молчание?

«Сэр, — ответил мэр¹⁰², — быть может, они нехорошо вас поняли?»

* В 1565 иначе: «соединяет со своей дивной мудростью обширный опыт и великую славу своих доблестей, явленных в отечестве и на чужбине».

Если нужно, мы постараемся это исправить!» И тут же он повторил всю эту речь чуть погромче, в другом порядке и другими словами; сделал он это так хорошо и красиво и притом так ясно и просто, таким выразительным голосом, с такими лицом и жестами, что каждый, кто его слышал, дивился и думал, что никогда еще в своей жизни не слышивал он столь дурных речей в столь хороших словах. Но от удивления, от страха или оттого, что каждый ждал, пока другой начнет, только никто во всей толпе не сказал ни слова: все стояли не шевелясь, было тихо, как в полночь, и совсем не слышно было того ропота, когда люди сговариваются, что им лучше делать.

Увидавши это, мэр * вместе с другими участниками сговора подошел к герцогу и сказал, что люди здесь не привыкли, чтобы с ними говорил кто-то, кроме рекордера, ибо рекордер — это уста города; может быть, рекордеру они дадут ответ **. В ответ на это выступил рекордер по имени Фитцуильям¹⁰³, почтенный человек и честный, который так недавно занял эту должность, что ни разу еще не выступал перед народом прежде и не желал бы начинать с такого опасного дела; тем не менее, подчиняясь приказу мэра ***, он еще раз изложил общинам то, что герцог дважды повторил им сам. А речь свою он так построил, что обо всем сказал словами герцога, от себя не прибавив ничего. Но и от этого ничто не изменилось: люди стояли все, как один, будто пораженные громом ****.

Видя это, герцог ***** наклонился к мэру и сказал: «Это упорное молчание удивительно!» А затем он опять повернулся к народу с такими словами:

«Дорогие друзья! Мы пришли просить вас о помощи, в которой, пожалуй, не столь уж и нуждаемся, здесь довольно было бы и решения лордов королевства с общинами его областей. Однако мы питаем к вам такую любовь и так вас ценим, что нам не хотелось бы делать без вас такое дело, участие в котором принесет вам благо и честь, чего, кажется, вы либо недооценили, либо не поняли *****. Поэтому мы просим вас ответить нам, да или нет? хотите ли вы заодно со всеми лордами королевства, чтобы этот благородный принц, ныне протектор, был вашим королем или нет? *****»

При этих словах народ ***** начал потихоньку шептаться, так что шум голосов был ни громким, ни внятным, а похож на гудение пчел.

* В 1565 включено пояснение: «сам немного испугавшись».

** В 1565 пространнее: «Возможно, их молчание происходит оттого, что они не желают ни в чем отходить от своих обычаев. А рекордером у лондонцев называется помощник мэра, сведущий в законах и следящий, чтобы из-за незнания законов не произошло ошибки в судебных приговорах».

*** В 1565 добавлено: «и опасаясь, что худо ему будет, если он откажется».

**** В 1565 добавлено: «и молчание было, как ночью в глубоком сне».

***** В 1565 добавлено: «огорченный, что речь его принята была столь враждебно».

***** В 1565 добавлено: «когда не удостоили даже ответа».

***** В 1565 добавлено: «Услышав любой ответ, мы тотчас уйдем и более не будем этим вам докучать».

***** В 1565 добавлено: «немного заволновавшись».

Вот тогда-то в нижнем конце зала явились из засады слуги герцога, слуги Нешфилада¹⁰⁴ и другие люди протектора вместе с подмастерьями и молодыми людьми, которые набились в зал, привлеченные деньгами, и вдруг начали из-за спины у всех кричать во всю глотку: «Король Ричард! Король Ричард!» — и бросать вверх шапки в знак ликования. А те люди, что стояли впереди, опустили в недоумении головы, но сказать ничего не решились*.

Когда герцог и мэр увидели происходящее, они умело этим воспользовались. Они воскликнули, что такой добрый крик приятно и слышать, когда все единогласны и никто не говорит поперек. «Поэтому, милые друзья, — произнес герцог, — нам понятно ваше единодушное желание иметь этого благородного мужа вашим королем, и мы сделаем об этом его милости самый убедительный доклад, который, несомненно, послужит общему вашему благу и прибыли. Мы просим вас завтра поутру явиться к нам, и мы вместе пойдем к его благородной милости, чтобы сказанным образом изложить ему нашу смиренную просьбу».

Затем лорды удалились, собрание было распушено, и люди разошлись — большинство их было мрачно, иные невесело притворялись довольными, а некоторые из тех, кто пришел туда с герцогом, не в силах были скрыть досаду и шли домой, отвернув лицо в сторону и в слезах изливая душевную скорбь.

На следующее утро¹⁰⁵ мэр со всеми олдерменами и старшими членами городской общины, одетые в лучшие одежды, собрались вместе и явились в Бэйнард Касл¹⁰⁶, где жил протектор. Туда же по уговору прибыл герцог Бэкингам и с ним другие бароны, много рыцарей и прочих дворян. И тогда герцог послал к лорду-протектору сказать, что большая и почтенная делегация ждет его с важным делом к его милости. Когда же протектор ответил, что он не решается к ним выйти, пока не узнает, чего хочет посольство, ибо он смущен и немного встревожен внезапным появлением стольких людей к нему без всякого уведомления или предупреждения, с добром или бедой они пришли, — тогда герцог указал мэру и остальным, что они сами могут видеть, как мало протектор думает об их замысле; и затем к протектору вновь был послан вестник с заверениями в любви и с низжайшей просьбою удостоить их приема, чтобы они могли изложить ему свое дело, которое они даже намеком не могут раскрыть никому другому. Наконец герцог вышел из покоев, но не к ним, а стоял над ними на галерее, где они могли только видеть его и говорить издали, словно он не решался подойти поближе, пока он не узнает, что они задумали.

Тут герцог Бэкингам** прежде всего от имени всех смиреннейше попросил, чтобы его милость простила их и без гнева дозволила изложить,

* В 1565: «К крикунам присоединились какие-то подмастерья, хоть им и дела не было до Ричарда, как водится в толпе, а затем мальчишки, охочие до всякой новинки. И хоть герцогу досадно было, что ни одного достойного гражданина с ними нет...»

** В 1565 добавлено: «возвышаясь средь народа на лошади».

зачем они пришли; а без такого прощения они не осмелятся беспокоить его своим делом. Хотя они и полагают, что дело это сулит многую честь его милости и многое благо всему королевству, однако они не уверены, как отнесется к этому его милость, и очень не хотели бы его обидеть.

Тогда протектор, по природной своей кротости и по великому желанию узнать, что они замыслили, дал герцогу позволение изложить, что он хочет, не без основания надеясь, что за все то доброе расположение, которое он питает к ним ко всем, вряд ли кто из них мог замыслить против него что-нибудь огорчительное.

Когда герцог получил такое разрешение и поощрение говорить, тогда он отважно раскрыл перед ним их намерение и замысел со всеми его побудительными причинами, о которых вы уже слышали*; и в заключение обратился к его милости с мольбою — не оставить своего обычного рвения к благу королевства, воззреть сострадательным оком на давние его бедствия и упадок и приложить свои милостивые руки к его поправлению и возрождению, приняв на себя венец и власть над королевством, по праву его и званию законно принадлежащим ему, — к вящей славе господа, к вящему благу всей земли, а себе самому — к наивысшему почету и наименьшим тяготам, ибо нигде никогда ни один государь не царствовал над народом, столь радостно ему покорным, как покорен ему этот народ.

Услышав такое предложение, протектор взглянул отчужденным взглядом и ответил так. Да, ему неизвестно, что говорят они правду; однако он так неподдельно любит короля Эдуарда и его детей, что ему гораздо дороже добрая слава в окрестных государствах, чем корона этого государства, о которой он никогда и не мечтал; и поэтому он не видит в своем сердце ничего, что склонило бы его к их просьбе. Ведь в чужих народах, где не так хорошо известна истина, будут, наверное, думать, что это он сам своим честолюбием и коварством низложил принца и присвоил себе корону; а таким позором он бы не хотел запятнать свою честь ни за какой венец. С ним он приобретет много больше трудов и печалей, чем отрад, — а кто ждет от короны иного, тот и вовсе недостоин ее носить. Тем не менее он не только прощает их просьбу, но даже благодарит их за любовь и сердечное расположение; однако он умоляет их теперь ради него пойти и высказать эти чувства принцу. А с него довольно жить под властью принца, служа ему трудами и советами, пока тому угодно их

* В 1565 иначе: «Наконец обратился к нему с мольбой явить свою милость, не оставить заботою державу, так долго уже терзаемую столькими непереносимыми бедствиями; взглянуть со свойственной ему благосклонностью на лордов и общины, припадающие к стопам его; принять на плечи свои заботу об отечестве, чающем опоры в нем едином; возвысить вновь государство, всеми разоренное и поправное; возложить свою длань на шквер, как на руль корабля, давно уже блуждающего без опытного кормчего, а свою почтенную голову обременить тяжестью короны. Да не устрашат его бури власти, да не соблазнит его нескромная скромность, да не пренебрежет он ради собственного покоя всеобщим спокойствием и не откажется от королевства, которое принадлежит ему по людским законам и божеским предначертаниям!»

принимать; и он сделает все, что может, чтобы привести королевство в добрый порядок. Благодарение богу, хорошее начало этому уже положено, хоть протектором он стал совсем недавно; по крайней мере, злоба тех, кто прежде пытался и впредь намеревался ему противодействовать, теперь уже укрощена, частично разумными его мерами, а частично, пожалуй, скорее уж особой божьей милостью, чем человеческими заботами.

Получив такой ответ, герцог по разрешению протектора переговорил с мэром, рекордером и с дворянами, что были при нем, а затем, заранее испросив и получив прощение, он громко возвестил протектору, что окончательное решение, твердо принятое всем королевством, состоит в том, что потомство короля Эдуарда не должно более властвовать над ним. И так как зашли они уже слишком далеко, чтобы безопасно отступить, и так как избранный ими путь они все равно считали бы самым благодетельным для всех, даже не вступив на него, то, если его милости угодно принять корону, они будут смиренно умолять его об этом, если же он даст решительный отказ (который им бы очень не хотелось услышать), тогда они поневоле должны искать и сумеют найти какого-нибудь другого вельможу, который им не откажет.

Эти слова сильно взволновали протектора, хотя только что всякий мог видеть, что от него никак нельзя было ожидать согласия. Но так как он понял, что иного способа нет — либо он примет корону, либо и он, и его племянник ее потеряют, — то он обратился к лордам и общинам вот какие слова:

«Поскольку мы поняли, к великому нашему огорчению, что все наше королевство так решило, что оно никоим образом не потерпит над собою короля из потомства Эдуарда, а над нашими людьми никто на свете не сможет управлять против их воли; и поскольку мы также поняли, что нет ни одного человека, к кому корона могла бы перейти законнее, чем к нам, истинному наследнику, законнорожденному от нашего дражайшего отца Ричарда, покойного герцога Йорка; и поскольку к этому праву сейчас присоединился и ваш выбор, лорды и общины королевства, который мы считаем самым важным из всех на свете прав*, поэтому мы милостиво склоняемся на вашу просьбу и убеждение и в соответствии с этим принимаем ныне на себя королевский сан, власть и управление над двумя славными королевствами, Англией и Францией, для того, чтобы одним отныне и впредь наследно править, властвовать и защищать, другое же божьей милостью и с вашей доброй помощью завоевать и подчинить вновь, чтобы оно обреталось всегда в должной покорности нашей английской короне, — и ради этого никогда мы не попросим у господа продлить нашу жизнь дольше, чем надобно, чтобы этого достичь»**.

* В 1565 добавлено: «также поскольку я вижу единодушное согласие ваших мнений обо мне и не хочу показаться бессильным к управлению государством или невнимательным к вашему обо мне доброму мнению».

** В 1565 пространнее: «Я полагаю, что только управление обеими державами должно принадлежать мне, а законные доходы и владения в них — вам, т. е. всему обществу; и если наступит день, когда я переменюсь в этой мысли, то пусть небес-

При этих словах поднялся большой шум и раздались крики: «Король Ричард! Король Ричард!» И тогда лорды поднялись наверх к королю (ибо так его стали называть с этого времени), а народ разошелся, толкуя о случившемся по-разному, как кому подсказывало воображение.

Больше всего было толков и недоумений о том, как это дело было сделано: обе стороны вели себя так странно, словно об этом между ними не было прежде никаких переговоров, хотя очевидно было, что никто из слушателей не мог быть так глуп, чтобы не понять, что все дело сговорено между ними заранее. Впрочем, некоторые и это извиняли, утверждая, что все должно делаться по порядку и людям надлежит из приличия некоторое время притворяться, будто они не знают того, что знают. Так, при посвящении в сан епископа всякий понимает: если только он уплатил за папские буллы*, то он уже решился стать епископом; и тем не менее он дважды должен быть спрошен, желает ли он стать епископом, дважды должен ответить «нет» и лишь на третий раз согласиться, словно по принуждению. Так и в балаганном представлении все отлично знают, что тот, кто играет султана, на самом деле всего лишь сапожник; но если бы кто-нибудь возымел глупость показать не вовремя, что ему это известно, и окликнуть актера в его султанском величии собственным его именем, то как бы не пришлось султанскому палачу хватить его по голове, — и поделом: не порти игру. Вот и эти дела (говорил народ) — не что иное, как королевские игры, только играют они не на подмостках, а по большей части на эшафотах. Простые люди в них лишь зрители; и кто поумней, тот не будет в них вмешиваться. А кто влезает на подмостки и вмешивается в игру, не зная роли, те только портят представление и себе же делают хуже.

На следующий день¹⁰⁷ протектор с огромной свитой направился в вестминстерский дворец** и там явился в Суд королевской скамьи***, объявив присутствующим, что ему угодно принять корону именно здесь, где король сидит и служит закону, ибо он полагает, что служить законам — главнейший долг короля. А затем он обратился с речью, заискивая изо всех сил и перед знатью, и перед торговцами, и перед ремесленниками, и перед всяким сбродом, более же всего перед законооведами британского королевства. В заключение же, чтобы никому не внушать страха и ненависти и чтобы снискать расположение коварным своим милосердием, он, описав весь вред раздоров и всю пользу согласия и единства, во всеуслышанье заявил, что отныне он изгнал из памяти всякую прежнюю вражду и при всех прощает все, что было сделано против него. И дабы подтвердить такие слова, он повелел привести к себе некоего

ные силы в тот день отнимут у меня не только это ваше государство, но и самую мою жизнь, которой я стану недостоин».

* В 1565 добавлено: «и ничего не заплатил королю...»

** В 1565 добавлено: «который и больше и величественней, чем лондонский, и в котором разбираются судебные дела всякого рода со всех концов королевства».

*** В 1565 добавлено: «это место так называется потому, что решения этого суда имеют такую же силу, как те, что исходят из собственных уст короля».

Фогга¹⁰⁸, которого он давно уже смертельно ненавидел; и когда того доставили к нему из церковного убежища (куда он бежал из-за страха перед королем), то он на глазах всего народа подал ему руку. Народу это понравилось и вызвало общую хвалу, но умные люди сочли это пустой потехой. На возвратном же своем пути он не пропускал без доброго слова ни единого встречного: ибо кто знает за собою вину, тот всегда склонен к подобному угодливому заискиванию.

Когда после этих шутовских выборов он вступил во власть, было 26 июня, а затем 6 июля он был коронован. И это торжество оказалось обеспеченным по большей части теми самыми приготовлениями, которые предназначались для коронования его племянника.

Так совершилось это страшное преступление. И так как не бывает добра от того, что рождено во зле, то все время, пока он был королем, убийства и кровопролития не прекращались до тех пор, пока его собственная гибель не положила всему этому предел. Но если кончилось его время самой лучшей и самой справедливой смертью — его собственной¹⁰⁹, — то началось оно смертью самой горестной и гнусной — я имею в виду прискорбное убийство его невинных племянников, молодого короля и его маленького брата¹¹⁰. Смерть и окончательная погибель их, однако, оставались под сомнением так долго, что некоторые до сих пор пребывают в неуверенности, были ли они убиты в те дни или нет. И это не только потому, что Перкин Варбек¹¹¹, пользуясь коварством многих людей и глупостью еще более многих, так долго обманывал мир, и вельможами и простонародьем принимаемый за младшего из этих двух принцев, — это еще и потому, что в те дни все дела делались тайно, одно говорилось, а другое подразумевалось, так что не бывало ничего ясного и открыто доказанного, а вместо этого по привычке к скрытности и тайне люди всегда ко всему относились с внутренним подозрением: так искусные подделки вызывают недоверие к настоящим драгоценностям. Однако по поводу этого мнения и всех доводов в пользу него и против него мы сможем в дальнейшем рассказать подробнее, если нам удастся описать историю благородного покойного государя, славной памяти короля Генриха VII, или, может быть, в сжатом очерке изложить отдельно судьбу названного Перкина¹¹². А здесь, по недостатку времени, я опишу лишь ужасный конец этих младенцев, и не по всем тем различным рассказам, которые мне приходилось слышать, а только по такому, который я слышал от таких людей и в таких обстоятельствах, что мне трудно считать его неистинным.

Король Ричард после своей коронации, направив свой путь в Глостер¹¹³, чтобы посетить в своем новом сане город, имя которого было в прежнем его титуле, решил по дороге исполнить свой давний замысел. Так как он понимал, что пока его племянники живы, люди не признают за ним права на королевскую власть, то он надумал без промедления избавиться от принцев, словно убийство родственников могло править его положение и превратить его в приемлемого для всех короля. Поэтому он и послал некоего Джона Грина¹¹⁴, особо доверенного своего

человека, к констеблю Тауэра сэру Роберту Брэкенбери¹¹⁵ с письменным и устным распоряжением, чтобы этот сэр Роберт так или иначе предал смерти обоих детей. И этот Джон Грин, коленопреклонясь перед образом богоматери в Тауэре, передал Брэкенбери такое поручение; но тот прямо ему ответил, что скорее сам умрет, чем предаст их смерти. С этим ответом и воротился Джон Грин к королю в Уорвик¹¹⁶, когда тот еще находился в дороге.

Услышав это, король впал в такое раздражение и раздумье, что той же ночью сказал своему доверенному пажу¹¹⁷: «Ах, есть ли человек, которому можно довериться? Те, кого я сам возвысил, те, от кого я мог ждать самой преданной службы, даже они оставляют меня и ничего не хотят делать по моему приказу...» — «Сэр, — ответил паж, — здесь в Фольговой палате есть человек, который, я смею надеяться, может угодить вашей милости: трудно найти такое, от чего бы он отказался». Он имел в виду сэра Джемса Тирелла¹¹⁸; это был человек выдающийся и по своим природным дарованиям мог бы служить более достойному принцу, если бы умел служить богу и милостью божией приобрести столь же много честности и доброй воли, сколько было у него силы и ума. Сердце у него было гордое, и он страстно стремился пробиться наверх, но не мог возвыситься так быстро, как надеялся, ибо ему мешали и препятствовали сэр Ричард Рэтклиф и сэр Уильям Кэтсби¹¹⁹, не желавшие ни с кем делить королевскую милость, а тем более с ним, который по гордости своей тоже ни с кем не захотел бы быть равным; а поэтому они тайными средствами держали его в стороне от всех секретных поручений. Все это паж замечал и знал. Поэтому когда приключился такой случай, по некоторой особой дружбе своей с Тиреллом он решил, что пора выдвинуть его вперед и оказал ему такую услугу, что все его враги, кроме разве самого дьявола, не смогли бы сделать ему хуже.

После слов пажа Ричард встал (во время беседы он сидел на стульчаке — подходящее место для такого совета!) и вышел в Фольговую палату, где он нашел в постели сэра Джемса и сэра Томаса Тиреллов¹²⁰, схожих лицом и братьев по крови, но очень разных по своему положению. Король сказал им запросто: «Что это вы, господа, так рано в постели?» — и позвал сэра Джемса к себе. Тут он поведал ему тайно о своем преступном намерении, и тому оно показалось ничуть не странным. Убедившись в этом, король поутру послал его к Брэкенбери с письмом, в котором предписывал передать сэру Джемсу на одну ночь все ключи от Тауэра, чтобы он мог здесь исполнить королевскую волю в таком деле, о котором ему дано распоряжение. И когда письмо было вручено и ключи получены, сэр Джемс избрал для убийства наступающую ночь, наметив план и подготовив все средства.

Принц, едва он узнал, что протектор отказался от протекторского звания и зовет себя королем, тотчас понял из этого, что царствовать ему не придется и что корона останется за дядей. При этой вести он горько закрутил и, вздыхая, сказал: «Увы! если бы мой дядя оставил мне хотя бы жизнь, если уж не королевство!» Тот, кто принес ему эту весть,

постарался его утешить добрыми словами и ободрить, как можно; однако и принц и его брат тотчас были заперты на замок и все друзья отстранены от них, и только один, по имени Черный Виль, или Уильям Дугуб¹²¹, остался им прислуживать и следить за их безопасностью. С этого времени принц никогда не завязывал на себе шнуровки, перестал следить за собой и вместе с малым ребенком, своим братом, влачил тревожное и горькое существование в сомнении и скорби, пока предательское убийство не освободило их обоих от страданий.

Итак, сэр Джемс Тирелл решил умертвить их в постелях. Для исполнения этого он назначил Майлса Фореста¹²², одного из их четырех телохранителей, парня, запятнавшего себя когда-то убийством; к нему он присоединил Джона Дайтона¹²³, своего собственного стремянного, головореза огромного роста, широкоплечего и сильного. Все остальные были от принцев отстранены. И вот около полуночи, когда невинные дети спали в постелях, эти Майлс Форест и Джон Дайтон вошли в их спальню, внезапно набросили на них одежду и так закрутили и запутали их, зажав им рты перинной и подушками, что в недолгий срок задушили их и прикончили. Дыхание их ослабело, и они отдали богу свои невинные души на радость небесам, оставив преступникам на ложе свои мертвые тела. И когда злодеи поняли, сначала по предсмертным их судорогам, а потом по долгой недвижимости, что дети уже совершенно мертвы, тогда они положили их мертвые тела на кровать и пригласили сэра Джемса посмотреть на них. Тот, взглянув на них, приказал убийцам похоронить их в земле под лестницей на должной глубине, навалив сверху груды камней. А затем сэр Джемс поспекал со всей поспешностью к королю Ричарду и рассказал ему обо всех обстоятельствах убийства.

Король за это изъявил ему большую благодарность; некоторые даже говорят, что он тотчас был произведен в рыцари¹²⁴. Но, говорят, он не позволил их зарыть столь подлым образом в углу, заявив, что он желает похоронить их в лучшем месте, ибо все же они дети короля. Вот какова была благородная душа этого монарха! Поэтому будто бы священнику сэра Роберта Брэкенбери приказано было вырыть тела и тайно похоронить их в таком месте, какое он один бы только знал, чтобы в случае его смерти никогда и никто не сумел бы его открыть¹²⁵. Истинно и хорошо известно, что когда Джемс Тирелл находился в Тауэре по обвинению в измене славнейшему своему государю королю Генриху VII, оба — Дайтон и он — были допрошены и признались на исповеди, что совершили убийство именно таким способом, как нами описано, но куда перенесены были тела, они не могли ничего сказать. Вот каким образом (по свидетельству тех, кто много знал и мало имел причин лгать) двое благородных принцев, эти невинные дети, рожденные от истинно королевской крови, взлелеянные в большом богатстве, предназначенные для долгой жизни, чтобы царствовать и править королевством, были схвачены вероломным тираном, лишены сана, быстро заточены в темницу, тайно замучены и убиты, а тела их были брошены бог знает куда злобым властолюбием их бессердечного дяди и его безжалостных палачей.

Если обо всем этом подумать с разных сторон, то, право же, бог никогда не являл миру более примечательного примера тому, как зыбко мирское наше благо, тому, как надменная дерзость высокомерного сердца порождает преступления, а также тому, как безжалостная злоба приводит человека к худому концу. Начнем со слуг: Майлс Форест сгнил заживо в убежище св. Мартина; Дайтон доселе бредет по жизни, поделом опасаясь, что он будет повешен раньше, чем умрет; а сэр Джемс Тирелл умер на Тауэр-Хилл, обезглавленный за измену¹²⁶. Сам же король Ричард, как вы узнаете далее, погиб на поле брани, израненный и изрубленный руками своих врагов; его мертвое тело было взгромождено на круп лошади, его волосы вырваны, и так его волокли, как дворового пса. Страдания эти он принял меньше, чем через три года после тех страданий, которые он причинил¹²⁷; и все эти три года он прожил с великой тревогой и заботами о себе, с безмерным ужасом, страхом и скорбью в душе. Я слышал правдоподобный рассказ от человека, который пользовался доверием его домашних слуг, о том, что после этого бесчеловечного деяния ум его ни на миг не бывал спокоен и он никогда не чувствовал себя в безопасности. Когда он выходил из дома, его глаза тревожно бегали вокруг, его тело было втайне прикрыто доспехами, рука всегда лежала на рукояти кинжала, выглядел он и держался так, словно всегда готов был нанести удар. По ночам он плохо отдыхал, долго лежал без сна, погруженный в размышления; тяжело утомленный заботами и бессонницей, он скорее дремал, чем спал, и его беспокоили ужасные сны. Иногда он внезапно вскакивал, бросался вон из постели и бежал по комнате, ибо его не знавшее покоя сердце без конца металось и содрогалось от угнетающих впечатлений и грозных воспоминаний о его преступном деянии.

Не видел он покоя и вокруг себя. Не прошло еще долгого времени, как уже против него возник заговор или, точнее, целый союз между герцогом Бэкингемом и многими дворянами¹²⁸. Отчего у короля и герцога возник раздор, о том различные люди рассказывают по-разному. Я достоверно знаю, что еще когда Глостер после смерти короля Эдуарда прибыл в Йорк¹²⁹ и здесь справлял торжественную заупокойную службу о короле, то герцог Бэкингем послал туда наисекретнейшим образом некоего Персела, своего верного слугу¹³⁰, который пришел к Джону Уорду¹³¹, столь же доверенному слуге герцога Глостера, и выразил желание как можно более тайно и укромно предстать перед его хозяином и поговорить с ним. Извещенный о такой просьбе, герцог Глостер приказал, чтобы в глухую ночную пору, когда весь народ разойдется, тот был доставлен к нему в тайные покои. Здесь Персел по наказу своего хозяина сообщил ему, что он тайно послан с тем, чтобы сообщить, что при нынешней перемене положения его хозяин выступит на той стороне, где будет угодно герцогу, и если нужно, придет к нему с тысячью добрых молодцов. Посол был отправлен назад с благодарностью и некоторыми тайными сообщениями о намерениях протектора; а через несколько дней, получив новые полномочия от своего герцога, он вновь встретился с протектором в Ноттингеме, куда тот прибыл из Йорка по дороге в Лондон со мно-

гимии дворянами северных графств верхом на 600 конях. Тотчас после этого свидания и разговора гонец поспешно удалился; а затем герцог сам со свитою на 300 конях встретился в Нортгемптоне с протектором и с этого времени не покидал его, оставаясь соучастником во всех его замыслах, и только после коронации они расстались в Глостере, казалось бы, как добрые друзья. Но когда затем герцог прибыл домой, он вдруг так легко отвернулся от короля и так решительно стал строить против него заговор, что можно было только подивиться, откуда такая перемена.

И в самом деле, о причине их разногласий разные люди говорят по-разному. Некоторые, как я слышал, рассказывают, будто герцог незадолго до коронации попросил у протектора среди других даров владения герифордских герцогов, которые, он считал, принадлежат ему по наследству¹³². Но так как титул, которого он требовал по наследству, был чем-то связан с правом на корону по линии низложенного короля Генриха, протектор воспылал таким негодованием, что ответил на просьбу герцога отказом в самых гневных и угрожающих словах. Это ранило сердце герцога такой ненавистью и неприязнью, что он никогда с тех пор не мог смотреть прямо в глаза королю Ричарду, но всегда страшился за свою жизнь, — до того страшился, что, когда протектор ехал через Лондон на коронацию, он объявил себя больным, чтобы только не ехать рядом с ним. Тот увидел в этом злой умысел и послал ему приказ тотчас встать и приехать, пока его не привели силою; и герцог поехал, но не по доброй воле, а под утро покинул торжество, сказавшись больным, но, по мнению короля Ричарда, — лишь по злобе и ненависти к нему. После этого, говорят, оба они жили в такой взаимной злобе и ненависти, что герцог даже опасался, как бы его не прикончили в Глостере; но ему удалось оттуда благополучно удалиться. Однако некоторые люди, хорошо знавшие все тайные дела того времени, решительно отвергают такой рассказ; а если вспомнить, как умели эти двое притворяться, и как нужен был герцог протектору при его неокрепшей власти, и как рисковал бы герцог, навлекши на себя подозрение тирана, то понятно, что умные люди не верят, чтобы протектор дал герцогу повод обижаться или герцог протектору повод не доверять. И уж вовсе они не сомневаются, что будь у короля Ричарда какие-нибудь подозрения, он никогда не позволил бы герцогу ускользнуть из его рук.

Истина же в том, что герцог был очень самолюбивый человек и ему тяжело было видеть чужой успех: так, некоторые сами мне говорили, будто видели, что когда корона была в первый раз возложена на чело протектора, то герцог не мог вынести этого вида и отвел взгляд в другую сторону. Говорят также, что он вел себя беспокойно и король Ричард это знал, но ему было только приятно; поэтому ни одна просьба герцога не была неучтиво отвергнута, но он с большими подарками и высокими почестями, с видимым доверием и дружбою покинул Глостер. Но вскоре после этого, воротясь в Брекнок¹³³, где под его охраной по приказу короля Ричарда находился доктор Мортон, епископ Эли¹³⁴,

который, как вы уже знаете, был взят под стражу на совете в Тауэре, герцог завел с ним дружбу; и вот тогда-то мудрость епископа воспользовалась гордынею герцога, чтобы себя спасти, а его погубить.

Епископ был человек большого природного ума, великой учености, достойного поведения, умевший снискивать милость самыми разумными средствами. Он был предан сторонникам короля Генриха, когда они были в силе, но не оставил и не забыл их и в беде; когда король оказался в заточении у короля Эдуарда, то епископ покинул королевство вместе с королевой и принцем и вернулся домой лишь затем, чтобы сражаться за них. После того как сражение было проиграно и партия Генриха разгромлена¹³⁵, другая сторона не только согласилась принять его за твердую веру и ум, но даже звала его к себе и держала его с той поры в полном доверии и особом расположении. Он нимало не обманывал ее. Будучи, как вы уже слышали, после смерти короля Эдуарда арестован тираном за свою верность королю, он сумел нанести удар герцогу и стал объединять всех дворян ради помощи королю Генриху, тотчас предложив заключить брак между ним и дочерью короля Эдуарда; этим он доказал свою верность и добрую службу сразу обоим суверенам и благодетельствовал все королевство, слив воедино две крови, чьи противоречивые права долгое время нарушали покой страны. Он покинул государство и отправился в Рим, решив не вмешиваться более в мирские дела, и пробыл там до той поры, пока благородный государь Генрих VII не пригласил его обратно, сделав архиепископом Кентербери и канцлером Англии, к чему папа присоединил еще и кардинальский сан. Так прожил он много дней в почете, о котором можно только мечтать, и окончил свою жизнь столь достойно, что по милости божией такая смерть преобразила и всю его жизнь. Вот каким образом, говорю я, вследствие долгих и часто превратных испытаний, как в удаче, так и в беде, этот муж приобрел великую опытность, истинную мать и госпожу людской мудрости, а с нею и глубокое понимание путей мирской политики.

Хорошо это понимая, герцог тогда рад был с ним сойтись, говорил ему льстивые слова, расточал многие хвалы; и в этих разговорах епископ заметил, как то и дело гордыня герцога прорывалась вспышками зависти к успеху короля, и почувствовал, что при умелом обращении он легко пойдет по этому пути. И он стал искусными способами подталкивать его вперед, пользуясь всяким случаем для его привлечения; а так как он был у герцога в плену, тому казалось, что это он, пленник, следует за ним, а не он за пленником. Так, когда герцог начал было хвалить и славословить короля, рассуждая, как хорошо станет государству от его правления, Мортон прервал его словами: «Милорд! В моем положении глупо было бы глать: если бы я и под клятвою вам солгал, ваша светлость вряд ли мне поверила. Конечно, если бы все обернулось так, как я хотел, то корону имел бы сын короля Генриха¹³⁶, а никак не король Эдуард. Но так как бог ему судил ее лишиться, а королю Эдуарду воцариться, я никогда не был столь безумен, чтобы с мертвецом сражаться против живого. Поэтому я стал королю Эдуарду верным капелланом и был бы

рад, когда бы его сын наследовал ему. Однако тайная воля божия предусмотрела иначе, и я не стану прать против рожна, стараясь укрепить, что бог разрушил. А что касается бывшего протектора, а ныне короля...», — и с этим он умолк, сказав, что он и так слишком много вмешивался в мирские дела, ныне же, кроме книг и четок, ничего ему не нужно.

Герцогу очень захотелось услышать то, что он хотел сказать, — так внезапно прервал епископ свою речь как раз на имени короля, — и он стал просить епископа как можно более дружески, чтобы он сказал все, что думает нехорошего: он, герцог, обещает, что вреда от этого не будет, а, может быть, будет даже больше пользы, чем кажется, и что он сам намерен воспользоваться его нелюбезным тайным советом, — только для того он и добился у короля разрешения держать его под стражей у себя дома, чтобы он не попался в руки тем, от кого он не мог бы ждать такого благожелательства.

Епископ смиренным образом поблагодарил его и сказал: «Поверьте, милорд, я не люблю много говорить о государях — слишком уж это небезопасно: ведь даже если речь безупречна, поймут ее не так, как хотел бы говорящий, а так, как заблагорассудится правителю. Я всегда вспоминаю здесь одну басню Эзопа. Лев объявил, что под страхом смерти ни один рогатый зверь не должен долее находиться в лесу; и вот один из зверей с мясным наростом на лбу тоже кинулся бежать со всех ног. Лисица увидела, как он несется, и окликнула: куда это он так торопится? Тот ответил: «Вот уж я не думал, не гадал, что придется мне бежать из-за указа о рогатых животных!» — «Вот дурак! — сказала лисица, — ты ведь спокойно можешь оставаться здесь, лев не о тебе говорил: у тебя ведь голова не рогатая». — «Уж я-то это знаю, — ответил тот, — но коли он вдруг скажет, будто и это рог, то что со мною будет?»

Герцог рассмеялся на такой рассказ и сказал: «Милорд, я вам ручаюсь: ни лев, ни кабан не узнают о том, что здесь будет сказано, так как это никогда не достигнет их ушей».

«Если это так, сэръ, — ответил епископ, — то все, о чем я намерен говорить, как я об этом мыслю перед господом, может заслуживать только благодарности. Но если перетолковать это иначе (чего я и опасуюсь), то мне от этого будет мало добра, а вам еще меньше».

Тогда герцог стал еще настойчивее допытываться, что это такое. И епископ наконец сказал: «Что касается бывшего протектора, а ныне полновластного короля, то я не намерен сейчас оспаривать его титул. Но для блага этого королевства, которым ныне правит его милость и малым членом которого являюсь я сам, я хотел бы пожелать, чтобы к тем добрым качествам, которых у него и так уж немало и которые вряд ли нуждаются в моей похвале, угодно было господу прибавить для полноты и некоторые иные превосходные добродетели, какие надобны для управления королевством и какими господь не обездолил особу вашей милости».

[Здесь труд Томаса Мора обрывается].

ПРИЛОЖЕНИЯ

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО ТОМАСА МОРА

Более четырех столетий прошло с того июльского утра, когда на большой площади против лондонского Тауэра поднялся на эшафот человек, вызывавший восхищение и удивление своих современников. Личность и судьба этого человека, по-видимому, никогда не перестанут волновать не только людей XX столетия, но и грядущие поколения. Это Томас Мор: писатель-гуманист, поэт, мечтатель и мыслитель, юрист, политик и богослов, друг Эразма Роттердамского и лорд-канцлер королевства.

Среди многочисленных отзывов современников об этом человеке поистине пророческий смысл приобрели ныне слова, написанные в 1520 г. Робертом Уиттингтоном, оксфордским грамматиком и одним из почитателей автора «Утопии»: «Мор — человек ангельского ума и редкостной учености. Равных ему я не знаю. Ибо где еще найдется человек такого благородства, скромности и любезности? И если то ко времени — предающийся удивительной веселости и потехе, в иное же время — грустной серьезности. Человек для всех времен»¹.

Томас Мор происходил из зажиточной семьи потомственных лондонских юристов. Отец Мора был королевским судьей и даже удостоился дворянского титула. По собственным словам Мора, его семья была «хотя и не знатного, но честного рода». Сохранилась памятная запись на латинском языке, сделанная рукою отца Томаса Мора, о том, что «в семнадцатый год правления короля Эдуарда IV», т. е. в 1478 г., «в первую пятницу после праздника очищения пресвятой девы Марии, в 7-й день февраля, между двумя и тремя часами утра, родился Томас Мор, сын Джона Мора, джентльмена».

Как доказали новейшие исследования, в записи была допущена ошибка, так как первая пятница после праздника очищения в 1478 г. приходилась на 6 февраля. Поэтому днем рождения Т. Мора теперь принято считать 6 февраля 1478 г.

Согласно семейной традиции, Томас Мор родился в Лондоне на Милк-стрит (Молочная улица). Столетием позже известный английский хронист Джон Стау в своем описании Лондона рассказывал, что на этой небольшой улице старого Лондона находилось «много прекрасных домов богатых купцов» и состоятельных горожан. Судя по всему, Джон Мор был достаточно состоятельным человеком, чтобы иметь в этом квартале Лондона хороший дом.

¹ Цит. по кн.: *R. W. Chambers. Thomas More. London, 1935, p. 177.*

Сэр Джон Мор был человеком строгих правил, он считал, что его сын должен пойти по стопам отца. Так что судьба юного Томаса была отчасти заранее предрешена: его ожидала обеспеченная карьера будущего полноправного члена лондонской корпорации юристов и доходная должность адвоката либо судьи.

Первоначальное образование Томас получил в грамматической школе при госпитале св. Антония, которая считалась одной из лучших начальных школ Лондона. Джон Стау сообщает, что и в его школьные годы (30-е гг. XVI в.) она славилась своими учителями. Главным предметом была латынь. Детей учили писать и говорить по-латыни. Обучение латинскому языку включало и элементы риторики. Затем, согласно распространенному тогда английскому обычаю посылать сыновей 12—14 лет служить в качестве пажей в одно из знатных семейств, сэр Джон Мор благодаря связям смог устроить сына в Ламбетский дворец архиепископа Кентерберийского (впоследствии кардинала) Джона Мортонна. Архиепископ был разносторонне образованным человеком — ученым, юристом, архитектором, опытным дипломатом и государственным деятелем. В царствование Генриха VII Мортон некоторое время был лордом-канцлером Англии. Жизнь в семье Мортонна явилась хорошей школой для юного Томаса Мора.

Высоко оценивая незаурядные способности Мора к языкам и литературе, архиепископ хотел, чтобы его воспитанник продолжал свое образование в настоящей ученой среде, и в 1492 г. по совету Мортонна Джон Мор определил сына в Оксфордский университет. Томас Мор учился в Кентерберийском колледже Оксфордского университета, основанном бенедиктинцами. В Оксфорде Мор пробыл неполных два года.

Как всякий начинающий студент, первые два года в Оксфорде Мор должен был изучать традиционный тривиум: грамматику, риторику и логику.

Оксфордский университет на рубеже XV—XVI вв. становится центром гуманизма в Англии. Распространение гуманистических идей в Оксфорде 90-х гг. XV в. обычно связывают с деятельностью известных ученых-гуманистов Уильяма Гроцина^{1а}, Томаса Линакра² и Джона Ко-

^{1а} Уильям Гроцин (1446?—1519) — выдающийся английский ученый-гуманист, воспитанник Оксфордского университета. В 1488—1490 гг. совершил путешествие в Италию, где изучал греческий язык. Во Флоренции одним из его учителей был знаменитый Полициано. В 1491 г. Гроцин начал читать лекции по греческому языку в Оксфорде. С 1496 г. Гроцин переезжает в Лондон и становится приходским священником, успешно читает лекции в соборе св. Павла о приписывавшемся Дионисию Ареопагиту сочинении «De Ecclesiastica Hierarchia» («О церковной иерархии»), в которых убедительно доказывает, что указанное произведение не могло быть написано Дионисием. По-видимому, Гроцин пригласил Мора выступить в церкви св. Лаврентия с лекциями, посвященными сочинению Августина «О граде божьем».

² Томас Линакр (1460?—1524) преподавал в Оксфорде, в 1485—1486 гг. путешествовал по Италии. Во Флоренции при дворе Лоренцо Медичи с Полициано изучал греческий язык, в Ферраре — медицину, в греческом оригинале читал Гиппократ и Галена. В 1496 г. в Падуе получил степень доктора медицины. В Венеции у Альда Мануция работал над изданием трудов Аристотеля. В 1499 г. Линакр возвратился

лета³. Гроцин и Линакр совершили путешествие в Италию, где изучали греческий язык и античных авторов. Оба были восторженными поклонниками античной литературы и горячо пропагандировали в Англии изучение греческого языка, который для тогдашних ученых-гуманистов был ключом к сокровищам античной культуры. До этого греческий язык в Англии был почти не известен, а его изучение рассматривалось реакционными схоластиками как ересь. Гроцин и Линакр фактически заново открывали перед своими слушателями сокровища древнегреческой культуры. Философия Аристотеля и Платона, поэмы Гомера и драмы Софокла получали у них совершенно новое, в отличие от церковного, светское, гуманистическое толкование.

В 1494 г. по настоянию отца Томас Мор покидает Оксфорд и возвращается в Лондон, где изучает юриспруденцию в специальных школах Лондона и наконец около 1502 г. становится «полным» адвокатом.

В 1504 г. 26-летний Мор избирается в парламент в качестве члена палаты общин. Это был последний парламент в период царствования Генриха VII, который собрался 20 января 1504 г. и был распущен в конце марта. В том году король Генрих VII потребовал от палаты общин утверждения новых субсидий — феодальных помочей по случаю посвящения в рыцари в 1489 г. своего старшего сына принца Артура, умершего за два года до созыва парламента, и по случаю замужества в 1503 г. своей дочери принцессы Маргариты. Известно, что перед депутатами выступил Мор и так смело и убедительно отверг притязания короля, что палата общин целиком его поддержала. По этому поводу королю доложили, что какой-то «безбородый мальчишка расстроил весь его замысел». После этого инцидента, опасаясь репрессий, Мор надолго оставляет политику.

Жизнь Мора в Лондоне в течение первого десятилетия XVI в. — это время напряженных духовных исканий и упорного труда. Сочинения Платона и Аристотеля, Лукиана и отцов церкви — таков круг научных интересов молодого адвоката.

Чтобы понять внутренний мир Томаса Мора и то, как формировались его взгляды на жизнь, надо не забывать, что именно после ухода из университета и в период учебы в юридических школах Лондона он сближается с кружком оксфордских гуманистов — Гроцином, Линакром и Колетом. К этому же кружку принадлежал также и Уильям Лили⁴, который

в Лондон. В Англии Линакр стал одним из основателей «Королевской коллегии медиков».

³ Сын богатого купца и мэра Лондона, Колет (1466—1519) в 1493—1495 гг. изучал во Франции и Италии теологию, готовясь к будущей деятельности проповедника. Вернувшись в Англию, Колет с гуманистических позиций последователя итальянских неоплатоников ведет активную полемику против теологов-схоластов, предлагая очистить от схоластических догм и восстановить истинную древнюю теологию. Он призывает студентов изучать сам текст «Писания» и отбросить прочь, как пустые бредни, комментарии схоластов. Лекции Колета в Оксфорде собирали многочисленных слушателей — и не только студентов, но и преподавателей-магистров и докторов университета.

⁴ Уильям Лили (1468—1522) получил ученую степень в Оксфорде, путешествовал в Иерусалим. На острове Родос совершенствовался в изучении греческого языка,

хотя и был десятью годами старше Мора, однако стал одним из его ближайших друзей-соратников по увлечению древнегреческой поэзией. Но, по собственному признанию Мора, особенно глубокое идейное и нравственное влияние оказал на него Джон Колет, который стал его настоящим духовным руководителем. Именно к нему обращался Мор в период своих раздумий о жизненном призвании и нравственном долге. В сохранившемся письме Мора Колету отразился мучительный разлад между нравственным идеалом молодого Мора: следовать евангельским заветам — и суровой действительностью. Мор остро и болезненно ощущал жестокость и безнравственность мира социальной несправедливости, корысти и чистогана и полное бессилие что-либо в нем изменить: «Всюду скрежет ненависти, всюду бормотанье злобы и зависти, всюду люди служат своему чреву, — главенствует над мирской жизнью сам дьявол»⁵. Этот разлад был причиной глубокого духовного кризиса Мора, едва не приведшего его в монастырскую обитель картезианцев.

Влияние на Мора его друзей-гуманистов может быть прослежено в двух направлениях. С одной стороны, Мора, как и их, увлекала античность, он выступал горячим поборником изучения греческого языка. С другой стороны, Мор был захвачен предреформационными проектами Колета, призывавшего «очистить» католическую церковь от схоластических хитросплетений и догматизма, затемнявших, по мнению гуманистов, подлинный смысл учения Христа, выраженный в Новом Завете. В феврале 1512 г. Колет выступал перед собранием английского духовенства с призывом реформировать церковь, «очистить ее от пороков».

В Колете Мор видел своего истинного духовного наставника, «примером и жизнью» которого он руководствовался. Благодаря духовной поддержке Колета, писал Мор, «я чувствовал, что силы мои крепнут... лишенный всего этого, мне кажется, я определенно истощился бы и окончательно зачахнул»⁶. Реформа церкви, предполагавшая возрождение этики в духе учения Христа и апостолов, мыслилась последователями Джона Колета как основа будущего обновления и преобразования всего общества и ликвидации социальных пороков. Религиозно-этическая трактовка социально-политических проблем составляла своеобразие гуманистического мышления Колета и его последователей, в числе которых были Томас Мор и Эразм Роттердамский. Не случайно в научной литературе их было принято называть «христианскими гуманистами». Вне связи с христианским вселенским подходом нельзя до конца понять общечеловеческий подход к социально-политическим проблемам Европы XVI в., который нашел свое воплощение в коммунистическом идеале «Утопии» Мора. Поэтому «загадочная»

продолжал образование в Италии. В Англию вернулся большим знатоком греческой литературы и впоследствии стал главным учителем в школе св. Павла, основанной в Лондоне Джоном Колетом. Лили — автор самой популярной в Англии XVI в. школьной грамматики латинского языка.

⁵ «The Correspondence of Sir Thomas More». Princeton, ed. by E. F. Rogers, 1947, p. 7 (Мор—Колету. Лондон, 23 октября 1504 г.).

⁶ «The Correspondence», p. 4.

для историка XX в. коммунистическая «Утопия» Мора была так близка и понятна его друзьям-гуманистам — Эразму, Эгидию, Бюде и другим, всемерно способствовавшим популяризации этой книги в Европе. В восприятии читателя-гуманиста XVI в. универсализм «Утопии» с ее коммунистическим идеалом собственности не претупает пределов евангельского учения и близок философии автора «Похвалы глупости» Эразма.

Важное значение для формирования и развития мировоззрения Мора имела его встреча с Эразмом Роттердамским, вылившаяся затем в сердечную дружбу. Мору было немногим более 20 лет, когда он познакомился с Эразмом. Это было во время первого приезда Эразма в Англию в 1499 г. Сохранилось письмо Эразма, написанное другу из Лондона 5 декабря 1499 г., в котором Эразм давал весьма лестную оценку своим новым английским друзьям. «Когда я слушаю моего друга Колета, мне кажется, что я слушаю самого Платона. Кто не удивится обширным познаниям Гродина? Как глубоки и утонченны суждения Линакра! Создавала ли когда-нибудь природа более благородный, нежный и счастливый характер, чем у Томаса Мора? Действительно, — изумительно, сколь велики плоды древней учености в этой стране»⁷.

Вплоть до 1509 г. Томас Мор вел жизнь, обычную для лондонского адвоката. Деловые качества Мора как юриста, опытного латиниста и оратора в немалой степени способствовали росту его популярности в деловых кругах Сити. В январе 1510 г. они избирают его своим депутатом в парламент. В архивах того времени сохранилась краткая запись: «Мор Младший — депутат парламента от Лондона». В том же 1510 г. Мор был назначен на ответственную должность одного из двух помощников шерифа Лондона. Новые обязанности Мора заключались в том, чтобы быть юридическим советником мэра и шерифа, а также представлять их в городском суде Лондона. По словам Эразма, своей добросовестностью на этом посту Мор заслужил «величайшую любовь сограждан»⁸. Мор был помощником шерифа вплоть до 1518 г.

В последний год пребывания Мора на этой должности произошло восстание лондонских ремесленников и подмастерьев против засилия иностранцев, пользовавшихся в Лондоне привилегиями в ущерб местным ремесленникам. Это восстание, известное под названием «Злой день мая», тут же было подавлено. Мор в составе депутации от Сити ходатайствовал перед королем о помиловании восставших⁹.

Как и многие гуманисты, Мор осуждал восстание, не верил, что оно может уничтожить социальное зло и облегчить положение бедняков, но вместе с тем он сочувствовал страданиям народа и стремился помочь угнетенным.

⁷ «Opus epistolarum Des. Erasmi Roterodami per P. S. Allen and H. M. Allen», v. I. Oxford, 1906, p. 273—274.

⁸ «Opus epistolarum Des. Erasmi Roterodami», v. IV. Oxford, 1922, p. 20.

⁹ E. Hall. Henry VIII, v. I. London, Ed. by C. Whibley, 1904, p. 152; Chambers. Thomas More. London, 1935, p. 147—151; E. E. Reynolds. The Field is Won. London, 1968, p. 122—123.

Службу помощника шерифа Мор сочетал с литературной деятельностью, которую он не прекращал в течение всей жизни. Творчество Томаса Мора отличалось не только богатством содержания, но и разнообразием жанров. Кроме перевода с латинского на английский биографии выдающегося итальянского философа-гуманиста Пико делла Мирандолы (1463—1494), его литературное наследие включает «Историю Ричарда III» и «Утопию», переводы на латинский язык произведений древнегреческих поэтов и собственные оригинальные поэтические опыты на английском и латинском языках, богатое эпистолярное наследие и острые полемические трактаты против Лютера и английских последователей реформации.

Традиция античного свободолюбия и ненависть к различным формам тирании, проповедуемые в сочинениях Эразма и Мора в условиях феодальной Европы XVI в., имели глубоко прогрессивное значение, способствуя развитию ренессансной политической идеологии. Обоснованию тираноборческих идей Мор отводил большое место в ряде своих сочинений — в «Истории Ричарда III», в «Утопии» и наконец в латинских эпиграммах. Не имея возможности подробно остановиться на этом вопросе, отметим все же одну, на наш взгляд, весьма существенную особенность точки зрения Мора на королевскую власть. Осуждая тиранию государей и противопоставляя тирану свой идеал государя, Мор решительно отвергал идею о якобы божественном происхождении королевской власти и развивал мысль о зависимости этой власти от воли народа. На этом основании Мор ставил вопрос об ответственности государя перед народом, утверждая, что «народ своей волей дает и отнимает власть». Любой, принявший власть над многими людьми, — должник перед теми, кто верил ему правление, «и отнюдь он царить не должен более, чем захотят те, многие», — читаем мы в одной из латинских эпиграмм Мора¹⁰.

О том, что тираноборческие мотивы в поэзии Мора отнюдь не являлись абстракцией, обычной для гуманистов данью античной литературной традиции, а имели прямое отношение к политической жизни, свидетельствует не только парламентская деятельность Мора при Генрихе VII, но и его поэма «... На день коронации Генриха VIII», заклеившая политические беззакония предыдущего царствования. Мор оптимистически заявлял, что «день этот — рабства конец, этот день — начало свободы... «Страх не шипит уже больше таинственным шепотом в уши, — то миновало, о чем нужно молчать и шептать. Сладко презреть клевету, и никто не боится, что ныне будет донос, — разве тот, кто доносил на других»¹¹.

Поэма Мора на коронацию Генриха VIII — это не просто праздничный панегирик, написанный ради торжественного случая; это, по существу, гуманистическая политическая программа, противопоставляющая просвещенную монархию деспотизму. Поэма отражала политические идеалы как

¹⁰ Здесь и далее эпиграммы даются в переводе Ю. Ф. Шульца (см. настоящее издание).

¹¹ «The latin Epigrams of Thomas More». Chicago, 1953. p. 16—17.

самого Мора, так и его друзей-гуманистов, видевших в образованном Генрихе VIII будущего покровителя ученых и возможного сторонника гуманистической реформы общества. В этом смысле Генрих VIII был для Мора неким антиподом предшествующему государю, допускаяшему налоговый произвол, террор и беззакония в политике. А молодой король «сразу же снова к себе все сословья привлек». В том, что Генрих VIII якобы решил прекратить произвол и добровольно отказался от «власти без границ», которая нравилась его отцу, Мор видит особую заслугу молодого короля, ибо, «как и должно, отцу родину он предпочел», т. е. благо и процветание страны поставил выше своих сыновних чувств. Все то добро, которое ради своего народа совершил благородный монарх «с просвещенным умом», по мнению автора поэмы, внушено ему «философией самой». И потому отныне уже нет причин, чтобы «раболепствовал целый народ пред королем». Короля теперь уже не страшатся, а любят, так как «страшиться при нем нечего больше теперь». «Если ж неожиданно вражда вдруг могучих князей обует, кончится тотчас она, сломена волей твоей».

Но, кроме опасности феодальных мятежей, есть и другой источник смуты, еще более опасный. Это, по словам Мора, «возмущенья народного ярость, та, что обычно глава всех государственных смут». Однако просвещенному и мудрому молодому королю, унаследовавшему такие добродетели своих предков, как бережливость, щедрость, благочестивый ум и честное сердце, можно не страшиться смут, ибо гражданам всем своим он настолько приятен, «что ни один и себе быть бы приятней не мог». Такого короля приветствует и поддерживает «все лучшее», что есть в стране. А лучшее в Англии, по мнению Мора, это «честные руки» и «благородство умов».

Итак, гуманистическая направленность произведения Мора очевидна. Его поэма — это целая программа деятельности просвещенного монарха, который заботится о благе народа, о мире в королевстве, не терпит произвола, защищает законы и не стремится к «власти без границ», т. е., по существу, руководствуется гуманистической философией.

В своих оптимистических надеждах, связанных с началом царствования Генриха VIII, Т. Мор не был одинок. Он искренне верил в возможность осуществления идеала просвещенной монархии. Для Мора, так же, впрочем, как и для Эразма, добрая воля просвещенного монарха представлялась наиболее приемлемым и реальным средством к осуществлению разумного переустройства общества на основе гуманистических принципов.

Будущее, как известно, заставило Мора, Эразма и их друзей горько разочароваться не только в личности Генриха VIII, просвещенность которого отнюдь не помешала ему стать жестоким деспотом, но и в самом идеале просвещенного государя, которому гуманисты отводили столь важную роль в борьбе с пороками современного им общества.

Что касается латинских эпиграмм Т. Мора, посвященных этой тематике, то, как отмечают специалисты, «мы фактически не знаем ни одного другого поэта XVI в., который бы использовал эту тему для данного

стихотворного жанра»¹². Вместе с тем эпиграммы Т. Мора являются существенным дополнением к «Утопии», позволяя глубже понять политические симпатии и мировоззрение ее автора в целом. Интересно отметить, что некоторые политические суждения Мора выражены в эпиграммах подчас даже в более радикальной форме, нежели в «Утопии». Например, известно, что во главе идеального, с точки зрения Мора, государства утопийцев стоит пожизненно выбираемый правитель, власть которого ограничена народно-представительными учреждениями. В одной же из своих эпиграмм, специально посвященной вопросу о наилучшей форме управления, Мор более подробно говорит о преимуществах коллективного органа власти — сената перед единоличной властью короля. Отдавая предпочтение государственному устройству, основанному на демократических принципах, Мор обосновал свой выбор: «Избран народом сенат, короли же родятся в коронах; жребий здесь правит слепой, там же — надежный совет. И понимает сенат, что он создан народом, король же думает, что для него создан подвластный народ»¹³.

Между тем, исходя из гуманистической концепции Мора, добрый государь должен заботиться прежде всего о благе своих подданных. В противном случае он — тиран, настоящее бедствие для своего народа: «Долго живя, свой народ острижет король ненасытный...», и заблуждается тот, кто верит, что «алчный король насыщаем: эта пиявка всегда будет себя набивать»¹⁴.

Нетрудно заметить, что материал для размышления о том, «какое состояние государства наилучшее», Мор, подобно своим друзьям-гуманистам, черпал не только из современной действительности, но и из истории античного мира.

Таким образом, сопоставление республиканских традиций античного мира с феодально-абсолютистским строем Европы XVI в. обогащало политическую мысль гуманистов и несомненно способствовало формированию новой, антифеодальной идеологии.

В латинской поэзии Т. Мора нашли отражение и настроения предреформационной эпохи. Известно, сколь важное место в гуманистической концепции реформы общества занимал вопрос о реформе церкви. Следуя Джону Колету и Эразму, мечтавшим о реформе церкви и разумном переустройстве общества в духе идеалов раннего христианства, Мор в своих эпиграммах остроумно высмеивал пороки католического духовенства¹⁵. Таковы, в частности, эпиграммы Мора о глупом и невежественном епископе по имени Постум (In Posthumum Episcoporum. In episcopum illiteratum), которого, по словам Мора, выбирали, должно быть, особенно тщательно, потому что «хуже его и глупей было бы трудно избрать»¹⁶. В одной из

¹² «The latin Epigrams of Thomas More», p. XXVII.

¹³ Ibid., p. 83.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ См. эпиграммы 53, 158, 160, 186—188 в издании Л. Бреднер и Ч. Линч («The latin Epigrams of Thomas More». Chicago, 1953).

¹⁶ Под именем Постума высмеян Джеймс Стенли, получивший епископский сан в 1506 г.

своих эпиграмм на епископов¹⁷ Мор, полный иронии и сарказма, заключает: хочешь епископом быть — бойся учености.

Какое нравственное воздействие может оказать на своих прихожан невежественный и аморальный пастырь? — вот вопрос, который тревожил Колета, Мора, Эразма и их единомышленников-гуманистов, побуждая активно бороться за реформу церкви. Такова главная подоплека антиклерикальной направленности проповедей Джона Колета, «Похвалы глупости» Эразма и латинских эпиграмм Мора. Очень показательна в этом отношении эпиграмма Мора, живо рисующая забавную сценку покаяния некоего прихожанина во время исповеди. Священник, желая выведать все грехи своего прихожанина, спрашивает его: «А не верил ли» тот, «как нечестивцы, в мерзких демонов?» — «Ах, мне ль, отец, — тот молвил, — верить в демонов! С большим трудом досель я в бога верую».

В своих эпиграммах Мор бичевал также роскошь и стяжательство высшего духовенства. Такова, например, эпиграмма «На некоего низкого и алчного епископа», который необычайно, сказочно богат — «земли в аренду сдает он, больших городов обладатель, сотнею слуг окружен», — и тем не менее в погоне за еще большим богатством продолжает разорять бедняков: «С просьбой пришел я к нему, но и малое он достоянье отнял мое...»

Критика безнравственного духовенства, забывшего о своем христианском долге, предвосхищает здесь социальную критику первой книги «Утопии», где говорится об участии высшего духовенства в огораживаниях¹⁸.

Эпиграммы Мора о духовенстве по содержанию очень близки «Похвале глупости» Эразма и обнаруживают общность взглядов обоих друзей на современное им духовенство и задачи реформы церкви. В справедливости этого положения, помимо указанных эпиграмм, нас убеждает также ряд писем-памфлетов Мора против обскурантизма и в защиту автора «Похвалы глупости», подвергшегося резким нападкам ортодоксально настроенных теологов. Таковы, в частности, письма Мора к Мартину Дорпу, Оксфордскому университету, неизвестному монаху, написанные в 1515—1520 гг.¹⁹

Критические взгляды Мора-гуманиста на королевскую власть и католическое духовенство нашли выражение не только в эпиграммах, но и в таких его произведениях, как «История Ричарда III» и «Утопия».

Неоконченная «История Ричарда III» — это единственное историческое сочинение Мора. Оно было написано в двух вариантах — на латинском и английском языках и при жизни Мора никогда не публиковалось, а после его смерти, начиная с 1543 г., печаталось в составе английских хроник Хардинга, Холла, Холиншеда; причем в первый раз «История

¹⁷ «The latin Epigrams of Thomas More», N 188.

¹⁸ Ср. Томас Мор. Утопия. М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 63.

¹⁹ «The Correspondence», p. 27—74, 111—120, 165—206.

Ричарда III» вышла анонимно, поскольку печатно упоминать имя Мора, осужденного за государственную измену, было небезопасно.

Как убедительно показывают современные текстологические исследования, время написания обеих версий «Истории Ричарда III» — 1514—1518 гг.²⁰ — совпадает с написанием «Утопии», что весьма существенно для понимания определенной внутренней связи, которая, по нашему глубокому убеждению, имеется между этими двумя произведениями и отчасти обнаруживается в трактовке Мором политических проблем своего времени. Как историк Мор почти не сообщает новых фактов, которых нельзя было бы найти у других авторов, писавших на ту же тему. Оригинальность Мора проявляется не столько в новом материале, сколько в трактовке этого материала. В «Истории Ричарда III» Мор поднимает вопрос о взаимоотношениях между государем и народом и высказывает свое отношение к деспотизму и произволу королей. Симпатии и антипатии автора выступают здесь очень отчетливо. По существу, это даже не исторический труд, а яркая, художественная повесть о том, как герцог Ричард Глостерский, поправ законные королевские права своих племянников — малолетних сыновей короля Эдуарда IV, не только силой захватил королевский трон, но и безжалостно лишил жизни законных наследников — юного Эдуарда V и его маленького брата. Оба мальчика были сперва заключены в Тауэр, а потом удушены в постели по приказу своего дяди и опекуна Ричарда Глостерского.

Сам Ричард является центральным персонажем повествования. Его характер и поступки описаны с такой художественной убедительностью, с такой мощью и драматизмом, что все историки воспринимали это как подлинный художественный триумф Мора-писателя. На этом основании даже высказывалось мнение, что, по-видимому, и сам Мор вряд ли рассматривал свой труд как историю, скорее — это драматическое повествование. Впрочем, с точки зрения современных исследований, это и литература, и история, так как труд Мора базируется на фактах, полученных путем изучения исторических источников²¹. Исследовавший источниковедческую основу «Истории Ричарда III» профессор Сильвестер приводит данные, свидетельствующие о знакомстве Мора с произведениями почти всех его современников, писавших о Ричарде III и его времени.

В чудовищной фигуре Ричарда III Мор увидел антипод того идеального государя, о котором мечтали гуманисты. В этом смысле — и не без оснований — новейшие исследователи «Истории Ричарда III» склонны трактовать это произведение как своеобразный жанр «апологии наоборот» или «апологии от противного»²².

Латинская и английская версии «Истории Ричарда III» охватывают довольно короткий период времени — от смерти Эдуарда IV до воцарения

²⁰ R. S. Sylvester. Introduction. — «The Complete Works of St. Thomas More», v. II; «The History of King Richard III». New Haven, 1963, p. LXIII—LXV.

²¹ R. S. Sylvester. Op. cit., p. LXXX.

²² См. интересное исследование на эту тему Роберта Рейтера: R. E. Reiter. On the Genre of Thomas More's «Richard III». — «Moreana», 1970, N 25, p. 5—16.

Ричарда III. Но и в таком незавершенном виде и с некоторыми историческими неточностями «История Ричарда III» является произведением очень емким по содержанию.

Для историка ренессансной культуры оно представляет интерес во многих отношениях: и как произведение политической мысли, и как выражение взглядов Мора на исторический процесс, и как выдающийся литературный памятник, оказавший существенное влияние на последующее развитие английского литературного языка и английской литературы.

Рассмотрим политический аспект «Истории Ричарда III».

Мор уделял в тот период много внимания вопросу о соотношении политики и морали. Самое важное, что определяет, на наш взгляд, политические искания Мора в латинских эпитаграммах, в «Истории Ричарда III» и в «Утопии», — это его непримиримость ко всякому проявлению насилия, политического произвола и тому, что он называет одним словом — тирания²³.

В «Истории Ричарда III» он не только осуждает тиранию Ричарда с точки зрения гуманистической морали, но и глубоко осмысливает политическую систему управления в условиях королевского деспотизма, где все средства оказываются хороши в борьбе за достижение, упрочение и сохранение единовластия. Таковыми средствами являются в первую очередь террор, подкуп, а также политическая агитация с применением демагогии и политического лицемерия, с неременной апелляцией к религии и морали.

С особенным блеском аналитическое мастерство Мора-политика и писателя раскрывается в трактовке им таких основных эпизодов его «Истории», как внезапный арест и казнь по приказу Ричарда недавнего его союзника — Гастингса с последующим демагогическим обоснованием произведенной расправы; выступление герцога Бэкингема перед горожанами Лондона с целью агитации в пользу якобы законных прав Ричарда Глостера на английскую корону; воскресная проповедь доктора Шея в соборе св. Павла с той же целью; и наконец лицемерная сцена народного избрания Ричарда на царство, так поразительно напоминающая аналогичную сцену пушкинской трагедии «Борис Годунов».

Проследившая несчастную судьбу лорда Гастингса, бывшего приближенного Эдуарда IV и на первых порах союзника Ричарда, Мор дает тонкий анализ политического механизма придворной борьбы за власть. Он убедительно показывает, что трагическая история гибели Гастингса — всего лишь эпизод на пути Ричарда к власти, часть широко задуманного плана захвата короны. Ричард и его союзник Бэкингом вполне резонно полагали, что необходимым условием успешного осуществления этого плана является устранение любыми путями всех действительных и возмож-

²³ Эразм в письме к Гуттену от 23 июня 1519 г. писал, что Мору «всегда была особенно ненавистна тирания, а равенство чрезвычайно привлекательно». — «Opus epistolarum Des. Erasmi Roterodami», v. IV; «The latin Epigrams of Thomas More», N 91, 97, 182. Ср. политический строй утопийцев, которых Мор изображает как народ, «не угнетенный тиранией» (Томас Мор. Утопия, стр. 117 и далее).

ных противников передачи короны лорду-протектору, минуя прямых наследников — малолетних детей покойного короля Эдуарда IV.

Сначала Ричард и Бэкингом воспользовались сочувствием и попустительством недалёковидного Гастингса, который только радовался уничтожению своих политических противников — приближенных королевы Елизаветы. Когда же эта кровавая политическая акция Ричарда и Бэкингема была завершена и предварительное прощупывание Гастингса выявило ненадежность его как союзника при осуществлении дальнейшей части плана — захвата Ричардом королевской короны, — Гастингс был поспешно обвинен в государственной измене и без всякого суда обезглавлен во дворе Тауэра. В то же время в Лондоне было объявлено, что якобы Гастингс и его сторонники создали заговор с целью убить лорда-протектора Ричарда, захватить власть и «бесконтрольно грабить» подданных королевства.

Автора «Истории Ричарда III» интересуют не только политические мотивы поведения участников исторических событий, но и их психология; и что особенно ценно — Мор умеет показать отражение политических событий в общественном сознании, главным образом в той социальной среде, к которой он сам принадлежал. Важнейшие события «Истории Ричарда III» даны как бы в двух планах: с точки зрения борющихся придворных группировок — Ричарда, Бэкингема, их сторонников и противников — Вудвиллей (королевы Елизаветы и ее родни), т. е. тех, кто делал большую политику, и с точки зрения пассивных участников событий — представителей третьего сословия, в частности горожан Лондона, позиция которых отнюдь не была безразлична для борющихся за власть феодальных группировок.

Общественное мнение, складывавшееся в этой лондонской городской среде, очень ярко отразилось в историческом повествовании Мора. Все это придает «Истории Ричарда III» особый, неповторимый колорит, не имеющий аналогии среди исторических сочинений того времени. Весьма показательно в этом отношении то, как Мор трактует массовые сцены, в которых участвуют горожане Лондона. Мы имеем в виду выступление Бэкингема перед лондонцами в Гильдхолле, а также воскресную проповедь ученого богослова — доктора Шея в соборе св. Павла. Оба эти выступления преследовали откровенную пропагандистскую цель подготовить мнение горожан Лондона к предстоящим политическим переменам, в результате которых предполагалось провозгласить королем вместо законного наследника — принца Эдуарда его дядю — протектора Ричарда Глостера.

С блеском и большой драматической силой описана Мором лицемерная политическая комедия «выборов» короля Ричарда. Возгласы: «Король Ричард! Король Ричард!» завершают выборы. Толпа расходится. Каждый из присутствовавших, по словам Мора, по-разному судил о случившемся, как ему подсказывала его фантазия.

Процедура выборов совершилась так, как будто бы ни одна сторона заранее не советовалась с другой, в то время как самим организаторам этой политической комедии было известно, что нет ни одного человека настолько глупого, чтобы поверить в непосредственность происходящего. Политическую игру Мор сравнивает с игрой на театральных подмостках.

И здесь, и там есть определенные правила игры. И если на сцене сапожник играет короля и всем известно, что тот, кто изображает его величество, на самом деле всего лишь сапожник, — об этом помалкивают. А если кому-то вздумается нарушить правила игры и назвать того, кто представляет короля, его собственным именем, то один из палачей его величества может разбить голову виновнику за нарушение правил игры.

Как замечает Мор, люди, присутствовавшие на выборах короля, понимали, что «эти дела... не что иное, как королевские игры, только играют они не на подмостках, а по большей части на эшафотах». Простые люди в них — только зрители. Приведенное рассуждение имело глубокий смысл для самого Мора и его последующей судьбы. По существу, Мор размышляет здесь о гражданской позиции человека своей социальной среды. Итог этих размышлений весьма пессимистичен; не надо вмешиваться в политику королей. Тема этих рассуждений о гражданском долге и реальных возможностях человека, действующего в обществе, где в любой момент он может стать жертвой политического произвола, по-видимому, никогда не покидала Мора. Характерно, что и в «Утопии», в знаменитом диалоге с Гитлодеем о королях и советниках, Мор снова возвращается к ней²⁴. И здесь его суждения достаточно пессимистичны.

И несмотря на это, не меняя своей прежней скептической точки зрения о неблагоприятной миссии — пытаться воздействовать на политику королей, автор «Истории Ричарда III» и «Утопии» сам вскоре поступает на королевскую службу и становится одним из советников Генриха VIII. Письма Мора к своим друзьям, написанные в этот период, а также воспоминания Уильяма Ропера, зятя Мора, убедительно свидетельствуют о том, что ни в момент поступления на службу к Генриху VIII, ни позже Мор не обольщался надеждами на особое к себе расположение короля, хотя внешние проявления королевской милости к автору «Утопии» легко могли бы вскружить голову, будь на его месте человек менее дальновидный²⁵. Поступая на королевскую службу, Мор по-прежнему оставался скептиком и не переоценивал своих возможностей воздействовать на политику короля. Но он был гуманистом — и притом с обостренным чувством гражданского долга — и поэтому стремился хоть в самой скромной степени, пускай даже ценой усилий, несоизмеримых с их реальными результатами, попытаться наилучшим образом исполнить свой гражданский долг гуманиста: честным советом и посильным участием в государственных делах служить общественному благу в том смысле, как это понимали его друзья и единомышленники Джон Колет и Эразм.

В «Истории Ричарда III» отразился гуманистический подход Мора к проблеме личности, его интерес к человеческой индивидуальности. При всей тенденциозности в обрисовке характеров «доброего государя» Эдуарда IV и «властолюбивого тирана» Ричарда III Мору удается показать

²⁴ Томас Мор. Утопия, стр. 52—55.

²⁵ См. письмо Мора Джону Фишеру (1517—1518) в кн.: «The Correspondence», p. 111; W. Roper. The Life of Sir Thomas Moore, knight. Oxford, 1958, p. 21.

сложность и одновременно цельность этих людей. Их поступки оправданы не только политической ситуацией, в которой они действуют, но также и психологией каждого. Даже злодей Ричард, в моральном облике которого «все черно, как смола», незаурядная личность. Это сложный характер. Он смелый военачальник, ему нельзя отказать в политической мудрости, его не упрекнешь в недостатке мужества. Он обладает большой волей и настойчивостью в достижении поставленной цели. Он энергичен, скрытен, дипломат и лицемер. Словом, это великолепный актер, умеющий прекрасно использовать человеческие слабости. Непомерное честолюбие и жажда власти составляют основу характера Ричарда III²⁶.

Полной противоположностью Ричарду, по мнению Мора, является его брат — король Эдуард IV²⁷⁻²⁸.

При всех слабостях Эдуарда IV Мор высоко ценил этого короля за то, что к концу его правления Англия находилась в спокойном и процветающем состоянии, наступил период длительного и устойчивого мира. Король был милостив и внимателен к людям, и качества эти к концу его царствования продолжали в нем возрастать на удивление всем — в отличие от тех государей, которые благодаря долгому правлению впадают в гордость, забыв о любезном поведении, свойственном им в начале правления. Немаловажным достоинством внутренней политики Эдуарда IV Мор считает то, что в конце своего царствования король отказался от денежных поборов. Между тем, по мнению Мора, денежные поборы — это «единственная вещь, которая удаляет сердца англичан от их короля».

Итогом царствования Эдуарда IV было то, что «народ к государю питал не вынужденный страх, а добровольное и любовное послушание. Общины между собой жили в добром мире...»²⁹

В приведенной явно идеализированной характеристике Эдуарда IV весьма существенна не столько степень достоверности сообщаемой Мором информации, сколько его политические симпатии, гуманистический идеал доброго государя, чертами которого наделен король Эдуард. Противопоставляя два различных типа политических деятелей — Эдуарда и Ричарда, Мор с наибольшей полнотой смог выразить политическое кредо гуманиста.

В «Истории Ричарда III» Мор воспринимает политику глазами человека эпохи Возрождения. Политика рассматривается в качестве самостоятельной, специфической категории, отделяемой от категории морали и религии. Когда Мор, анализируя политические события, срывает моральные и религиозные покровы, обнажая истинный смысл явления, сам его подход

²⁶ По второму изданию хроники Холиншеда (1587) с «Историей Ричарда III» познакомился В. Шекспир, создавший на основе сочинения Мора свою знаменитую драму «Ричард III». Великий драматург почти целиком заимствовал у Т. Мора не только сюжет своей драмы, но и трактовку характеров всех основных действующих лиц, включая и самого Ричарда. И, что особенно показательно для характеристики гуманистических взглядов Шекспира, он полностью разделяет политическую концепцию своего предшественника Т. Мора, заклеившего политический произвол и тираннию Ричарда III.

²⁷⁻²⁸ См. «The Complete Works of St. Thomas More», v. 2, p. 7—8.

²⁹ Ibid., p. 4.

и метод рассмотрения политических событий напоминает трактовку политики у Макиавелли. Случайно ли, что два выдающихся мыслителя в одно и то же время, хотя и в разных концах Европы, размышляли над историческим смыслом политики, свободной от морали? Конечно, не случайно, ибо при всем различии исторических и политических судеб Англии и Италии начала XVI в. проблема тирании, равно как и проблема новых критериев при оценке политики, настоятельно выдвигалась самой жизнью, поскольку исторические условия для возникновения абсолютизма в Европе были уже налицо. В разных странах Европы уже происходил процесс развития абсолютизма; европейский политический опыт стал богаче, сложнее и требовал новых критериев оценки. Поэтому и в исследовании политической истории недавнего прошлого появилась возможность выйти за рамки традиционных оценок политики и взглянуть на политику глазами человека нового времени.

Из самого текста неоконченной «Истории Ричарда III» со всей определенностью следует, что замысел автора был гораздо шире, чем удалось его реализовать. Сам же Мор сообщает о намерении продолжить свое повествование и «описать время покойного благородного государя славной памяти короля Генриха VII»³⁰. То есть, по существу, Мор был намерен создать политическую историю своего времени. Как бы он ее написал, мы можем судить с значительной долей достоверности, так как в нашем распоряжении есть еще и другие источники, в которых отразилась точка зрения Мора на политические события: это его латинские эпиграммы и «Утопия», где находим тот же круг проблем (политика короля и благо общества, совершенные формы правления и тирания), но только уже в непосредственной связи с политической историей времени царствования первых Тюдоров.

О том, как Мор оценивал политический режим, существовавший в Англии при Генрихе VII, красноречиво свидетельствует наконец его поэма на коронацию Генриха VIII, в которой Мор заклеймил беззакония, имевшие место отнюдь не в лихую годину правления злодея и тирана Ричарда, но в правление «благородного государя славной памяти короля Генриха VII».

Таким образом, выясняется, что и после гибели злосчастного тирана Ричарда III политический произвол и тирания в Англии не исчезли, и попробуй Мор продолжить свою неоконченную «Историю Ричарда III», попытайся он рассказать о времени правления Генриха VIII, — еще неизвестно, чем бы все это могло кончиться. Бесспорно одно, что и при Генрихе VIII печатать сочинение, подобное «Истории Ричарда III», столь недвусмысленно порицавшее не только и не столько злодея, тирана и узур-

³⁰ «The Complete Works of St. Thomas More», v. 2, p. 82—83. Весьма показательно в этом отношении утверждение анонимного биографа Т. Мора конца XVI в., известного под псевдонимом Ro:Ba:, о том, что «он (Мор.—И. О.) написал также книгу истории Генриха VII, либо эта книга была спрятана среди родственников, либо потеряна из-за несчастий того времени, но я не сомневаюсь, что она была подобна оставшемуся» (Ro:Ba: The Life of Sir Thomas More, Sometimes Lord Chancellor of England. London, 1957, p. 96).

патера Ричарда, но в еще большей степени политический произвол, политическое лицемерие и демагогию, т. е. тиранию как систему политического правления, систему беззакония, прикрывающуюся видимостью соблюдения законов, — печатать такое сочинение было бы далеко небезопасно для его автора.

Должность помощника шерифа способствовала контакту Мора с купеческими кругами Сити. В мае 1515 г. по предложению лондонских купцов Мор как представитель Сити был включен в состав королевского посольства во Фландрию. Посольству предстояло улаживать коммерческие и дипломатические конфликты, возникшие в связи с договорами о торговле шерстью и сукном между Англией и Нидерландами. История этого посольства во Фландрию впоследствии была описана самим Мором в первой книге «Утопии»³¹. Мор блестяще справился с возложенной на него миссией купеческого посредника и дипломата.

Во время поездки Мора в 1515 г. произошла встреча и состоялось его знакомство с выдающимся нидерландским гуманистом Петром Эгидием, чье имя Мор увековечил в своей «Утопии». Петр Эгидий был знатным горожанином Антверпена, где он занимал пост главного секретаря и члена городской ратуши. Один из ближайших друзей Эразма³², блестящий знаток античной литературы, греческого и латинского языков и права, автор переводов на латинский язык басен Эзопа и трактата об источниках кодекса Юстиниана, Эгидий был связан узами личной дружбы со многими выдающимися гуманистами Европы, среди которых, помимо Эразма, были Бюде, Лефевр д'Этапль, Вивес, художник Дюрер и др. Встрече и знакомству Эгидия с Т. Мором предшествовало рекомендательное письмо Эразма от 7 мая 1515 г., в котором он писал Эгидию о том, что «ныне в Брюгге находятся два умнейших человека Англии, это советник архиепископа Кентерберийского Кетберт Тенсталь и Томас Мор, которому я посвятил «Морию» (т. е. «Похвалу глупости». — И. О.). Оба большие мои друзья»³³. Сразу же после первой встречи Мора с Эгидием между ними завязалась самая тесная дружба, отразившаяся в их обоюдной переписке³⁴, а главное — увековеченная в «Утопии» Мора.

Рассказ Мора о поездке во Фландрию содержится в его письме к Эразму от 17 февраля 1516 г., в котором он признается, что должность «посла» его никогда особенно не привлекала. Мор сообщает, что самым приятным во время его путешествия на континент было знакомство и дружба, которые он приобрел со стороны таких выдающихся и ученейших людей, как Иероним Буслидиад и Петр Эгидий³⁵.

Тогда же, во время своей поездки 1515 г. во Фландрию, вдали от ро-

³¹ «Letters and Papers», v. II, N 422, 473, 480; *W. Roper. Op. cit.*, p. 9; *Т. Мор. Утопия*, стр. 45—46.

³² С Эразмом Эгидий был знаком начиная с 1504 г., а может быть, даже и раньше. См. «Opus epistolarum Des. Erasmi Roterodami», v. I, p. 413.

³³ «Opus epistolarum Des. Erasmi Roterodami», v. II, 1910, p. 332.

³⁴ «The Correspondence», p. 76—81, 90—92.

³⁵ «Opus epistolarum Des. Erasmi Roterodami», v. II, p. 197.

дины Мор начинает работу над самым известным произведением своей жизни — «Утопией». Как писал Эразм, «сначала на досуге Мор написал вторую книгу, а потом присоединил к ней первую»³⁶. Работу над «Утопией» Мор сумел закончить лишь по возвращении в Англию.

3 сентября 1516 г. Мор послал Эразму из Лондона в Лувен рукопись только что законченной книги. «Я посылаю Вам мою Нигдею (Nusquam)», — писал он и выражал уверенность, что книга окажется в надежных руках³⁷. Мор сообщал Эразму, что вместо предисловия к будущей книге он дополнил рукопись «вступительным письмом к моему другу Петру», т. е. Петру Эгидию. Эразм сам только что возвратился из Англии, где в гостеприимном доме Мора он провел первую половину августа. По-видимому, Эразм был знаком с рукописью «Нигдеи», а возможно, и обсуждал ее с Мором³⁸. Стараниями друзей — Эразма и Эгидия — осенью 1516 г. в Лувене рукопись была опубликована под названием «Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии».

«Утопия» начинается с рассказа о посольстве Мора во Фландрию и о том, как однажды он встретил Петра Эгидия в сопровождении пожилого, бородатого незнакомца, с лицом, опаленным солнцем, и в плаще, небрежно брошенном на плечи. Это был старый моряк и путешественник по имени Рафаил Гитлодей. Он участвовал почти во всех экспедициях знаменитого Америго Веспуччи, не раз пересекал океан, повидал многие народы и узнал много диковинного. Все трое — Мор, Эгидий и Гитлодей — располагаются в саду и начинают свою увлекательную беседу. Первая часть беседы была посвящена Англии, судьба которой не могла не волновать гуманиста прежде всего потому, что «состояние» английского государства в то время было далеко не наилучшим. Начало XVI в. в истории Англии было временем глубоких изменений в хозяйственной и общественной жизни страны. В недрах феодального общества зарождался капитализм. Основная масса английских крестьян к концу XV в. была свободна от крепостничества, но находилась в поземельной зависимости от своих лордов, которые, отбирая у крестьян землю, огораживали ее и превращали в пастбища.

Впоследствии Карл Маркс в главе «Капитала», специально посвященной истории зарождения капитализма в Англии, приводит свидетельство Мора об английских огораживаниях, об «овцах, поедающих людей». По мнению К. Маркса, «Утопия», наряду с другими свидетельствами современников огораживаний, убедительно доказывает, что раннее капиталистическое накопление, положившее начало капитализму, происходило не

³⁶ «Opus epistolarum Des. Erasmi Roterodami», v. II, 1910, p. 339.

³⁷ Ibid.

³⁸ Аналогичная гипотеза одного из новейших исследователей «Утопии» Хекстера представляется нам вполне обоснованной. Как доказал в своем текстологическом исследовании Хекстер, Мор начал писать «Утопию» не ранее 1514 г. и закончил ее не позднее сентября 1516 г. См.: J. H. Hexter. The Composition of Utopia — предисловие к кн.: «The Complete Works of St. Thomas More», v. 4, 1965, p. XVI.

в результате «бережливости» будущих капиталистов, как это пытались утверждать буржуазные ученые, а в результате жестокого, насильственного ограбления крестьянства³⁹.

Страшную картину бедствий, обрушившихся на английских крестьян в связи с огораживаниями, обезлюдение деревень и толпы нищих, бредущих по дорогам страны, Мор рисует в первой книге, «... С тех пор как один обжора, ненасытная и жестокая язва отечества, уничтожает межи полей, окружает единым забором несколько тысяч акров», крестьяне-арендаторы, «опутанные обманом» или «подавленные насилием», оказываются выброшенными вон. Несчастливым людям некуда деться, им негде искать средства к жизни — «никто ведь не нанимает их труд, хотя они самым пламенным образом предлагают его». Там, где некогда трудилась целая деревня хлебопашцев, теперь достаточно и одного пастуха. Что же остается этим обездоленным людям, «как не воровать и попадать на виселицу... или скитаться и нищенствовать?»⁴⁰

Рассказ Мора об огораживаниях — это страстный обличительный документ, направленный не только против огораживателей-лордов, но и против всего феодально-абсолютистского государства, которое выступило на защиту интересов лордов-огораживателей и обрушило на несчастных и ограбленных крестьян и разорившихся ремесленников жестокие «кровавые законы» против бродяг, нищих и воров. Собеседник Мора — Гитлодей, проживший в Англии несколько месяцев, был просто поражен неслыханной жестокостью «кровавых» законов. По этим законам бродяг предписывалось сечь «до тех пор, пока кровь не заструится по телу», а за самую мелкую кражу полагалась смертная казнь. Во времена Мора, при Генрихе VII, ежегодно вешали в среднем до 2 тысяч человек, а при Генрихе VIII, как сообщают исторические хроники XVI в. (Холиншед), было повешено 72 тысячи бродяг и нищих.

«Вышвырните эти губительные язвы, постановите, чтобы разрушители ферм и деревень или восстановили их, или уступили желающим восстановить и строить. Обуздайте скупки, производимые богачами, их своеволие... Кормите меньше дармоедов. Верните земледелие, возобновите обработку шерсти, да станет она почетным делом! Пусть с пользой занимается им эта праздная толпа: те, кого до сих пор бедность делала ворами или же кто является теперь бродягами... Если вы не уврачуете этих бедствий, то напрасно станете хвастаться вашим испытанным в наказаниях воровства правосудием, скорее с виду внушительным, чем справедливым и полезным»⁴¹, — писал Мор.

Величайшей заслугой Мора было то, что он не ограничился простым описанием народных бедствий, а решился поставить более глубокий вопрос: в чем причина негодности существующего общественного строя европейских государств? Почему так происходит, что трудящиеся — «люди скром-

³⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 744—745.

⁴⁰ Томас Мор. Утопия, стр. 63—64.

⁴¹ Там же, стр. 66—67.

ные и простые», приносящие своим повседневным трудом «больше пользы обществу, чем себе лично», — постоянно бедствуют, а хищные и бесчестные паразиты, живущие трудом простых людей, процветают? И так ведь не только в Англии, но и в других государствах Европы! По мнению Мора, нельзя назвать справедливым общество, которое «не выказывает ни малейшей заботы о земледельцах, угольщиках, поденщиках, ломовых извозчиках и рабочих, без которых не было бы вообще никакого общества»⁴².

Устами своего собеседника Гитлодея Мор дал исчерпывающий ответ на вопрос о том, в чем главная причина бедствий народа: в частной собственности. В обществе, «где... есть частная собственность, где все меряют на деньги... вряд ли когда-нибудь возможно правильное и успешное течение государственных дел...» Признать общество, где господствует частная собственность, справедливым и правильным, по мнению Мора, значит «считать правильным, что все лучшее достается самым дурным... когда остальные решительно бедствуют»⁴³.

И сегодня, спустя более 450 лет после выхода «Утопии», вызывает изумление и восхищение гениальная проницательность Мора, который еще на заре капитализма сумел глубоко постичь эксплуататорскую сущность государства в классовом обществе: «При неоднократном и внимательном созерцании всех процветающих ныне государств я могу клятвенно утверждать, что они представляются не чем иным, как неким заговором богачей, ратующих под именем и вывеской государства о своих личных выгодах»⁴⁴.

Во второй части «Утопии» Мор попытался нарисовать картину идеального, с его точки зрения, устройства общества и государства.

Во время своих морских странствий в Западном полушарии Гитлодей случайно попал на один из отдаленных островов, поразивших его своим общественным устройством. Это был остров Утопия⁴⁵. Рассказу Гитлодея об этом замечательном острове и посвящена вторая часть книги Мора.

Жизнь на острове представляет полную противоположность европейской действительности. Труд в Утопии не является обременительным, рабочий день продолжается всего лишь 6 часов, зато в остальное время каждый занимается чем хочет: науками, искусствами и прочими любимыми делами. Все богатства острова принадлежат всем его гражданам, и каждый пользуется ими по своим потребностям. Таким образом, общественное устройство Утопии основано на принципах социализма и справедливости. Более того, в Утопии действует коммунистический принцип — распределение по потребностям.

Мор подчеркивает скромные потребности граждан Утопии. Взять, к примеру, их одежду: во время работы они покрываются шкурами, кото-

⁴² Там же, стр. 217—218.

⁴³ Там же, стр. 95, 97.

⁴⁴ Там же, стр. 218.

⁴⁵ В переводе с греческого слово «утопия» означает место, которого не существует.

рых хватает на семь лет, после же работы облачаются в грубые шерстяные одежды одинакового цвета. Такой примитивный подход Мора к проблеме удовлетворения потребностей, даже в условиях идеального общественного строя, не случаен. Воображение гениального мыслителя было ограничено рамками его века. Ведь уровень развития ремесла и земледелия в XVI в. не давал возможности даже мечтать о том изобилии материальных и духовных благ, которые приносит прогресс техники.

Мор выразил в «Утопии» свое гуманистическое убеждение, что человек рожден для счастья. Даже цель своего повседневного труда утопийцы видят в том, чтобы «обеспечить, насколько это возможно... всем гражданам наибольшее количество времени после телесного рабства для духовной свободы и образования. В этом, по их мнению, заключается счастье жизни»⁴⁶.

Вся книга Мора пронизана пафосом любви к людям и ненавистью к эксплуатации, угнетению человека.

Утопийцы ликвидировали частную собственность, вывели из употребления деньги. Тем самым они уничтожили самый корень преступлений — воровства, убийства, предательства, т. е. все то, что сопутствует власти золота и денег и с чем так безуспешно пытаются бороться в других государствах путем жестоких законов.

«Я убежден, — говорил Гитлодей, заканчивая свой рассказ об Утопии, — что нигде нет такого превосходного народа и более счастливого государства».

Поблагодарив Гитлодея за интересный рассказ, Мор заметил, что в Утопии действительно много такого, что он хотел бы видеть осуществленным на практике «в наших государствах». Но тут же грустно добавил: «Я более желаю этого, нежели ожидаю»⁴⁷. Иными словами, сам Мор, подробно описавший в «Утопии» проект переустройства общества на социалистических началах, мало верил в возможность его осуществления в условиях феодальной Европы. Но социалистические идеи Мора не пропали даром. Под влиянием этих идей были написаны десятки книг, посвященных проблеме переустройства общества на началах равенства и социальной справедливости. Мор стал родоначальником целого направления в истории социализма, получившего название утопического социализма. Вместе с тем словом «утопия» стали обозначать всякий несбыточный проект, всякую несбыточную мечту. И это не случайно: социалисты-утописты, мечтавшие об установлении на земле справедливого общественного строя, не знали, как это сделать, не знал этого и сам родоначальник утопического социализма Томас Мор. И тем не менее историческая заслуга утопического социализма огромна. Идеи социалистов-утопистов впоследствии послужили одной из важнейших исторических основ учения Карла Маркса о социализме.

⁴⁶ Томас Мор. Утопия, стр. 126.

⁴⁷ Там же, стр. 222.

* * *

Насколько серьезным был интерес гуманистов к «Утопии», можно судить по той оценке, которую она получила в переписке Эразма и его друзей. «Прочтя „Утопию“ Мора, ты подумаешь, что перенесен в другой мир; до того там все ново», — писал Эразм одному из своих корреспондентов в феврале 1517 г.⁴⁸ «Если ты еще не читал „Утопии“ постарайся ее достать, если хочешь... увидеть те источники, откуда происходит почти все зло в государстве», — советовал Эразм другому своему корреспонденту в письме от 24 февраля 1517 г.⁴⁹

«Утопию» читали и перечитывали, некоторые даже пытались выучить ее наизусть. Нашлись и такие, которые, не поняв остроумной литературной мистификации Мора, всерьез готовы были отправиться на поиски Утопии. Важно, что современники Мора, особенно гуманисты, серьезно отнеслись к социально-политическим идеям «Утопии». В частности, восторженно отзывались об авторе «Утопии» нидерландский гуманист Иероним Буслинад и французский гуманист Гийом Бюде. Последний писал в июле 1517 г. своему другу Т. Лапсету: «Я люблю и высоко почитаю его (Мора. — И. О.) за все то, что он написал об этом острове Нового Света. Наш век и будущие века будут иметь в этой истории драгоценный источник практически пригодного законодательства для всех, кто хотел бы воспользоваться им и применить его в своих государствах»⁵⁰.

Наконец и сам Мор в переписке с друзьями со всей прямоотой выразил собственное отношение к республике утопийцев как государству, которое справедливым общественным устройством превосходит все известные ему государства.

Эразм, принимавший самое горячее участие в судьбе «Утопии», объяснял в письме к Гуттену от 23 июля 1519 г., что свою книгу Мор издал «с намерением показать, по каким причинам приходят в упадок государства; но главным образом он имел в виду Британию, которую глубоко изучил и знал»⁵¹.

По мнению Эгидия, Мор обнаружил в своей «Утопии» такую огромную эрудицию, ум и столь богатый опыт в мирских делах, что с ним не может сравниться даже знаменитый путешественник Улисс, а что касается Америго Веспуччи, то по сравнению с Мором он, можно сказать, не видел ровно ничего⁵².

Итак, из переписки Мора и его друзей видно, какое серьезное значение придавали гуманисты идейному содержанию «Утопии». Они вовсе не рассматривали ее как шутку, «пустячок» (*jeu d'esprit*)⁵³, написанный

⁴⁸ «Opus epistolarum Des. Erasmi Roterodami», v. II, p. 459.

⁴⁹ Ibid., p. 483.

⁵⁰ «The Complete Works of St. Thomas More», v. 4, p. 14—15.

⁵¹ «Opus Epistolarum Des. Erasmi Roterodami», v. IV, p. 21.

⁵² «The Complete Works of St. Thomas More», v. 4, p. 20—21.

⁵³ См. D. Nisard. Etudes sur la Renaissance. Paris, 1856, p. 183; T. E. Bridgett. Life and Writings of Sir Thomas More. London, 1891, p. 105; R. L. Smith. John Fisher

лишь ради забавы, как это пытались иногда представить некоторые ученые в XIX и XX вв.

На литературной судьбе «Утопии» сказались идейная и политическая борьба эпохи реформации и дальнейшая биография самого Мора, занявшего определенное место в этой борьбе. Твердая позиция на стороне католицизма, активная полемика Мора с Лютером и Тиндалем, его деятельность на посту лорда-канцлера Генриха VIII и мужественная гибель во имя своих религиозных и политических убеждений — все это надолго отвлекло внимание современников Мора и последующих поколений от «Утопии». Первый биограф Мора и близкий ему человек Уильям Ропер даже не считал нужным упомянуть о ней.

После выхода в свет «Утопии» Мор сразу же оказался в центре внимания всей просвещенной Европы⁵⁴. Наряду с ростом политической популярности Мора в Лондоне росла слава Мора как ученого-гуманиста. Последняя, быть может, сыграла немаловажную роль в дальнейшем развитии политической карьеры Мора как крупного государственного деятеля тюдоровской Англии.

Удачное выполнение Мором дипломатической миссии во время его посольства во Фландрию, а вслед за тем и успех «Утопии» обратили на него внимание Генриха VIII, который сделал все, чтобы привлечь Мора на королевскую службу. Сам Мор в письме к Джону Фишеру рассказывал о своем представлении королю: «Я прибыл во дворец совершенно против своего желания, как то знают все и как сам король шутиливо упрекнул меня в том. Я чувствовал себя там так же неловко, как начинающий ездок, сидя в седле. Но наш король так любезен и приветлив к каждому, что всякий может считать себя предметом его особой благосклонности, какого бы скромного мнения он ни был сам о себе... Что же касается меня, то я не настолько счастлив, чтобы воображать, будто заслужил чем-либо его благосклонность к себе или что я ее уже действительно имею. Но во всяком случае его добродетели столь велики, что я начинаю считать все менее и менее скучной жизнь придворного»⁵⁵.

В 1518 г. Мор становится одним из членов королевского совета и докладчиком прошений, поступавших на имя короля. Эта должность обязы-

and Thomas More: Two English Saints. London, 1935, p. 72; E. M. G. Routh. Sir Thomas More and his Friends. N. Y., 1963, p. 74; D. Sargent. Thomas More. N. Y., 1948, p. 65. Последний выразил эту точку зрения наиболее прямолинейно. По мнению Сарджента, Мор написал «Утопию», чтобы «развлечь маленький кружок гуманистов, которым нравился его латинский язык и которые слишком высоко парили над миром, чтобы чувствовать интерес к пошлым мирским тревоблениям».

⁵⁴ Вслед за первым лувенским изданием «Утопии» 1516 г. последовало еще несколько изданий. В 1517 г. вышло парижское издание, а затем два издания (в марте и ноябре 1518 г.), напечатанные в Базеле у Иоганна Фробена. Уже в течение XVI в. «Утопия» была переведена с латинского на европейские языки. В 1524 г. вышел немецкий перевод «Утопии», в 1548 г. — итальянский, в 1550 г. — французский, в 1551 г. — английский, в 1562 г. — голландский.

⁵⁵ T. Stapleton. The Life and Illustrious Martyrdom of Sir Thomas More. London, 1966, p. 72.

вала не только докладывать прошения, но и разбираться во всех тонкостях дела и предлагать на рассмотрение короля обдуманное решение.

В мае 1521 г. Мор назначается на должность помощника казначея. Вместе с этой должностью он получает звание рыцаря. Одновременно Мор участвует в дипломатических миссиях, сопровождая канцлера Уолси в его поездках в Кале и Брюгге. Служебная и придворная карьера Мора развивалась столь успешно, что в 1522 и 1525 гг. ему были пожалованы королем в награду за службу земли в графствах Оксфордшир и Кент. Генрих VIII не мог не ценить Мора за его глубокий ум и обширные познания.

Чтобы по-настоящему понять Мора, надо знать его частную жизнь, его взаимоотношения с друзьями и близкими. В одном из своих писем Эразм оставил нам яркую характеристику своего друга. Вот портрет Мора, нарисованный Эразмом в письме к Гуттену: он был не выше среднего роста, белолиц, с тонким румянцем, с темно-золотистой шевелюрой и довольно редкой бородой и с очень выразительными, красивыми голубовато-серыми глазами, всегда с дружески приветливой, доброй улыбкой. Голос негромкий, но ясный, речь удивительно чистая и неторопливая. Мор скромнен в своих житейских привычках: неприхотлив в еде, лакомствам предпочитает простую пищу — говядину, соленую рыбу, хлеб, молоко; одевается просто, пренебрегает всякими условностями и светскими манерами. Он очень любит животных, с удовольствием наблюдает за их повадками и нравами. В доме его рядом уживаются обезьяна, лисица, хорек, ласка и попугай.

Мор увлекательный собеседник, ум у него быстрый, память отличная. По словам Эразма, он был прямо рожден для дружбы: «Кто ищет совершенный образец истинной дружбы, не найдет лучшего, чем Мор». Эразм называл его «покровителем всех нуждающихся», всегда готовым «поддержать угнетенного, вызволить стесненного и обремененного...»⁵⁶

Мор был горячим сторонником женского образования. Он считал, что женщина должна быть такой же образованной, как и мужчина: «Разница пола в смысле учености значения не имеет», ибо мужчины и женщины «одинаково способны к тем занятиям, которые совершенствуют и оплодотворяют разум, подобно почве, на которой посеяны семена мудрости»⁵⁷. Эти взгляды Мор отстаивал и в «Утопии». Он старался осуществить их на практике: три его дочери получили блестящее образование, а старшая Маргарита обладала такими глубокими знаниями древних языков и литературы, что сам Эразм назвал ее «украшением Британии». Свою молодую жену Мор сам обучил грамоте и дал ей музыкальное образование. В доме Мора всегда царила необычайно дружеская и сердечная атмосфера. Его семья была настоящей школой, где все было проник-

⁵⁶ «Opus epistolarum Des. Erasmi Roterodami», IV, N 999, p. 21.

⁵⁷ T Stapleton. Op. cit, p. 95.

нуто духом гуманизма; увлечение древними языками и литературой сочеталось с занятиями географией, математикой, астрономией, медициной и музыкой.

Большое влияние на дальнейшую политическую деятельность Мора оказала реформация. Сразу же после выступления Лютера Мор становится его ярким противником. Генрих VIII также враждебно встретил реформацию. Будучи по образованию богословом⁵⁸, король часто обсуждал с Мором проблемы реформации. В 1521 г. под именем Генриха VIII была опубликована книга против Лютера в защиту «семи таинств»⁵⁹. Томасу Мору пришлось участвовать в издании этой книги в качестве редактора, а возможно, и соавтора. В награду за этот труд Генрих VIII получил от папы Льва X почетный титул «защитника веры» (*defensor fidei*), кроме того, каждому, прочитавшему эту книгу, папа обещал отпущение грехов. С выходом в свет книги Генриха VIII связано начало полемической деятельности Мора против реформации.

На книгу английского короля Лютер ответил резкой статьей, в которой он ругал Генриха VIII, называя его «грубой, глупой, ослиной башкой» и «бессмысленным шутком, не понимающим, что значит вера». В 1523 г. был опубликован «Ответ Томаса Мора на глумления, которыми Мартин Лютер осыпает английского короля Генриха VIII»⁶⁰.

В 1523 г. по представлению Уолси и с одобрения короля Мор избирается спикером, т. е. председателем Палаты общин. Однако расчеты короля и его первого министра не оправдались: Мор не стал их послушным орудием в парламенте. Он делает все, чтобы противодействовать попыткам королевского произвола. В частности, Мор отказался поддержать требование короля и Уолси об утверждении новых налогов⁶¹. Мужественная позиция Мора в парламенте еще более укрепила его политический авторитет и содействовала дальнейшему росту его популярности среди третьего сословия.

Канцлер и король пожелали было отделаться от строптивного спикера, предложив ему отправиться в качестве посла в Испанию, но Мор отказался от этого под предлогом «расстроенного здоровья». На этот раз король уступил. Неизвестно, чем была вызвана подобная мягкость Генриха VIII, но, по словам зятя Мора Уильяма Ропера, король будто бы сказал: «Не в наших намерениях, Мор, делать вам неприятное; напротив, мы рады, если можем сделать для вас что-либо хорошее. Мы поды-

⁵⁸ Генриха VIII готовили в юности на пост архиепископа Кентерберийского, и лишь случайная смерть старшего брата Артура привела его на королевский престол.

⁵⁹ «*Assertio septem sacramentorum adversus Martinum Lutherum edita abinvictissimo Angliae et Franciae rege et domini Hiberniae Henrico eius octavo*». Londini, 1521.

⁶⁰ «*Thomae Mori responsio ad convitia Martini Lutheri congesta in Henricum Regem Angliae eius nominis Octavum*». Отрывок из этого сочинения Мора под заглавием «Собор собутельников» («*Senatus combibonum*») — злая сатира на Лютера и его сторонников — приложен к книге В. И. Яковенко «Томас Мор, его жизнь и общественная деятельность». СПб., 1891, стр. 66—67.

⁶¹ *W. Roper. Op. cit.*, p. 17—19.

щем для этой поездки другого человека, а вашими услугами воспользуемся в каком-либо другом деле»⁶².

Во всяком случае, дружба короля с Мором продолжалась. Впоследствии он даже лично навещал Мора в его доме в Челси (тогда еще деревушке, расположенной в двух милях от Лондона вверх по течению Темзы), куда Мор переехал со всем семейством. Ропер рассказывает, как, наезжая иногда в Челси, король обедал у Мора и прогуливался с ним по саду, обняв его за шею⁶³. Но, судя по рассказам того же Ропера, Мор успел уже порядочно разочароваться в «добродетелях» этого жестокого и самовластного государя. Мор не обольщался милостивым отношением к нему монарха. Как-то после одного из «дружеских» посещений Генриха VIII Мор сознался зятю, что король не задумываясь отрубил бы ему голову, если бы этой ценой он мог приобрести хотя бы один ничтожный замок во Франции, с которой Англия в это время вела войну⁶⁴. Однако король, по-видимому, все еще возлагал немалые надежды на политические способности Мора.

В 1525 г. Мор получает высокий пост канцлера герцогства Ланкастерского. Одновременно с этим Мор продолжает выполнять дипломатические поручения. В 1527 г. совместно с Уолси в Амьене он ведет переговоры с представителями короля Франциска I; летом 1529 г. совершает дипломатическую поездку в Камбрэ, где участвует в переговорах при заключении мирного договора Англии и Франции с Испанией.

В конце августа 1529 г. Мор вернулся в Англию и застал там большие и неожиданные для него перемены. Власть всемогущего канцлера Уолси, как и его влияние на короля, были заметно поколеблены. Произшедшие перемены имели прямую связь с неудачей внешнеполитического курса всесильного кардинала. Мир в Камбрэ, подписанный между императором Карлом V и королем Франциском I, был ударом по политическому престижу Уолси, строившего внешнюю политику Англии на использовании противоречий в Европе между Францией и империей. Положение Уолси осложнялось еще и тем, что для Генриха VIII, мечтавшего в этот период добиться согласия папы на развод с королевой Екатериной Арагонской, стала совершенно ясна невозможность этого предприятия при создавшейся международной обстановке. Англия отныне утратила поддержку Франции, а император Карл V, которому опальная королева приходилась родной теткой, мог теперь свободно оказывать давление на папу. В результате перспектива благоприятного для Генриха VIII решения папы в деле о разводе представлялась теперь менее реальной, чем когда бы то ни было.

Вскоре Уолси был обвинен в превышении полномочий и лишен большой государственной печати. Как сообщает хроника Холла, после долгого обсуждения выбор короля пал на «сэра Томаса Мора, рыцаря, че-

⁶² Ibid., p. 19—20.

⁶³ Ibid., p. 20—21.

⁶⁴ Ibid., p. 21.

ловека хорошо сведущего в языках, а также в обычном праве, человека тонкого и острого ума, полного идей, вследствие чего он был очень одарен склонностью к насмешке, что для его достоинства было большим пороком»⁶⁵.

25 октября 1529 г. Мору была вручена большая печать лорда-канцлера Англии. На следующий день на торжественном собрании в Вестминстере герцог Норфольк представлял нового канцлера. В традиционной ответной речи Мор высказал трезвое суждение по поводу своего назначения канцлером: «Я считаю это кресло местом, полным опасностей и трудов и далеко не таким почетным. Чем выше положение, тем глубже падение, как это видно по моему предшественнику (Уолси. — И. О.). Если бы не милость короля, я считал бы свое место столь же приятным, сколь Дамоклу был приятен меч, висевший над его головой»⁶⁶.

Сделавшись вторым лицом в государстве после короля, Мор тем не менее не изменил своих взглядов, оставаясь по-прежнему человеком, чуждым компромиссам, не способным на сделку с собственной совестью. К тому времени, как Мор стал канцлером, у него уже были сложившиеся взгляды на реформацию, ему принадлежало несколько полемических сочинений, написанных против Лютера и английского реформатора Уильяма Тиндаля⁶⁷.

В отношении Мора к реформам наиболее ярко сказались противоречия гуманизма. Начав как критик католического духовенства и провозвестник идей реформации о необходимости «очистить» христианское учение от схоластики и т. п., Мор, как и многие другие гуманисты, не поддерживал реформации. Более того, напуганные широким социальным движением, которое вызвала вспыхнувшая в Европе реформация, гуманисты в большинстве своем поспешили отмежеваться от «лютеранской ереси», приписывая ей главную вину в подстрекательстве к «бунту черни».

Для полемики гуманистов с реформаторами показателен знаменитый спор Эразма с Лютером о свободе воли. В своем трактате «О свободе воли», опубликованном в августе 1524 г., Эразм оспаривал восходивший к св. Павлу и Августину тезис Лютера о несвободе человеческой воли. У Лютера на первом месте стояла вера в божественное предопределение. По существу, Лютер уничтожал принцип индивидуальной ответственности человека за свои дела. Согласно учению Лютера, человек спа-

⁶⁵ *Ei. Hall. The Triumphant Reign of King Henry VIII, II. London, Ed. by Ch. Whibley, 1904, p. 158.*

⁶⁶ *T. Stapleton. Op. cit., p. 22; W. Roper. Op. cit., p. 39—40.*

⁶⁷ Большой полемический труд Мора «Диалог о Тиндале» был написан в 1528 г. В июне 1529 г. вышло первое издание «Диалога». В 1531 г. было опубликовано второе его издание с прибавлением к нему «Возражения на ответ Тиндаля» («*Confutation of Tyndale's Answer*»). См. «*The Dialogue concerning Tyndale by Sir Thomas More*». London, 1927, p. 11—12; «*The Workes of Sir Thomas More... Written by him in English Tongue*». London, 1557, p. 105, p. 339—405. Предметом полемики был опубликованный в 1525 г. английский перевод Нового Завета Тиндаля. Выступая против Тиндаля, Мор защищал официальную догматику католической церкви, которой Тиндаль противопоставлял свободное толкование текста Священного писания.

сается не делами, а верой. Эразм не мог примириться с подобным принижением человека. Он подчеркивал большое значение «добрых дел», которые в немалой степени зависят от свободной воли человека.

Лютер и прежде упрекал Эразма за то, что тот придает человеческому началу большее значение, чем божественному. В трактате «О рабстве воли», направленном против Эразма, Лютер утверждал, что само понятие свободы воли несовместимо с верой в божественное предопределение. Более того, человеческая воля, по Лютеру, подобна вьючному животному, которое в равной степени может оседлать либо бог, либо дьявол.

Мор выступил в поддержку Эразма. Свои доводы против Лютера он обосновывал с точки зрения обычного здравого смысла и общечеловеческой этики. Акцентируя внимание на этическом аспекте проблемы свободы воли, Мор подчеркивал ответственность христианина за его дела. Если бог лишил христианина свободы воли, свободы своего поведения, если нет никакой свободы воли, то зачем пытаться убеждать кого-то делать добро? «Вы должны просто молить бога, чтобы он сам все во мне совершил, а не настаивать, чтобы я старался ради себя самого. Если все приходит от веры, если для человека не остается никакой свободы, как вы, лютеране, упрямо настаиваете, какой же смысл в том, чтобы убеждать кого-то быть добродетельным и наказывать того, кто порочен?» Очень важно иметь в виду также политический аспект полемики Мора с Лютером и его последователями. В полемическом трактате Мора «Ответ Лютеру», опубликованном в 1523 г. под псевдонимом Уильяма Росса, Мор предсказывал, что распространение учения Лютера вызовет серьезные политические последствия: раскол в церкви и гражданские смуты.

При всем глубоком понимании пороков католической церкви, при всем отвращении к схоластике и догматизму и Мор, и Эразм питали еще большее отвращение к реформационным учениям, подчеркивая их узость и фанатизм. «Схизмы», раскол, поразившие Европу, воспринимались Мором и Эразмом как трагедия, угрожавшая гибелью культуры, которой они так дорожили. Как бы разъясняя не только свою политическую позицию в отношении реформации, но и позицию своего друга Мора, Эразм в письме к венскому епископу Иоанну Фаберу писал в 1532 г.: «нет ни одного сколько-нибудь благочестивого человека, который не желал бы улучшения (реформы) морали в церкви, но ни один сколько-нибудь благоразумный человек не сочтет справедливым терпеть всеобщий беспорядок»⁶⁸.

Когда реформация Лютера всколыхнула всю Германию, дав толчок широкому общественному движению против духовных и светских властей, Мор по-иному стал оценивать объективный политический смысл своей просветительской деятельности и деятельности Эразма в предреформационный период. Так, в очередном своем «Опровержении» английского последователя Лютера — Уильяма Тиндаля, с которым Мор полемизировал несколько лет, обращаясь к христианскому читателю, он выра-

⁶⁸ «Opus epistolarum Des. Erasmi Roterodami», v. X, p. 137.

зил свое новое отношение к некоторым прежним сочинениям Эразма и своим собственным, написанным в предреформационный период.

«Если бы в эти дни, — писал Мор, — когда люди благодаря собственному пороку неправильно истолковывают и наносят вред даже самому Священному писанию бога... нашелся бы кто-нибудь, пожелавший перевести на английский язык «Морию» или некоторые сочинения, которые я сам прежде написал, хотя в этом и не было никакого вреда (явно речь идет об «Утопии». — И. О.), а теперь они могли бы быть использованы, чтобы подстрекать народ и причинять вред тому, что есть благо, я скорее своими собственными руками помог бы сжечь не только книги моего дорогого (Эразма. — И. О.), но также и мои, чем допустил бы, чтобы народ по причине собственных заблуждений получил бы какой-то вред из-за этих книг...»⁶⁹

Лютера и его сторонников Мор считал непосредственными виновниками вспыхнувшей в Германии крестьянской войны. В народных движениях Мор и его друзья видели лишь разрушительное начало. В боязни народных движений, в непонимании их прогрессивной антифеодальной направленности сказывалась историческая ограниченность гуманизма как буржуазного в своей основе просветительского движения.

Политическую опасность антипапского выступления Лютера Мор видел в порочности исходной позиции Лютера, опрометчиво приписывающего ошибки и пороки людей должностям, которые эти люди занимают⁷⁰. Подобная позиция, по мнению Мора, логически ведет к полной политической анархии. Ибо дело не ограничится отрицанием папства, за папой пойдет королевский престол, а затем и всякая власть и администрация вообще. В результате народ окажется в стране, где нет «ни правителя, ни закона, ни порядка». Именно это, по словам Мора, и «угрожает теперь отдельным частям Германии». И если, продолжает Мор, эта угроза осуществится, «претерпев великие утраты», люди на горьком опыте должны будут понять, насколько лучше «иметь даже плохих правителей, чем вовсе никаких». Мор считал, что выступать против папства — значит подвергать «христианское дело» опасности, поэтому лучше произвести реформы в папстве, чем упразднить его⁷¹.

В письме к секретарю короля Томасу Кромвелю от 5 марта 1534 г., касаясь вопроса о папстве, Мор писал, что «верховный авторитет папы как первосвященника был учрежден всем христианством по причине великой важности, чтобы избежать схизм и укрепить христианское единство путем непрерывной преемственности...»⁷² В своем письме, затрагивая таким образом острейший политический вопрос о претензии короля быть верховным главой церкви Англии, Мор предпочитал пошлому политическому утилитаризму Генриха VIII и его советников обращенную в прошлое идею вселенского единства и гармонии христианского мира.

⁶⁹ «The Workes of Sir Thomas More...», p. 422.

⁷⁰ «The Complete Works of St. Thomas More», v. 5, part I, 1969, p. 14—17.

⁷¹ Ibid., p. 140—141.

⁷² «The Correspondence», p. 498.

В том, что такой умудренный политик, как Томас Мор, не находил ничего лучшего, как отстаивать утопию единой вселенской церкви, скрывался кризис европейского гуманизма как ранней формы буржуазного просвещения. Широта гуманистической социальной критики кануна реформации у того же Томаса Мора и Эразма, восхищавшая их современников и потомков, в эпоху реформации, когда антифеодальное движение приобретало четкие классовые формы, превратилась в свою противоположность⁷³. Поскольку ни один социальный лагерь тогдашнего мира не отвечал полностью идеологическим и политическим чаяниям христианских гуманистов, безысходность и утопичность позиции гуманистов, примкнувших к контрреформации и продолжавших отстаивать христианское единство как вселенскую церковь, тем явственней, что сами же они, как это видно из прежних сочинений Мора и Эразма, написанных в канун реформации, принимали пресловутое единство католической церкви скорее иронически и сатирически, нежели как благочестивую реальность, достойную стать исходным моментом исцеления общества от всех недугов и мерзостей, изображаемых в многочисленных сатирах гуманистов, смысл которых был всегда один и тот же: порча церкви от папы до последнего монаха и священника. И в этом отношении контрреформационная утопия вселенской церкви была несомненным шагом назад, свидетельствуя о том безысходном тупике, в котором оказался христианский гуманизм Мора, Эразма и их единомышленников.

И тем не менее отношение Мора к папскому престолу было отнюдь не однозначно. Мор не был апологетом папы. Как в своем «Диалоге о Тиндале», так и в письмах Мор провозглашал, что Вселенский собор выше папы⁷⁴. В письме к Томасу Кромвелю от 5 марта 1534 г. Т. Мор неоднократно подчеркивал, что он никогда «не выдвигал на первый план авторитета папы»⁷⁵. Более того, Мор напоминал, как в свое время, когда король-богослов писал свой трактат «против ереси Лютера» в защиту «семи таинств», он, Мор, советовал королю не слишком подчеркивать авторитет папы и «предлагал его величеству или оставить этот пункт вовсе, или же касаться его более осторожно» на случай возможных политических столкновений, которые всегда «могут возникнуть между королем и папой, что уже неоднократно случалось в отношениях между государями и папами»⁷⁶. Свой совет королю Мор мотивировал тем, что папа является еще и светским государем. Поэтому при изменении политической обстановки в Европе может измениться и политика английского короля в отношении папы.

Признавая верховный авторитет папы в вопросах веры, Мор достаточно критически относился к папству как гуманист и политик⁷⁷. Но вместе с тем в том же самом письме, касаясь церковной политики Ген-

⁷³ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 22, стр. 21—22.

⁷⁴ «The Workes of Sir Thomas More...», p. 621.

⁷⁵ «The Correspondence», p. 499, 559.

⁷⁶ Ibid., p. 498.

⁷⁷ Ibid., p. 498—499.

риха VIII, в частности его самодержавного стремления возглавить церковь Англии, Мор указывал, что «поскольку весь христианский мир (Christendom) является единым телом, он не может понять, как один член тела, без общего согласия тела, может отделиться от общей головы».

Свое враждебное отношение к реформации Мор выразил в опубликованном в 1528 г. «Диалоге о ересях и религиозных недоразумениях». В этом сочинении достаточно полно отразились взгляды Мора на реформацию в Германии. Наряду с откровенно враждебным отношением Мора к доктрине Лютера в «Диалоге» отчетливо выражено глубокое понимание Мором политических мотивов реформационного движения в Европе. В частности, Мор писал: «Весь свой яд Лютер подсластил особым средством — свободой, которую он выхвалял народу, убеждая, что, кроме веры, тому решительно ничего не нужно. Пост и молитву и т. п. он считал лишними церемониями; он учит людей, что раз они верующие христиане, то Христу они приходится чем-то вроде двоюродных братьев; поэтому, кроме Евангелия, они совершенно от всего свободны и им не приходится считаться ни с обычаями и законами, как духовными, так и светскими. Хотя он и говорит, что терпеливо сносит власть папы, князей и других правителей, которых он называет тиранами, и представляет из себя добродетель, но он тем не менее считает свой верующий народ настолько свободным, что повиноваться власти народу этому нужно равно в такой же степени, как вообще нужно сносить всякую несправедливость. То же самое проповедует и Тиндаль...»

Простому народу это учение так сильно пришлось по вкусу, что оно ослепило его, и он забыл обо всем другом, о чем еще учит Лютер, и совершенно не считается с последствиями такого учения. Светским правителям, — продолжает Мор, стремясь предостеречь государей, которые подобно Генриху VIII склонялись к реформации из корыстных классовых и личных соображений, — было приятно слышать эти проповеди, направленные против духовенства, а простой народ радовался, слыша нападки на духовенство и правителей и вообще на всякую власть в городах и общинах. Наконец дело дошло до того, что движение перешло к открытым насильственным действиям. Конечно, расправа началась первоначально с наименее сильных. Прежде всего толпа безбожных еретиков подстрекнула сектантов, чтобы они возмущались против аббата, затем против епископа, чему светские князья немало радовались; они замяли дело, так как сами точили зубы на церковное имущество. Но с ними вышло так, как с собакою в басне Эзопа. Она хотела схватить тень от сыра в воде, а самый-то сыр и уронила. Дело в том, что лютеровские крестьяне вскоре набрались такой смелости, что поднялись против своих светских государей. Если бы те вовремя не хватились, то они, оглядываясь на имущество других, сами могли бы легко потерять свое. Однако они спаслись тем, что за одно лето уничтожили в этой части Германии 70 тысяч лютеран, а остатки их поработили, но все это было сделано уже после того, как те успели причинить много зла. И все-таки, несмотря на все это, во многих городах Германии и Швейцарии эта безбожная секта

благодаря бездействию властей так окрепла, что наконец народ принудил правительство также принять ее; а между тем, будь они в свое время внимательнее, они легко могли бы остаться вождями и руководителями народов»⁷⁸.

Как пронизательный политик Мор отлично понимал, что так же, как и в Германии, реформация в Англии неизбежно повлечет за собой захват церковных земель и разграбление церковного имущества королем, дворянством и буржуазией. Хищнические, грабительские мотивы английских сторонников реформации для Мора были слишком очевидны. Поэтому в своей полемике с английскими реформаторами Мор открыто выражал убеждение, что секуляризация монастырских имуществ, которую они проповедовали, еще больше ухудшит положение бедняков⁷⁹. И Мор не ошибся в своем предвидении. Когда впоследствии реформация победила в Англии и монастырские земли попали в руки новых владельцев — предприимчивого дворянства и буржуазии, то они первым делом приступили к огораживанию и поспешили изгнать прежних держателей этих земель — крестьян. Не случайно Карл Маркс подчеркивал в «Капитале», что английская реформация дала «новый страшный толчок» огораживанию, способствуя обогащению хищников — дворян и буржуазии, разорению крестьян и увеличению нищеты и бродяжничества⁸⁰.

Столкновение Мора с Генрихом VIII, окончившееся гибелью Мора, и произошло как раз на почве реформаций. Никакие репрессии правительства не могли помешать проникновению в Англию идей реформации. Весь ход исторического развития Англии толкал страну на разрыв с папством. Новое дворянство и буржуазия были кровно заинтересованы в создании более дешевой национальной церкви. Особенно крупные выгоды в случае победы реформации в Англии сулила им предстоящая возможность захвата церковных имуществ. Под давлением этих веяний и сам Генрих VIII решился пойти на разрыв с папой, обещавший ему, будущему главе английской церкви, немалые выгоды не только политические, но и материальные: возможность конфисковать богатства церкви. Поводом для разрыва с папой явилось королевское дело о разводе. Король собирался развестись со своей первой женой Екатериной Арагонской, для того чтобы иметь возможность жениться на красивой фрейлине королевы — Анне Болейн. Чтобы развод считался законным, его должен был утвердить сам папа. Однако папа не хотел, да и не мог этого сделать. Король обратился за помощью к университетам Оксфорда, Кембриджа, Парижа, Орлеана, Болоньи, Падуи и другим и за деньги добился от них письменных подтверждений «законности» королевского развода. Естественно, что Генрих VIII нуждался в поддержке канцлера Мора. Но на-

⁷⁸ «The Dialogue concerning Tyndale by Sir Thomas More», p. 272—273; «The Workes of Sir Thomas More...», p. 257—258. Ср.: *Th. More. The Apologie*. London, 1930, p. 12.

⁷⁹ См. памфлет Мора «Мольба душ», написанный против Симона Фиша, проповедовавшего секуляризацию: «The Workes of Sir Thomas More...», p. 301—302.

⁸⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 732—733.

дежды короля оказались напрасны. Мор не захотел кривить душой и защищать фальшивые доводы короля против Екатерины Арагонской.

11 мая 1532 г. Генрих VIII предъявил собранию духовенства свои требования, отвергавшие власть папы, изумив присутствующих тем, что объявил об этом на 25-м году своего царствования.

После короткой борьбы 15 мая 1532 г. конвокация духовенства согласилась принять все требования короля, а на следующий день после этого Томас Мор возвратил королю большую государственную печать, заявив тем самым о своей отставке. Мор не мог идти против своей совести и стать послушным орудием короля. Но все же он не желал, чтобы его добровольная отставка была воспринята как политическая демонстрация его оппозиции. Поэтому некоторое время сам Мор настаивал на той версии, что его отставка вызвана плохим состоянием здоровья. Однако когда 1 июля 1533 г. состоялась коронация Анны Болейн, Мор отказался присутствовать на церемонии. Истинные мотивы отставки Мора не могли быть секретом для короля, и он не замедлил обрушить репрессии на своего опального канцлера. Против Мора начался уголовный процесс по обвинению в «государственной измене».

Преступление Мора якобы состояло в том, что он поддерживал некую монахиню — Елизавету Бартон, пророчившую гибель королю. Авторитет и популярность Мора были настолько велики, что и парламент не мог принять всерьез это обвинение. В результате оно было снято.

Сам Мор не обольщался надеждами на будущее, он понимал, что «оправдание» — лишь отсрочка и что король лишь на время отложил свою месть. Поэтому когда старшая и любимая дочь Мора Маргарита выразила радость по поводу счастливого исхода дела, Мор с грустью возразил ей: «Отложить дело — не значит его отменить»⁸¹. В своем предвидении Мор не ошибся.

23 мая архиепископ Кентерберийский Крэнмер провел в Денстебле судебное заседание, на котором в отсутствие королевы Екатерины было провозглашено, что ее брак с Генрихом VIII признается недействительным, поскольку некогда, двадцать пять лет назад, она предназначалась в жены его умершему брату Артуру, а спустя пять дней состоялось бракосочетание короля с Анной Болейн. Узнав о провозглашении нового брака короля, Мор сказал своему зятю: «Господи, дай милость, чтобы эти дела через некоторое время не были подкреплены присягами!» Опасение Мора вскоре подтвердилось. После рождения принцессы Елизаветы в начале 1534 г. парламент принял новый «Акт о наследовании». Согласно новому акту, дочь Генриха VIII и Екатерины Арагонской, принцесса Мария, объявлялась незаконнорожденной, исключалась из числа наследников короны, поскольку предшествующий брак короля был признан незаконным. Кроме того, новый «Акт о наследовании» отвергал какие бы то ни было права «епископа Рима», т. е. папы, касающиеся за-

⁸¹ *W. Roper. Op. cit., p. 71.*

ключения или расторжения брака английского короля. Все дела такого рода отныне были в компетенции «архиепископов, епископов или других священнослужителей церкви Англии». После смерти Генриха VIII права на английскую корону переходили к его старшему сыну, а за отсутствием такового к принцессе Елизавете. К «Акту» прилагалось постановление о присяге наследованию. Эту присягу обязаны были приносить все подданные по первому требованию короля, его наследников или лиц, специально уполномоченных королем. Присяга подразумевала безоговорочное принятие и соблюдение всех положений «Акта о наследовании». Текст присяги включал также формулу отречения от папской власти, равно как и от власти иностранного государя (any foreign potentate): король, подчеркивалось в присяге, является единственным сувереном. Отказ от присяги «Акту о наследовании» квалифицировался как «изменический умысел», караемый конфискацией имущества и тюремным заключением по воле короля.

Уильям Ропер рассказывает, как в первое воскресенье после пасхи, 12 апреля 1534 г., он вместе со своим тестем прибыл из Челси, где жила семья Мора, в Лондон, чтобы послушать проповедь у св. Павла. После проповеди Мор и его зять отправились в старый лондонский дом, где когда-то жила семья Моров (дом у Старой Баржи в Бэклерсбери) и где теперь жил воспитанник Мора Джон Клемент⁸² с женой Маргаритой. В этом доме прошли счастливые годы Мора после его женитьбы, здесь выросли его дети, здесь его навещали самые близкие друзья — Джон Колет и Эразм. Тут же в доме Клементов Мор получил вызов прибыть на следующий день в Ламбетский дворец, чтобы перед членами специальной комиссии принести присягу. Получив это известие, Мор и Ропер тотчас же возвращаются в Челси. Прибыв домой, Мор идет в церковь, исповедуется и слушает мессу, как он обычно делал пред тем, как посетить посольство или принять какое-либо важное решение. На следующий день, простившись с женой и детьми, он в сопровождении Ропера и четырех слуг садится в лодку, чтобы по Темзе отправиться во дворец.

Ропер вспоминает, что, уже сидя в лодке, Мор принял твердое решение о том, как он будет себя вести. «Сын Ропер, — тихо сказал Мор, — я благодарю нашего всевышнего — сражение выиграно». «Я очень рад этому, сэр», — ответил Ропер, еще не понимая, что имел в виду его тесть⁸³. Лишь впоследствии, пишет Ропер в своих воспоминаниях, он смог оценить всю важность этих слов Мора. Сказанное Роперу было итогом мучительных раздумий и внутренней борьбы Мора с самим собой. Поэтому что, решая свою личную судьбу, Мор так или иначе брал на себя суровую ответственность за дальнейшую судьбу своих близких. Но самое главное, слова Мора, сказанные Роперу, означали то, что для себя Мор

⁸² Джон Клемент — тот самый Joannes Clemens, puer meus, которого Мор увещивал в своем вступительном письме к Петру Эгидию — этом своеобразном введении к «Утопии». Т. Мор. Утопия, стр. 35.

⁸³ W. Roper. Op. cit., p. 73.

уже решил, как он должен поступить, и это было решение, подсказанное совестью и убеждениями и потому неизменное и окончательное.

Поспешность, с какой Мор был вызван для принятия присяги «Акту о наследовании», кажется тем необычайней, что бывший канцлер в то время не занимал никакого официального положения, он даже не был членом парламента, а всего лишь частным лицом. Примечательно и то, что Мор был вызван в комиссию для принятия присяги «Акту о наследовании» 13 апреля 1534 г., т. е. более чем за две недели до того, как указанный «Акт» вступил в силу. Вероятнее всего, что эта акция в отношении Мора была осуществлена с ведома и санкции самого короля, которому было ясно, что моральный авторитет бывшего канцлера в глазах общественного мнения Англии и за рубежом был слишком высок, чтобы его отставка и вынужденное политическое бездействие не могли причинить ущерб новой королевской политике. По-видимому, Генрих VIII и его секретарь Кромвель всевозможным образом рассчитывали, что вызов Мора в комиссию для принесения присяги не только поможет сломить его упорство, но и послужит убедительным примером для всех колеблющихся и несогласных с церковной политикой короля. Однако будущее не оправдало этих расчетов. В письме Мора к его дочери Маргарите мы находим подробный отчет о том, как 13 апреля 1534 г. он предстал перед комиссией для принятия присяги.

Мор заявил членам комиссии, что он не отказался бы присягнуть «Акту о наследовании», но не может принять предложенного текста присяги, не обрекая свою душу на вечную погибель. Как показало дальнейшее расследование, возражения Мора против предложенного ему текста присяги основывались на том, что в ней отвергался авторитет папы, как и «всякой иноземной власти или монарха». Впрочем, сам Мор отказывался давать какие бы то ни было разъяснения относительно причин своего отказа от присяги.

Члены комиссии были в замешательстве из-за отказа Мора принять присягу и объяснить причину этого отказа. На несколько дней Мор был отправлен в монастырскую обитель под попечение аббата Вестминстера. Тем временем в комиссию для принятия присяги был вызван старый друг Мора, епископ Рочестерский Джон Фишер, который подобно Мору выразил согласие принести присягу наследованию, но не «в отношении всего содержания настоящего «Акта»». После своего отказа от присяги епископ Фишер был сразу же отправлен в Тауэр.

17 апреля 1534 г. Мор снова был вызван в комиссию и вновь отказался от принятия присяги, после чего был отправлен в Тауэр, где он провел пятнадцать месяцев без суда. В факте заключения без суда нет ничего исключительного для тюдоровской Англии, так как лица, отказавшиеся от присяги, рассматривались как государственные преступники, подлежащие заключению по распоряжению короля и его Совета. Им полагалось пожизненное заключение с конфискацией имущества.

В Тауэре Мора навещали его жена Алиса и дочь Маргарита Ропер, ему было разрешено иметь книги и письменные принадлежности, при

заключенном находился его личный слуга Джон А'Вуд. Жена Мора должна была платить по 15 шиллингов в неделю, как она выражалась, «за стол и квартиру» своего мужа в Тауэре. Есть основания предполагать, что разрешение на свидания с близкими, милостиво дарованное Мору, имело целью оказывать через членов семьи воздействие на узника, побуждая его уступить требованиям короля. По свидетельству Ропера, госпожа Алиса во время свидания с мужем в Тауэре весьма настойчиво уговаривала его уступить королю, принять требуемую присягу и таким образом обрести свободу и покой в кругу семьи. Во время этих бесед с женой Мор всякий раз со свойственным ему юмором, но весьма твердо отвергал заманчивую перспективу добиться себе свободы ценой отказа от убеждений.

В течение первых шести месяцев заключения в Тауэре Мор еще пользовался привилегиями, облегчавшими его тюремный быт, но затем положение резко изменилось.

3 ноября 1534 г. открылась сессия пятого парламента Генриха VIII. На ней были приняты законодательные акты, решившие дальнейшую судьбу Томаса Мора и епископа Джона Фишера, которые уже в течение семи месяцев находились в Тауэре. Парламент принял «Акт о верховенстве», который утверждал полный и безраздельный контроль короля над всей церковью страны как «верховного главы английской церкви». «Акт» решительно упразднял всякий «иностранный авторитет» и любое иностранное вмешательство в церковные дела Англии. Последнее положение недвусмысленно было направлено против папства⁸⁴. Однако следует иметь в виду, что, кроме этой декларации, «Акт о верховенстве» не содержал каких бы то ни было требований о присяге королю как главе церкви, так же как не устанавливал наказания за отказ от подобной присяги. Это важно отметить, поскольку иногда писалось, что Мор якобы отказался принести присягу королю как верховному главе английской церкви. В действительности никакой такой присяги не существовало⁸⁵, точно так же как и в «Акте о наследовании», изданном ранее, не содержалось требования о присяге наследованию. Поэтому во время седьмой сессии парламента был утвержден второй «Акт о наследовании», который имел целью упорядочить вопрос о присяге, соответствовавшей содержанию предшествующего «Акта о наследовании». Согласно новому акту устанавливалось, что «всякий подданный короля будет обязан принять указанную присягу».

Следующей акцией парламента явилось издание «Акта об измене». Новый акт квалифицировал как государственную измену различные деяния, направленные против короля. К числу этих «злонамеренных» дейст-

⁸⁴ Согласно постановлению парламента, все платежи, десятины и доходы первого года от бенефициев и т. д., которые прежде платили папе, теперь полагалось платить королю Англии. Духовенство очень скоро почувствовало, что платежи королю значительно возросли по сравнению с тем, что прежде платили папе. См.: *E. E. Reynolds. Op. cit., p. 327.*

⁸⁵ *E. E. Reynolds. Op. cit., p. 327.*

вий, в частности, были отнесены любые слова, написанные или сказанные против особы короля, королевы или их наследников, порочащие их королевское достоинство или же отрицающие какой-нибудь их титул. Такое расширительное толкование понятия «государственная измена» открывало безграничные возможности для злоупотреблений; достаточно было простого доноса о каких-то неосторожных высказываниях обвиняемого — и ему грозила смертная казнь за измену.

Для Мора и Фишера наиболее опасным обвинением, вытекавшим из «Акта об измене», могло стать обвинение в отрицании «одного из титулов» короля. В конце работы седьмой сессии парламента палата общин утвердила специальные акты, обвинявшие в государственной измене епископа Фишера и Мора. Обвинение против Мора гласило, что он «настойчиво, дерзко и надменно отказался от присяги». Мору и Фишеру грозила смертная казнь. Интересно отметить, что среди членов палаты общин, принявшей законы о наследовании и измене и утвердившей обвинительный акт о государственной измене Мора, находились члены его семьи: его шурин Джон Растелл, его зятья Уильям Ропер, Джайлс Херон, Уильям Даунс, Джайлс Алингтон. Трудно представить, что пережили эти люди во время парламентских дебатов по поводу законодательных актов, решивших судьбу Томаса Мора. Все они приняли требуемую присягу. Отчетов о парламентских дебатах не сохранилось.

Первый допрос Мора после того, как парламент утвердил указанные законодательные акты, состоялся 30 апреля 1535 г.

Мор на допросе заявил: «Я не совершил ничего дурного, я не говорил ничего дурного, я не замышляю никакого зла, но желаю всем добра. И если этого недостаточно, чтобы сохранить человеку жизнь, истине тогда мне недолго жить...»

Приведенные данные о допросе Мора мы находим в одном из его писем к дочери Маргарите, написанном 2 или 3 мая 1535 г. под свежим впечатлением от случившегося⁸⁶. 4 мая 1535 г. Маргарите было дано разрешение снова посетить отца в Тауэре. Вероятно, день свидания был назначен не случайно: в этот день мимо окон кельи, в которой был заключен Мор, должны были вести на казнь в Тайберн осужденных монахов-картезианцев. Давая разрешение на свидание, Кромвель, возможно, надеялся, что, увидев это страшное шествие осужденных, дочь употребит все свое влияние и уговорит отца подчиниться королю.

Стараясь утешить дочь, Мор сказал ей: «Ты посмотри, Мег, как весело идут на смерть эти праведные отцы, будто женихи на свадьбу»⁸⁷.

В полном согласии со своим гуманистическим идеалом Мор не мог принести присягу отречения от папства, как этого требовал «Акт о верховенстве»⁸⁸, т. е. признать короля главой церкви, что означало бы потворствовать деспотизму. О непримиримости Мора к деспотизму свиде-

⁸⁶ «The Correspondence», p. 550—554.

⁸⁷ W. Roper. Op. cit., p. 80.

⁸⁸ J. R. Tanner. Tudor Constitutional Documents. Cambridge, 1953, p. 46—48,

тельствует характерный диалог, который состоялся между ним и герцогом Норфолькским еще в то время, когда Мор только что сложил с себя полномочия канцлера. «Опасно воевать с государями, — сказал герцог, — и я хотел бы, чтобы вы уступили желанию короля. Ведь, ей-богу, гнев короля равенгиен смерти». На это Мор спокойно возразил: «И это все, милорд? Но тогда между мною и вами лишь та разница, что я умру сегодня, а вы — завтра»⁸⁹. Этот диалог достаточно ярко характеризует необычную твердость Мора, готового скорее умереть, чем изменить своим убеждениям. Поэтому все попытки короля заставить Мора пойти на компромисс ни к чему не привели.

Долгие месяцы тюрьмы и пережитые страдания не сломили мужества Мора. Его протест против королевского деспотизма и верность своим убеждениям за это время обрели международную огласку. Испанский посол Юстас Шапюи доносил императору Карлу, что король посылал в Тауэр членов своего Совета, «поручив им потребовать от епископа Фишера и мастера Мора присягу королю как главе церкви, в противном случае накануне дня св. Иоанна (т. е. 24 июня) они будут казнены как изменники. Но, должно быть, ни угрозами, ни обещаниями добиться от них присяги оказалось невозможно, и полагают, что оба они будут скоро казнены. Однако поскольку оба являются лицами, пользующимися исключительной репутацией в этом королевстве, король, желая успокоить ропот общественного мнения, распорядился, чтобы проповедники еще в прошлое воскресенье стали проповедовать против них в большинстве здешних церквей, и это будет продолжаться и в следующее воскресенье»⁹⁰.

1 июля 1535 г. состоялся суд над Томасом Мором. Обвинительный акт против Мора начинался с декларации, повторявшей отдельные положения «Акта о верховенстве» и «Акта об измене». В частности, говорилось, что «король, его наследники и преемники» представляют «на земле единственного верховного главу церкви Англии», а «отрицание этого или любого другого титула короля устно или письменно является государственной изменой». Обвинение против Мора основывалось на четырех следующих уликах. Во-первых, во время допроса 7 мая 1535 г., когда Мора спрашивали, признает ли он короля верховным главой церкви, Мор «злонамеренно и преступно» молчал. Второй пункт обвинения гласил, что 12 мая 1535 г. Мор послал епископу Фишеру письма с целью ободрить и поощрить его позицию, а также сообщить, что сам он придерживается молчания. Кроме того, во время того же допроса 12 мая Мор сказал: «Акт парламента подобен обоюдоострому мечу, ибо если (по поводу «Акта о верховенстве» короля. — И. О.) дашь один ответ — погубишь свою душу, дашь другой ответ — погубишь свое тело». Третий пункт обвинения фактически в более пространной форме повторял вышеизложенный пункт. Здесь указывалось, что Мор и Фишер по

⁸⁹ *W. Roper. Op. cit., p. 71—72.*

⁹⁰ «*Letters and Papers of the Reign of Henry VIII*», v. VIII, p. 876; *E. E. Reynolds. Op. cit., p. 338.*

закону об измене являются соучастниками, так как оба они на допросах говорили: «Парламентский статут подобен обоюдоострому мечу». Наконец четвертый пункт обвинения против Мора основывался на свидетельстве сэра Ричарда Рича, в беседе с которым Мор якобы сказал, будто король не может быть главой церкви, и этим самым он «злонамеренно» упорствовал в своей измене. Таким образом, обвинение в измене фактически сводилось к отказу обвиняемого признать один из титулов короля, заключающий в себе безумную и деспотическую претензию на полное духовное подавление подданных.

Профессор Рейнольдс, специально исследовавший судебный процесс Мора, подчеркивает, что во времена Тюдоров в подобных судебных процессах об измене для суда было обычным явлением исходить из своеобразной презумпции виновности обвиняемого. Предполагалось, что «всякий обвиняемый в измене — виновен». Признание виновности обвиняемого было, по мнению Рейнольдса, «скорее политическим, нежели юридическим актом». При Генрихе VIII, например, считалось вполне достаточным иметь свидетельское показание против обвиняемого хотя бы одного лица. Никакого доказательства виновности фактически и не требовалось, так как приговор был заранее предreshен. И хотя имелось жюри присяжных, оно не руководствовалось свободным решением, но исходило из заранее планируемого приговора.

Суд по делу об измене происходил либо в суде королевской скамьи, либо (в особо важных делах) в специальной судебной комиссии, составленной для ведения данного дела. При этом члены судебной комиссии вовсе не должны были быть юристами и подбирались из людей «правильной» ориентации. Как отмечает Рейнольдс, такой подбор членов суда рассматривался в те времена как вполне нормальное явление⁹¹. Например, в состав комиссии для суда над Томасом Мором входили следующие лица: преемник Мора — лорд-канцлер Томас Одли, получившие пышные титулы родственники королевы — ее дядя, герцог Норфольк, ее отец — граф Уилтшир, ее брат — лорд Рокфорд, лорд-хранитель печати граф Кемберленд, хранитель королевского гардероба лорд Виндзор, герцог Сэффольк, секретарь короля Томас Кромвель, два главных королевских судьи, а также другие судьи. Судебная комиссия состояла из 19 человек. Суд происходил в Вестминстерском зале в Суде королевской скамьи. Члены семьи Мора не были допущены на суд.

Из всех обвинений, выдвинутых против Мора, наиболее убедительным, с точки зрения суда, должно было стать обвинение, подкрепленное свидетельским показанием Ричарда Рича.

История этого единственного свидетельского показания на процессе Мора такова: 12 июня, когда в последний раз допрашивали епископа Фишера, в тюремную келью Мора пришел лейтенант Тауэра сэр Эдмунд Уолсингем, который сообщил, что королевский совет предписал ему отныне более сурово обращаться с узником. Уолсингема сопровождали глав-

⁹¹ E. E. Reynolds. Op. cit., p. 360.

ный юридический поверенный короны Ричард Рич, шериф Норфолька — человек из свиты герцога Норфолька — Ричард Саусвелл и двое слуг, которые во исполнение предписания королевского Совета должны были забрать у заключенного имевшиеся в его распоряжении книги, бумаги и письменные принадлежности. Мор еще не знал, что Рич 7 мая посетил епископа Фишера и обманным путем спровоцировал его высказаться по поводу титула короля как главы церкви. Нет сомнений, что подобный трюк Рич собирался использовать и в отношении Томаса Мора, к которому он обратился с такой речью:

«Поскольку, мастер Мор, хорошо известно, что Вы — человек мудрый и ученый, так же сведущий в законах королевства, как и в других делах, позвольте мне быть настолько смелым, чтобы предложить Вам такой вопрос. Допустим, сэръ, имеется акт парламента о том, что все королевство должно признавать меня в качестве короля. Скажите, мастер Мор, Вы признали бы меня королем?» — «Да, сэръ, — ответил Мор, — я признал бы это». — «А вот другой случай, — продолжал Рич, — допустим, что был бы акт парламента о том, что все королевство должно признавать меня папой. Вы, мастер Мор, признали бы тогда меня папой?» — «Отвечу, сэръ, — сказал Мор. — Парламент может с успехом вмешиваться в дела светских принцев, как в Вашем первом случае. Но чтобы дать ответ на Ваш другой вопрос, я приведу такой случай. Предположим, парламент принял бы закон, по которому бог не должен быть богом. Вы, мастер Рич, согласились бы признать, что бог отныне не является таковым?» — «Нет, сэръ, — ответил Рич, — я не сказал бы так, поскольку никакой парламент не мог бы принять подобный закон». На эти слова Рича Мор якобы сказал, что «с таким же успехом, не больше, парламент мог бы сделать короля верховным главой церкви».

Документ, содержащий отчет об этой беседе между Мором и Ричем, происходившей в Тауэре 12 июня 1535 г., был обнаружен лишь в 1963 г. среди государственных бумаг архива Public Record Office⁹². Этот документ не имеет даты. По мнению Рейнольдса, он был написан вскоре после того, как происходила указанная беседа и во всяком случае до составления обвинительного акта по делу Мора⁹³. Обвинительный акт воспроизводит содержание беседы Мора с Ричем почти в тех же выражениях, что и указанный документ, содержащий отчет об этой беседе. В заключение беседы с Мором Рич сказал: «Ладно, сэръ, помоги Вам бог! Я вижу, Ваше мнение не изменится, и я боюсь, что это для Вас будет опасно, ибо я полагаю, что Ваше молчание в ответ на вопрос, который Вам был поставлен, является таким же высоким преступлением, как и преступление того, кто отрицает титул короля как верховного главы церкви...»⁹⁴

Через два дня после беседы с Ричем Мор был вызван в королевскую комиссию, где ему были вновь предложены вопросы, касавшиеся титула

⁹² E. E. Reynolds. The Trial of St. Thomas More. London, 1964, p. 166—167.

⁹³ E. E. Reynolds. Op. cit., p. 343.

⁹⁴ Ibid., p. 344, 386.

короля как верховного главы церкви, а также брака короля с королевой Анной. Ни на один из поставленных вопросов Мор не ответил.

Такова предыстория суда над Томасом Мором.

Когда Мор прибыл в Вестминстер и вошел в зал, где заседала судебная комиссия, все, кто давно не видел его, были поражены его переменной за долгие месяцы пребывания в Тауэре. Он выглядел больным и изможденным стариком. Подсудимый был физически настолько слаб, что ему был принесен стул и было разрешено сидя выслушать обвинительный акт, который зачитал лорд-канцлер Томас Одли. После чтения обвинительного акта канцлер Одли предложил Морю прощение короля, если он «отречется и изменит свое упрямое и своевольное мнение». Но Мор не принял этого предложения.

Отвечая на выдвинутые против него обвинения, Мор в первую очередь коснулся вопроса, который хотя и не упоминался в обвинительном акте, но, по его мнению, как, впрочем, и по мнению членов суда, был одним из коренных вопросов обвинения. Это был вопрос о браке короля с Анной Болейн. Мор заявил, что он «никогда с преступным намерением ничего не говорил против последнего брака короля». Все, что им когда-либо было сказано об этом деле, говорилось не иначе, как согласно своему «разумению, мнению и совести». И за эту свою ошибку, сказал Мор, я уже заплатил свободой: пожизненным заключением и лишением имущества. Что же касается «моего упорства и молчания, — продолжал Мор, — то ни ваш закон и никакой закон в мире не способен справедливо и честно наказывать меня, если вы ни словом, ни фактом не можете при этом подкрепить выдвинутое против меня обвинение». В этих словах Мора была аргументация юриста. Мор обращал внимание суда на то, что если из настоящего обвинительного акта удалить эпитеты («злонамеренно, изменнически, дьявольски»), якобы доказывающие его виновность, то станет вполне очевидным отсутствие каких бы то ни было оснований для наказания.

Тогда для доказательства виновности Мора в государственной измене суд обратился к показаниям Ричарда Рича. Вызванный в качестве свидетеля, Рич пытался помочь обвинению. Его показания вызвали гнев Мора. Отвергая свидетельство Рича, Мор без обиняков заявил суду, что это — показания лжеца, недостойного доверия. Эта гневная отповедь Мора поставила Рича в весьма затруднительное положение.

Несмотря на отсутствие бесспорных улик против обвиняемого, суд утвердил обвинительный акт. Мор был признан виновным в государственной измене. Канцлер Одли уже начал читать приговор, когда Мор прервал его репликой, смутившей канцлера. «Мой лорд, — сказал Мор, — когда я имел дело с законом, в подобном деле перед приговором обычно должны были спрашивать обвиняемого: что он может сказать в свое оправдание?» Убедившись в том, что приговор уже предрешен и далее бесполезно скрывать свои убеждения, Мор решил откровенно высказаться по поводу предъявленного ему обвинения в измене. Он прямо заявил суду, что, с его точки зрения, все обвинения против него и приговор основаны

«на акте парламента, противоречащем законам бога и его святой церкви, верховное управление которой не может взять на себя никакой светский государь, поскольку оно по праву принадлежит римскому престолу»⁹⁵. Свой отказ от присяги королю в качестве главы церкви Мор рассматривал как дело своей личной совести и в этом смысле как свое частное дело. По существу, это был протест против вторжения власти короля и парламента в область свободы личной воли.

Суд признал Мора виновным в государственной измене, и ему был вынесен смертный приговор. Однако, прежде чем увести осужденного, Мору в последний раз было предложено милостивое прощение, обещанное королем в случае его раскаяния. На это Мор ответил, что ему нечего добавить к тому, что он уже сказал⁹⁶. Приговор гласил: «Вернуть его при содействии констебля Уильяма Кингстона в Тауэр, оттуда влачить по земле через все лондонское Сити в Тайберн, там повесить его так, чтобы он замучился до полусмерти, снять с петли, пока он еще не умер, отрезать половые органы, вспороть живот, вырвать и сжечь внутренности. Затем четвертовать его и прибить по одной четверти тела над четырьмя воротами Сити, а голову выставить на лондонском мосту»⁹⁷.

На пути из Вестминстера в Тауэр произошла последняя встреча Мора с его близкими. Это было тяжелое прощание, дети понимали, что видят отца в последний раз. На глазах у вооруженных алебардами стражников Маргарита бросилась к отцу и обхватила его за шею, целуя в последний раз.

Казнь состоялась через четыре дня после суда. Перед казнью Мор написал последнее письмо дочери. Оно было явно написано в спешке. В нем Мор прощался с семьей, с любовью вспоминал последнее свидание с близкими после суда по дороге из Вестминстера в Тауэр, утешал дочь, как только мог, и сообщал о своей готовности и желании «идти к богу».

Рано утром 6 июля 1535 г. в Тауэр прибыл друг Мора — Томас Поп, служивший в канцлерском суде⁹⁸. Он сообщил Мору о том, что тот должен быть казнен в 9 часов и что король заменил ему мучительную смерть отсечением головы⁹⁹. Мор спокойно выслушал сообщение и поблагодарил короля за его «милость».

⁹⁵ *W. Roper. Op. cit.*, p. 92, 93. Ср.: «The Correspondence», p. 506.

⁹⁶ *W. Roper. Op. cit.*, p. 94—96; *N. Harpsfield. The Life and Death of Sir Thomas More. Oxford, 1963*, p. 259—264.

⁹⁷ *T. B. Howell. State Trials*, v. I, 1816, p. 392; *T. Stapleton. Op. cit.*, p. 176.

⁹⁸ Впоследствии Томас Поп основал на свои средства «Тринити колледж» в Оксфордском университете.

⁹⁹ Согласно версии, которую приводит в своем сочинении о жизни Мора Т. Стэплтон, узнав о королевской милости, Мор не без горького юмора воскликнул: «Избави боже всех моих друзей от такого королевского милосердия!» (*T. S. Stapleton. Op. cit.*, p. 177). Профессор Рейнольдс считает, что «милость» короля скорее всего объяснялась стремлением избежать нежелательных демонстраций с выражением сочувствия «изменнику» во время шествия через весь город, из Тауэра в Тайберн, в то время как казнь топором совершалась обычно около Тауэра (*E. E. Reynolds. The Field is Won*, p. 376).

В самом раннем отчете о казни Мора мы читаем: «В среду (в действительности это был вторник. — *И. О.*) он был обезглавлен на большой площади против Тауэра и сказал перед казнью немного: чтобы народ здесь молил бы за него бога, и он будет молиться за них. Потом он ободрял и увещевал их и горячо просил молить бога за короля, чтобы бог дал ему хорошего советника, объяснив, что он умирает добрым слугой короля, но прежде всего бога»¹⁰⁰.

Следующий по времени отчет о казни Мора сообщает Хроника Эдуарда Холла, впервые опубликованная в 1542 г. Холл является достаточно авторитетным свидетелем. В 1535 г. он был помощником шерифа в лондонском Сити и, возможно, даже присутствовал при казни Мора. Следует добавить, что Холл был горячим сторонником политики Генриха VIII и не мог сочувствовать позиции Мора и Фишера в отношении церковной политики короля. Вот как сообщает Холл о казни Мора:

«Также в 6-й день июля был обезглавлен сэр Томас Мор за такую же измену, о которой было рассказано выше (перед этим Холл описывал казнь Джона Фишера. — *И. О.*) и которая состояла в отрицании верховенства королевского величества». Оценивая позицию Мора, Холл пишет: «Этот человек также считался ученым, и, как вы раньше слышали, он был лордом-канцлером Англии и в то время большим гонителем тех, кто питал отвращение к верховенству епископа Рима (т. е. папы. — *И. О.*), которого сам он так высоко почитал, что упорствовал в этом до тех пор, пока не был приведен на эшафот на Тауэр хилл, где на плахе ему была отрублена голова... Я не могу решить — называть ли мне его глупым мудрецом или мудрым глупцом, так как несомненно он, помимо своей учености, имел большой ум, но к его уму примешивалось столько издевки и насмешки, что тем, кто его хорошо знал, казалось — его совсем не заботит, что о нем скажут... Так, по прибытии его в Тауэр один из служащих потребовал верхнюю одежду Мора в качестве своего вознаграждения. Мор ответил, что тот получит ее, и снял при этом свой колпак, говоря, что это самая верхняя одежда, какую он имеет. Подобным образом, даже идя на смерть, когда у ворот Тауэра некая бедная женщина обратилась к нему с какой-то претензией по поводу своих дел, не получивших решения в дни его канцлерства, Мор ей ответил: «Добрая женщина, потерпи немного, король так милостив ко мне, что ровно через полчаса освободит меня от всех моих дел и поможет тебе сам»¹⁰¹. Далее, вспоминая последние слова Мора, сказанные им палачу, Холл заканчивает свой рассказ: «С насмешкой он окончил свою жизнь».

Таков отчет хрониста, не сочувствовавшего политическим убеждениям Мора. Сведения, сообщаемые Хроникой Холла, дополняют биографии

¹⁰⁰ Самый ранний и очень краткий отчет о суде и казни Мора содержится в анонимной рукописи XVI в. на французском языке — так называемом листке «Парижских новостей», составленном вскоре по следам событий. Рукопись хранится ныне в Национальной библиотеке в Париже, текст ее опубликован в книге: *N. Harpfield. The Life and Death of Sir Thomas Moore*, p. 258—266.

¹⁰¹ *Ei. Hall. Op. cit.*, v. II, p. 265—266.

Мора, написанные в XVI в. его единомышленниками Ропером, Гарпсфильдом и Степатоном. Все эти источники свидетельствуют о большой силе духа и стойкости Мора, не покидавших его до конца. Даже в последние предсмертные минуты он не утратил способности шутить. Подойдя к наспех сколоченному эшафоту, он попросил одного из тюремщиков: «Пожалуйста, помогите мне взойти, а сойти вниз я постараюсь как-нибудь и сам». Мору запретили перед смертью обратиться к народу, по-видимому, король опасался, что все поймут чудовищную несправедливость убийства. Последние слова Мор сказал палачу: «Шея у меня коротка, целься хорошенько, чтобы не осрамиться». И уже в самую последнюю минуту, став на колени и положив голову на плаху, добавил: «Погоди немного, дай мне убрать бороду, ведь она никогда не совершала никакой измены».

Так 6 июля 1535 г. погиб великий сын Англии — Томас Мор, ставший жертвой тюдоровского абсолютизма.

Известие о смерти друга Эразм получил более чем через месяц после казни. Он был стар, тяжело болен и одинок. Как о большом горе писал он о случившемся одному из своих корреспондентов: «Я почувствовал, как будто бы вместе с Мором умер я сам, — так тесно связаны были наши две души».

Трагическая судьба Мора похоронила гуманистические иллюзии, веру в просвещенного монарха, окруженного добрыми советниками. А ведь не кто иной, как Эразм в июле 1519 г. с пафосом восклицал: «Счастливы были бы государства, если бы правители ставили во главе их должностных лиц, подобных Мору!»¹⁰²

¹⁰² «Opus epistolarum Des. Erasmi Roterodami», v. IV, p. 20.

Ю. Ф. ШУЛЬЦ

ПОЭЗИЯ ТОМАСА МОРА

Великий английский гуманист, философ и государственный деятель Томас Мор был также превосходным поэтом, автором 280 латинских эпиграмм и небольших поэм. Любовь к античности, одушевлявшая его оксфордских учителей Уильяма Гроцина (1446?—1519) и Томаса Линакра (1460?—1524), была и для Мора своего рода «приглашением к Музе». Но не только Оксфорд или Кембридж, — любой университетский город того времени, каждый кружок ученых-гуманистов были местом, где знали и любили древнюю, главным образом латинскую, поэзию, и не только любили, но слагали стихи, подражая древним поэтам. Эта среда отличалась чрезвычайно высокой поэтической культурой, нередким среди неолатинских поэтов был и дар импровизации. Почти все издания имели стихотворные посвящения или обращения к читателям. Устраивались состязания поэтов при дворах королей и вельмож — как духовных, так и светских. Известно, что еще Франсуа Вийон, крупнейший поэт Франции XV в., участвовал в подобном состязании при дворе герцога Карла Орлеанского в замке Блау. Уже во времена Мора состязание такого рода в Лондоне устроил Джон Колет (1466—1519), и в нем с успехом выступил Уильям Лили (1468—1522), соперник и соратник Мора по переводу «Прогимнасмата» и по изучению греческого языка.

Мор не только превосходно владел латинским языком, без которого в ту пору было вообще невозможно образование, но еще и совершенствовався в древнегреческом. В 1505 г. он вместе с Эразмом Роттердамским выполнил свой первый перевод из Лукиана, изданный в следующем году в Париже у И. Б. Асцензия. Еще раньше, в 1501 г., Мор пишет Холту о том, что он усердно занимается греческим с Гроцином. Через три года после этого он сообщает Колету о своей учебе у Линакра, другого крупнейшего знатока греческой литературы. Желанием усовершенствоваться в греческом была и упомянутая выше работа Мора и Лили над «Прогимнасмата» (букв. «школьные упражнения»), давшая 18 переведенных стихами греческих эпиграмм (две из них Мор перевел дважды разными стихотворными размерами — прог. 12 и 16). Эта переводческая деятельность, вероятнее всего, относилась к 1503—1504 гг. Ее источником явилась Греческая (Планудова) антология¹, изданная незадолго перед тем.

¹ Ее составитель — византийский ученый монах Максим Плануд (1260—1310). Впервые она издана Иоанном Ласкарисом в Венеции в 1494, а затем в 1503 г.

Точная датировка подавляющего числа эпиграмм Мора затруднительна. Хотя Эразм в письме к Ульриху фон Гуттену² говорит, что большинство их было написано Мором в молодости, Бреднер и Линч³ справедливо видят в этом замечании великого друга Мора слишком общее указание, не дающее оснований для более точной хронологии моровских эпиграмм. Время создания большинства из них, не считая тех, которые содержат определенные намеки на год своего рождения, они связывают прежде всего с греческими штудиями Мора (в 1503—1504 гг.). Но даже для некоторых из «Прогимнасмата» (напр. 12) они обоснованно находят более позднюю дату, относя ее ко времени не ранее 1508 г.⁴ И, напротив, эпиграммы 1—3 Приложения II они датируют временем до 1500 г.

Скорее всего, что большинство эпиграмм, переведенных из антологии, примыкает по времени к «Прогимнасмата», а подавляющее большинство оригинальных стихотворений относится к периоду от 1509 до 1516 г.

Сам Т. Мор впервые говорит о своих эпиграммах в письме к Эразму от 3 сентября 1516 г., посылая ему рукопись своей «Утопии». В это время эпиграммы, по-видимому, уже находились у Эразма. Самой ранней оригинальной эпиграммой Мора можно считать эпитафию Генриху Абингдону, умершему в 1497 г., написанную вскоре после этого события.

Поэтическое наследие Мора состоит из переводных и оригинальных стихотворений. В последних индивидуальность Мора-поэта проявляется наиболее ярко, но и в своих переводах Мор выступает достойным соперником греческих поэтов-эпиграмматистов.

На рубеже XV и XVI вв. латинская эпиграмма была необычайно распространенным родом поэзии. Особенно прославились на этом поприще итальянские гуманисты Джованни Джовиано Понтано (1426—1503), Михаил Марулла Тарханиота (1433—1500) и Анджеоло Полициано (1454—1494). Эти неолатинские поэты писали преимущественно «любовные эпиграммы», а Полициано был, кроме того, мастером утонченных панегирических стихотворений. Однако Мор как поэт-эпиграмматист был совершенно самостоятелен и неповторим. Уже Беат Ренан (1485—1547), представляя в посвящении Вилибальду Пиркгеймеру (1470—1530) в первом издании эпиграмм Мора его поэзию, отдает несомненное предпочтение Морю перед Понтано и Маруллом: Марулла славословит свою возлюбленную Неэру и пишет, «являя некоего Гераклита» (т. е. туманно. — Ю. Ш.), а Понтано бесстрастно представляет нам наиболее легкомысленных эпиграмматистов древности. Что касается Полициано, то этот неутомимый разыскатель древних рукописей, живя при дворе Лоренцо Медичи, в эпиграмме был прежде всего блестящим панегиристом

² «Opus epistolarum Des. Erasmi Roterodami per R. S. Allen and H. M. Allen», v. IV, Oxford, 1922, p. 12—23.

³ «The latin Epigrams of Thomas More. Edited with Translations and Notes by L. Bradner and Ch. A. Lynch». The University of Chicago Press, 1953, p. XI—XII (далее будет указано: Бреднер и Линч).

⁴ См.: C. R. Thompson. Translations by Lucian by Erasmus and St. Thomas More. [Ithaca, 1940], p. 8—10.

Латинские эпиграммы Мора необычайно разнообразны по содержанию. Тот же Ренан находит в них все те достоинства, которыми должна отличаться настоящая эпиграмма, — «остроумием, соединенным с краткостью, должна быть изящной и без промедления завершаться...». По его словам, это особенно свойственно оригинальным стихотворениям Мора, хотя и переводные «заслуживают не менее высокой хвалы», ибо «труд переводящего часто поистине велик». Ренан называет «поистине удивительным» Мора — как поэта, так и переводчика. «Можно подумать, — пишет он, — что Музы вдохнули в него все, что касается шуток, изящества, тонкого вкуса».

Таким образом, уже в момент выхода в свет эпиграмм Мора было обращено внимание на существенное отличие их от поэзии неолатинских поэтов — его предшественников. Бреднер и Линч⁵ по праву назвали это отличие «наиболее поразительной в них вещью». Если любовные эпиграммы Понтано и Марулла характеризуются краткостью, а стихи Полициано утонченной лестью, то у Мора мы находим «едкие нападки на людей и нравы, на профессию и классы. . .» Они справедливо отмечают двойную оригинальность Мора как эпиграмматиста: «Во-первых, он имел заостренное чувство стиля, понимания, чем должна быть эпиграмма... Во-вторых, он изгонял из своих сочинений распущенные овидианизмы итальянских поэтов и нудную религиозность северных гуманистов»⁶.

Основным достоинством эпиграммы в древности считалась ее краткость. В I в. н. э. греческий поэт Парменион в своей эпиграмме «Об эпиграмме» (АР, IX, 342) так сформулировал это требование:

Думаю, сердятся Музы, коль много стихов в эпиграмме:
Разное дело совсем — стадий⁷ и длительный бег.
Множество в длительном беге кругов совершают, а стадий
Надо, все силы собрав, духом единым пройти.

(Перевод Ю. Ф. Шульца)

И хотя римский поэт-эпиграмматист Марциал протестовал (Эпиграммы, II, 77) против требования формальной краткости вне зависимости от содержания эпиграммы:

Вовсе не длинны стихи, от каких ничего не отнимешь,
А у тебя-то, дружок, даже двустистишья длинны.

(Перевод Ф. Петровского),

все же в подавляющем большинстве эпиграммы Греческой антологии не были обширными стихотворениями; обычный размер эпиграммы — 2—4 стихотворных строки, реже 6—8 и более строк. Таковы в своей массе и

⁵ Бреднер и Линч. Указ. соч., стр. XXVI.

⁶ Там же, стр. XXVII.

⁷ Стадий — бег на короткую дистанцию, около 185 м.

эпиграммы Мора. Лишь отдельные из них содержат по 40—50 стихов (эпигр. 247—249). Только два стихотворения (эпигр. I на коронацию Генриха VIII и эпигр. 125 Кандиду о выборе жены) представляют собой скорее небольшие поэмы (соответственно в 190 и 231 стих. строк).

Совсем не праздный вопрос: произведения каких греческих поэтов-эпиграмматистов переводил Мор? Включая «Прогимнасмата», более 100 эпиграмм заимствованы из антологии Плануда. Кстати сказать, Мор впервые в Европе перевел их на латинский язык — международный язык ученых его времени⁸. Лишь в XVII столетии голландский гуманист Гуго Гроций (1583—1645) перевел эту антологию на латинский язык. Наибольший интерес Мор проявил к первым двум книгам антологии — эпиграммы «описательные и побудительные» (*demonstrativa et exhortatoria*) и «насмешливые и застольные» (*irrisoria et convivalia*), т. е. сатирические эпиграммы. И те, и другие фигурируют у Мора более 40 раз. «Надгробные» (*sepulcralia*) — 10 раз, а «описательные» (*descriptiva*) — всего 3 раза. Эпиграммы остальных трех книг этой антологии встречаются лишь по одному разу. Вполне вероятно, что Мор использовал не только издание, но и рукописный текст данной антологии эпиграмм. Остальные греческие источники — это «Этика» Аристотеля, возможно, Диоген Лаэртский и другие — уже прозаические произведения писателей древности. Стихотворный источник лежит лишь в основе «Прогимнасмата» 18 (На статую Неоптолема)⁹. Несомненно также знакомство с Марциалом. Однако можно отметить лишь незначительную общность отдельных ситуаций, например в эпиграмме 183¹⁰.

Эпиграммы 63 и 64 являются переводами английских песен—кантиков. Последняя находится в рукописном «Тюдоровском сборнике песен», оригинал первой не обнаружен до сих пор.

Обратимся к поэтам-эпиграмматистам антологии, более всего любимым Томасом Мором. Прежде всего его привлекал к себе талант «Вольтера античности» (по выражению Ф. Энгельса) — Лукиана, крупнейшего писателя-сатирика и эпиграмматиста II в. н. э., оставившего более 50, преимущественно сатирических, эпиграмм. Затем Лукиллий (I в. н. э.), современник Марциала (ок. 40—104 гг. н. э.), известный только как эпиграмматист-сатирик, автор около 130 эпиграмм. Наконец Паллад (ок. 360—между 430 и 440 гг. н. э.), последний «языческий» поэт-эпиграмматист. В истории эпиграммы он знаменует собой поздний расцвет этого жанра, ее последний взлет в трагическое для эллинской культуры время. Сторонник гибнущего эллинизма и противник торжествующего христианства, Паллад видит обреченность своих идеалов: Судьба, приносившая счастье, сама стала несчастной; «прежде имевшая храм», она «оказалась под старость в харчевне» (Паллад, AP, IX, 183)¹¹. Паллад — блестящий ма-

⁸ См. J. Hutton. Greek Anthology in Italy. [Ithaca, 1935], p. 151.

⁹ Бреднер и Линч. Указ. соч., стр. XX.

¹⁰ См. также эпиграммы 194 и 198 (ср. Марциал. Эпиграммы, VI, 78).

¹¹ Русский перевод см.: «Византийский временник», т. XXIV. М., «Наука», 1964, стр. 265.

стер эпиграммы. Современники дали ему прозвище «Метеор» («Высокий», «Возвышенный»), почтив таким образом своего талантливого поэта.

Таковы эпиграмматисты античности, которых более других ценил Мор. Он перевел также по несколько эпиграмм Агафия Схоластика из Мирины (ок. 536—582 гг. н. э.), Никарха (I в. н. э.), отдельные эпиграммы Симонида, Платона, Аниты, Леонида Александрийского, Анакреонта, Менандра, Мимнерва, Юлиана Египетского и других, известных лишь по именам или вовсе неизвестных эпиграмматистов¹².

Однако большая часть поэтического наследия Мора — это оригинальные стихотворения, в которых его облик поэта и человека раскрывается наиболее полно.

В новейшем издании эпиграмм Мора, подготовленном Бреднером и Линчем (см. 3 сноску), все они разделены на четыре отдела: 1) Прогимнасмата (18 стихотворений), 2) Собственно эпиграммы (253), 3) Приложение I (2 эпиграммы) и 4) Приложение II (7 эпиграмм).

Содержание 100 с лишним переводных эпиграмм определяется греческими оригиналами и чрезвычайно разнообразно. Не менее разнообразны по тематике и более чем 160 оригинальных эпиграмм Мора. Для Англии начала XVI столетия они поистине злободневны. В них Мор-поэт поражает нас обилием сюжетов. Наряду с традиционными мотивами древней эпиграммы: мыслями о краткости жизни, сатирой на плохих врачей и на женщин, изображением невежественных и беспомощных прорицателей, сравнением жизни богачей и бедняков (отнюдь не в пользу первых), совершенно особое место в поэзии Мора занимают 23 эпиграммы, посвященные правителям и наилучшему образу правления, т. е. жизненно важному для Мора и его друзей-гуманистов вопросу, который они связывали со своим идеалом совершенного государя. Известно, какие надежды в этом отношении возлагали Мор, Эразм и их друзья на молодого Генриха VIII. В эпиграмме 1, посвященной такому торжественному событию, как коронация молодого Генриха VIII, Мор не ограничился только панегирическими похвалами дню, знаменовавшему, по его мнению, «конец рабства» и «начало свободы», но недвусмысленно заклеил налоговый произвол, террор и беззакония правления Генриха VII, отца нового короля.

Вопрос об идеальном правителе отражен и в трактатах Эразма «Христианский государь» и «Жалоба мира», а также в «Похвале глупости». Мор, помимо эпиграмм, затрагивает этот вопрос в «Утопии». Однако в эпиграммах, как бы дополняющих это сочинение Мора, он выражен подчас (эпигр. 182) с большей определенностью, свидетельствуя о большем радикализме Мора-эпиграмматиста по сравнению с Мором — автором «Утопии». И Мор, и Эразм полагали, что идеальный государь должен блюсти законы, защищать мир и быть достойным главою своих подданных, ибо, по мысли Мора (эпигр. 103), «народ своей волей дает и отнимает власть».

Традиционные мотивы античного свободолюбия, тираноборчества звучат во многих эпиграммах Мора. Отвергая божественное происхождение

¹² Об их жизни и творчестве см.: «Греческая эпиграмма». М., Гослитиздат, 1960.

королевской власти, он ставит на место короля «*Dei gratia*»¹³ правителя, избранного волею народа. И это нельзя считать лишь данью литературной традиции; свои идеалы Мор стремился осуществить в своей парламентской деятельности еще при жизни Генриха VII, не боясь гнева этого сурового деспота.

Мор, как и Эразм, был чужд ортодоксальному христианскому благочестию. Мы не найдем его в поэзии Мора; он не щадит алчности и невежества епископов (эпиграммы 53, 160, 186), высмеивает монахов (эпиграммы 157, 187, 244). Всего 6 эпиграмм носят торжественно-панегирический характер, но их адресаты (Буслейден, Эразм, Холт и другие) достойны такой хвалы. Перед нами в эпиграммах Мора проходит целая галерея современников поэта: болтливый галломан Лал, легкомысленный Сабин, автор памфлета «Антимор» Бриксий (эпиграммы, адресованные ему, составляют как бы небольшой цикл), друзья и единомышленники — Эразм, Буслейден, Петр Эгидий, Уильям Уорхем, родные и близкие поэта. В эпиграммах, обращенных к друзьям и близким, чувствуется огромное обаяние Мора, верного друга, прекрасного семьянина, любящего и умного отца, давшего своим детям превосходное образование, не исключая и дочерей, что по тем временам было далеко не обычным явлением.

Большинство эпиграмм Мора написано дактилическим дистихом, первая строка которого представляет собой гекзаметр, а вторая — пентаметр. Таких эпиграмм более 240. Кстати сказать, это был также основной размер и античной эпиграммы. Восемь эпиграмм (8, 33, 118, 119, 128, 142, 207, 219) написаны гекзаметром. Четыре эпиграммы (95, 129, 235, 250) — гекзаметром в сочетании с ямбическим диметром. Собственно ямбическим диметром написаны две эпиграммы (91, 189). Эпиграмма 125 Кандиду (о выборе жены), представляющая собой небольшую поэму, написана ямбическим усеченным диметром. Ямбический триметр применен во втором варианте «Прогимнасмата» 12, а также в эпиграммах 44, 45, 67, 73, 77, 127, 229, 231, а в эпиграмме 48 — так называемый холиямб (по-гречески «скадзон»), ямбический стих со спондеем или хореем в последней стопе.

Ямбическая строфа, т. е. сочетание ямбических триметра и диметра, встречается в шести эпиграммах (4, 93, 103, 126, 177 и в Приложении II, эпигр. 6). Одиннадцатисложники (так называемый Фалеков стих) использованы (частично) в эпиграмме 5 Приложения II. Второй усеченный гликоной, называемый хорьямбом, т. е. состоящий из хорea и ямба, — в эпиграмме 71.

В подавляющем большинстве переводы Мора отличаются большой близостью к оригиналу. Как правило, он соблюдает и стихотворный размер переводимой им греческой эпиграммы. Однако есть исключения. Так, в эпиграмме 71 Мором применен хорьямб вместо ямбического диметра оригинала Анакреонта. В эпиграмме 73 — ямбический триметр вместо

¹³ «Божьей милостью» — неперменный титул королей.

элегического дистиха греческого оригинала. В эпиграмме 127 также применен ямбический триметр вместо усеченного ямбического триметра.

Все случаи немногочисленных переводческих ошибок Мора и переводов, базировавшихся на заведомо небезупречном тексте антологии Платина, подробно рассмотрены Бреднером и Линчем в их Введении¹⁴ и частично отмечены в комментариях к настоящему русскому переводу.

Большой интерес представляет, кроме того, история публикации самого текста эпиграмм Мора. Первое их издание вышло в свет в марте 1518 г. в Базеле у Иоганна Фробена (1460—1527), крупного типографа, друга Эразма Роттердамского и издателя многих его трудов. Они были напечатаны вместе со вторым изданием «Утопии» и эпиграммами Эразма Роттердамского. Титульный лист-бордюр для этого издания исполнил гравюрой на дереве знаменитый художник и гравер начала XVI в. Ганс Гольбейн Младший (1494—1543).

Необычайная популярность книги вызвала необходимость повторного издания, которое и было осуществлено в декабре того же года (Базель, Иоганн Фробен). Для этого издания, печатанного, как и первое, вместе с «Утопией», титульный лист гравировал (на дереве) Урс Граф (ок. 1487—1529 гг. или 1530 г.), резчик печатей и один из крупных художников-граверов начала XVI столетия, который, как и Гольбейн, много работал над оформлением книги. В отношении текста это второе издание полностью повторяло предыдущее.

Третьим изданием эпиграммы Мора вышли в 1520 г. (Базель, Иоганн Фробен). Как и первое издание, оно имеет гравированный титул работы Ганса Гольбейна. Мор внес в него значительные исправления и некоторые изменения в состав, исключив ряд эпиграмм (Приложение I, эпигр. 1 и 2) и усилив критическую остроту эпиграмм, адресованных Бриксию, ибо в 1519 г. тот уже выпустил в свет свой памфлет «Антимор». Частично были также исправлены заголовки эпиграмм и внесен ряд частных синтаксических и пунктуационных исправлений. Издание 1520 г. — последнее прижизненное издание эпиграмм Мора. На его тексте (с необходимыми поправками по двум изданиям 1518 г.) базируется и новейшее издание эпиграмм Мора, осуществленное Бреднером и Линчем в 1953 г.

После трагической гибели Мора на эшафоте в 1535 г. вышло в свет два отдельных издания эпиграмм: 1) Лондонское 1638 г. («*Epigrammata Thomae Mori Angli*». Londini, H. Mosley, 1638), которое в отношении текста почти полностью повторяет последнее прижизненное издание 1520 г., и 2) издание Артура Кейли (A. Kayley), также вышедшее в Лондоне в 1808 г., текст которого взят из Базельского издания «Люкубрационес» 1563 г.¹⁵

Эпиграммы Мора входили также в состав двух изданий его «Сочинений» — Базельского, напечатанного Николаем Епископом (Бишофом),

¹⁴ Бреднер и Линч. Указ. соч., разд. 4, стр. XXI—XXV.

¹⁵ Thomae Mori, Angliae ornamenti eximii, Lucubrationes. Basileae apud Episcopium, 1563. Lucubrationes — букв. «ночные бдения», «занятия при свете ночника».

родственником Иеронима Фробена (1501—1563), сына Иоганна Фробена, и Лувенского «Полного собрания сочинений» (1565—1566 гг.)¹⁶.

Что касается традиции печатного текста этих изданий, то все они, кроме Лувенского издания, базируются на издании 1520 г., которое считается наиболее ценным. Однако «издатели (Лувенского издания. — Ю. Ш.) ничего не знали о существовании прежних»¹⁷. Кроме того, из этого издания исключены эпиграммы (98, 149, 219, 229) эротического характера, а по идейно-религиозным соображениям и эпиграммы, содержащие восхваление работы Эразма над изданием Нового Завета, вышедшего в свет в Базеле в 1516 г. Эпиграммы находятся и в «Полном собрании сочинений» Мора, изданном в 1689 г.¹⁸, текст которого базируется на Базельском издании 1563 г. Все перечисленные выше издания не имели критического аппарата.

Упомянутое издание Бреднера и Линча явилось первым критическим изданием эпиграмм Мора. Оно снабжено обстоятельным Введением (стр. X—XXXIII), в котором освещены все основные проблемы творчества Мора-поэта: составление и печатание эпиграмм, история текста, источники, характеристика Мора как переводчика, стихотворные размеры эпиграмм, их сюжетное содержание, источники латинского текста. Особо рассмотрен вопрос о полемике с Бриксием. К оригинальному латинскому тексту приложен английский прозаический перевод эпиграмм с краткими к ним примечаниями. В двух Приложениях (I и II) помещены стихотворения, либо не вошедшие в издание 1520 г. (Приложение I), либо вообще отсутствующие в «Эпиграммах» Мора и взятые из различных изданий, — начиная с «Млека детей» Холта, изданного около 1510 г., и кончая эпиграммой 7, впервые опубликованной лишь в 1932 г. Издание снабжено двумя указателями — начальных слов каждой эпиграммы и именным.

Настоящее русское издание поэзии Мора является первым. Оно содержит стихотворный перевод размером оригиналов всего поэтического наследия Мора. Перевод сопровождается комментариями, при составлении которых частично использованы примечания оригинального издания 1953 г.

* * *

Поэзия Томаса Мора — замечательное явление в гуманистической латинской поэзии начала XVI в. Злободневные, стилистически отточенные строки моровских эпиграмм получили заслуженное признание сразу по их

¹⁶ Thomae Mori Angli, viri eruditionis pariter ac virtutis nomine clarissimi, Angliaeque olim cancellarii, omnia opera, Lovanii, apud Ioannem Bogardum, Anno 1566. Экземпляр этого редчайшего издания находится в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. См. статью: Igor Ossinovsky, Rare Editions of Thomas More's Works in Libraries of USSR. Moreana, 25, 1970, p. 67—74.

¹⁷ Бреднер и Линч. Указ. соч., стр. XVIII.

¹⁸ Thomae Mori. Opera omnia, sumptibus Christiani Genschii. Frankfurt und Leipzig, 1689.

выходе в свет. Идеино близкие знаменитой «Утопии», многие из них идейно близки и написанным блестящей латинской прозой «Разговорам запросто» Эразма Роттердамского. Они утверждают высокие гуманистические идеалы в обществе в канун реформации.

Современный английский драматург Роберт Болт назвал свою пьесу о Море «Человек на все времена», подчеркнув тем самым общечеловеческую ценность нравственного облика Мора — поэта, философа, государственного деятеля, человека «без страха и упрека». И сегодня, хотя более 450 лет отделяют нас от времени, когда жил Томас Мор, его поэзия — не просто литературный памятник своей эпохи, она жива и в наши дни.

Е. В. КУЗНЕЦОВ

«ИСТОРИЯ РИЧАРДА III» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Каждый, кто познакомится с «Историей Ричарда III» Т. Мора, не может избежать вопроса: что лежит перед ним? Литературное произведение, беллетризовавшее в свободной манере некоторые исторические факты? Или за яркой, насыщенной драматизмом повествовательной формой у великого английского гуманиста скрывается достоверный исторический рассказ, заслуживающий доверия профессиональных историков современности?

Ответы наших предшественников на этот имеющий решающее значение вопрос далеко не однозначны, порою даже альтернативны. Э. Р. Майерс в 1954 г. выразил сомнение, имел ли Т. Мор вообще намерение «писать историю»: «его рассказ много больше похож на изложенную блестящей прозой драму, для которой едва ли уместно оставаться верной исторической правде»¹. Э. Ф. Поллард² тоже видит в разбираемом им «Ричарде III» скорее плод литературных, нежели исторических исканий. Литературные достоинства «Истории» подчеркиваются и в исследовании Э. М. Рут. Труд Мора, пишет она, «исторически неаккуратен», он «настолько же нравственный трактат, насколько летопись событий»³.

««Ричарда III» следует рассматривать не как историческое исследование, а как драматическое повествование», — указывает Э. Э. Рейнольдс⁴. Впрочем, в более поздней своей книге «Сражение выиграно. Жизнь и смерть святого Томаса Мора» Э. Э. Рейнольдс говорит о большом вкладе автора «Ричарда III» в английскую историографию. Его творение, отмечает он, явилось первой в Англии «исторической биографией или биографической историей»⁵.

Один из авторитетнейших исследователей политических событий XV столетия Джеймс Рамзей назвал произведение Мора «историческим

¹ A. R. Myers. The Character of Richard III. — «History today», 1954, N 4, p. 515.

² ET, p. 223 ff.; E. F. Pollard. Sir Thomas More «Richard III». — «History», 1933, v. 17, p. 319—320.

³ E. M. Routh. Sir Thomas More and his Friends, 1477—1535. London, 1934, p. 51.

⁴ E. E. Reynolds. Sir Thomas More. London, 1965, p. 14.

⁵ E. E. Reynolds. The Field is Won. London. 1968, p. 81.

романом»⁶. Скептически относился к достоверности «Истории Ричарда III» У. Стэббс⁷.

Более высокого мнения о «чисто исторических» достоинствах разбираемой работы Мора Б. В. Чэмберс⁸. У. Е. Кэмпбелл в своем «Предисловии» к факсимильному изданию английских произведений Томаса Мора подчеркивал, что «фрагмент о жизни Ричарда III написан с ясностью и психологической пронизательностью, более характерной современной историографии, чем средневековой»⁹. Р. С. Сильвестер, подготовивший «Историю Ричарда III» к изданию в первом полном собрании трудов Т. Мора, отмечает, что для написания ее великий гуманист собрал разнообразные материалы. «Однако оценка современных историков остается уместной: моровская «История короля Ричарда III» является в такой же степени подлинным литературным произведением, насколько она является историей; и существует гораздо больше факторов, влиявших на ее написание, чем тех, которые могут быть обнаружены благодаря изучению исторических источников, на которых это повествование основано»¹⁰.

Прекращая наш далеко не полный обзор точек зрения на «Ричарда III» Мора, необходимо заметить, что литературные достоинства не являются чем-то чуждым историческим произведениям. Равно нельзя требовать от историка совершенной индифферентности к окружающим его социальным условиям. Важно определить авторский замысел, то, как сам писатель оценивал избранный им жанр. Для суждений об этом у нас, к несчастью, нет иных данных, кроме самого произведения. На одной из страниц английского варианта «Истории» можно прочесть такое высказывание Т. Мора: «Однако пора вернуться к развитию этой истории...» Еще яснее латинский текст: «Однако же я возвращаюсь к истории...»¹¹ В другом месте¹² Мор говорит о намерении продолжать свой труд и описать времена правления Генриха VII или хотя бы составить краткий очерк «истории» самозванца Перкина Варбека¹³. Итак, великий гуманист мыслил свой труд не как нравственный памфлет или прозаическую драму, а как историческое сочинение. Более того, в момент его написания он, очевидно, имел самые серьезные намерения продолжать работу в историческом плане, распространить повествование на период правления первого Тюдора и выступавшей против него баронской оппозиции, которая в своей борьбе с правящим монархом использовала раз-

⁶ J. Ramsay, v. II, p. 456 note.

⁷ W. Stubbs. The Constitutional History of England, III. London. 1884, p. 230 note.

⁸ B. W. Chambers. The Place of Saint Thomas More in English Literature and History. London, 1937, p. 270 ff.; B. W. Chambers. The Authorship of «The History of Richard III». — «The English Works of Sir Thomas More», v. I. London, ed. W. Campbell, 1931, p. 26 ff.

⁹ «The English Works...», p. XII.

¹⁰ RIII. Introduction by R. S. Sylvester, p. LXXX.

¹¹ RIII, p. 9.

¹² RIII, p. 82—83.

¹³ Подробнее о Перкине Варбеке см. прим. 111 в разделе «Комментарии».

личных марионеток вроде П. Варбека. Недаром один из биографов Т. Мора в XVI в., скрывший свое имя под псевдонимом Ro. Ba., сообщает, что тот «написал также книгу истории Генриха VII»¹⁴. Материалы Мора к истории П. Варбека цитировал известный антиквар и историк времен Елизаветы Тюдор — Д. Кэмден¹⁵.

У читателей XVI в. существовало мало сомнений, что труд Т. Мора — история в полном смысле этого слова. Один из черновых вариантов «Ричарда III» оказался в 1543 г. включенным в виде прозаического приложения к стихотворной хронике Джона Хардинга¹⁶. Издатель Ричард Грэфтон, правда, в то время не рискнул назвать автора публикации — еще был жив убийца Мора Генрих VIII. Зато в 1548 г., публикуя по-смертно хронику Эдуарда Холла¹⁷, Грэфтон не только включил в ее текст моровский фрагмент, но дважды — в начале и в конце его — назвал автора¹⁸.

В 1557 г. Уильям Рэстел, издавая свою копию рукописи Мора, также назвал ее «историей»¹⁹. Первое издание латинского варианта работы Т. Мора, увидевшее свет в 1565—1566 гг. в Лувене, озаглавлено: «Historia Richardi Regis Angliae eius nominis Tertii, per Thomam Morum, Londinensis civitatis iam tum vicecomitem conscripta, annvm circiter M.D.XIII».

Моровскую версию событий, скорректированную в соответствии с «образцовым изданием» Рэстела, помещали в свои хроники Грэфтон (1573)²⁰, Холиншед (1577)²¹, Стау²².

«Историей» называли труд Т. Мора его биографы XVI в. Так, Томас Стэплтон писал в 1588 г.: «Он написал затем, примерно в то же время (как «Утопию». — Е. К.), историю короля Ричарда...»²³ Первый британский библиограф Джон Бэйл, епископ Оссри, во втором издании

¹⁴ Ro. Ba. The Life of Sir Thomas More. The Early English Text Society. The Original Series, 1950, N 222, p. 95.

¹⁵ Ibid., p. 96; ср. p. 324—325.

¹⁶ «The Chronicle of John Hardyng in metre» выдержала в 1543 г. два издания.

¹⁷ E. Halle. The Union of the two Noble and Illustre families of Lancaster and York. London, 1848. В 1850 г. летопись была переиздана Грэфтоном. См. также «Список сокращений» — Hall.

¹⁸ Начиная изложение событий времени правления Эдуарда V, Грэфтон замечает: «Время этого короля с некоторой частью правления короля Ричарда III, как это будет указано в примечании, сделанном в надлежащем месте, было описано сэром Томасом Мором». После рассказа об убийстве детей Эдуарда следует такая пометка: «От начала правления Эдуарда V до сих пор принадлежит перу сэра Томаса Мора».

¹⁹ Заголовок издания 1557 г. начинается словами: «The History of King Richard the Third...» — RIII. Introduction by R. S. Sylvester, p. XXVII.

²⁰ R. Grafton. Chronicle, or History of England, v. I, II. London, ed. H. Ellis, 1809.

²¹ «R. Holinshed's Chronicles of England, Scotland and France», v. III. London, 1809, p. 266 ff.

²² Стау включил фрагмент Мора в две свои работы. См. «Список сокращений» — Stow.

²³ «Scrispsit porro eodem fere tempore historiam Richardi Regis...» Цит. по: «The English Works...», p. 30.

своего «Каталога знаменитых писателей» («*Scriptorum illustrium catalogus*») причислил к творениям Мора «Историю Эдуарда V»²⁴.

Подводя итог полувековой «публичной» жизни моровского «Ричарда», Джон Гарингтон заметил в 1596 г.: «...лучше всех написанной частью наших хроник, по мнению всех людей, является та, что посвящена Ричарду III»²⁵. Лишь Рожер Эсхем в своем письме к Джону Эстли (1552) называет «памфлетом» труд Мора, но тут же поясняет: «...если бы остальная часть истории Англии была бы выполнена так же, мы могли бы в этом отношении вполне сравниться с Францией, Италией, Германией...»²⁶

Популярность произведения великого гуманиста начала XVI в. была так велика в конце этого столетия, что дала канву для целого ряда драматических произведений неизвестных авторов, Кристофера Марло и наконец Уильяма Шекспира²⁷.

Таким образом, и сам Мор, и его ученые соотечественники, жившие в веке Тюдоров, и «широкая публика», читавшая исторические труды Холиншеда, Грэфтона, Холла и Стау или присутствовавшая на сценических спектаклях Марло, Шекспира и других драматургов, верили в историчность и достоверность книги «Ричард III». Была ли подобная оценка обоснованной? Чтобы решить эту проблему, обратимся к таким историческим источникам, которые бы позволили проверить научную добротность разбираемого исторического фрагмента. В первую очередь в поле нашего зрения окажутся летописи и другие нарративные произведения, в которых излагаются события, развернувшиеся в Англии весной и летом 1483 г.

Самым ранним из интересующих нас нарративов является тот, который вышел первого декабря 1483 г.²⁸ из-под пера Доминико Манчини, служившего при дворе вьенского архиепископа Анджело Като²⁹. Ценность

²⁴ Название «История Эдуарда V» вместо «История Ричарда III» фигурирует в ряде других случаев, даже в изданиях сравнительно недавнего времени. Например, в «*The Camelot Series*» сочинение Мора увидело свет под таким заголовком: «*Historie of the pittiful Life and unfortunate Death of Edward the Fifth and then Duke of York*». — «*Utopia and History of Edward V*». London, ed. M. Adams, 1961.

²⁵ Гарингтон, правда, тут же первым высказал сомнение, написал ли Мор «Ричарда III», и назвал в качестве возможного автора епископа Джона Мортона («*The English Works*...», р. 32; В. W. Chambers. *The Place*..., р. 29). Понадобились усилия многих поколений ученых, чтобы разрешить это сомнение. Лишь в 30-е годы нашего столетия Б. В. Чэмберсом и В. Э. Г. Дойл-Дэвидсоном авторство Мора было доказано с бесспорной очевидностью («*The English Works*...», р. 24 ff.; 42 ff.).

²⁶ Цит. по: В. W. Chambers. *The Place*..., р. 27—28. См. также «*The English Works*...», р. 11.

²⁷ Подробнее всего о театральных воплощениях моровского «Ричарда III» пишет Артур Ачесон («*Shakespeare, Chapman and Sir Thomas More*». London, 1931, р. 74).

²⁸ Этой датой завершается рукопись Манчини. Там же указывается и место написания — Божанс, графство Орлеан (Франция) (Манчини, р. 118).

²⁹ Доминико Манчини (1434—1491) — уроженец Рима, монах, автор ряда теологических и этических трактатов. Наибольшей известностью среди них пользовался «*De Quatuor Virtutibus*». Его патрон Анджело Като (умер в 1496 г.) занимался филосо-

рассказа Манчини определяется прежде всего тем, что он сам наблюдал, находясь в Англии, описываемые события³⁰ и, судя по богатству содержания его небольшой рукописи, наблюдал отнюдь не пассивно, а активно искал источники информации, которые помогли бы ему правильно разобраться в сложных переплетениях стремительно развертывавшегося на его глазах процесса.

В заключительных строках своего сочинения Манчини сообщает, что он покинул Англию после коронации и не знает, смог ли Ричард управлять государством, ибо до него дошли слухи о «переворотах в этом королевстве»³¹. Такое заявление дает основание думать, что автор «Об узурпации королевства Англии»³² не имел связи с эмигрантами, бежавшими в Бретань и Париж от гонений Ричарда III, и ему нельзя поставить в упрек тюдоровскую предвзятость в изложении и оценке исторических фактов. Именно эта нейтральность Манчини по отношению к борющимся тогда за господство над Англией феодальным группировкам в сочетании со свежестью и точностью непосредственных наблюдений очевидца делают его труд важнейшим первоисточником для проверки объективности моровского «Ричарда III».

В 1486 г. (или вскоре) был закончен другой рассказ о бурных событиях предшествовавших лет. Включенный в летопись монастыря в Кройленде (Линкольншир), он известен историкам как «Продолжение Кройлендской истории»³³. Кто являлся ее автором? П. М. Кэндел полагает, что первоначальный, не дошедший до нас текст хроники был написан Джоном Расселом, линкольнским епископом и канцлером Ричарда III. Позднее рукопись оказалась переписанной и дополненной неизвестным нам монахом Кройлендского монастыря³⁴. Несомненно, он был отлично осведомлен о происходивших тогда в Англии событиях. Подобно Манчини составитель этой части кройлендской хроники — живой свидетель описываемого. В 1486—1487 гг. Генрих VII еще не стал монархом, незыблемость прав которого на престол признало бы подавляющее большинство англичан³⁵. Поэтому, естественно, что у продолжателя кройлендского аббата трудно ожидать протюдоровской концепции — таковая еще попросту не сложилась.

фией, астрологией, медициной, был личным медиком французского короля Людовика XI. Он входил в состав тайного совета, выполнял различные дипломатические поручения Людовика XI, готовил исторический труд, призванный прославить деяния этого монарха. Вероятно, для сбора нужного материала Анджело Като и направил в Англию своего придворного Д. Манчини.

³⁰ Д. Манчини прибыл в Англию в конце 1482 г. или в начале 1483 г. Уехал вскоре после 6 июля 1483 г. — Mancini, p. 3—4; J. R. Lander. The Wars of the Roses. London, 1966, p. 229.

³¹ Ibid.

³² «De Occupatione Regnum Angliae» — так озаглавлена рукопись Манчини.

³³ См. «Список сокращений» — СС.

³⁴ Kendal, p. 432. См. также RIII, p. XXII.

³⁵ Ожесточенную борьбу за укрепление власти первому Тюдору пришлось вести в течение 1486—1487 гг. Победа при Стоуке прояснила положение, однако только к концу следующего десятилетия феодальная оппозиция была окончательно сломлена

Менее богата по содержанию завершенная на рубеже 80—90-х гг. XV в. «История королевства Англии»³⁶. Ее составителем являлся уроженец Западной Англии (Уорвикшира) Джон Росс³⁷ (умер в 1491 г.). В последние годы своей жизни он служил у Ричарда Фокса³⁸. В своей оценке Ричарда III как воплощения антихриста на земле Росс явно показывал свою партийную тенденциозность.

Апологетическими являются и сочинения придворных историков Генриха VII — Пьетро Кармелиано³⁹ и Бернара Андрэ⁴⁰, которые, заметим, являлись близкими друзьями. Первый из них известен своей поэмой, написанной по поводу рождения первенца короля — Артура (1486). Перу Андрэ принадлежит помпезная, но бедная по содержанию «Жизнь Генриха VII» (*Vita Henrici VII*)⁴¹, составленная в 1501—1503 гг.⁴²

Намного больший вклад в изучение английской истории внес другой придворный первого Тюдора — Полидор Вергилий, уроженец итальянского города Урбино⁴³. Он прибыл на остров в качестве папского сборщика так называемого «денария св. Петра» в 1501 г. Поскольку к этому времени Вергилий имел ряд публикаций, получивших широкое признание, ему была предложена служба при дворе английского короля и доходная должность архидиакона уилской епархии. По поручению Генриха VII он начал в 1507 г. работать над «Английской историей», завершив труд в черновике к 1513 г.⁴⁴ К 1517 г. он отработал ту часть своей работы, на заключительных страницах которой излагалась история последнего Йорка. Таким образом, Вергилий оказался непосредственным предшественником Т. Мора, и его исторические изыскания нельзя не учитывать при оценке «Ричарда III».

Городское летописание конца XV—начала XVI в. представлено «Но-

(см. нашу статью «Была ли битва при Босворте концом «войны Роз»?» — «Ученые записки Горьковского государственного университета, серия историческая, вып. 67, 1965, стр. 141 и сл.).

³⁶ См. «Список сокращений» — СС.

³⁷ Встречаются различные написания — Ross, Rous.

³⁸ Р. Фокс в 1485—1487 гг. выполнял ответственные обязанности королевского секретаря. С 1487 г. — лорд-хранитель малой (или тайной) государственной печати, второе лицо в королевском совете после лорда-канцлера.

³⁹ П. Кармелиано (ум. в 1527 г.), уроженец Брешии, служил при дворе Ричарда III. После гибели Ричарда III был взят на службу Генрихом VII. Т. Мор резко отрицательно относился к его писаниям.

⁴⁰ Б. Андрэ (ум. в 1522 г.) — слепой поэт, уроженец Тулузы, прибыл в Англию вместе с «обозом» Генриха Тюдора в 1485 г.

⁴¹ Сочинения П. Кармелиано и Б. Андрэ изданы в середине прошлого века Дж. Гайрднером. — Memorials, p. LVI—LVIII, 13 ff.

⁴² Kendal, p. 420.

⁴³ О публикациях П. Вергилия см. «Введение» Роберта Фленлея к «Six town Chronicles». Oxford, 1911, p. XLI—XLII.

⁴⁴ Судьба рукописи П. Вергилия оказалась непростой. См. о ней предисловие Дениса Хейя к «Vergil» (см. «Список сокращений»). При изложении событий 1483 г. мы пользовались изданием Г. Эллиса 1844 г.: *Vergil. Three Books* (см. «Список сокращений»).

выми хрониками Англии и Франции», написанными лондонским сукно-торговцем Р. Фабианом⁴⁵, анонимной хроникой, известной среди ученых под условным названием «Vitellius A—XVI»⁴⁶, и наконец «Большой хроникой Лондона»⁴⁷. Всех точнее датируются «Новые хроники...» Их окончание относится к 1504 г.⁴⁸ «Вителлиус» был доведен до 1510 г. Издатель хроники установил два авторских «пласта» на тех страницах, которые повествуют об истории Англии конца XV в. Первый из неизвестных составителей собрал материал за 1440—1496 гг., второй описал более поздние события, особенно подробно рассказав о событиях 1497—1503 гг.⁴⁹ При сопоставлении текстов Фабиана и «Вителлиуса» за 1483—1485 гг. обнаруживается такое большое количество совпадений, что Кингсфорд предполагает существование какого-то общего источника информации, не дошедшего до нас⁵⁰, но доступного этим летописцам. Что касается «Большой хроники Лондона», доведенной до 1512 г., то она содержит более обширные сведения по интересующему нас отрезку времени, чем «Новые хроники» или «Вителлиус», однако оценки фактов составителя «Большой хроники Лондона» не отличаются от них, отражая позицию верхов столичных горожан.

Текстологические сопоставления «Новых хроник» и «Большой хроники» заставляют исследователей весьма настойчиво защищать идею о том, что они составлены одним человеком⁵¹. Едва ли Т. Мор не знал и не учитывал мнения летописцев родного города⁵². Отдельные факты, сообщаемые Мором в «Ричарде III», могут быть проверены по письмам Стоноров⁵³, Сили⁵⁴, государственным документам за апрель—июль 1483 г., которые содержатся в нескольких публикациях⁵⁵.

⁴⁵ См. «Список сокращений» — Fabyan.

⁴⁶ Чарлз Л. Кингсфорд опубликовал «Vitellius» в 1905 г. среди других «The Chronicles of London». Издатель называет ее одной из лучших хроник эпохи Генриха VII. — «Vitellius», p. XXXIX.

⁴⁷ См. «Список сокращений» — GrCh.

⁴⁸ «Six Town Chronicles...», p. XXIII. Труд Фабиана был издан анонимно Ричардом Пинсоном в 1516 г. — RIII, p. LXXIII. В 1533 г. У. Растел переиздал его и сообщил читателю имя летописца — GrCh, p. XLI, LXX.

⁴⁹ Vitellius, p. XXIII, XXXIX, XL etc.

⁵⁰ Ibid., p. XXXIX.

⁵¹ GrCh, p. LXIV ff.

⁵² Е. Е. Рейнольдс не сомневался в том, что Мор читал рукопись Фабиана (E. E. Reynolds. The Field... p. 81).

⁵³ Речь идет о письме Симона Столуорта, слуги епископа Рассела, датированном 21 июня 1483 г. (Stonor Letters, v. II, p. 111).

⁵⁴ «Cely Papers. Selection from the Correspondence and Memoranda of the Cely Family, merchants of the Staple, 1475—1488». London, ed. H. E. Melden, 1906, p. 132—133.

⁵⁵ «Grants, etc. from the Crown during the Reign of Edward V». London, ed. J. E. Nichols and J. Russel. The Camden Society, 1854; «Letters and Papers illustrative of the Reigns of Richard III and Henry VII», v. I, II. London, ed. J. Gairdner, 1861, 1863; «Calendar of the Patent Rolls, preserved in the Public Record Office, Edward IV, Edward V, Richard III, 1476—1485». London, 1901; York Civic Records, v. I, III. Wakefield, ed. A. Raine, 1939, 1942.

Сопоставляя «Историю Ричарда III» Мора с названными источниками, можно установить, что в ней нет ни одного факта, который не был бы известен другим историкам. Об антагонизме в среде придворных накануне смерти Эдуарда IV пишет не только Мор. Об этом повествует и продолжатель кройлендского летописца, и Манчини, и Вергилий⁵⁶. Нужно лишь сказать, что они несколько яснее очерчивают состав соперничающих группировок. Наиболее обстоятельный в данном случае Манчини ставит во главе одной двух сыновей королевы Елизаветы — Томаса и Ричарда Греев и ее «одного брата»⁵⁷. Имя брата здесь Манчини не назвал, но, судя по ряду его замечаний, он имел в виду Эдуарда Вудвиля, командовавшего королевским флотом⁵⁸. Их соперниками являлись: один из виднейших сановников, лорд-чемберлен Гастингс, епископ Эли Джон Мортон и йоркский архиепископ, лорд-канцлер Томас Роттерхем⁵⁹.

Зато Мором ярче и убедительнее изображены обстоятельства «взятия» принца Уэльского Эдуарда в Стони Стаффорд герцогами Глостером и Бэкингемом. Но в главном — характере изображения данного эпизода — ни одна из известных летописей не отличается от анализируемого сочинения. Находит подтверждение и вся цепь сообщаемых Мором фактов — от вступления Глостера «de facto» в должность протектора молодого короля до его коронации (1 мая—5 июля 1483 г.)⁶⁰.

Манчини, подобно Морю, останавливается на торжественном вступлении принца Уэльского в Лондон, лишении Роттерхема поста лорда-канцлера, на переговорах совета протектора с укрывшейся в убежище Вестминстерского монастыря Елизаветой, завершившихся передачей ею своего младшего сына Ричарда в руки архиепископа Кентербери, не проходит он мимо убийства Гастингса в Тауэре и выступлений проповедников перед лондонцами с целью обосновать наследственное право Ричарда Глостера на трон⁶¹. Более подробно эти события излагаются лондонскими хронистами⁶². В отличие от Манчини Мор и столичные летописцы уделяют выступлению Бэкингема в Гилдхолле большое внимание⁶³.

Продолжатель кройлендской хроники не говорит ничего о собрании лондонских горожан, обходит молчанием ту роль, которую сыграли в осуществлении планов Ричарда проповедник церкви⁶⁴, но зато он более точен, нежели Мор, городские хроники или Манчини, в освещении ряда других фактов. Его точка зрения, что Элеонора Батлер, а не Елизавета

⁵⁶ См. «Список сокращений» — СС, р. 564—565; Mancini, р. 82—83; Vergil. Three Books, р. 111.

⁵⁷ Mancini, р. 82.

⁵⁸ Ibid., р. 98, 103.

⁵⁹ Ibid., р. 82—84; см. также СС, р. 565.

⁶⁰ СС, р. 656; Mancini, р. 92—94.

⁶¹ Mancini, р. 100 ff.

⁶² GrCh, р. 230 ff.; Fabyan, р. 668 ff.

⁶³ GrCh, р. 232; Fabyan, р. 669.

⁶⁴ Летописец церкви указывает на некий «ролл», написанный кем-то на севере страны, в котором ставится вопрос о правах Элеоноры Батлер (СС, р. 567).

Люси была названа советниками и помощниками Ричарда законной супругой покойного монарха, находит подтверждение в парламентских свитках⁶⁵. Взятие протектором младшего брата уэльского принца из убежища произошло, как правильно указывает летописец церкви, после убийства Гастингса, а не до него, как сообщают Мор, Манчини и Фабиан. Казнь же Энтони Вудвиля и других имела место также позднее⁶⁶ указанного Мором дня.

Некоторые хронисты чем-то дополняют рассказ Т. Мора в частности. Например, Манчини подробно описывает, каким путем Совет протектора заставил экипажи кораблей, руководимые Эдуардом Вудвилем, покинуть своего адмирала и подчиниться новому правительству страны⁶⁷. Манчини, как и «Продолжатель кройлендского летописца», и лондонские хронисты, сообщают о вызове Ричардом в столицу ополчения северных графств⁶⁸ накануне своей коронации. Письмо, отправленное в Йорк с Ричардом Рэтклифом⁶⁹, датировано 10 июня⁷⁰. Если судить по документам городского совета Йорка, его встретили там благожелательно. Из Йорка к Лондону отправилось двести человек⁷¹. Всего в окрестностях столицы к концу июля было около 5000 северян⁷².

Эти отнюдь немалые военные силы оказались вне поля зрения Мора. Однако указанные просчеты компенсируются в «Ричарде III» подробным изложением событий 13 июня, детальным рассказом о проповеди Шея и речи Бэкингема. Важно подчеркнуть, что никаких нарочитых искажений описываемых фактов, которые снизили бы достоверность этой центральной части «истории» Мора, не существует. Наиболее драматичные страницы «Ричарда III» посвящены убийству сыновей Эдуарда IV. Ни один другой источник не содержит такого большого количества деталей преступления или имен причастных к нему людей. Рассказ Мора невозможно проверить ни по документам, ни по нарративным источникам, хотя ни один нарратив не может быть истолкован как опровергающий его или даже ему противоречащий. Эта уникальность повествования великого гуманиста открыла простор для всевозможных логических спекуляций его будущих оппонентов⁷³.

⁶⁵ СС, р. 567.

⁶⁶ СС, р. 565, 566, 567.

⁶⁷ Mancini, р. 107 ff.

⁶⁸ Mancini, р. 120 ff.; СС, р. 567; GrCh, р. 232; Fabyan, р. 671.

⁶⁹ СС, р. 567.

⁷⁰ York Civic Records, v. I. Wakefield, ed. A. Raine, 1939, р. 73.

⁷¹ Ibid., р. 74.

⁷² Цифру эту называют Фабиан (р. 670), Стау (Summary, fol. 221), Вергилий (Three Books, р. 693). В хронике «Vitellius» речь идет о 4000. Столуорт 21 июня 1483 г. писал о 20 000 людей Глостера и Бэкингема,двигающихся к Лондону (Stonor Letters, v. II, р. 161).

⁷³ Снимая с Ричарда III обвинение в этом преступлении, Элфред О. Легг (A. O. Legge. The Unpopular King, 1885, v. I—II) стремится доказать, что убийцами детей являлись Бэкингом и его подручные Рэтклиф и Кэтсби. Клемент Р. Маркхем называет виновником гибели сыновей Эдуарда Генриха VII (C. R. Markham. Ri-

Достоверно выглядит и версия великого гуманиста о причинах разрыва Бэкингема с Глостером. Она подтверждена Вергилием и Фабианом⁷⁴. Последующие исследователи не сумели добавить к ней чего-либо существенно нового⁷⁵.

Итак, сравнив последовательно одну за другой страницы моровского «Ричарда III» с предшествовавшими или современными ему историческими сочинениями, мы не обнаружили ни одного выдуманного факта или лишенной реальной основы ситуации. Не вызывает нареканий и последовательность изложения исторических событий, если не считать сцены передачи вдовствующей королевой протектору второго сына Эдуарда IV в Вестминстере⁷⁶.

Более того, повествование Мора, бесспорно, самый обстоятельный путеводитель по политической жизни Англии в апреле—июле 1483 г. Впрочем, оно, как и другие «истории» тех бурных дней, не лишено пробелов: не раскрывает Мор причин внезапной и скоротечной болезни Эдуарда IV. Намек П. Вергилия на отравление⁷⁷ повисает в воздухе, не находя отклика ни в «Ричарде III», ни в лондонских хрониках, ни в летописях Росса и кройлендского монастыря. До сих пор остается открытым вопрос о заведении Эдуарда IV. Известный историкам его первый вариант, написанный в 1475 г., был пересмотрен умирающим королем, и к нему были сделаны добавления («Codicillos ponnullos»)⁷⁸. Содержат ли они назначение Глостера протектором или нет? Мор, подобно другим летописцам, не дает ответа. Однако совершенно ясно, что, какова бы ни была предсмертная воля Эдуарда IV, только успешная «операция» в Стони Стаффорд и утверждение протекторских полномочий Советом знати в Лондоне позволили Ричарду стать реальным правителем страны.

Существует и еще одна важная проблема: почему Мор столь внезапно, буквально на полуслове, оборвал свой рассказ? Гипотезы Р. С. Сильвестера и П. М. Кэндела⁷⁹ хотя и заслуживают самого при-

chard III: His Life and Character, 1906; см. также его полемику в 90-х гг. XIX в. с Дж. Гайрднером на страницах «The English Historical Review»). В 1956 г. П. М. Кэндел сделал весьма остроумную попытку защитить эти взгляды (Kendall, p. 411 ff.). Однако отсутствие источников лишает концепцию Кэндела, как и его предшественников, должной убедительности. Лучший обзор контрверс по этой проблеме дан П. М. Кэнделом в «Richard III. The Great Debate. Sir Thomas More's History of King Richard III»; «Horace Walpole's Historical Doubts on the Life and Reign of King Richard III» (N. Y., 1965, p. 8 ff.).

⁷⁴ Vergil. Three Books, p. 141 ff.; Fabian, p. 672 etc.

⁷⁵ Stow, p. 767; Gairdner, p. 91—93; Ramsay, v. II, p. 503—504.

⁷⁶ Такую же ошибку допускают Манчини (Mancini, p. 108—110) и лондонские летописцы (например, GrCh, p. 230—231).

⁷⁷ Vergil. Three Books, p. 683—684.

⁷⁸ СС, p. 564.

⁷⁹ По мнению Р. С. Сильвестера, описывая заговор Генриха Стаффорда, Мор не мог пройти мимо его прав на корону, которые были по нормам феодального права предпочтительнее, чем у Тюдоров. Это явилось бы «смертельной параллелью» для сына Генриха Стаффорда — Эдуарда, который был в то время единственным соперником

стального внимания, тем не менее не могут быть признаны бесспорными и нуждаются в дальнейшем обсуждении.

Все здесь перечисленные недочеты произведения Мора не в состоянии перечеркнуть важность «Ричарда III» как исторического источника. Т. Мор не только повествует о реально случившихся событиях; в его «Ричарде III» нет вымышленных героев: всех более или менее значительных персонажей, действующих на его страницах, исследователи успешно идентифицировали по другим источникам с реальными, жившими тогда людьми⁸⁰. Впрочем, в описании исторических героев Мор не избежал отдельных неточностей. Он неправильно называет имена Бэкингема, Гастингса, проповедника Шея, на 13 лет увеличивает возраст Эдуарда IV, ошибочно считает Роттерхема главой депутации протекторского Совета в убежище к Елизавете.

Однако отдельные неточности не могут затушевывать главного — оценка большинства действующих лиц изображенной им трагической истории получила поддержку у современников. Это касается Джона Рассела, епископа Линкольна, епископа Эли Джона Мортон⁸¹, Энтони Вудвиля, лорда Риверса⁸², лорда-чемберлена Уильяма Гастингса⁸³, Томаса Грея, маркиза Дорсета⁸⁴ и самого короля Эдуарда IV⁸⁵.

Здесь мы подходим к решающему моменту в оценке труда Мора: действительно ли Ричард являлся таким зловещим олицетворением пороков, каким он предстает перед нами со страниц его «Истории»? Кармелиано и Росс, Андрэ и Вергилий, Фабиан и другие лондонские хронисты соли-

Генриха VIII, не имевшего к тому же тогда потомка (RIII, p. LXIX). Действительно, в мае 1521 г. Эдуард Стаффорд был приговорен к смерти королевским судом за государственную измену. П. М. Кэндел принимает эту точку зрения («Richard III. The Great Debate», p. 78), но обращает внимание на то, что Мор прервал свою «историю» в момент, когда на ее страницах должен был появиться Генрих Тюдор. Согласно Кэнделу, Мор намеревался в ненаписанных частях задуманной им большой исторической работы разоблачить «отвратительное лицемерие и темные деяния первого Тюдора».

⁸⁰ Лишь идентификация таких эпизодических героев моровской истории, как Поттиер (прим. 16), Миддлтон (прим. 67), однофамилец лорда Гастингса (прим. 69), Джон Грин (прим. 114), до сих пор вызывает сомнения.

⁸¹ Манчини, как и Мор, был высокого мнения об этих прелатах, относя их к виднейшим государственным деятелям того времени. О Расселе, например, можно прочесть, что это человек «большой учености и большого милосердия» (Mancini, p. 102).

⁸² И Манчини, и Мор в равной степени с уважением относятся к нравственным качествам Энтони Вудвиля.

⁸³ Манчини, подобно Мору, подчеркивает популярность Гастингса.

⁸⁴ Манчини более резок в оценке Томаса Грея, чем Мор, который, вероятно, не мог писать всего о члене фамилии, столь близкой к правящему монарху, ограничившись указанием на то, что Томас Грей с Гастингсом являлись соперниками и в политике, и в любовных похождениях. Манчини обвиняет Грея, наряду с Эдуардом Вудвилем и Елизаветой, в расхищении королевских сокровищ Тауэра (Mancini, p. 83, 90 etc.).

⁸⁵ Сравни описание Эдуарда IV, данное Мором, с характеристикой этого короля у Манчини (прим. 7).

дарны с Мором⁸⁶. Впрочем, историки нашего времени выражают недоверие к их беспристрастности на том основании, что все они работали над своими сочинениями в годы правления Генриха VII, виновника гибели Ричарда III⁸⁷. Подобные суждения вряд ли могут иметь место, когда речь заходит о Д. Манчини. Между тем он, в отличие от Андрэ, Кармелиано, Росса, отменяя некоторые положительные качества Ричарда как полководца, государственного деятеля, причем в схожих с Мором выражениях⁸⁸, тем не менее не отрицает узурпаторского характера его действий⁸⁹, скорбит по поводу печальной участи детей Эдуарда IV (хотя точных сведений об их гибели у него не было, да и не могло еще быть), оценивает убийство Гастингса как преступление⁹⁰. Возмущение сквозит в его словах, посвященных июньским речам подкупленных Ричардом проповедников о незаконности прав детей Эдуарда на корону⁹¹. Как видим, беспристрастный Манчини во всех принципиальных вопросах занимает ту же позицию, что и великий английский гуманист.

Историки нового времени, начиная с Бэка и Уолпела⁹², немало потрудились, чтобы снять с исторического портрета Ричарда III ту густую черную краску, какой покрыли его современники. Но их усилия оказались бессильны перед логикой фактов. В настоящее время речь идет о таких мало что решающих деталях, как: имел ли Ричард план захвата трона уже в апреле или он возник у него постепенно, по мере успехов в борьбе с партией королевы?⁹³ Существовала ли в действительности помолвка между Эдуардом IV и Элеонорой Батлер? Даже при положительном ответе на второй вопрос, даже в случае признания (хотя такое маловероятно, учитывая чрезвычайно короткий промежуток времени), что захват трона произошел благодаря стечению обстоятельств, независимо от воли протектора, то и тогда приговор, произнесенный над Ричардом великим гуманистом Англии, будет лишь несколько смягчен, но отнюдь не отменен. В сомнениях критиков Т. Мора можно обнаружить нечто рациональное.

⁸⁶ См. прим. 13.

⁸⁷ E. F. Jacob. *The Fifteenth Century, 1399—1485*. — «The Oxford History of England», v. XI. Oxford. ed. G. Clark, 1961, p. 610.

⁸⁸ Mancini, p. 76—77.

⁸⁹ Ibid., p. 72, 88, 108.

⁹⁰ Mancini, p. 110. Опасаясь противодействия своим планам со стороны Гастингса и других, Ричард, замечает Манчини, «бросился сломя голову навстречу преступлению».

⁹¹ Mancini, p. 116.

⁹² Георг Бэк (ум. в 1623 г.) написал «Историю жизни и правления Ричарда III». Она была впервые издана в 1646 г. В 1719 г. «A History of the Life and Reign of Richard the Third» была переиздана. Работа Бэка оказала непосредственное влияние на Горация Уолпела (*H. Walpole. The Historic Doubts of the Life and Reign of King Richard the Third. London, 1768*). Сомнения Г. Уолпела активно поддержали в следующем столетии Каролина Галстед («Life of Richard III», v. I—II, 1834) и Элфред О. Легг (*A. O. Legge. The Unpopular King, 1885*). См. также: C. R. Markham. *Richard III: A Doubtful Verdict Reviewed*, EHR, VI, 1891, p. 261 ff. Перу Мэркхема принадлежит и более обширный труд «Richard III: his Life and Character» (1906). Из работ последних лет «в защиту Ричарда III» выделяется исследование П. М. Кэндела (см. «Список сокращений» — Kendall).

⁹³ Gairdner, p. 49 ff; E. F. Jacob. *The Fifteenth Century*, p. 610 ff.

Ричард III — не исключение. Он отнюдь не преступник-одиночка. Выросший в годы кровавых оргий «войны Роз», он воплотил в себе наиболее типичные черты английского феодала той поры.

Итак, «Ричард III» Томаса Мора достоверен. Это не литературное, а историческое произведение, имеющее литературную ценность. Тогда неизбежно возникает вопрос: в чем особенности исторического почерка великого гуманиста?

Говоря об «Утопии», нельзя не восхищаться смелости мысли английского ученого. Смелость мысли свойственна и более раннему его творению. В «Ричарде III» Мор решительно рвет с традиционными феодальными приемами летописания. «Ричард III» — история, написанная пером гуманиста, который стремился возродить манеру письма античных историографов⁹⁴. Отсюда богатая разнообразными красками палитра слов, частое обращение к живым оборотам прямой речи, настойчивое стремление раскрыть характеры изображаемых людей, объяснить совершаемые ими поступки особенностями их психического склада и наконец прагматический строй всего произведения. Впервые в английской историографии оценки историка — не просто редкие отступления от монотонного потока сообщаемой информации. Наоборот, весь материал повествования подчинен логике авторской концепции. А те отступления от канвы истории, которые делает Мор, связаны с потребностью высказать свою точку зрения по кардинальным вопросам общественного бытия современной ему Англии. Таково замечание по поводу налогов, вложенное в уста Бэкингема осуждение церковной привилегии убежищ или полное сарказма суждение о баронских усобицах второй половины XV в.

Верность фактам, невиданная до той поры в Англии глубина интерпретации, богатство речи⁹⁵ — вот что сделало «Историю Ричарда III» образцом английской истории на английском языке, образцом, который долго были не в состоянии превзойти британские летописцы и историки⁹⁶.

Рассказанное на этих страницах не может не натолкнуть на мысль, что из двух вариантов «Истории» — английского и латинского — именно первый должен быть помещен в центр внимания. Если не образцовой⁹⁷,

⁹⁴ У критиков «Истории Ричарда III» довольно популярен вопрос, кому из древних подражал ее автор. Называются имена Саллюстия, Тацита, Светония (*E. E. Reynolds. The Field...*, p. 82). Р. С. Сильвестер находит у Т. Мора иронию Фукидида, считает творения Плутарха образцом для его исторического сочинения (*RIII, Introduction*, p. LXXXVI).

⁹⁵ Даже в начале XVII в. Бен Джонсон в своей «Английской грамматике» цитировал «Историю Ричарда III» Мора чаще, чем какое-нибудь другое прозаическое произведение (*B. W. Chambers. The Place...*, p. 99).

⁹⁶ Сравни с оценкой, данной Эдуардом Фуэтером в «Geschichte des neuern Historiographie». München und Berlin, 1911, S. 163.

⁹⁷ Б. В. Чэмберс называет Рэстеловский текст «образцом скрупулезного издания» («The English Works...», v. 1, p. XXX). Р. С. Сильвестер не склонен полностью поддерживать эту высокую оценку труда Рэстела, обращая внимание на то, что вставки Рэстела из латинского варианта «Истории» помешали сохранить целиком автограф Мора (*RIII*, p. XXX—XXXII).

то во всяком случае лучшей⁹⁸ публикацией английского текста⁹⁹ «Ричарда III» в XVI в. является появившаяся на свет в типографии племянника великого гуманиста Уильяма Рэстела в 1557 г.¹⁰⁰ Все многочисленные позднейшие издания копируют ее. Латинский вариант увидел свет в 1565 г. в Лувене¹⁰¹ и после этого не переиздавался без малого сорока лет.

В 1962 г. Р. С. Сильвестер осуществил параллельное издание латинского и английского вариантов рукописи Мора¹⁰². В начале 30-х гг. В. Э. Г. Дойл-Дэвидсон подготовил к печати фрагменты еще одной латинской рукописи «Ричарда III», которая была обнаружена в «College of Arms» среди хранившегося здесь после 1678 г. архива Томаса, графа Эрундела¹⁰³. Она известна у палеографов под условным названием «MS Arundel 43». В 1962 г. Р. С. Сильвестер включил полный текст манускрипта Эрундела в первый том собрания сочинений Т. Мора¹⁰⁴. Составляя английский вариант «Ричарда III» с лувенским изданием и рукописью архива Эрунделов, текстологи пришли к выводу, что английский и латинский варианты писались одновременно¹⁰⁵. Ошибались те, кто предполагал, что латинский текст является переводом с английского или

⁹⁸ Р. Грэфтон, трижды до Рэстела издававший моровского «Ричарда III» по плохим копиям (см. подробнее: *W. A. G. Doyle-Davidson. The Textual Problems of the «History of Richard III»; «The English Works...»,* p. 43 ff.; RIII, p. XVI ff.), оказался вынужденным признать превосходство рукописи, находившейся в распоряжении у Рэстела, и включил изданный последним текст «История» в подготовленный им к печати в 1568 г. обширный летописный свод («The English Works...», p. 46).

⁹⁹ Все автографы Мора и их англоязычные копии потеряны, что не может не осложнить текстологический анализ, а следовательно, и оценку существующих изданий.

¹⁰⁰ У. Рэстел был литературным душеприказчиком Т. Мора и имел большое число его рукописей — английских и латинских. Англоязычная часть наследства великого гуманиста была издана Рэстелом в 1557 г.

¹⁰¹ До сих пор остается дискуссионным вопрос, кто подготовил латинский вариант «Ричарда III» для лувенского издания «*Omnia opera Latina*» Т. Мора. В. Э. Г. Дойл-Дэвидсон считает, что это сделал тот же Рэстел, эмигрировавший с приходом к власти Елизаветы Тюдор из Англии и скончавшийся в Голландии одновременно с выходом в свет латинских трудов Мора («The English Works...», p. 47 ff.). Однако Э. Ф. Поллард обращает внимание на то, что лувенское издание ближе к версии, вошедшей в летопись Холла, чем к растеловской публикации (*A. F. Pollard. Sir Thomas More...»,* p. 313). Р. С. Сильвестер выдвинул гипотезу, что латинский текст «Ричарда III» обязан своей публикацией секретарю Мора — Джону Харрису, дочь которого Алиса вышла замуж за лувенского издателя Иоганна Фидлера. Последний опубликовал ряд работ английских католиков. Т. Стэплтон, один из биографов Мора, читал у Дороти Колаи, супруги Харриса, отдельные рукописи великого гуманиста (RIII, p. XLIX ff.).

¹⁰² Для первого тома «*The Complete Works...*» (см. «Список сокращений» — RIII).

¹⁰³ Они были изданы в «*The English Works...*», v. I. *Collations, List E, Rastell 1557 with MS Arundel 43, with Louvain 1565,* p. 304—310.

¹⁰⁴ RIII, p. 94 ff. До сих пор не опубликованы еще две латинские рукописи Мора — «*MS Tanner 32*», «*MS Harley 902*». Они имеют малую научную ценность. Первый манускрипт изготовлен в 1575 г. и является копией лувенского издания. «*MS Harley 902*» — плохая копия части «*MS Arundel 43*».

¹⁰⁵ Убедительнее всего это положение было обосновано Р. С. Сильвестером (RIII, p. LIV—LIX).

наоборот. Хотя оба варианта во многих местах очень близки, однако в каждом случае Мор по-иному фразирует свои мысли. Налицо и более серьезные структурные несоответствия: перестановка изображаемых эпизодов, пропуск фраз, имен и т. п. Благодаря этому параллелизму ни одна английская работа Мора «не заражена» таким большим количеством латинизмов, как эта. С другой стороны, типично английские идиоматические выражения проникают в латинские конструкции «Истории Ричарда III», особенно много их в эрунделовской рукописи. Поэтому и В. Э. Г. Дойл-Дэвидсон¹⁰⁶, и Р. С. Сильвестер¹⁰⁷ считают «MS Agundel 43» более близким к латинскому черновику, чем лучше отредактированный манускрипт, положенный в основу лувенского издания 1565 г.

Текстологические сопоставления английского варианта «Истории» с эрунделовским и лувенским показывают, что первый охватывает больший отрезок времени, чем второй и третий. Лувенское издание кончается коронацией Ричарда III. «MS Agundel 43» обрывается неожиданно при изложении речи герцога Бэкингема в Байнард Касл. Они не содержат таких эпизодов первостепенной важности, как убийство сыновей Эдуарда IV, характеристика Мортонa, подготовка мятежа Бэкингема. Латинские варианты не только короче, но и беднее английских: в них опущено много имен, деталей, дат. Но в лувенском издании дается расшифровка таких английских терминов, как Гилдхолл, рекордер, подробно объясняется местоположение Нортгемптона и т. д. Возможно, здесь лежит ключ к пониманию того, почему «Ричард III» писался Мором в двух вариантах: англоязычный предназначался Мором для соотечественников, латинский — для европейских читателей.

Из всего сказанного можно сделать такие выводы: написанный по-английски вариант «Ричарда III», многократно размноженный в XVI в., внес существенный вклад в оценку британской историографией событий 1483 г.; литературно-стилистические и историко-аналитические достоинства англоязычного варианта моровского «Ричарда III» сделали его образцом для английских историков, по крайней мере, на два столетия; по содержанию англоязычный текст «Истории» значительно богаче и лувенского издания, и эрунделовской рукописи; несмотря на то, что латинский текст был мало известен не только рядовому читателю, но даже профессиональным историкам, хотя он в меньшей степени насыщен фактическим материалом, чем английский, все же он содержит несколько интересных мыслей, ряд важных деталей в изображаемых событиях, которых нет в публикации 1557 г. и без которых наше представление об «Истории Ричарда III» осталось бы неполным.

Подготавливая к изданию «Историю Ричарда III», мы исходили из того, что перед нами историческое произведение. Поскольку англоязычный вариант содержит больший фактический материал, более интересен в литературном отношении и оказал более значительное влияние на анг-

¹⁰⁶ «The English Works...», p. 50 ff.

¹⁰⁷ RIII, p. XXXVIII—XLIII.

лийскую историографию, чем латинский, то он был признан основным, и перевод был сделан с издания Рэстела 1557 г., факсимильно воспроизведенного в первом томе «The English Works of Sir Thomas More» под редакцией проф. У. Кэмпбела (London, 1934). Наиболее важные факты, приведенные в латинском варианте, но отсутствующие в англоязычном, даны в виде подстрочных примечаний. То же сделано и относительно самых существенных разночтений между английским и латинским вариантами. Латинские отрывки были переведены из «*Omnia opera Latina. . .*» Т. Мора, опубликованного в Лувене в 1565 г. Отдельные места эрунделовской рукописи взяты из «Appendix» к первому тому «The Complete Works of St. Thomas More», подготовленному для печати Ричардом С. Сильвестером¹⁰⁸. Сверка переведенных английского и латинского текстов также осуществлена по «The Complete Works. . .». Перевод с английского корректировался также по изданию «The More's History of King Richard III», Cambridge, ed. J. K. Lumby. The Pitt Press Series, 1883.

¹⁰⁸ RIII, The Arundel Manuscript, p. 96—149.

КОММЕНТАРИИ

1. К ПИСЬМУ БЕАТА РЕНАНА ВИЛИБАЛЬДУ ПИРКГЕЙМЕРУ

- ¹ Ἐπιφώνημα — нравоучительное заключение, концовка.
- ² См. *Теренций*. Братья, акт III, сц. 3, стихи 395—396.
- ³ Эта фраза опущена в издании эпиграмм 1520 г.; восстановлена по изданию 1518 г.
- ⁴ *Понтан* — Джованни Джовиано Понтано (1426—1503), неолатинский поэт.
- ⁵ *Марулл* — Михаил Марулл Тарханиота (1433—1500), знаменитый неолатинский поэт, проводивший отрочество в Дубровнике, центре Далматинского гуманизма.
- ⁶ *Неэра* — букв. «юная»; имя возлюбленной (гетеры) у Горация (эпод 15).
- ⁷⁻⁸ *Гераклит* (540—480 гг. до н. э.) — философ-материалист из Эфеса, получивший наименование «темный» за непонятный язык своих сочинений. См. эпigramму Неизвестного AP, VIII, 128 в издании «Греческая эпigramма» (М., Гослитиздат, 1960, стр. 368).
- ⁹ *Помпоний Лет* (1428—1497) — ученый-гуманист, автор сочинений «О древностях города Рима» и «Компендиума римской истории».
- ¹⁰ *Будей* — Гильом Буде (1467—1540), французский ученый-гуманист, автор предисловия к «Утопии» Мора.
- ¹¹ *Колет Джон* (1466—1519) — декан собора св. Павла в Лондоне и капеллан Генриха VIII. Автор «Rudimenta grammatices», «Epistolae ad Erasmus» и других сочинений.

2. К ПОЭЗИИ

ПРОГИМНАСМАТА

Прогимнасмата — поэтические упражнения в переводах с греческого Т. Мора и У. Лиля.

1. С оригинала Лукилла (AP, XI, 391), эпigramматиста-сатирика I в. н. э. Русский перевод: Греч. эпигр., стр. 227.
2. С оригинала Паллада (AP, XI, 294), эпigramматиста IV—V вв. н. э. В Палатинской антологии отнесена к Лукиллию. Русский перевод: Виз. врем., т. XXIV, стр. 283.
3. С оригинала Лукиана (AP, IX, 74), писателя и поэта II в. н. э. В Палатинской антологии — Неизвестного. Русский перевод: Греч. эпигр., стр. 373.
4. С оригинала Неизвестного (AP, X, 119). Русский перевод: Греч. эпигр., стр. 390.
5. С оригинала Лукиана (AP, X, 26). Русский перевод: Греч. эпигр., стр. 243.
6. С оригинала Неизвестного (AP, IX, 49). Русский перевод: Греч. эпигр., стр. 373.
7. С оригинала Паллада (AP, X, 53). Русский перевод: Виз. врем., стр. 270.
8. С оригинала Неизвестного (AP, X, 112). Русский перевод: Греч. эпигр., стр. 389.
9. С оригинала Паллада (AP, X, 121). В Палатинской антологии — Папа, совершенно неизвестного эпigramматиста, которого французский гуманист XVII в. Салмазий (Клод Сомез) ассоциировал с Рнаном (?). Палладу приписана предположительно. Русский перевод: Виз. врем., стр. 283.
10. С оригинала Неизвестного (AP, IX, 61). Русский перевод: Греч. эпигр., стр. 373.

11. С оригинала Агафия Схоластика из Мирины (АР, XI, 273), византийского историка и поэта (около 536—582 гг. н. э.). В Палатинской антологии — Неизвестного. Русский перевод: Греч. эпигр., стр. 392.
12. С оригинала Неизвестного. Эта «Дилемма Феофраста, приведенная у Авла Геллия», в эпоху Возрождения обычно фигурировала (и в прозе) под именем Демокрита. Бреднер и Линч (стр. 134) замечают, что они не нашли эту сентенцию в изданиях А. Геллия и в манускриптах, виденных ими в США и Англии. Мор перевел ее вначале дактилическим дистихом, а затем ямбическим триметром — размером оригинала.
13. С оригинала Неизвестного (АР, VII, 323). Только Мор здесь отнес ее к Палладу. Ср. 153 эпиграмму Мора.
14. С оригинала Неизвестного (АР, IX, 48).
15. С оригинала Неизвестного (АР, IX, 506). В Палатинской антологии — Платона. Русский перевод: Греч. эпигр., стр. 57.
16. С оригинала Агафия Схоластика (АР, XVI, 241). В Палатинской антологии — Неизвестного. В греческом оригинале — дактилический дистих. Переведена Мором дважды: 1) тем же размером и 2) гекзаметром. Бреднер и Линч (Введение, стр. XXII) считают неудачными обе версии перевода Мора: «Тот факт, что Мор создал второй перевод, может означать, что он сам не был удовлетворен первым».
17. С оригинала Неизвестного (АР, XVI, 129). Русский перевод: Греч. эпигр., стр. 399.
18. С оригинала Симонида (АР, Appendix, I, 25). Эта помещенная в Приложении к АР эпиграмма, вероятно, Симонида Кеосского (556—468 гг. до н. э.). «Город Кекропа» — Афины.

ЭПИГРАММЫ

1. Заголовок. Написана ко дню коронации короля Англии Генриха VIII Тюдора (1509—1547) и его первой жены Екатерины Арагонской (1485—1536), тетки германского императора Карла V (1519—1555). Они короновались в 1509 г.
Стих 62. «На Эмонийских конях...» — т. е. на фессалийских (см. Ахилл).
Стих 111. «Девять сестер...» — девять Муз; «кастальскую влагой...» — водой из источника, посвященного Музам и Аполлону.
Стих 134. «Мать и отец...» — мать — Елизавета (1466—1503), дочь Эдуарда IV (1461—1483), из дома Йорков, свергнувшего Ричарда III; отец — Генрих VII Тюдор, родственник дому Ланкастеров.
Стих 145. «Бережливость отцовская...» — весьма смягченное определение одного из качеств Генриха VII, не стеснявшегося в средствах для обогащения казны.
Стих 147. «От бабки отцовской...» — матери Генриха VII, Маргариты Бофорт, одной из последних представительниц рода Ланкастеров.
Стих 148. «Деда по матери дар...» — т. е. Эдуарда IV.
Стих 169. «И ни родная сестра, ни отчизна ее не склонили...» — сестра — Хуана (1479—1555), отчизна — Испания.
Стих 170. «Мать не сумела прельстить, как не сумел и отец...» — мать — Изабелла Кастильская (1451—1504), отец — Фердинанд Арагонский (1452—1516), объединившие свои королевства в 1479 г.
2. Стих 12. «Зевса супруга...» — Гера.
3. Стих 1. «Платон описаньем прославил...» — см. «Тимей», 39.
Стих 7. Первая его половина — реминисценция из Овидия («Метаморфозы», кн. I, ст. 89). У него же изложена легенда о четырех веках: золотом, серебряном, медном и железном.
Стих 8. Содержит намек на характер предшествующего царствования.
5. Стих 1. «С алоу белая роза...» — намек на войну «алой и белой розы» — домов Йорков и Ланкастеров, в гербах которых были розы этих цветов. Елизавета, дочь Эдуарда IV, став женой Генриха VII, принесла алоу розу в герб Ланкастеров, объединив таким образом некогда враждовавшие королевские дома.
6. Греческий оригинал: АР, XI, 146 Аммиана — поэта, время жизни которого неиз-
вестно.

7. Греческий оригинал: AP, VII, 126 Диогена Лаэртского (II в. н. э.) (см. Диоген, VIII, 84), автора биографий греческих философов в 10 книгах, эпиграмма которого адресована пифагорейцу Филолаю (V в. до н. э.), автору трех книг «О природе», сохранившихся, помимо Диогена Лаэртского, в виде нескольких фрагментов у Стобея, Боэция и других поздних авторов.
8. Греческий оригинал: AP, XI, 145 Неизвестного.
- 9—15. Представляют собой вариации на тему эпиграммы AP, IX, 11 Филиппа (по другим источникам — Исидора).
16. Греческий оригинал: AP, IX, 376 Неизвестного.
17. Греческий оригинал: AP, IX, 30 Зелота (по другим источникам — Лоллия Басса — I в. н. э.).
18. Греческий оригинал: AP, IX, 398 Юлиана Египетского (IV в. н. э.).
19. Содержит реминисценции эпиграмм AP, IX, 14, 17, 18, 94, 371. Ср. также 65 эпиграмму Мора.
20. Греческий оригинал: AP, IX, 379 Паллада. Русский перевод: Виз. врем., т. XXIV, стр. 266.
21. Греческий оригинал: AP, XI, 395 Никарха (I в. н. э.).
22. Греческий оригинал: AP, XI, 209 Аммиана. «Столпы Геркулеса» — Гибралтар.
23. Греческий оригинал: AP, XI, 166 Неизвестного. Русский перевод: Греч. эпигр., стр. 391.
25. Греческий оригинал: AP, XI, 410 Лукиана. Русский перевод: Греч. эпигр., стр. 248.
26. Греческий оригинал: AP, VII, 135 Неизвестного. Русский перевод: Греч. эпигр., стр. 368.
27. Греческий оригинал: AP, VII, 538 Аниты (III в. до н. э.). Русский перевод: Греч. эпигр., стр. 112.
28. В заголовке не обозначена как переводная с греческого. Ее греческий оригинал: AP, VII, 553 Дамаския Философа, известного в Палатинской антологии лишь этой единственной эпиграммой.
29. Греческий оригинал: AP, IX, 442 Агафия Схоластика. Русский перевод: Греч. эпигр., стр. 307. Две последние строки этой эпиграммы Мора в издании 1518 г., кроме основного, существуют еще в двух вариантах:
- «Adstetit et ridens Fortuna ait, heu Venus haud iam
Mars erat iste tuus, Mars erat iste meus».
- aliter:
- «Mars erat iste meus, Venus inquit. Verba retorquens
Illico Sors eadem, Mars erat iste meus»,
- то есть:
- «Встала тут рядом Судьба и, смеясь, говорит: Эх, Венера,
Марс этот не был твоим, Марс этот был-то моим»
- иначе:
- «Марс этот, — молвит Венера, — моим был. Но, речь отвергая,
Тотчас Судьба ей в ответ: Марс этот мой был тогда»
(Перевод Ю. Ф. Шулца)
30. Греческий оригинал: AP, IX, 530 Неизвестного.
31. Греческий оригинал: AP, X, 51 Неизвестного. «Так Пиндар промолвил...» — см. Пиф. I, 85 (164).
32. Бреднер и Линч: «Может рассматриваться как переработка темы прогимнасмата, № 12 (стр. 153)».
33. Греческий оригинал: AP, IX, 455 Неизвестного. Русский перевод: Греч. эпигр., под заголовком: «Что сказал Аполлон о Гомере» (стр. 378).

34. Греческий оригинал: АР, XI, 251 Никарха (I в. н. э.). Русский перевод: Греч. эпигр., стр. 236.
35. Как переводная с греческого в заголовке не обозначена. Ее греческий оригинал: АР, V, 7 Асклепиада (IV—III вв. до н. э.). Русский перевод: Греч. эпигр., стр. 74.
36. Греческий оригинал: АР, VI, 1 Платона (427—347 гг. до н. э.). На латинский язык переведена еще римским поэтом Децимом Магном Авзонием (309 г.—после 392 г. н. э.). См. «Corpus poetarum latinorum G. E. Weber'a», 1833, p. 1210, 55. Русский перевод: Греч. эпигр., стр. 54.
37. Как переводная с греческого в заголовке не обозначена. Ее греческий оригинал: АР, XI, 282. В Антологии Плануда, византийского филолога (1260—1310 гг.), отнесена к Лукиллию (I в. н. э.).
39. Греческий оригинал: АР, IX, 404 Антифила (Византийского?) (I в. н. э.).
40. Как переводная с греческого в заголовке не обозначена. Ее греческий оригинал: АР, XI, 408 Лукиана. Русский перевод: Греч. эпигр., стр. 247.
41. Греческий оригинал: АР, X, 45 Паллада. Русский перевод: Виз. врем., т. XXIV, стр. 268.
42. Ср. 100 эпиграмму Мора на астролога, «предсказавшего» событие постфактум. Этой теме посвящены эпиграммы 43—47, 49.
48. Размер: Хромой ямбический триметр (холиямб).
52. Греческий оригинал: АР, X, 69 Агафия Схоластика. Русский перевод: Греч. эпигр., стр. 308.
53. «До Сивиллиных лет...» — т. е. очень долго.
54. Ср. эпиграмму АР, X, 62 Паллада:

«Не рассуждает Судьба и знать не желает законов;
 Не размышляя, она — деспот — царит над людьми.
 Честных людей ненавидит, но любит зато нечестивых,
 Этим являя свою, смысла лишённую, власть».

(Перевод Ю. Ф. Шульца)

57. Содержит мысль Феофраста (у Диогена Лаэртского, V, 2, 41).
 Стихи 9—10 — реминисценция из Горация (Оды I, 11 к Левконое).
58. Греческий оригинал: АР, X, 41 Лукиана. Русский перевод: Греч. эпигр., стр. 244.
59. Дилемма Эпикура. Ср. Диоген Лаэртский («De vitis philosophorum», X, 1, 140). См. также: Эпикур. Перевод и примечания С. И. Соболевского. В кн.: Лукреций. О природе вещей, т. II, стр. 601. М., Изд-во АН СССР, 1947.
62. Ср. эпиграммы Мора: 14, 92, 96, 102, 103, 124, 144, 182, 185, 211, 222, 227, посвященные вопросам государственного устройства, а также взаимоотношениям правителя и народа.
63. Английская песня (cantio Anglica), с которой сделан настоящий перевод, до сих пор не найдена.
64. По данным д-ра Сейбла (Sabot), источником этой эпиграммы является «Тюдоровская книга песен» («Tudor Songbook»). См.: «Modern Language Notes», LXIII (1948), p. 548.
65. Ср. 19 эпиграмму Мора.
67. Более подробная разработка темы данной эпиграммы содержится в эпиграмме АР, XI, 116 Неизвестного:

«Никто, женившись, не избегнет грозных бурь», —
 Все говорят и, зная это, женятся».

(Перевод Ю. Ф. Шульца)

68. Подобна 156 эпиграмме Мора «На некоего, у кого дома плохая жена».
69. Греческий оригинал: АР, XI, 213 Леонида Александрийского (I в. н. э.).
71. Греческий оригинал — две самостоятельные эпиграммы АР, XI, 47—48 Анакреонта (IV в. до н. э.). Однако в издании антологии Плануда, известной во времена Мора, и вплоть до 1549 г. (Бродо) они рассматривались как единое целое. Мор в переводе опустил одну (3-ю) строку оригинала АР, XI 48, т. е. второй

из эпиграмм. В заключительной строке эпиграммы Мора неправильная форма *Dionysio* употреблена вместо *Dionuso* ради стихотворного размера.

72. Одна из многих эпиграмм-сатир на врачей, часто встречающихся в Палатинской антологии. Русский перевод подобных стихотворений дан в сборнике «Греческая и латинская эпиграмма о медицине и здоровье». Вступительная статья Ю. Ф. Шульца и А. Г. Лушников, составление и примечания Ю. Ф. Шульца. М., Медгиз, 1960. См. также 78 эпиграмму Мора.

73. Вольный перевод греческого оригинала АР, XI, 68 Лукиллия:

«Хоть говорят, о Никилла, что будто ты волосы красишь,
Но на базаре ты их черными так и взяла».

(Перевод Ю. Ф. Шульца)

77. Написана около 1513 г., что подтверждается письмом Мора к Эразму (Ален, IV, 221), в котором он сообщает о своей ссоре с Бриксием (Жермен де Брие). Стихи 49—51 содержат непереводаемый каламбур, основанный на различных значениях слова *gallus*: 1) галл, француз, 2) река во Фригии, 3) жрец богини Кибелы и, следовательно, скопец, 4) петух.

78. Стих 3: «Имя врача — Николай...» — что буквально означает: «повергатель народа» (от греческих слов *λαός* или *λεώς* — «народ» и *νικάω* — «побеждать, повергать»).

81. Греческий оригинал представляет собой 1—2-ю строки эпиграммы АР, XI, 170 Никарха (I в. н. э.), переведенный Мором более распространено четырьмя стихотворными строками.

82. Греческий оригинал: АР, XI, 138 Лукиллия. Ср. русский перевод в кн.: Греч. эпигр., стр. 222:

«Стоит лишь только припомнить грамматика Гелиодора, —
От солецизмов его губы слипаются вмиг».

(Перевод Ю. Ф. Шульца)

83. Эпиграмма написана после 1515 г. — года смерти французского короля Людовика XII (1498—1515).

84. Греческий оригинал: АР, XI, 268 Неизвестного (у Плануда отнесена к Аммиану). Стих 3. «Юпитер — крича...» — т. е. клянясь Юпитером. Ср. 169 и 212 эпиграммы Мора.

85. Греческий оригинал: АР, XI, 127 Поллиана (время жизни неизвестно). Русский перевод: Греч. эпигр., стр. 346. Бриксий воспользовался этой эпиграммой для выпада против Мора, вставив его имя в заключительную строку. См. I. Hutton. *Greek Anthology in France*. [Ithaca, 1935], p. 83.

86. Греческий оригинал: АР, XI, 369 Юлиана Антецессора или Схоластика, автора четырех эпиграмм антологии; время его жизни неизвестно.

87. Греческий оригинал: АР, IX, 50 Мимнерма, автора двух эпиграмм антологии; время его жизни неизвестно.

88. Греческий оригинал: АР, XI, 432 Лукиана. Русский перевод: Греч. эпигр., стр. 249.

89. Эпиграмма трактует мысль Аристотеля: «Этика», 1102 В. Ср. также 90, 96 и 121 эпиграммы Мора.

92. Одна из многих эпиграмм Мора, посвященных жизни тиранов. См. примечание к 62 эпиграмме.

96. Бреднер и Линч считают, что источник данной эпиграммы тот же, что и 89 эпиграммы (стр. 171).

99. Имя «Клептик» происходит от греческого *κλέπτω* — «краду, похищаю».

100. Греческий оригинал: АР, XI, 159 Лукиллия. Русский перевод: Греч. эпигр., стр. 222.

103. К мысли, высказанной в этой эпиграмме, Мор возвращается неоднократно. См. эпиграммы 14, 92, 96 и др.

104. Греческий оригинал: АР, XI, 103 Лукиллия.

105. Греческий оригинал: АР, IX, 132 Неизвестного. Русский перевод: Греч. эпигр., стр. 374.

106. Греческий оригинал: АР, IX, 387 императора Адриана (76—138 г. н. э.); по мнению других — Германика (умер в 19 г. н. э.). Русский перевод: Греческая эпигр., стр. 239.
107. Греческий оригинал: АР, XVI, 16 Неизвестного. Русский перевод: Греч. эпигр., стр. 398.
108. Греческий оригинал: АР, X, 63 Паллада. Русский перевод: Виз. врем., т. XXIV, стр. 271.
109. Греческий оригинал: АР, X, 46 Паллада. Русский перевод: Виз. врем., т. XXIV, стр. 268. О Пифагоре см.: Диоген Лаэртский, VIII, 10.
111. Греческий оригинал: АР, IX, 576 Никарха.
112. Греческий оригинал: АР, X, 75 Паллада. Русский перевод: Виз. врем., т. XXIV, стр. 271—272. Бреднер и Линч отметили, что Мор передает греческое ἀγῆγορίη — «гордость» словом Plutoni, которое хотя и переведено им в 29 эпиграмме как «гордых богатств» (superbarum orum), однако здесь означает «смерть». Латинский дательный падеж Plutoni не может выполнять функции ἀγῆγορίη, который является дательным обилия (dativus soripae) (стр. 177).
113. Озаглавлена как переводная с греческого. Однако ее оригинал до сих пор неизвестен. Бреднер и Линч предполагают здесь наличие ошибки. По их мнению, e graeco должно было относиться к предыдущей эпиграмме, действительно переведенной с греческого оригинала.
118. Греческий оригинал: АР, IX, 126 Неизвестного.
119. Греческий оригинал: АР, X, 108 Неизвестного. Русский перевод: Греч. эпигр., стр. 389. В издании 1518 г. вторая строка:

«Et mala sive rogere nega, seu nulla rogere»

пропущена и вместо нее фигурируют две нижеследующие:

«Et procul a nobis mala quaeque petentibus aufer,
Et mala sive petare nega, seu nulla petare»,

то есть:

«Всякое зло удали, если б мы и просили, а также
Или отвергни ты просьбу о злом, или всякую просьбу».

(Перевод Ю. Ф. Шульца)

120. Греческий оригинал: АР, IX, 133 Неизвестного. Русский перевод: Греч. эпигр., стр. 375.
121. Стих 3. «Летейскою влагой...» — влагой Леты, реки забвения в подземном царстве. См. 89 эпиграмму Мора и примечания к ней.
122. Греческий оригинал: АР, XI, 412 Антиоха, автора двух эпиграмм Палатинской антологии; время его жизни неизвестно.
123. Греческий оригинал: АР, XI, 237 Демодока (IV в. до н. э.). Русский перевод: Греч. эпигр., стр. 67.
124. Греческий оригинал: АР, XI, 270 Неизвестного. Заголовок: «На статую императора Анастасия на «Еврипе» (в цирке Константинополя). Анастасий (491—518 г. н. э.). Русский перевод: Греч. эпигр., стр. 392. Интересна другая эпиграмма на ту же статую (АР, XI, 271) Неизвестного:
- «Рядом со Сциллой Харибду ужасную водрузили —
То Анастасий стоит, бесчеловечен и лют.
Бойся же, Сцилла, и ты, как бы он не пожрал тебя. Может
Медного демона он перечеканить в гроши».

(Перевод Ю. Ф. Шульца)

125. По мнению Хадсона (Hudson. English Epigram in the Renaissance, p. 63), цитировавшего Хазлитта (Hazlitt. Collections and Notes, Second Series, p. 405), это стихотворение впервые увидело свет в 1515 г. в переиздании сочинения «De generibus ebriosorum» («О родах пьяниц»). Бреднер и Линч отвергают эту датировку из-за неустановленности точной даты выхода в свет упомянутого выше сочинения и счи-

тают, что оно напечатано в нем по тексту издания эпиграмм Мора 1518 г., ибо полностью с ним совпадает (стр. 184).

Стих 165. «Назона дочь...» — т. е. дочь римского поэта Публия Овидия Назона, Перилла. К ней обращена 7 элегия 3 книги «Тристий».

Стих 170. «Дочь Туллия...» — дочь Марка Туллия Цицерона (106—43 до н. э.), тоже Туллия.

Стих 171—172. «Граков двух была родившая...» — мать Тиберия и Гая Граков, Корнелия, младшая сестра Публия Сципиона Африканского, жена Тиберия Семпрония Гракха. Тиберий был народным трибуном в 121 г., а Гай — в 133 г.

127. Греческий оригинал: AP, IX, 110 Алфея Митиленского (I в. до н. э.—I в. н. э.).

128. Греческий оригинал: AP, XVI, 4 (антология Плануда). Бреднер и Линч (Введение, стр. XXI) отмечают ошибку в передаче Мором греческого глагола βάλλετε через proicitote. В переводе с греческого оригинала (Греч. эпигр., стр. 398) эта эпиграмма звучит так:

Что сказал Гектор, раненный греками

«Можете бить после смерти вы тело мое: обнаглевши,
Даже трусливые зайцы над львом издеваются мертвым».

(Перевод Ю. Ф. Шульца)

129. Адресат этой эпиграммы — Пьетро Кармелиано, латинский секретарь Генриха VII (1485—1509). В поэме, написанной им в 1508 г. по случаю помолвки принцессы

Марии с Карлом Кастильским, была фраза: «Henricus frater, princeps, cui nemo secundus», т. е. «Брат Генрих, принц, кому не найдется второго».

Марона — т. е. Публия Вергилия Марона (70—19 гг. до н. э.), римского поэта-эпика, автора «Энеиды», «Георгик» и «Буколик».

130. Стихи 1—2. Имеется в виду книга Бернарда Андре «Христианские гимны» («Hymni Christiani», Paris, 1517). Фасты (fasti) — календарь с записями важнейших событий, хроника.

Стих 14. «Воду в Кастальском ключе...» — т. е. в источнике Муз, дающем вдохновение.

131. Греческий оригинал: AP, XI, 77 Лукиллия.

Стих 1. «Вождь Итакийский» — Одиссей, царь острова Итаки.

Стих 2. «И пес тотчас его опознал...» — эпизод узнавания хозяина Одиссея старым псом Аргусом (песнь XVII, стр. 291 слл.).

132. Греческий оригинал: AP, XI, 161 Лукиллия. Русский перевод: Греч. эпигр., стр. 221.

Стих 4. «Бог... оцепенелый...» — Сатурн.

133. Греческий оригинал: AP, XI, 208 Лукиллия. Русский перевод: Греч. эпигр., стр. 223.

134. Греческий оригинал: AP, XI, 8 Неизвестного.

135. Греческий оригинал: AP, XI, 43 Диодора Зоны (I в. до н. э.). Переведена Мором вольно. Ср. перевод с греческого в издании: Греч. эпигр., стр. 174:

«Сладостный кубок подай мне, из глины сработанный кубок:

Сам я из глины и мертв буду под глиной лежать» —

(Перевод Ю. Ф. Шульца)

136. Греческий оригинал: AP, XI, 266 Лукиллия. Русский перевод: Греч. эпигр., стр. 226.

137. Греческий оригинал: AP, XI, 201 Аммониды, автора единственной эпиграммы; время его жизни неизвестно. Русский перевод: Греч. эпигр., стр. 328:

«Если бы годую вдруг показать Антипатру парфянам,—

Все бы бежали они вплоть до Геракла столпов».

(Перевод Ю. Ф. Шульца)

Версия Мора, как справедливо заметили Бреднер и Линч, возникла на базе испорченного греческого текста (ср. Прогимнасмата, 13). Два других объяснения, приведенные там же, действительно мало вероятны (стр. 18).

138. Греческий, оригинал: AP, XI, 287 Паллада. Русский перевод: Виз. врем., т. XXIV, стр. 276.
139. Греческий оригинал: AP, XI, 430. В Палатинской антологии — Лукиана, но приписывается также Палладу. Русский перевод: Греч. эпигр., стр. 249.
141. Вероятно, наиболее ранняя из эпиграмм Мора. Генрих Абингдон умер в 1497 г.
142. Единственная эпиграмма, написанная размером с внутренней рифмой, характерной для чисто средневекового стихосложения. Бреднер и Линч отмечают преднамеренный характер допущенного здесь Мором отступления от норм классического стихосложения, вызванного вкусами Януса, наследника Абингдона (см. 143 эпиграмму) (стр. 189).
146. В заголовке игра слов: *medicus* — «врач»; *mendicus* — «нищий, ничтожество». Отсюда строка: «Буквой одной у тебя больше, чем есть у врача». Ср. приведенную ниже эпиграмму AP, XI, 323 Паллада «На льстецов», также основанную на подобной игре в словах *κόραξ* «ворон» и *κόλαξ* «льстец»:

«Только лишь «лямбдой» и «ро» различаются коракс и колакс.

А в остальном меж собой коракс и колакс равны.

А потому, дорогой, опасайся созданья такого:

Колакс — что коракс, но рвет не мертвецов, а живых».

(Перевод Ю. Ф. Шульца)

Вариант перевода этой эпиграммы см.: Виз. врем., XXIV, стр. 278. Возможен следующий вариант данной эпиграммы Мора:

«Ты говоришь, что ты врач, но мы все полагаем — ты больше.

Больше на букву одну, ибо не врач ты, а враль».

(Перевод Ю. Ф. Шульца)

148. Греческий оригинал: AP, XI, 111 Никарха.
152. Греческий оригинал: AP, XI, 230 Аммиана. Значение слова *μασταύρω* неясно. Но изъятие двух первых букв дает слово *σταύρω* «крест» — высший символ христианства.
153. Греческий оригинал: AP, VII, 323 Неизвестного. Ср. ее вариант (Прогимнасмата, 13). Вероятно, оба близнеца умерли в день их рождения.
154. Греческий оригинал: AP, VII, 160 Анакреонта (VI—V вв. до н. э.). Русский перевод: Греч. эпигр., стр. 32.
155. В основу перевода положена эпиграмма AP, VII, 72 Менандра (IV—III вв. до н. э.). Русский перевод Д. Усова в кн.: Греч. эпигр., стр. 71:

«Честь вам два сына Неокла: отчизну от тяжкого рабства

Древле избавил один, от неразумья — другой»

Стих 1. «Два сына Неокла...» — т. е. Фемистокл (525—461 гг. до н. э.), афинский государственный деятель и полководец, победитель персов при Саламине, и Эпикур (341—270 гг. до н. э.), греческий философ-материалист. Отца того и другого звали Неоклом.

156. Ср. 68 эпиграмму Мора, а также AP, XI, 381 Паллада, взятую П. Мериме в качестве эпиграфа к его новелле «Кармен». Русский перевод: Виз. врем., т. XXIV, стр. 280.
159. Греческий оригинал: AP, VII, 265 Платона (427—347 до н. э.). Русский перевод: Греч. эпигр., стр. 54.
160. Высмеян здесь под именем Постума епископ Джеймс Стенли, назначенный епископом Эли в 1506 г. Ср. о нем же эпиграмму 186.
163. Источник этой эпиграммы неизвестен. Имя «Лизимаха» в подобной ситуации известно, однако, из сочинения римского историка II в. н. э. Юстина («Historiae Philippicae», XV, 3, 4—6). Бреднер и Линч ссылаются в этой связи на статью Крама (Crum) в «Medievalia et humanistica», т. V, 1948 (стр. 197).

165. Стих 1. «Шотландец» — король Шотландии Яков IV (умер в 1513 г.). К этому же году относится и осада. См. 166 эпиграмму и Приложение I, 2 эпиграмма. Как отмечают Бредер и Линч, последняя, написанная вскоре после 1513 г., была исключена из издания 1520 г. по политическим мотивам: с Францией был уже мир (стр. 237).
170. Открывает собой ряд эпиграмм, направленных против Бриксия. Написана вскоре после 1513 г., когда появилось сочинение Бриксия «Кордельер» (лат. «Chordigera») о морском сражении между французским кораблем «Кордельер» с капитаном Жерве (Гервей) и английским «Регент» (1512). Оба корабля погибли.
172. Четыре стиха этой эпиграммы — цитата из «Кордельера» Бриксия (стихи 56—59).
173. Шесть стихов этой эпиграммы (106—111) — цитата из «Кордельера» Бриксия.
176. Первый стих эпиграммы соответствует 193 стиху Бриксия.
178. Стих 1. «Двух Дециев сразу...» — т. е. отца и сына, героев первой (343—341 гг. до н. э.) и второй (327—304 гг. до н. э.) Самнитских войн, которых звали одинаково: Публий Деций Мус.
179. В 7—8 стихах латинского оригинала непереводаемая игра слов: mensis — «месяц» и mens — «ум, рассудок».
180. Ср. 189 и 204 эпиграммы Мора, также адресованные Сабину. Имя героя — реминисценция из Марциала (Эпиграммы, IV, 37 и XI, 8). Русский перевод: Марциал, стр. 123 и 318.
183. Ср. 194 и 198 эпиграммы Мора, а также Марциала (VI, 78). Русский перевод: Марциал, стр. 186—187.
189. Стих 44. «Как будто волк из сказочки...» — т. е. ленок на помине. У Мора: lupus in fabulam вместо: lupus in fabula.
193. В 3—4 стихах игра слов: Chordigera — латинское название военного корабля «Кордельер» и cordigera — «имеющий душу, сердце». Смысл: сочинение Бриксия бездушно, пусто.
202. Загол.: «На облаченного в роскошную одежду, купленную за заложенное поместье» — в оригинале: In euraiprhum... (от греческого εὐραῖρος «разукрашенный, окаймленный пурпуром»). Встречается у Луккиана (Сон, 16), которого Мор и Эразм переводили в 1505—1506 гг.
204. Сабину адресованы также 180 и 189 эпиграммы.
205. Греческий оригинал: AP, VII, 290 Стагилия Флакка, автора тринадцати эпиграмм Палатинской антологии; время его жизни неизвестно.
208. Стих 8. «Крестителя...» — т. е. Иоанна Крестителя.
210. Стих 2. «И у Фламиния стол...» — о Луции Фламинии (или Фламинине) см. Цицерон. О старости, 12.
211. Стих 5. «Одрисов царю...» — т. е. фракийцу Тереву.
Стих 6. «Мстя за сестру, подает... Итиса лютая мать...», т. е. Прокна за Филомелу, подвергнувшуюся насилию со стороны мужа Прокны, Теряя, отца Итиса. Убив сына, Прокна накормила его мясом Теряя (см. Овидий. Метаморфозы, VI, стихи 427—674).
212. Греческий оригинал: AP, XI, 418 императора Траяна (53—117 гг. н. э.). Русский перевод: Греч. эпигр., стр. 238
213. Греческий оригинал: AP, XI, 310 Лукиллия. Русский перевод: Греч. эпигр., стр. 225. У Плануда отнесена к Палладу. Обращена к женщине.
214. Греческий оригинал: AP, XI, 254 Лукиллия.
215. Греческий оригинал: AP, XI, 255 Паллада. Русский перевод: Виз. врем., т. XXIV, стр. 275.
216. Греческий оригинал: AP, XI, 46 Автомедонта (I в. н. э.). Русский перевод: Греч. эпигр., стр. 214.
221. Ср. эпиграмму AP, IX, 654 Юлиана Египетского (VI в. н. э.) «Дом бедняка». Русский перевод: Греч. эпигр., стр. 290.

«Дома другого ищите себе для добычи, злодеи,
Этот же дом стережет страж неусыпный — нужда».

(Перевод Л. В. Блауменау)

223. Греческий оригинал: AP, IX, 67 Неизвестного.
226. Стих 1. «Поэта испанского строчка...» — т. е. Марциала (ок. 42—между 101 и 104 гг. н. э.), уроженца испанского города Бильбильи. Эта строка (Марциал. Эпиграммы, VI, 60 (61), стих 10): «Victurus genium debet habere liber» — повторена Мором буквально. Русский перевод: Марциал, стр. 181.
Стих 14. «Ибо не всякая жизнь, благо — здоровая жизнь...» (Nam non vivere, sed vita valere bene est) — несколько измененная строка Марциала (Эпиграммы, VI, 70, стих 15): «Non est vivere, sed valere vita», т. е. «Жизнь не в том, чтобы жить, а быть здоровым».
(Перевод Ф. А. Петровского)*
228. Стих 1. «Цезарь-воитель...» — Гай Юлий Цезарь (102—44 гг. до н. э.) (см.: Юлий Цезарь. О галльской войне, III, 5). В его время нервными называлось племя в Бельгийской Галлии, жившее между реками Самброй и Шельдой.
230. Стих 1. «Полутрехдневной... лихорадкой...» (febre hemitritaeo) — вид лихорадки, описанный римским энциклопедистом и врачом Цельсом (I в. до н. э.—I в. н. э.) (О медицине, III, 8) и римским поэтом-дидактиком III в. н. э. Сереном Самоником (Медицинская книга, гл. 51); нечто среднее между «ежедневной» и «трехдневной» лихорадками. Наибольшая интенсивность ее приступа приходится на второй день.
Стих 2. «Савромата врача...» — Бреднер и Линч считают это имя идентичным «сармату», т. е. польскому врачу (стр. 220). В начале XVI в. Сарматией назывались обширные территории от Вислы до Дона с прилегающими к ним областями (см. М. Меховский, Трактат о двух Сарматиях. Введение, перевод и комментарии С. А. Аннинского. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1936).
Стих 6. Битий — тип пьяницы в «Энеиде» Вергилия (I, ст. 738).
232. Греческий оригинал: AP, XVI, 275 Посидиппа (IV—III вв. до н. э.). Русский перевод: Греч. эпигр., стр. 83.
233. Стих 2. «Как с искрометным вином хладная влага воды...» — намек на обычай древности смешивать на пиру вино с водой. Обычным соотношением вина к воде было 1:3.
234. Ср. 249 эпиграмму Мора, где (стих 11) содержится указание на интерес Ж. Буслейдена (Буслиада) к античной нумизматике.
236. В стихах 11—12 намек на многочисленные эпиграммы — надписи «на статуи» и другие произведения искусства (см. сб. «Античные поэты об искусстве». М., 1938).
239. Эразм Роттердамский не только перевел Новый Завет на латинский язык, но провел тщательную редакцию греческого текста этого памятника I—II вв. н. э. Он издал свой труд в 1516 г. у своего друга, знаменитого печатника И. Фробена в Базеле.
240. Адресована Томасу Уолсей (Wolsey, ок. 1473—1530 гг.), архиепископу Йоркскому.
241. Адресована Уильяму Уорхеми (ок. 1460—1532 гг.), архиепископу Кентерберийскому, затем лорду-хранителю печати и лорду-канцлеру, бывшему другом и покровителем Эразма.
242. Эта эпитафия написана на могиле в приходской церкви в Челси, поместье Мора, около 1516 г. и сохранилась до настоящего времени. Первая жена Мора — Иоанна (Джейн) Кольт — умерла в 1512 г. Мор вторично женился на Алисе (Алиции) Мидатон. Эпиграмма впервые увидела свет в 1520 г. В ее заголовке (по этому изданию) Мор выступает как один из помощников лондонского шерифа (vicesomes).
Стих 4. «Что называюсь отцом сына и трех дочерей...» — дети Мора: Джон (Иоанн), Маргарита, Елизавета и Цецилия (см. ниже 248 эпиграмму-письмо к детям).
243. Эта, как и следующие за ней эпиграммы, впервые напечатаны в 1520 г. По мнению Бреднера и Линча, «пять из них могут быть датированы 1519 г. Остальные — более ранние стихотворения, случайно опущенные в издании 1518 г.» (стр. 227).

* Все фрагменты из Марциала даны в переводе Ф. А. Петровского.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

2. Стих 1. «Книжечка, что ты читаешь...» — школьная грамматика Джона Холта «*Lac rugogum*» («Млеко детей»). Хотя наиболее раннее из известных нам изданий этой книги вышло, согласно данным библиографии, около 1510 г., Бреднер и Линч (стр. 239) указывают, что впервые она появилась еще до 1500 г., поскольку в том же году умер кардинал Мортон, которому она была посвящена.
3. Стих 13. Трактат Иоанна Сульпиция Веруланского (XV в.) до 1500 г. трижды выходил в свет в Лондоне у Ричарда Пинсона.
Стих 15. Николай Перотти Сепонтинский (1429—1480) был наиболее популярным ученым-грамматиком XV столетия, автором сочинений «*Cornucopiae linguae latinae*» («Рог изобилия латинского языка») и «*Rudimenta grammatices*» («Начала грамматики»). Последнее, изданное впервые в 1474 г., выдержало до 1500 г. около 30 изданий (в том числе у Альда в Венеции).
Стих 16. Трактат Диомеда «*De arte grammatica*» («О грамматическом искусстве») в трех книгах, дающий представление об уровне грамматических знаний в IV в. н. э., был хорошо известен во времена Мора и до 1500 г. выходил в свет несколько раз, в том числе вместе с произведениями таких грамматиков поздней античности, как Фока, Флавий Капр (II в. н. э.), Агресий и Элий Донат (середина IV в. н. э.).
5. Стихотворение было послано Петру Эгидию 7 октября 1517 г. Автор картины — фламандский художник из Антверпена Квентин Метсис (ок. 1466—1530 гг.).
Стих 5. «Так от желанья вдали...» — *Sic desiderio...* содержит намек на полное имя Эразма — Деизидерий Эразм, что буквально означает «желанный», «предмет желания, тоски». О данном портрете см.: *A. Gerlo. Erasme et ses portraitistes. Bruxell, 1950; P. S. Allen. «Opus epistolarum Des. Erasmi Roterodami, v. III. [Oxford, 1922], p. 106.*
6. Эпиграмма была послана Эразму в письме от 5 ноября 1517 г. Речь идет в ней о «братьях общей жизни» (*fratres vitae communis*) — полумонашеской организации в Нидерландах и северной Германии, отрицавшей все «мирское» и занимавшейся благотворительностью.
7. Эпиграмма построена на неперевожимой игре слов: *Morus* — 1) собственное имя — Мор и 2) глупец, а также глагола *morag* — «медлить, тянуть», имеющего также значение «быть глупцом».

3. К «ИСТОРИИ РИЧАРДА III»

- ¹ Возраст Эдуарда IV указан Мором неточно: он родился в Руане 28 апреля 1442 г. Следовательно, к моменту смерти ему еще не исполнился сорок один год.
- ² Инсценировка избрания Эдуарда IV королем толпой лондонских горожан произошла на «большом поле» у Клеркенвелл 1 марта (WW, p. 777). 3 марта совет знати, собравшийся в Байнард Касл, принял решение избрать Эдуарда королем (ChWR, p. 7—8; WW, p. 777). 4 марта состоялась торжественная процессия в Вестминстер, где Эдуарду вручили корону и скипетр (WW, p. 777). Итак, «Эдуард начал править королевством на четвертый день марта» (Stow. Summary, fol. 283).
- ³ Историки установили точную дату рождения первого сына Эдуарда IV — 2 ноября 1470 г. Второй сын родился (предположительно) 17 июня 1473 г. Разница в возрасте детей, таким образом, больше двух с половиной лет (RIII, p. 158).
- ⁴ Елизавета родилась 11 февраля 1466 г., вступила в брак с Генрихом VII 18 февраля 1486 г., была коронована через год и десять месяцев — 25 ноября 1487 г. Она умерла в 1503 г.
- ⁵ Томас Говард (1473—1524) — сын того Джона Говарда, о котором Т. Мор упоминает в связи с переговорами о выдаче принца Эдуарда в Вестминстере между

делегацией лордов и вдовствующей королевой Елизаветой. О его семье см. прим. 48.

⁶ Похороны Эдуарда IV состоялись 19 апреля 1483 г.

⁷ Вот что пишет об Эдуарде IV Доменико Манчини: «Эдуард был по природе благороден и приветлив, но когда ему случалось разгневаться, он казался окружающим ужасным. Он был доступен как друзьям, так и другим людям, даже наименее благородным... Он охотно встречался с теми, кто желал его видеть, и использовал любую возможность привлечь внимание к своей величественной фигуре уличных зевак. Он был настолько равнодушен к придворному этикету, что когда он видел вновь пришедшего, смущенного его внешностью и королевским величием, он, положив руку ему на плечо, случалось, ободрял его. Истцов и тех, кто жаловался на несправедливость, он охотно выслушивал. Не будучи жадным, он все же так жаждал денег, что в погоне за ними приобрел репутацию скупца... В еде и питье он отличался полной невоздержанностью: у него была привычка, как я узнал, принимать рвотное ради удовольствия еще раз наполнить желудок... Он волочился без разбора за замужними и незамужними, за дворянками и особами низкого происхождения, однако добивался их не силой. Он подчинял их деньгами и обещаниями, но когда они были завоеваны, он прогонял их» (р. 78, 80, 82).

⁸ По договору в Пикиньи, подписанному 29 августа 1475 г., Эдуард IV должен был получать от Людовика XI ежегодно 50 000 крон золотом (10 000 фунтов стерлингов) в виде «откупных» за отказ от прав на французскую корону. В 1482 г. Людовик XI, сломив мощь своих бургундских вассалов, отказался выполнять договор. Поэтому правительство Эдуарда IV оказалось вынужденным вновь прибегнуть к сбору обычных субсидий.

⁹ Бервик был сдан приверженцами Генриха VI шотландцам в 1461 г. В августе 1482 г. войско, возглавляемое Ричардом Глостером, сумело овладеть крепостью.

¹⁰ Ричард Йорк родился в 1411 г., за четыре года до казни его отца, носившего то же имя и почетный титул графа Кембриджа. Казнь последовала после провала так называемого саутгемптонского заговора, призванного свергнуть ланкастерскую ветвь династии Плантагенетов в пользу других наследников многодетного Эдуарда III (1327—1377). По праву своего деда, Эдмунда Ленгли (1341—1402), пятого сына Эдуарда III, «второй» Ричард, унаследовавший от убитого при Азенкуре бездетного дяди Эдмунда титул герцога Йорка, становился наследником престола в том случае, если бы вымерли потомки Джона Ланкастера (четвертого сына Эдуарда III). По линии своей матери Анны Мортимер он был связан с третьим сыном Эдуарда III — Лионелем, носившим титул герцога Кларенса (1336—1368). Бабушкой Анны была дочь и единственная наследница герцога Кларенса — Филиппа, выданная замуж за Эдмунда Мортимера, третьего графа Марча.

Все потомки Эдмунда Мортимера и Филиппа погибли в начале XV в. — большинство благодаря действиям сторонников ланкастерского дома. Следовательно, по материнской линии Ричард Йорк имел преимущественное право наследования перед своим соперником, правнуком Джона Ланкастера — Генрихом VI.

Потомки первых двух сыновей Эдуарда III уже не принимали в XV столетии участия в споре за корону, так как единственный отпрыск первенца Эдуарда III — Эдуарда Черного принца (1330—1376) — Ричард II (1366—1400) был свергнут с трона и убит приверженцами его племянника Генриха IV Ланкастера. Что касается Уильяма, второго сына Эдуарда III, то тот умер еще ребенком.

Борьба Ричарда Йорка и Генриха VI, начавшаяся уже в 40-х годах XV в., достигла своего апогея в 1460 г. Выиграв ряд сражений летом этого года, в их числе генеральное при Нортгемптоне (WW, р. 773; Gregory, р. 207), закончившееся пленением Генриха VI, йоркисты заставили парламент в октябре 1460 г. принять постановление (RP, v. V, р. 380) о передаче короны наследникам Ричарда Йорка (Whethamsted, р. 108; Gregory, р. 208; WW, р. 774). В ответ последовал мятеж дворян английского севера, поддерживавших Маргариту, супругу Генриха VI, и их сына Эдуарда (1453—1471) (Gregory, р. 210; WW, р. 774). Попытка Ричарда Йорка усмирить бунтовщиков закончилась неудачно.

Он был убит в бою под Уэйкфилдом (Йоркшир) 30 декабря 1460 г. (Gregory, p. 210; WW, p. 775).

- ¹¹ Георг, герцог Кларенс (21 октября 1449 г.—18 февраля 1478 г.), был поддержан графом Уорвиком (см. прим. 80) и его многочисленными сторонниками как претендент на английскую корону весной 1469 г., после того как он сочетался браком с дочерью Уорвика Изабеллой (Warkworth, p. 4 ff.).

Отстранение Эдуарда от престола мыслилось под двумя предложениями: во-первых, он не сын своего отца — герцога Йорка, а во-вторых, он женился на вдове Елизавете Грей (см. прим. 82) в нарушение существующего обычая (Mancini, p. 74). «Даже его мать впала в такой гнев (по поводу брака с Елизаветой), что выразила готовность подтвердить общественное мнение и заявила, что Эдуард не является сыном ее мужа — герцога Йорка, а был зачат в результате нарушения супружеской верности и поэтому недостойн чести править королевством» (Ibid.). Судя по этой фразе Манчини, мать Эдуарда и Георга — Сесиль, урожденная Невиль, одноутробная сестра Уорвика, также была на стороне заговорщиков.

Весной 1470 г., после провала организованного Кларенсом и Уорвиком линкольнширского путча (см. подробнее «An English Chronicle of the Rebellion in Lincolnshire. 1470». London, ed. J. G. Nickols. The Camden Miscellany, 1847), они бежали во Францию, где договорились с Маргаритой Анжуйской, супругой томившегося тогда в Тауэре Генриха VI, о совместной борьбе против Эдуарда. Их объединенные усилия привели осенью 1470 г. к временной потере Эдуардом IV короны (Fabyan, p. 658; Warkworth, p. 9).

В 1471 г. Кларенс перешел на сторону брата и помог ему в разгроме соперников. В награду он получил как наследство Изабеллы половину громадного состояния ее отца, погибшего в битве при Барнете (см. прим. 80) (RP, VI, p. 124—127). Другая половина земель Уорвика досталась Ричарду Глостеру, женившемуся на второй дочери покойного графа Анне. Таким разделом Кларенс остался недодоволен, и с этого времени он вновь берет на себя роль лидера придворной оппозиции, группируя недовольные элементы.

Трения между Кларенсом и Эдуардом увеличились еще больше в связи с вопросом о браке наследницы погибшего при Нанси бургундского герцога Карла Смелого. Претендентом на ее руку выступил Кларенс, у которого только что умерла жена. Однако король добился расторжения намечавшегося брачного контракта, предложив в качестве жениха Энтони Вудвиля, графа Риверса, послушного ему брата своей супруги. Увидев в этом происки королевы Елизаветы (см. прим. 82), Кларенс поспешил ей отомстить. Без санкции судебных органов он схватил служанку королевы Энкеретту Твинихо и казнил ее, назвав виновницей преждевременной кончины своей жены Изабеллы (RP, v. VI, p. 174).

Тотчас же последовали ответные действия королевского двора. Приближенные Кларенса Стэси и Бардет были казнены по решению суда за чародейство против Эдуарда IV. А вскоре и их хозяин оказался за толстыми стенами Тауэра. В январе 1478 г. нижняя палата парламента единогласно приняла обвинительный билль. Георг Кларенс обвинялся в посягательстве на корону и в непослушании королевской воле. Палата лордов утвердила билль и признала Кларенса виновным в государственной измене. 17 февраля в парламенте было объявлено, что Георг случайно утонул в бочке с вином (ChWR, p. 250—256; RP, v. VI, p. 195).

- ¹² Имеется в виду Елизавета, урожденная Вудвиль, вдова рыцаря Грея (см. прим. 82). Манчини так описывает ее действия: «... королева припомнила оскорбление ее семьи и клевету, которой шельмовали ее, а именно, что согласно установленному обычаю она не является законной супругой короля. Отсюда она пришла к выводу, что ее потомство от короля никогда не вступит на трон, она не будет устранен герцог Кларенс» (p. 76).

- ¹³ Портрет Ричарда Глостера, нарисованный Т. Мором, в основном совпадает с тем, как изображают его другие современники и хронисты. У Полидора Вергилия, например, мы читаем: «Он был маленького роста, уродливый телом, одно плечо выше другого, с таким кротким и чувствительным выражением лица, что, казалось, ему не свойственны и совершенно чужды хитрость и обман. В то время, как

он думал о каком-нибудь деле, он постоянно кусал свою нижнюю губу... Также имел он привычку то и дело наполовину выдергивать из ножен своей правой рукой кинжал, который повсюду носил с собой, а потом засовывать его в ножны снова. Воистину, он имел острый ум, предусмотрительный и тонкий, склонный к притворству и лицемерию; его отвага была такой неистовой и лютой, что не покинула его до самой смерти» (Three Books, p. 226—227).

Д. Манчини также отмечает его скрытность, умение притворяться. В последние годы, пишет этот очевидец, «он не выезжал за пределы своих собственных владений; всячески подчеркивал свое расположение к народу. Добрая молва о его жизни распространилась среди иностранцев. Он прославился в военных делах в такой степени, что когда бы ни приходилось предпринимать какое-либо трудное и опасное дело, оно поручалось ему. Так Ричард завоевал уважение народа, а зависти королевы избежал благодаря тому, что от нее его отделяло большое расстояние» (p. 76—78).

П. Вергилий и Л. Манчини ничего не пишут о том, что у Ричарда был горб. Не сообщает о горбе и силезский рыцарь Николай фон Поппеллау, посетивший Великобританию весной 1484 г. (Mancini, p. 163—164; Rous, p. 216). Нельзя заметить горба и на известных портретах Ричарда Глостера.

¹⁴ Жизнь Генриха VI оборвалась в Тауэре 21 мая 1471 г. между 11—12 часами ночи. Уоркуорт (p. 21), Фабиан (p. 63), Росс (p. 125), Андрэ (Memorials, p. 23), анонимный хронист (Vitellius, fol. 133), Вергилий (Three Books, p. 155—156) единодушно свидетельствуют, что его убийцей был Ричард Глостер.

¹⁵ Манчини изображает дело иначе: «...Ричард, герцог Глостер, был так удручен печальной вестью о своем брате, что не мог на этот раз искусно притворяться; а однажды подслушали, как он сказал, что настанет день, когда он отомстит за смерть своего брата» (p. 76). Историческая наука не располагает сведениями, которые позволили бы правильно оценить эти взаимно исключающие друг друга версии. Однако Кора Скофилд в своей фундаментальной биографии Эдуарда IV обратила внимание на то, что за три дня до гибели Кларенса юный сын Ричарда Глостера Эдуард получил титул графа Солсбери. Земли графства Солсбери принадлежали тогда, по праву покойной жены, Георгу Кларенсу и должны были быть переданы их сыну Эдуарду. Не прошло и трех суток после «утопления» Георга, как король пожаловал Глостеру находившийся ранее в руках умершего брата немаловажный пост «великого чемберлена» (High Chamberlaine) Англии (не путать с должностью лорда-чемберлена королевского двора, принадлежавшей тогда Гастингсу). (Scotfield, v. II, p. 209—210). Как объяснить эти пожалования? Являются ли они платой за «услугу» или вознаграждением за молчание?

¹⁶ Как установил Р. С. Сильвестер, имя Мистлабрука — Уильям. При Эдуарде IV, Ричарде III и Генрихе VII он занимал различные должности в ведомстве, управлявшем коронными землями и владениями ланкастерского герцогства. Поттиер, предположительно Ричард, служил в администрации ланкастерского герцогства (RIII, p. 170).

¹⁷ Эту улицу, как указывают комментаторы, только четыре квартала отделяли от Милк-Стрит, где жила семья Т. Мора.

¹⁸ Характер болезни Эдуарда IV источники определяют отнюдь не одинаково. Холл полагает, что малярия, приобретенная королем во время похода во Францию 1475 г., подорвала его крепкое здоровье (Hall, p. 338). Холиншед утверждает, что равно возможны две причины: «меланхолия и злоба», вызванные действиями Людовика XI, и «чрезмерные излишества». По мнению Манчини, два обстоятельства вызвали смерть короля Эдуарда IV: «меланхолия» из-за разрыва между ним и «фламандцами», подписавшими мир с Людовиком XI, и простуда во время рыбной ловли (p. 70—72). Мир с Людовиком его бургундские вассалы подписали в Аррасе 23 декабря 1483 г. Это позволило Людовику порвать договор в Пикиньи (см. прим. 8). Если вспомнить строки, написанные Т. Мором по поводу расстройства здоровья Эдуарда IV вследствие невоздержанности в еде и беспорядочной половой жизни, то напрашивается предположение о каком-то смертельном сердечном или желудочном заболевании. Подробнее об этом изложено в комментарии Армстронга к изданному им отчету Манчини (Mancini, p. 131).

- ¹⁹ О свидании соперников возле постели умирающего короля и его речи пишет не только Мор. Сведения об этом можно найти у Манчини (р. 84) и у продолжателя кройлендского летописца (СС, р. 564).
- ²⁰ Маркиз Дорсет — почетный титул, полученный Томасом Греем (1456—1501), первым сыном Елизаветы Вудвиль, рожденным ею в первом браке (прим. 82).
- ²¹ Лорд Уильям Гастингс (1431 г.—13 июня 1483 г.) — ближайший друг и сподвижник Эдуарда IV. Занял пост лорда-чемберлена в 1461 г., в 1471 г. ему был пожалован другой ответственный пост в королевской администрации — губернатора Кале, крепости, в которой находился сильнейший в Англии гарнизон наемных солдат. Д. Манчини, как и Т. Мор, видит в Гастингсе не только государственного советника Эдуарда IV, но и соучастника его «развлечений» (р. 84).
- ²² Лорд Риверс — титул Энтони Вудвиля (1442—1482). Он потомок Ричарда Вудвиля (убит в 1468 г.), первого графа Риверса и герцогини Бэдфорд. Известен как переводчик произведений античных писателей на английский язык. Был близок к гуманистам, покровительствовал Кэвстону, создавшему первую типографию в Лондоне (см. прим. 82). Манчини пишет, что «лорд Риверс всегда считался добрым, серьезным и справедливым человеком, тем, кто испытал все превратности жизни. Как хорошо ни шли бы его дела, он никогда никого не обидел, но многих облагодетельствовал» (р. 82).
- ²³ Эдуард, сын короля Эдуарда IV, получил титул принца Уэльского 26 июня 1471 г. (RP, v. VI, р. 9). 3 июля этого же года лорды принесли ему клятву верности как наследнику престола (BP, v. VI, р. 23). В ноябре 1473 г. его двор был переведен из Лондона в Ладлоу. Наследник престола, если верить Манчини, получил широкое образование, знания его намного превышали обычные в его возрасте. Он имел «особенно глубокие познания в литературе, которые позволяли ему вести беседу с изяществом» (р. 193).
- ²⁴ Об Энтони Вудвиле см. прим. 22. Манчини инициатором заговора считает Гастингса, который в своих письмах советовал «герцогу поспешить к столице и отомстить за оскорбления, нанесенные ему врагами. Он может легко совершить эту месть, если, прежде чем он прибудет в город, он возьмет под свою опеку молодого короля Эдуарда...» (р. 86—88).
- ²⁵ Герцога Бэкингема звали не Эдуард, а Генрих (1454—1483). Он внук Гемфри Стаффорда (1402—1460), одного из ближайших сподвижников Маргариты Анжуйской, первого герцога Бэкингема (титул был получен в 1444 г. в связи с торжеством по поводу бракосочетания Генриха VI и Маргариты Анжуйской). Погиб в сражении при Нортгемптоне. Его отец, граф Стаффорд Гемфри, был убит 21 мая 1455 г. в битве при Сент-Олбене, сражаясь за ланкастерскую династию. Генрих с 1461 г. находился под опекой Эдуарда IV, был им женат на сестре королевы Екатерине (1466). Он участвовал в судебном процессе над Кларенсом. Манчини так характеризует мотивы, побудившие Генриха Стаффорда примкнуть к заговору Ричарда: «Бэкингом, поскольку он принадлежал к самой высокой знати, был склонен симпатизировать другому аристократу, особенно потому, что у него имелись свои причины ненавидеть родню королевы, так как, когда он был моложе, его заставили жениться на ее сестре, которую он считал недостойной брака с ним из-за ее низкого происхождения» (р. 90).
- ²⁶ О Гастингсе см. прим. 21.
- ²⁷ Продолжатель кройлендского хрониста (СС, р. 564—566), Манчини (р. 86) и некоторые другие летописцы отмечают упорные дебаты в Совете, заседавшем в Лондоне, между сторонниками Гастингса и родственниками королевы по поводу численности эскорта принца Уэльского во время его путешествия из Ладлоу в Лондон. Итогом споров явился компромисс. Королева написала в Уэльс, чтобы свита принца не превышала двух тысяч человек.
- ²⁸ Стони Стаффорд лежит в 50 милях (меньше 80 км) от Лондона.
- ²⁹ Встреча с Риверсом была 29 апреля. Арестовали же его 30 апреля утром (СС, р. 565).
- ³⁰ Ричард Грей — второй сын Елизаветы Вудвиль от первого брака. Родился около 1460 г.
- ³¹ Эдуард Вудвиль ушел со своими судами в море либо 30 апреля, либо 1 мая

- (Mancini, p. 144—146). Р. С. Сильвестер совершенно справедливо замечает, что трудно представить себе, откуда об этом стало известно герцогу Глостеру 30 апреля (RHP, p. 182). Как сообщает Росс, Томас Грей, маркиз Дорсет, и Эдуард Грей, его дядя со стороны отца, бежали за море (Rous, p. 213). Согласно Манчини, маркиз Дорсет, Томас Грей и рыцарь Эдуард Вудвиля, четвертый сын Ричарда Вудвиля, первого графа Риверса, младший брат Энтони Вудвиля, разделили с королевой сокровища Тауэра между собой (p. 146).
- ³² Томас Воген, «рыцарь в старческом возрасте» (СС, p. 564—565), — один из видных военачальников, участвовал в 18 сражениях на стороне Эдуарда IV, стал канцлером уэльсского принца в 1473 г., в 1475 г. удостоен рыцарского звания.
- ³³ О Помфрете см. прим. 64. Местами их заточения, как доказал Армстронг, стали для Эдуарда Вудвиля — Шериф-Хэттон, для Ричарда Грея — Миддлхем (Mancini, p. 142—152).
- ³⁴ Известие об аресте членов совета принца Уэльсского достигло Лондона на следующую ночь — с 30 апреля по 1 мая (СС, p. 565).
- ³⁵ Архиепископом Йоркским был Томас Роттерхем. Он сын йоркширского рыцаря, выдвинулся благодаря поддержке королевы. В 1468 г. становится епископом Рочестера, затем получает линкольнскую епархию. Архиепископ с 1480 г.
- ³⁶ Горнси — это Горнси-парк, теперь Гэррингей-парк, северо-западная часть Лондона.
- ³⁷ В город принц Уэльсский вошел, сопровождаемый свитой из 500 человек (Mancini, p. 101). Кройлендский летописец указывает, что к столице Глостер привел 600 своих дружинников, а Бэкингом — 300 (СС, p. 565). 4 мая назвал днем прибытия в столицу кортежа не только Мор, но и Фабян (p. 668), и автор «Большой хроники Лондона» (GrCh, p. 220), и продолжатель кройлендского хрониста (СС, p. 568). Из лондонской летописи мы узнаем, что на Эдуарде V была одежда из черного бархата, на Глостере — из грубого черного сукна. В черных нарядах двигалась к Лондону и их свита. Народ по этому поводу пророчествовал: «Когда придет черный флот норвежцев, стройте ваши дома из надежно скрепленного камня» (GrCh, p. 220).
- ³⁸ Принц Уэльсский был помещен в епископский дворец, расположенный на северо-западной стороне площади перед собором св. Павла (СС, p. 565).
- ³⁹ Вопрос, был ли Ричард Глостер назван протектором в завещании или устно на смертном ложе Эдуардом IV, до сих пор остается спорным. Историкам известен только ранний вариант королевского завещания, составленный в 1475 г. Манчини, Вергилий, Андрэ утверждают, что предсмертная воля Эдуарда IV облекала Ричарда властью протектора. Продолжатель хроники монастыря в Кройленде соглашается с Мором, что Глостер был назначен протектором майским советом знати (СС, p. 565—566).
- ⁴⁰ Большая печать была отобрана у йоркского архиепископа 2 мая (Mancini, p. 102). Джон Рассел (умер 30 декабря 1494 г.) получил печать только 27 июня 1483 г. До этого ее хранителем являлся архиепископ Кентербери. Рассел стал епископом Линкольна в 1480 г., когда Рэттерхем был переведен из Линкольна на место архиепископа в Йорк. Манчини, как и Мор, положительно оценивает способности Рассела (p. 102).
- ⁴¹ Вероятно, совет протектора не раз дебатировал вопрос о том, как заставить Елизавету освободить младшего сына из вестминстерского убежища. Дж. Армстронг опубликовал отрывок из протокола, найденного им в архиве лондонского Гилдхолла, в котором речь идет о переговорах с вдовствующей королевой. Протокол имел дату 24 мая 1483 г.
- ⁴² Архиепископом Кентербери являлся тогда Томас Бурше (1404—1486), младший отпрыск одной из аристократических семей Англии. Он сделал блестящую карьеру: в 1435 г. стал епископом Эли, в 1454 г. — архиепископом Кентербери, в 1465 г. — благодаря хлопотам Эдуарда IV — получил кардинальскую мантию.
- ⁴³ Как указывалось выше, архиепископ Кентербери, а не Йорка, возглавлял делегацию в Вестминстерское аббатство. Здесь Т. Мор (или его издатели) допустили элементарную опisku.
- ⁴⁴ Легенда возникла в VII в. Св. Петра и его ангельскую свиту якобы видел рыбак Эдрик.

- ⁴⁵ Убежищем внутри городских стен Лондона являлась церковь св. Мартина.
- ⁴⁶ Когда произошло это событие? У Мора нет точной даты, но порядок изложения фактов подтверждает, что это случилось раньше расправы с Гастингсом, т. е. до 13 июня. По мнению продолжателя кройлендского аббата, свидание с королевой в Вестминстере произошло позднее — в следующий после 13 июня понедельник. Одно из опубликованных писем коллекции дворянской семьи Стоноров принадлежит перу Симона Столуорта, слуге епископа Рассела, и имеет дату 21 июня. В нем также говорится, что взятие Ричарда произошло в ближайший понедельник к 21 июня (Stonor Letters, p. 161). Этим числом являлось 16 июня. Р. С. Сильвестер обратил внимание на запись, сохранившуюся среди бумаг Джона Говарда, герцога Норфолька, об уплате 6 шиллингов за 8 лодок, доставивших его и сопровождавшую его свиту из Лондона в Вестминстер и обратно. Платеж произведен 16 июня (RHP, p. 202—203). Манчин помещает это событие до убийства лорда-чемберлена (p. 108—110). Все позднейшие летописцы принимают точку зрения Т. Мора, хотя, судя по приведенным документальным данным, без должных к тому оснований.
- ⁴⁷ В «Большой хронике Лондона» говорится, что Ричард вместе с архиепископом вошел в покои королевы и «здесь вел себя так приветливо по отношению к королеве, давая различные притворно-любезные обещания, что ни у нее, ни тем более у архиепископа не закрались какие-либо подозрения в предательстве» (GrCh, p. 230—231).
- ⁴⁸ Этим другим лордом, если верить позднейшим хронистам, являлся Томас Говард. Полидор Вергилий сообщает, что отец Томаса — Джон Говард, герцог Норфольк, также находился в Вестминстере («Three Books», p. 543). Томас Говард имел большой вес при дворе молодого Генриха VIII, поэтому назвать его имя Мор опасался (RHP, Introduction, p. LXIX). О Говардах см. прим. 5.
- ⁴⁹ Согласно средневековому праву Англии, дворянский сын в 15 лет мог получить феодальное держание, за которое он обязан был нести военную службу — рыцарскую службу. До этого события дворянин считался несовершеннолетним и находился под опекой родственников или назначенных королем лиц (F. Pollock and F. W. Maitland. The History of English Law, v. 1. Cambridge, 1923, p. 318).
- ⁵⁰ От этого места до конца абзаца текст «не был написан господином Мором в его истории, писанной по-английски, и переведен здесь из его истории, писанной по-латыни» (прим. Растела). Русский перевод сделан прямо с латинского текста.
- ⁵¹ События, о которых рассказывает Елизавета, происходили в 1470—1471 гг. 7 сентября вооруженные отряды баронского дома Невилей, Георга Кларенса и французские наемники Маргариты Анжуйской высадились в Плимуте и Дортмуте. Основные их силы двинулись на Лондон. Эдуард IV, подавляя бунт одного из сторонников графа Уорвика — лорда Фитцгу, находился далеко на севере подле шотландской границы. Его советники, оставшиеся в Лондоне, и городской совет не сумели защитить столицу. Их действия оказались парализованными хотя и лишенным ясной цели и четкой организации, но массовым мятежом, который искусно спровоцировали агенты Уорвика. Толпы бунтовщиков состояли из представителей городских низов. К ним присоединилось немало число бедняков из Кента. «Большие отряды кентцев» овладели Саусворком, разгромили находившуюся здесь тюрьму Маршалси. И внутри Лондона, и в предместьях горели дома богачей, пивные, трактиры. Особенно неистово преследовались жившие в Лондоне и его окрестностях фламандцы. Своей кульминации эти события достигли 1 октября. В тот же день королева с семьей бежала в Вестминстер. 3 октября отряды Уорвика заняли Лондон и помогли ополчению столичных горожан обуздать мятеж, а Эдуард, Ричард Глостер и лорд Гастингс с небольшой свитой бежали в Зеландию искать помощи у бургундского герцога Карла Смелого (Warkworth, p. 11—12; Fabyan, p. 658; Vitellius, fol., p. 182—184; ThFCh, p. 183). Уместно заметить, что супругой правителя Бургундии являлась сестра Эдуарда IV Маргарита (WW, p. 787; Gregory, p. 236).
- Эдуард IV вернулся в Англию 14 марта 1470 г. 11 апреля благодаря успешным военным операциям и переходу на его сторону Георга Кларенса столица вновь оказалась в руках первого короля йоркской династии. Еще через три дня,

- 14 апреля, в сражении при Барнете Эдуард IV разбил армию Уорвика. 3 мая армия ланкастерцев терпит поражение на западе Англии, у Тьюксбери. В этих боях погибли граф Уорвик, большинство членов его семьи, единственный сын Генриха VI Эдуард; Маргарита Анжуйская попала в плен. Судьба короны была определена на 12 лет (ChWR, p. 56—60; Warkworth, p. 15—16). О судьбе самого Генриха VI см. прим. 14.
- ⁵² Манчини, описывая эту сцену, сообщает, что протектор «с согласия совета» окружил убежище войсками. Поэтому, «когда королева увидела, что она осаждена и все приготовлено для насилия, она выдала сына, поверив словам архиепископа Кентербери, что ребенок будет возвращен после коронации...» (p. 108). Указание на такое обещание не содержит ни один другой источник. В кройлендской хронике также подчеркивается, что герцоги прибыли в Вестминстер на судах с большим количеством вооруженных людей (СС, p. 566).
- ⁵³ Симон Столуорт также сообщает, что протектор принял мальчика на пороге Звездной палаты (Stonor Letters, v. II, p. 161).
- ⁵⁴ Знакомясь с фрагментом «История Ричарда III», сохранившимся в MS. Harley 433, П. Кэндел установил (p. 544), что Эдуарда перевели из епископского дворца в Тауэр значительно раньше — 9 мая. Продолжатель кройлендского хрониста также говорит, что второй сын Елизаветы «был доставлен господину кардиналом в указанный Тауэр Лондона» (СС, p. 566). В «Большой хронике Лондона» факт перевода принца Эдуарда в Тауэр предшествует переговорам в Вестминстере (GrCh, p. 230). Монастырский хронист рассказывает о совете, состоявшемся через несколько дней после прибытия принца Уэльского в Лондон. На совете было принято предложение герцога Бэкингема о переводе ребенка из тесного епископского дворца в «более просторное место» — лондонский Тауэр (СС, p. 566). Столуорт сообщает, что юный Ричард из Вестминстера был отправлен кардиналом в Тауэр (Stonor Letters, v. II, p. 161). Но Фабиан (p. 688) и Полидор Вергилий (Three Books, p. 178) поддерживают версию Т. Мора, что оба ребенка после их встречи в епископском дворце были эскортированы в Тауэр.
- ⁵⁵ От этих слов до слов «со многими другими дворянами» (стр. 59) английский текст переведен Рэстелом с латинского. Русский перевод сделан непосредственно с латинского.
- ⁵⁶ Сыну протектора Эдуарду было тогда десять лет. Он умер 9 апреля 1484 г. Других детей от Анны Невиль Ричард Глостер не имел, хотя известны, по крайней мере, два сына и одна дочь от любовниц. У герцога Бэкингема было три сына и две дочери.
- ⁵⁷ Этот спор имел к тому времени столетнюю историю. Один из богатейших феодалов XIV в., граф Герифорда, Эссекса и Нортгемптона Гемфри Боген не имел мужского потомства. Ему наследовали две дочери — Элеонора и Мария. Элеонора стала супругой шестого сына Эдуарда III, герцога Глостера, Томаса, прозванного по месту рождения Вудстоком, и принесла ему в приданое половину отцовских земель. Томас был убит по приказу Ричарда II в 1397 г. Дочь Томаса и Элеоноры Анна вышла замуж за Эдмунда, графа Стаффорда, прадеда соратника Ричарда Глостера.
- Вторая половина состояния Богена вместе с дочерью Марией, женой Генриха IV Ланкастера и матерью Генриха V, оказалась в руках ланкастерского дома. В состав этой половины входили земли графства Герифорд. После гибели прямых наследников Генриха IV и Марии в 1471 г. создались условия для того, чтобы Герих Стаффорд заявил о своих правах на вторую половину состояния Богенов. С притязаниями на «долю Марии» в какой-то форме он выступал еще при жизни Эдуарда IV, но был отвергнут. Возможно, здесь следует искать один из мотивов, побудивших его мстить семье покойного короля, а позднее вступить в конфликт с Ричардом. Наиболее подробно пишет об этом П. Вергилий (Three Books, p. 191—193; Ramsay, v. II, p. 563—564).
- ⁵⁸ Джон Муртон (1420—1500) — выходец из дворянской семьи, окончил Оксфордский университет, до 1471 г. активно поддерживал ланкастерскую группировку, но после Тьюксбери перешел на сторону Эдуарда IV, вошел в его тайный совет, стал одним из виднейших советников (Mansi, p. 82—84). В 1474 г. получил одну

из богатейших епархий — Эли. При Генрихе VII — архиепископ Кентербери, кардинал. В 90-х гг. XV столетия возглавлял в качестве лорда-канцлера правительство первого Тюдора. Он был покровителем таланта юного Томаса Мора. Восторженную оценку Д. Мортону Мор дает в первой книге «Утопии». Она не расходится с мнением о Мортоне Манчини. Тот пишет: «Что касается епископа Эли, он был изобретателен и смел, так как обучился искусству придворных интриг во времена Генриха VI, и поэтому когда после разгрома партии Генриха он был приближен Эдуардом, то приобрел большое влияние» (р. 40).

- ⁵⁹ Лорд Стенли — Томас Стенли (1435—1504), глава одной из богатейших и знатнейших семей Западной Англии, сын Томаса, первого барона Стенли (1406—1459). В 50-х гг. XV в. сражался на стороне Генриха VI и Маргариты Анжуйской. В 1461 г. перешел к йоркистам, получив титул главного судьи Честера и Флинта. После женитьбы на сестре графа Уорвика Элеоноре Невиль (умерла ранее 1473 г.) поддерживал могущественного «содержателя королей» в его борьбе с Эдуардом IV. После гибели графа Уорвика (1471), подобно Джону Мортону, становится приверженцем Эдуарда IV и получает от него в 1475 г. почетную должность стюарда королевского двора. Поддерживал Гастингса до его казни 13 июня. Был арестован вместе с ним, но вскоре выпущен на свободу. В декабре 1483 г. Ричард III пожаловал ему один из ключевых постов королевской администрации — великого констебля Англии. Это не помешало Томасу вступить в заговор с приверженцами Генриха Тюдора и активно содействовать поражению Ричарда III на поле Босворта (1485). Контакты с тюдоровской группой были установлены им не без помощи его второй супруги, Маргариты, урожденной Бьюфорт, вдовы Оуэна Тюдора и матери будущего короля Генриха VII. На поле Босворта ему удалось подобрать потерянную Ричардом корону и водрузить ее на чело первого Тюдора. В октябре 1485 г. Стенли был дарован почетный титул графа Дерби. Он удостоился чести быть крестным отцом первенца Генриха VII, принца Артура. Холл называет Томаса Стенли «хитрым лисцей».
- ⁶⁰ Дом Кросби был построен рыцарем Джоном Кросби в 1466 г. В 1483 г. продан его вдовой Ричарду Глостеру. В 1523 г. Томас Мор приобрел этот дом у рыцаря Джона Реста. Несколькокими месяцами позже Мор передал его Антонию Бонвици, «своему старому другу» (*E. M. Routh. Sir Thomas More, p. 139; RIII, p. 213*).
- ⁶¹ Манчини говорит, что слуги были удалены от Эдуарда после казни Гастингса (р. 112).
- ⁶² Кэтсби Уильям (1450—1485) — профессиональный законовед, управляющий поместьями Гастингса. Как плату за измену следует рассматривать различные доходные государственные посты, пожалованные ему Ричардом III после убийства Гастингса. Кэтсби был спикером единственного парламента Ричарда III (январь 1484 г.). В сатирических стихах, написанных в 1484 г. Уильямом Коллинборном, мы читаем: «Кот, Крыса и Лувел, наша собака, управляют всей Англией под руководством вепря». Кот — cat — начальные буквы фамилии Catesby, Крыса — rat — начальные буквы фамилии Ratcliff. Что касается вепря, то это животное наряду со львом было геральдическим знаком герцога Глостера — намек более чем прозрачный.
- Ричард Рэтклиф, доверенное лицо Ричарда, в апреле 1483 г. собрал ополчение дворян севера для похода к Лондону, чтобы помочь Ричарду в захвате престола. 25 июня он казнил Р. Грея, Э. Вудвиля и Т. Вогена. Погиб при Босворте. Фрэнсис Лувел командовал флотом Ричарда III, получил титул виконта 4 января 1483 г., земельные пожалования с годовой рентой в 400 ф. ст. Как и Рэтклиф, он — член Тайного совета, сражался против Генриха Тюдора даже в 1486 г., организовал мятеж в Йоркшире, участвовал в путче Ламберта Симнела (1487). После битвы при Стоуке исчез. Судьба его остается неизвестной.
- ⁶³ Совет в Тауэре 13 июня упоминается всеми летописцами событий 1483 г., хотя изображается ими неодинаково. Ближе всех к тексту Мора повествование П. Вергилия (*Three Books, p. 180*). Кройлендский летописец говорит, что протектор раздела накануне 13 июня совет на две части: одна часть должна была собраться в Вестминстере, другая — в Тауэре. Совет в Тауэре происходил утром. Далее ко-

ротко сообщается об отсечении головы Гастингсу, аресте и высылке в Уэлс Мортон и Роттерхема (СС, р. 566).

У Манчини также речь идет о трех репрессированных — Мортоне, Роттерхеме и Гастингсе. «Однажды эти трое и несколько других пришли в Тауэр, как обычно, в 10 часов утра, чтобы приветствовать протектора. Когда их впустили во внутренние покои, протектор, как это было заранее условлено, начал кричать, что он попал в засаду, что они пришли с оружием, что они готовятся первыми напасть на него. Поэтому солдаты, оставленные заранее их господином поблизости, тотчас ворвались в помещение во главе с герцогом Бэкингемом и убили Гастингса. Остальные были взяты под арест (Mançini, p. 111).

Более подробен рассказ «Большой хроники Лондона»: «13 июня он (Ричард. — Е. К.) назначил совету собраться в Тауэре, на который пригласил графа Дерби, лорда Гастингса и многих других, из них большинство, как он знал, благожелательно относятся к его делу. И в этот день лорд Гастингс обедал с ним, а после обеда прискакал в Тауэр вместе с ним. Здесь, когда они вошли в палату советов и время пришло заняться делами, которые были намечены прежде, внезапно кто-то у двери палаты громко закричал: «Измена! Измена!» И тотчас привратники распахнули дверь, и туда ворвались те, которые находились здесь в засаде, и силой схватили графа Дерби и лорда Гастингса. И немедленно, без какого-либо судебного процесса и законного расследования, вывели названного лорда Гастингса на лужайку около часовни и здесь, положив голову на квадратный обрубок дерева, не дав времени для исповеди, отсекали ему голову...» Как и Т. Мор, этот хронист указывает, что Томас Стенли получил рану в лицо, однако не ограничивается этим и пытается объяснить, почему ему была сохранена жизнь. Оказывается, Ричард боялся, что сын Стенли Уильям, лорд Стрендж, поднимет мятеж среди дворянства Западной Англии (GrCh, p. 231).

Расхождения между хронистами в изображении убийства Гастингса отражают слабую осведомленность современников о деталях драмы, разыгравшейся за крепкими стенами Тауэра. Рассказ Т. Мора кажется нам более правдивым хотя бы потому, что в числе его информаторов, несомненно, был участник тауэрского совета Джон Мортон, будущий архиепископ и покровитель таланта Мора.

⁶⁴ Помфрет — крепость на юге Йоркшира.

⁶⁵ На самом деле казнь произошла 25 июня (см. прим. Р. С. Сильвестера к «RIII», p. 219).

⁶⁶ О Ж. Шор см. прим. 72.

⁶⁷ Миддлтон — весьма распространенная фамилия среди английских дворян в то время. Ни один летописец не упоминает имени человека, напавшего на Томаса Стенли. Р. С. Сильвестер предполагает, что Миддлтон, упомянутый Мором, — сквайр Ричарда III Ричард Миддлтон, погиб в 1487 г., сражаясь против Генриха Тюдора.

⁶⁸ О гербе Ричарда III см. прим. 62.

⁶⁹ В английском тексте «RIII» однофамилец Гастингса назван *pursevant*, а в издании 1565 г. *caduceatur* (1565, p. 51). *Caduceatur* — это королевский герольд (глашатай). Значение слова *pursevant* (*pursuivant*) менее определено. Возможный перевод: *warrant-officer*, т. е. королевский гонец, имеющий полномочия не только сообщать о приказе, но и исполнить его (The Oxford English Dictionary, v. VIII. Oxford, 1933, p. 1636). Р. С. Сильвестер установил, что среди четырех герольдов королевского двора того времени ни один не носил имя Гастингс (RIII, p. 224).

⁷⁰ См. прим. 65.

⁷¹ Т. Мор несколько приглушает ту реакцию, какую вызвало среди лондонских горожан убийство Гастингса. У Манчини мы читаем: «После того как в цитадели совершилась казнь, горожан, услышавших шум, но не знавших его причины, охватила паника, и каждый взялся за оружие. Чтобы успокоить толпу, герцог сразу же послал герольда объявить, что в городе был раскрыт заговор и Гастингс как зачинщик этого заговора понес наказание; поэтому он приказывает сохранять порядок. Сначала несведущая толпа поверила, хотя сущая правда, а именно, что заговор был выдуман герцогом, дабы избежать осуждения за такое преступление, и тогда была на устах у многих» (p. 110, 112). Сходную картину рисует Полидор Вергилий (Three Books, p. 181—182): «Как только это дело совершилось (казнь Га-

- стингса. — Е. К.), они начали кричать в Тауэре: «Измена! Измена!» Когда этот гвалт достиг города, горожане и все другие люди, полагая, что первый слух является истинным, и не зная, что случилось внутри Тауэра, начали кричать то же самое. Но когда они... поняли, что произошло на самом деле, то страх охватил каждого — все люди сообща скорбели о смерти этого человека, на которого и они, и дворяне, что поддерживали детей короля Эдуарда, возлагали всю свою надежду».
- ⁷² К развернутой характеристике, даваемой Т Мором Жанне Шор (1449—1525), позднейшие комментаторы добавили несколько интересных штрихов. Она — дочь мерсера из Чипсайда Томаса Вайнстеда, была выдана замуж за другого члена этой купеческой гильдии — Уильяма Шора. Предполагают, что любовницей короля стала в 1470 г. В 1476 г. муж покинул ее. После смерти короля ее взял на содержание лорд Гастингс. Любовную связь имел с ней и маркиз Дорсет. В 1484 г. один ее поклонник, Томас Лайнем, придворный Ричарда III, имел серьезные намерения вступить с ней в законный брак. Состоялся этот брак или нет — неизвестно. Лайнем умер в 1518 г. (RIII, p. 219—220, 228 etc.).
- ⁷³ О преследовании Жанны Шор Ричардом III сообщает и «Большая хроника Лондона», но относит его ко времени после коронации Ричарда III. Т. Мор, кажется, более прав. Симон Столуорт в письме, датированном 21 июня, сообщает своему корреспонденту, что Шор в тюрьме (Stonor Letters, p. 161).
- ⁷⁴ Из трех проституток, по мнению Р. С. Сильвестера, под самой хитрой Т. Мор подразумевал Элеонору Батлер, а под святейшей — Елизавету Люси (RIII, p. 231).
- ⁷⁵ Казнь, как доказал Армстронг, издатель рукописи Манчини, произошла 25 июня (Mançini, p. 142, 152). Продолжатель кройлендского летописца местом казни считает не Помфрет, а Понтефракт. Здесь, указывает он, без всякого суда были убиты Энтони Вудвиль, Ричард Грей и Томас Воген (СС, p. 367). Росс также высказывается за Понтефракт, указывая, что главным судьей казненных являлся граф Нортумберленда Генрих Перси (Rous, p. 213—214). Манчини, упоминая об их смерти, не приводит никаких подробностей (p. 112).
- ⁷⁶ О Рэтклифе см. прим. 62.
- ⁷⁷ Ошибка Мора. Имя Шея — Ролф (GrCh, p. 231). Он — брат мэра Лондона этого года, ювелира Эдмунда Шея.
- ⁷⁸ Пенкер Томас, из Ланкашира — доктор теологии. В 1469 г. — глава августинского ордена в Англии. В 70-х гг. XV в. читал лекции в Падуе. Умер 26 мая 1487 г.
- ⁷⁹ О проповедях такого содержания пишет и Манчини: «... Он (Ричард) подкупил проповедников божьего слова настолько, что они в своих проповедях перед народом не стыдились говорить вопреки благопристойности и религии, что необходимо искоренить потомство короля Эдуарда IV, ибо он не является законнорожденным, и, следовательно, его потомство не может быть признано таковым. Эдуард, говорили они, был зачат в результате прелюбодеяния и ни в чем не похож на покойного герцога Йорка, чьим сыном его ошибочно считали, но Ричарду, герцогу Глостеру, полностью похожему на своего отца, должен перейти трон» (p. 116).
- Вот что рассказывается о проповеди Шея в «Большой хронике Лондона»: «... в воскресенье, следующее после смерти лорда Гастингса, возле креста св. Павла в присутствии лорда-протектора, герцога Бэкингема и огромного множества духовных лиц и мирян было провозглашено Ролфом Шеем, братом мэра Лондона, ... что дети короля Эдуарда не являются законными наследниками короля и что сам король Эдуард не является в действительности сыном герцога Йорка в отличие от лорда-протектора... Затем он провозгласил, что лорд-протектор более достоин быть королем...» (GrCh, p. 231).
- Рассказ Р. Фабиана (p. 669) короче, но ни в чем принципиально не расходится ни с «Большой хроникой Лондона», ни с Мором. П. Вергилий в отличие от Мора утверждает, что все обвинения концентрировались вокруг прелюбодеяния, якобы совершенного матерью Эдуарда Сесилью (Three Books, p. 183—184). Продолжатель кройлендского аббата дает другую версию: в некоем «пергаментном свитке», составленном в северных краях и привезенном неизвестно кем в столицу, доказывалось, что дети короля Эдуарда являются незаконнорожденными и его брат Георг Кларенс тоже (СС, p. 567).

⁸⁰ Граф Уорвик Ричард Невиль (1428—1471) — глава сильнейшего баронского клана Англии третьей четверти XV столетия. В 1461 г. двенадцать представителей дома Невилей были парами — это пятая часть собравшейся в тот год палаты лордов. Ричард Невиль принимал активное участие в политической жизни Англии в 50-е гг. XV в. Его военным и политическим талантам приверженцы герцога Йорка обязаны своими крупнейшими успехами: 22 мая 1455 г. решительная атака его дружины на Сент-Олбенс привела к разгрому ланкастерского войска и пленению Генриха VI (Gregory, p. 198; PL, Nos 218, 239). В 1460 г. его демагогическая агитация обеспечила йоркистам поддержку Лондона, других городов и дворянства юго-востока Англии (Davies, p. 86—95; WW, p. 772; ThFCh, p. 73; Bale, p. 149—156; Gregory, p. 206). В начальные годы правления Эдуарда IV Ричард Невиль — влиятельнейшее лицо в государстве. Именно тогда его стали величать «создателем королей». В Европе поговаривали, что хотя царствует молодой король, но правит многоопытный граф (K. H. Vickers. *England in the Later Middle Ages*. London, 1937, Sixth Edition, p. 461 ff.).

Эдуард IV не хотел мириться с существующим положением. Опору для борьбы с невиллистами он нашел среди многочисленной родни своей супруги Елизаветы, урожденной Вудвиль. Конфликт между невиллистами и приверженцами молодого короля вылился в вооруженные столкновения в 1469—1471 гг. Военные действия шли с переменным успехом (Warkworth, p. 5 ff; ChWR, p. 3 ff). Весной 1470 г., заключив союз с находившимися в эмиграции остатками ланкастерской баронской партии, Уорвик сверг с трона Эдуарда IV и вернул к власти Генриха VI. Весной 1471 г. Эдуарду удалось взять реванш. В сражении при Барнете 14 апреля 1471 г. армия Уорвика была разгромлена, а он сам убит при попытке к бегству. Обнаженное тело Ричарда Невилля четыре дня лежало на паперти собора св. Павла в Лондоне, дабы все могли убедиться в гибели всемогущего «создателя королей» (Warkworth, p. 17; см. прим. 51).

⁸¹ Одна из летописей XV в. (известная под условным названием (MS Nero C XI) сообщает, что в 1465 г. велись переговоры о браке Эдуарда с Изабеллой, сестрой кастильского короля (Fabyan, p. 654, note 3; GrCh, p. 202). Большинство хронистов, однако, указывают другую претендентку на руку Эдуарда — сестру Людовика XI французского и дочь герцога Савойского Бону; переговоры шли в 1464—1465 гг. (Warkworth, p. 3).

⁸² Елизавета — дочь простого рыцаря Ричарда Вудвиля (убит в 1469 г.), ставшего графом Риверсом благодаря вступлению в брак с вдовой известного герцога Бедфорда Джона (умер в 1435 г.), брата Генриха V, Жанеттой (1416—1472), которая являлась дочерью Пьера, герцога Люксембургского, носившего также титул графа Сен Поль и принадлежавшего к одной из знатнейших семей Европы. У Елизаветы было пять братьев: Энтони, граф Риверс, казнен в 1483 г. (см. прим. 22); Джон погиб вместе с отцом в стычке при Эджот в 1469 г., сражаясь на стороне Эдуарда против графа Уорвика; Лионель, епископ Солсбери, участвовал в заговоре Бэкингема, бежал в Бретань, умер в 1484 г.; Эдуард Вудвиль командовал в 1483 г. флотом, бежал с двумя кораблями во Францию (Mancini, p. 102, 104), служил с братом Ричардом Генриху Тюдору до захвата им трона и позднее.

Елизавета состояла фрейлиной при дворе королевы Маргариты (до 1453 г.), выдана замуж за сына приверженца ланкастерского дома Джона Грея, лорда Феррерс эв Гроби (1415—1457). Время вступления в брак неизвестно. От Джона Грея Елизавета имела двух сыновей — Томаса (умер в 1501 г.) и Ричарда (казнен в 1483 г.). Томас участвовал в мятеже Бэкингема, сражался на стороне Генриха Тюдора в битве при Босворте, подавляя корнуольский мятеж 1497 г.

⁸³ Маргарита (1429—1482) — дочь Рене, графа Анжуйского. Некогда анжуйский дом владел Сицилией (1268—1302) и Южной Италией (Неаполитанское королевство). В 1442 г. анжуйская династия была изгнана из Италии. Брачный альянс с аристократическим, но находившимся на грани разорения семейством не пользовался популярностью в Англии (Brut, p. 512; Vitellius, fol. 155 ff.; Stow, p. 634). Маргарита, подчинив слабозванного и большого Генриха, в 50—60-е гг. XV в. фактически оказалась руководителем ланкастерской партии. Концом ее политической карьеры являлась битва при Тьюксбери 4 мая 1471 г., где был убит ее единственный сын

- Эдуард. Сама она стала пленницей Эдуарда IV (Warkworth, p. 18—19; ChWR, p. 78—83).
- ⁸⁴ Джон Грей едва ли мог быть в числе тех 30 дворян, которых Генрих VI посвятил в рыцари 17 февраля 1461 г., когда состоялось второе сражение под Сент-Олбенсом. Дело в том, что сам Генрих оказался освобожденным из «плена» своими сторонниками, когда они, разгромив армию Уорвика, захватили ее лагерь и обоз в деревне Сендрич (Gregory, p. 212—214; Davies, p. 102; Vitellius, fol. 177).
- ⁸⁵ Манчини добавляет следующую пикантную деталь к этому рассказу Т. Мора: «Молва гласит, что, даже когда Эдуард приставил к ее горлу кинжал, чтобы побудить ее уступить его страсти, она осталась невозмутимой и предпочла умереть, чем потерять честь, отдавшись королю» (p. 74).
- ⁸⁶ Герцогиня Йорк (умерла в 1495 г.) — Сесиль Невиль, дочь Ричарда Невилля, графа Солсбери (1400—1460), и сестра графа Уорвика.
- ⁸⁷ Известно, что от Елизаветы Люси Эдуард имел двух детей — Елизавету и Артура. Последний носил фамилию Плантагенет. Он родился около 1480 г. В 1523 г. получил титул виконта. Умер в 1542 г. Дочь Елизавета родилась во время сватовства Эдуарда и Елизаветы Грей (см. текст Т. Мора, стр. 94—95).
- ⁸⁸ Продолжатель аббата Кройленда в отличие от Мора указывает, что не Елизавета Люси, а Элеонора Батлер являлась женщиной, которой Эдуард дал слово жениться (СС, p. 567). Вопрос, кто из них прав, остается дискуссионным по сей день. P. Kendall. Richard III, 258 ff.; M. Levine. Richard III — usurper or lawful King? — «Speculum», v. 34 (1959).
- ⁸⁹ Эдуард находился в изгнании не два года, как пишет Мор, а пять с половиной месяцев (3 октября 1470 г.—14 марта 1471 г.). Свои силы он собирал в городах Зеландии. Недаром вскоре после возвращения себе короны, 9 ноября 1471 г., он пожаловал купцам города Миддльбург особые привилегии для торговли в Англии.
- ⁹⁰ См. прим. 3 и прим. 23.
- ⁹¹ Обвинения против Сесили, герцогини Йорк, в прелюбодеянии, очевидно, не лишены оснований. Разговоры об этом имели широкое хождение. П. Вергилий указывает, что Эдуард IV был объявлен незаконнорожденным сторонниками его младшего брата не случайно, а в надежде, что «люди, еще живые, вспомнят слух о том, что мать Ричарда Сесиль сокрушалась по поводу этих обвинений» (Three Books, p. 183—184). Манчини сообщает, что герцогиня, недовольная браком Эдуарда с Елизаветой, подерживала интриги Кларенса и Уорвика и будто бы заявляла, что «Эдуард не является сыном ее супруга герцога Йоркского, а был зачат незаконно, поэтому ни в коем случае не достоин чести править королевством» (p. 74). В 70-е гг. Кларенс утверждал, что «король — бастард и управляет незаконно». Это обвинение нашло отражение в бумагах парламента (см. прим. 11).
- Карл Смелый якобы однажды назвал Эдуарда IV Блейборном — такую фамилию носил стрелок, предполагаемый любовник Сесили (RIII, p. 237).
- ⁹² Согласно Стау, в середине церковного двора стоял деревянный крест, укрепленный на высоком каменном фундаменте и покрытый свинцом (RIII, p. 245). Служба произошла не в первое воскресенье после убийства Гастингса, как пишет Мор, а во второе, т. е. 22 июня. Подробнее о дате см. комментарий P. C. Сильвестера (RIII, p. 235—245).
- ⁹³ Манчини утверждает, что Бэкингам выступал перед собранием знати (p. 116—118), но Фабиан и составитель «Большой хроники Лондона» подтверждают рассказ Мора о выступлении Генриха Стаффорда перед мэром и «общинами» Лондона (Fabyan, p. 669; GrCh, p. 232). Более пространен текст «Большой хроники Лондона»:
- «На этом собрании названный герцог произнес речь, перечислив все многообразные достоинства и добродетели лорда-протектора... Эта речь продолжалась добрых полчаса и была так хороша и совершенна по красноречию, произнесена с такой ангельской кротостью, а каждая пауза в ней была настолько продуманна, что те, кто слушал ее, изумлялись и говорили, что никогда прежде им не доводилось слышать что-либо подобное. Когда же он кончил и по-хорошему начал побуждать их признать названного лорда-протектора их истинным повелителем и королем, то они удовлетворили его просьбу скорее из страха, чем из любви, крикнув: «Да, да!» Тогда он покинул их».

- Фабиан тоже отмечает совершенство ораторского искусства Бэкингема, но подчеркивает, что «мудрые люди» из числа горожан не одобряли «цели и намерения оратора» (P. Vergil. Three Books, p. 185—188).
- ⁹⁴ Субсидии, вотируемые палатой общин, собирались в форме одной десятой части движимого имущества в городе и одной пятнадцатой в деревне. В то время данный налог едва ли хоть приблизительно соответствовал пропорциям, установленным королевскими чиновниками в XIV столетии. Его размер был во второй половине XV в. фиксирован в 31 000 ф. ст. (RP, v. V, p. 477—478; 623—624 etc.).
- ⁹⁵ Иными «привычно звучащими налогами», о которых говорит Т. Мор, являлись «бочечная» и «фунтовая» субсидии, субсидия на шерсть. На протяжении XV столетия бочечная пошлина собиралась с каждой бочки вина, импортируемой в Англию, в размере трех шиллингов с купца-англичанина и шесть шиллингов с иностранца. Фунтовая пошлина бралась в размере 12 пенсов с каждого фунта стерлингов стоимости экспортируемого из Англии или ввозимого в Англию товара, независимо от национальности купца (RP, v. V, p. 37—39). Пошлина с шерсти равнялась в соответствии с решением парламента 1485 г. 33 шиллингам 4 пенсам с англичанина и 66 шиллингам 8 пенсам с иностранца за каждый вывозимый мешок шерсти (RP, v. V, p. 500—509).
- ⁹⁶ Беневоленции стали собираться в 70-х гг. XV в., когда Эдуард отказался от созыва парламента. Дж. Рамзей, изучивший этот вопрос, считает, что за 12 лет второго периода его царствования сумма невыплаченных беневоленций и займов не превысила 25 000 ф. ст., т. е. меньше одной обычной субсидии (J. Ramsay, v. II, p. 462 ff.).
- ⁹⁷ Обвинения Бэкингема в адрес Эдуарда IV лишены должных оснований. Среднегодовая сумма парламентских субсидий в 1440—1449 гг. равнялась 17 650 ф. ст., в 1461—1470 гг. — 9300, в 1473—1482 гг. — 4700, в 1488—1497 гг. — 30 600 (см. Е. В. Кузнецов. Народные восстания в Англии последних лет XV в. — «Научные доклады высшей школы. Исторические науки», 1959, № 1, стр. 150).
- ⁹⁸ Томас Бардет (1420—1477) — слуга Кларенса, казнен за «колдовство» по решению королевского суда (см. прим. 11).
- ⁹⁹ Джон Маркхем (умер 1479 г.) в 60 г. — главный судья Суда общего права, в 1468 г. судил Кука (см. прим. 100). Позднее смещен с этого поста. Его место занял известный теоретик государства и права — Джон Фортеस्कью.
- ¹⁰⁰ Томас Кук (1420—1478) — лондонский суконщик. В 1467 г. оштрафован на 8000 ф. ст. за помощь Маргарите Анжуйской (WW, p. 790). Кук играл видную роль во время работы парламента, собранного Уорвиком 25 ноября 1470 г. (Warkworth, p. 12; Fabyan, p. 660). Кук пытался бежать после гибели Уорвика, но был схвачен и заключен в тюрьму.
- ¹⁰¹ Действительно, лондонские горожане оказывали йоркистам неоднократно и финансовую, и военную, и политическую помощь. В 1462 г., во время так называемой «нортумберлендской войны» с приверженцами ланкастерского дома, гильдия торговцев тканями пожаловала графу Уорвику 500 ф. ст. в виде дара на ратные труды (MC, p. 54—58). В 1474 г. городской совет Лондона дал Эдуарду IV первую беневоленцию в 13 100 ф. ст. (MC, p. 70—80, 84). Раскладка беневоленций производилась на каждого купца, имевшего доход свыше 10 ф. ст. (MC, p. 70—80, 84). В 1475 г. беневоленция в Лондоне была повторена (Vitellius, p. 186—187; Fabyan, p. 664). Подробнее об участии Лондона в войне Алой и Белой роз см.: J. E. Winston. The English Towns in the Wars of the Roses. Princeton, 1921, p. 10.
- ¹⁰² Маром был тогда ювелир Эдмунд Шей.
- ¹⁰³ Рекордером (глашатаяем) являлся в то время Томас Фитцуильям (1427—1497). Он имел юридическое образование. Рекордер — с 1483 по 1495 г., стал рыцарем в 1486 г., в 1489 г. избран спикером парламента.
- ¹⁰⁴ Нешфилд — это Джон Нешфилд из Лондона. В 1483 г. он получил из рук Ричарда должность констебля крепости в Гертфорде; тогда же он стал сквайром королевской охраны. В 1484 г. взят в плен шотландцами и французами. Но Ричард его немедленно выкупил. В 1483—1484 гг. он неоднократно получал от казны земельные пожалования за ревностную службу королю.

- ¹⁰⁵ Как установил Р. С. Сильвестер, точная дата этого события — 25 июня (RIII, p. 256).
- ¹⁰⁶ Церемония проводилась в Байнард Касл, потому что ее невозможно было осуществить, как обычно, в Тауэре, где были заключены дети Эдуарда IV (Mancini, p. 166).
- ¹⁰⁷ Взятие королевских регалий Ричардом произошло 20 июня (СС, p. 566). С этого дня Ричард датирует время своего правления. «Согласно английскому обычаю, в этот день король покинул Тауэр, расположенный на восточной окраине города. Окруженный знатью, принимая положенные королевские почести, с непокрытой головой ехал он по городу и отвечал на приветствия столпившихся вдоль улиц зевак. Он проехал примерно 2000 шагов до церкви, называемой Вестминстер, которая расположена на другом, западном конце города. В этой церкви англичане имели обычай короновать своих монархов. На следующий день кардинал Кентерберн, хотя и неохотно, помазал и короновал его» (Mancini, p. 122).
- ¹⁰⁸ Фогг являлся казначеем королевского двора с 1460 по 1469 г. В октябре 1485 г. присоединился к мятежу Бэкингема; позднее служил у Генриха VII. Умер в 1490 г.
- ¹⁰⁹ Мор намекает на гибель Ричарда III в битве при Босворте.
- ¹¹⁰ Опасения за судьбу детей Эдуарда IV явственно звучат уже в строках одного из деловых писем лондонских купцов Сили, написанном за несколько дней до того, как Ричард III взял власть в свои руки (Cely Papers, p. 132—133). Манчини сообщает, что Эдуард и его брат «были переселены во внутренние покои Тауэра, и с каждым днем их видели все реже и реже за решетками окон, пока наконец они совершенно перестали появляться» (p. 112). Манчини умалчивает о том, когда это случилось. В январе 1484 г. Гильом де Рошфор, канцлер Людовика XI, на собрании Генеральных штатов Франции обвинил Ричарда III в убийстве юных племянников (Mancini, p. 15).

В «Большой хронике Лондона» говорится, что слухи об убийстве детей Эдуарда стали распространяться «после пасхи» — год этой пасхи не указан, но, судя по контексту, речь идет о 1484 г. (GrCh, p. 231). Описывая события 1485 г., летописец замечает: «... тогда люди не страшались открыто говорить, что дети Эдуарда IV покинули этот мир» (p. 246). По мнению продолжателя Кройленда, слухи о гибели детей появились еще в сентябре 1483 г. (СС, p. 583). В момент отправления Ричарда III в коронационное турне (27 июля) они, во всяком случае, были еще живы (Ibid.). Наконец Росс заявляет, что дети погибли через три месяца после того, как дядя взял на себя попечение о старшем из них (p. 215). Вергилий (Three Books, p. 187—188), как и Т. Мор, полагает, что Ричард отдал приказ об убийстве принцев по дороге в Глостер. Вергилий, в отличие от Т. Мора утверждает, что повторное распоряжение об убийстве детей Тиреллу было дано позже в Йорке. В архиве ведомства королевского гардероба (Great Wardrobe) сохранилась запись, что 8 октября 1483 г. Тирелл взял оттуда, дабы отвезти в Йорк, большой комплект парадных одеяний (Kendall, p. 405). Известно, что Оксфорд Ричард покинул 27 июля, направляясь в Глостер. Оттуда в Тьюкебери он прибыл 4 августа. В последний день этого месяца королевский кортеж достиг Йорка (Ramsay, v. II, p. 500—503). Следовательно, приказ он отдал в последний день июля. В течение августа — в начале сентября его люди привели приказ в исполнение. Эти показания источников вполне увязываются с рассказом Т. Мора об их смерти.

П. М. Кэндел поставил под сомнение версию событий Мора на том основании, что никто, кроме Мора, не знает об основном его источнике — исповеди Тирелла. Он предлагает две конкурирующие гипотезы: 1) дети были живы при Ричарде III, их убил Генрих VII, и Тирелл был его орудием, 2) убийцей был герцог Бэкингем, имевший в качестве маршала Англии свободный доступ к заключенным в Тауэре, дабы, свергнув Ричарда, открыть себе дорогу к власти (Richard III, p. 411—413, 413—419). При всей остроумности построений Кэндела эти суждения тем не менее не имеют опоры в источниках и потому едва ли могут подорвать доверие к написанному современниками.

- ¹¹¹ Перкин Варбек — выходец из семьи фламандского бюргера города Турнэ. Судя по данным его исповеди, он долго скитался по свету: был в услужении у английского купца в Антверпене, в Португалии носил ливрею одного из мелких дворян, оттуда

перебрался на берег Бретани, в 1491 г. судьба забросила его в ирландский город Корк. Статный, белокурый красавец, довольно бегло изъяснявшийся на нескольких языках, включая английский, привлек внимание агентов графа Килдера — главы могущественного баронского дома из Ирландии Джеральдинов, борющихся против самодержавной политики Генриха Тюдора. В обличии Перкина и его повадках ирландские феодалы усмотрели сходство с фамильными чертами Эдуарда Йорка. После нескольких месяцев «теоретической» подготовки семнадцатилетний юнец, принявший имя младшего сына короля Эдуарда — Ричарда, отправился во Францию. В 1493 г. его принимает император Максимилиан, в 1494—1495 гг. он живет у сестры Эдуарда, вдовствующей герцогини Бургундской Маргариты. В 1496—1497 гг. Варбек прибывает в Шотландию.

Опираясь на поддержку монархов феодальной Европы, самозванец неоднократно пытался мечом проложить себе дорогу к власти и свергнуть Генриха Тюдора. 3 июля 1495 г. он пытался высадиться в Кенте, но безуспешно; столь же неудачным оказалось нападение на ирландскую крепость Уотерфорд, куда эскадра «герцога Йорка» пришла после конфуза у кентских берегов. В 1496—1497 гг. Перкин Варбек пытался ворваться в Англию с севера при помощи наемных отрядов шотландских дворян, но был отбит. Последней крупной авантюрой П. Варбека явилась попытка возглавить широкое народное восстание, вспыхнувшее на юго-западе Англии против налоговой политики правительства Тюдора. В сентябре 1497 г. он был арестован чиновниками Генриха VII в Гемпшире и препровожден в Тауэр. В 1498 г., после двух неудачных попыток бежать, по приговору королевского суда Перкин был подвергнут мучительной казни (Vergil, p. 63—75; 82, 99—101, 115; Bacon, p. 132—139; etc; CSR Venice, p. 220—221, 232, 233, 237, 238, 241—242, 247, 260).

¹¹² О Перкине Варбеке см. прим. 111.

¹¹³ Коронационное турне Ричарда III началось 22—23 июля. Путь его лежал через Оксфорд—Глостер—Тьюксбери—Вустер—Уорвик—Ковентри—Лейстер—Ноттингем—Донкастер—Понтефрак—Йорк. В Йорк королевский кортеж прибыл 31 августа (Ramsay, v. II, p. 501—502).

¹¹⁴ Джон Грин — возможно, один из финансовых чиновников Ланкастерского герцогства. Умер в 1486 г. (RIII, p. 263).

¹¹⁵ Рыцарь Роберт Брэкенбери стал комендантом Тауэра и надзирателем королевского мунетного двора. 17 июля 1483 г. активно помогал Ричарду III подавлять мятеж Бэкингема. Умер на поле Босворта, защищая Ричарда.

¹¹⁶ В Уорвике король был 7 августа (Ramsay, p. 201).

¹¹⁷ Идентифицировать пажа с кем-либо из известных придворных Ричарда III до сих пор не удалось.

¹¹⁸ Джемс Тирелл (1445—1502) — дворянин из Сеффолка, стал рыцарем на поле Тьюксбери (13 мая 1471 г.). В 1482 г. Ричард III сделал его рыцарем-баннеретом. Не только Т. Мор, но и Вергилий (p. 126—127) возлагает на Д. Тирелла ответственность за убийство детей Эдуарда, хотя указывает, в отличие от первого, что он, получив королевский приказ, отправился в Лондон, «преисполненный печали». При Генрихе VII Тирелл получил помилование за поддержку узурпатора (о его роли в убийстве детей еще не было известно). С 1486 по 1502 г. — комендант форта Гине, прикрывавшего доступ в Кале. Примкнул около 1507 г. к заговору графа Сеффолка Эдмунда де ла Поля против Генриха VII Тюдора. В марте 1502 г. форт оказался осажденным королевскими войсками. После непродолжительной обороны Тирелл сдался. 6 мая 1502 г. он был казнен. В предсмертной исповеди сознался, как сообщает Мор, в убийстве детей (Hall, p. 494, Vergil, p. 123; GrCh, p. 516). В последней летописи как возможный преступник, наряду с Тиреллом, назван старый слуга Ричарда без указания имени.

¹¹⁹ О Рэтклифе и Кэтсби см. прим. 62.

¹²⁰ Томас Тирелл (1450—1510) — младший брат Джемса, в политической жизни активно не участвовал. Служил у Эдуарда IV, Ричарда III, Генриха VII. Последней посвятил его в рыцари на поле сражения при Стоуке (1487).

¹²¹ Уильям Душегуб — Уильям Слэттер, был бейлифом в Чэдлингтоне (Оксфордшир) в 1478 г.

- ¹²² Майлс Форест, как установил П. М. Кэндел, являлся одним из хранителей гардероба в Байнард Касл (Richard III, p. 474). Умер ранее 9 сентября 1484 г.
- ¹²³ О Джоне Дайтоне известно только то, что 7 марта 1484 г. он стал бейлифом в Эйтон, Стаффордшир (ET, p. 234). Умер около 1520 г.
- ¹²⁴ Т. Мор ошибся: рыцарем Д. Тирелл стал в 1471 г. (см. прим. 118).
- ¹²⁵ Точное место захоронения детей не было известно современникам. Джон Растелл слышал о том, что их тела в большом ящике были сброшены в море (RIII, p. 265—266). Джемс Гайрднер сообщает, что при Карле II два детских костяка были найдены под лестницей, ведущей в Белый Тауэр (Richard III, p. 127—129).
- ¹²⁶ О судьбе Тирелла и его помощников см. прим. 118.
- ¹²⁷ Битва при Босворте произошла 22 августа 1485 г. Ее ход в немалой степени был предопределен не только предательством У. Стенаи или Г. Перси, но и безрассудным поступком Ричарда, который оставил руководство своим войском и с мечом в руках бросился навстречу Генриху Тюдору, чтобы дуэлью решить судьбу короны (Vergil. Three Books, p. 224; Stow, p. 783—787).
- ¹²⁸ Сети заговора Бэкингема раскинулись весьма широко: к выступлению против Ричарда готовилось дворянство южных графств Кента, Серри, Беркшира, Уилтшира, Дорсета, Девоншира; на севере людей вербовал маркиз Дорсет Томас Грей, скрывавшийся там в одном из монастырей. Сам Бэкингем собирал наемных солдат за стенами своей крепости Брекнок, расположенной на уэльсской границе. 24 сентября Бэкингем пишет Генриху Тюдору в Бретань, предлагая ему принять участие в ниспровержении Ричарда III с трона. Днем путча было избрано 18 октября. Однако Ричард узнал о намерении заговорщиков заранее и сумел быстро изолировать и разгромить их отдельные отряды. Когда флотилия Генриха Тюдора прибыла к берегам Дорсета, направляясь в Пул, путч уже оказался подавленным. 1 ноября в Солсбери лишился головы герцог Бэкингем, позднее некоторые другие заговорщики, многие главы заговора бежали во Францию и Бретань (Vergil. Three Books, p. 195—199; Stow, p. 778—779; Gairdner, p. 129—143; Ramsay, v. II, p. 502ff).
- ¹²⁹ Из хроники продолжателя аббата Кройленда мы узнаем, что Ричард, «прибыв в Йорк с надлежащей свитой в траурном одеянии, организовал по умершему королю торжественную и преисполненную скорби траурную процессию. Все дворянство тех областей он заставил принести присягу на верность детям короля; сам же поклялся раньше всех» (СС, p. 565).
- О взаимоотношениях с Генрихом Стаффордом см. прим. 25.
- ¹³⁰ Персела Р. С. Сильвестер склонен идентифицировать с рыцарем Гемфри Персивалем (Persale, Persial), владельцем нескольких маноров в Стаффордшире. Умер в 1498 г. (RIII, p. 268).
- ¹³¹ Джон Уорд — сквайр из Йоркшира. Был пожалован за службу в 1484 г. рентой в 40 ф. ст. В ноябре 1486 г. получил помилование от Генриха VII. Позднее занимал различные посты в администрации герцогства Ланкастер. Умер в 1504 г.
- ¹³² О наследстве герифордских герцогов см. прим. 57.
- ¹³³ Брекнок — крепость на границе Уэльса.
- ¹³⁴ О Джоне Мортоне см. прим. 58.
- ¹³⁵ Имеется в виду сражение при Тьюксбери 3 мая 1471 г. (см. прим. 51).
- ¹³⁶ О судьбе Эдуарда, сына Генриха VI, см. прим. 51.

СЛОВАРЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН, МИФОЛОГИЧЕСКИХ И ДРУГИХ НАЗВАНИЙ К ПОЭЗИИ

- Абингдон Генрих** (умер в 1497 г.) — певец-органист, подуставщик (succentor) в церкви в Уэллсе.
- Авл Геллий** (II в. н. э.) — грамматик, автор «Аттических ночей», сборника выписок из греческих и римских авторов.
- Алекто** — см. Фурии.
- Алцеста (Алкеста)** — жена Адмета, царя Фер в Фессалии, пожертвовавшая своей жизнью ради спасения мужа.
- Антимор (Antimorus)** — название сочинения Бриксия (см.).
- Антиопа** — мать Зета и Амфиона, легендарных строителей стен г. Фивы.
- Апеллес** — греческий живописец IV в. до н. э. Наибольшей известностью пользовалась его картина «Афродита, выходящая из моря» («Анадиомена»), до нас не дошедшая.
- Аристотель** (384—322 до н. э.) — греческий философ, основатель школы перипатетиков (от греч. *περίπατος* — философская беседа во время прогулки). Аристотель обучал своих учеников, прохаживаясь с ними в афинском Ликее.
- Атрей** — мифический царь Микен, убивший сыновей своего брата Фiestа и подавший ему их мясо на ужин.
- Ахилл** — герой Троянской войны, царь фессалийского племени мирмидонян (мирмидонов).
- Бальзам** — ароматическое средство.
- Битий** — знаменитый пьяница, упомянутый ранее Вергилием (Энеида, I, 738).
- Бриксий Герман** — латинизированное имя французского гуманиста Жермена де Брие, противника Мора.
- Буслейцид Иероним** — латинизированное имя Жерома Буслейдена (ок. 1470—1517 гг.), дипломата и церковного деятеля, покровителя наук и искусств, друга Мора и Эразма. Мор посетил его в Мехельне в 1515 г.
- Випера** — гадюка.
- Галл** — река, начинающаяся у Модр во Фригии и впадающая в р. Сангарий (Вифиния), ныне Сакарья.
- Гектор** — троянский герой, старший сын царя Приама, убитый в единоборстве с Ахиллом.
- Гекуба** — жена старца Приама, царя Трои, мать Гектора и Париса (см.).
- Гервей (Жерве)** — капитан французского военного корабля «Кордельер» (латинизированное название: Chordigega).
- Гетероклита** — букв. «разносклоняемые». Слова, отклоняющиеся в некоторых падежах от обычной нормы склонения.
- Гиг** — лидийский царь VII в. до н. э., славившийся богатством.
- Гиппократ** (460—356 гг. до н. э.) — греческий врач с острова Кос, основатель косской школы, определивший своими трудами дальнейшее развитие медицины.
- Данайцы** — греки, осаждавшие Трою.
- Даная** — мать Персея, отцом которого был Зевс, сошедший к ней в виде золотого дождя.
- Дафна** — дочь речного бога Пеней, которую преследовал влюбленный в нее Аполлон. Превращена богами в лавр.
- Дедал** — легендарный греческий строитель и художник, создатель Критского лабиринта, изобретатель столярного мастерства. Его созданными считали ряд древних построек и статуй.
- Диптих** — букв. «двустворчатый, сложенный вдвое». Картина, написанная на двух досках.

- Европа** — сестра Кадма, основателя «семибратных Фив», похищенная Зевсом, принявшим образ быка.
- Елена** — первая красавица Греции, жена Менелая, царя Спарты. Ее похищение Парисом явилось поводом к Троянской войне.
- Земляничник** — земляничное дерево — *Arbutus Unedo* (Линней). Его ягода — *arbutum*.
- Ида** — горная цепь близ Трои. Там, по преданию, на суд Париса предстали Гера, Афина и Афродита.
- Иероним** (ок. 346—420 гг. н. э.) — церковный писатель. Основной его труд — перевод Библии на латинский язык.
- Илион** — Троя.
- Ипполит** — сын Тезея, легендарного царя Афин. Отверг любовь своей мачехи Федры, за что та оклеветала его перед отцом. По просьбе Тезея бог Посейдон испугал коней Ипполита, и юноша разбился.
- Ир** — герой «Одиссеи» Гомера, увидевший соперника в Одиссее, вернувшегося домой под видом нищего. Нарядательное имя для бедняка.
- Ирод** — Ирод Антипас (4 г. до н. э.—39 г. н. э.), тетрарх, правитель области Галилеи, смещенный римским императором Калигулой и сосланный в Лион. Изгнав первую жену, женился на дочери своего сводного брата Аристобула, Иродиаде, жене другого сводного брата Ирода.
- Иродиада** — см. Ирод.
- Итис** — сын фракийского царя Терее и Прокны (см.), убитый своей матерью (см. о нем: Овидий. *Метаморфозы*, VI, 652 слл. О Терее — там же, VI, 497).
- Камены** — Музы.
- Канак** — дочь бога ветров Эола (см. Овидий. *Героиды*, 11).
- Капаней** — царь аргивян, один из участников похода «семерых против Фив». Зевс порастил его за дерзость молнией.
- Каппадокиец** — житель Каппадокии, области в восточной части Малой Азии.
- Кассандра** — дочь царя Трои Приама, пророчица, которой никто в Трое не верил.
- Кастальская влага** — влага источника Касталии на Парнасе, посвященного Музам и Аполлону. В переносном смысле: источник вдохновения.
- Кастор** — сын Тиндарея и Леды, брат Поллукса, искусного кулачного бойца, Елены и Клитемнестры, жены Агамемнона, предводителя греков в Троянской войне; укротитель коней и возница.
- Квинтин** — латинизированное имя фламандского художника Квентина Мессиса, или Метси (ок. 1466—1530 гг.).
- Келено** — одна из Гарпий, хищное чудовище — птица с женской головой.
- Кенотаф** — «пустая могила». Почетная могила без погребения, воздвигнутая в честь умершего.
- Киник** — последователь кинической философии, идеологии неимущих слоев населения. Киники проповедовали «жизнь по природе» и «довольство малым».
- Киприда** (*Кипрская*) — эпитет Афродиты, по имени одного из центров ее культа.
- Кондит** — вино, приправленное медом и перцем.
- Корнелия** — жена Тиберия Семпрония Гракка, консула в 177 и 163 гг. до н. э., мать народных трибунов Тиберия и Гая Гракхов.
- Крез** — царь Лидии (ок. 560—546 гг. до н. э.), славившийся богатством.
- Кротонцы** — жители Кротона, города на восточном побережье Бруттия (полуострова на юго-западе Италии).
- Кумы** — город в Кампании, где, по преданию, жила прорицательница Сивилла, дожившая до баснословного возраста и пророчившая якобы самому Энею (см.).
- Лаиса** (*Лаида*) — коринфская гетера V в. до н. э. Ее имя стало нарицательным для гетеры.
- Лал** — букв. «болтун» (от греческого *λάλος*).
- Леда** — возлюбленная Зевса, явившегося к ней в образе быка.
- Летейский** — относящийся к Лете, мифологической реке забвения в преисподней.
- Лили Уильям** (1468?—1522) — друг Мора, магистр искусств. Автор двух трудов по латинской грамматике, бывших школьными пособиями вплоть до времени Шекспира. Вместе с Мором продолжал уже в зрелые годы совершенствоваться в греческом языке.
- Линакр Томас** (1460—1524) — англий-

- ский гуманист и врач, основатель королевского колледжа врачей, один из учителей Мора в Оксфорде.
- Лисипп** — греческий скульптор IV в. до н. э. Его произведения: «Случай», «Геракл с Немейским львом», «Александр Македонский» и др.
- Марон** — Публий Вергилий Марон (70—19 гг. до н. э.), римский поэт-эпик, автор «Энеиды».
- Мегера** — см. Фурии.
- Мехельн** — город в Голландии.
- Мирмидоны** — фессалийское племя; их предводителем был Ахилл.
- Мирон** — греческий скульптор V в. до н. э. Его работы: «Корова», «Дионис», «Марсий», «Бегун».
- Мож** — бог злословия и насмешки.
- Музы** — девять божеств, олицетворение искусств и наук: Каллиопа, Клио, Мельпомена, Полигимния, Талия, Терпсихора, Урания, Эвтерпа, Эрато.
- Мульцибер** — букв. «плавиальщик» металлов, эпитет Вулкана.
- Муст** — молодое виноградное вино.
- Назон** — Публий Овидий Назон (43 г. до н. э.—17 г. н. э.), римский поэт, автор «Метаморфоз», «Любовных элегий», «Тристий» и «Фаст».
- Неоптолем (или Пирр)** — сын Ахилла (см.), убивший Приама, царя Трои.
- Нервия** (Nervia) — крепость в Бельгии, в области, населенной во время Юлия Цезаря воинственным племенем нервиями. Взята Генрихом VIII в 1513 г.
- Нестор** — царь Пилоса, на юго-западном побережье Мессении, глубокий старец.
- Ниоба** — жена мифического царя Амфиона. За оскорбление Латоны, матери Аполлона и Артемиды (Дианы), наказана истреблением своих детей и обращена в камень.
- Новый Завет** — часть Библии, включающая Евангелия, деяния и послания апостолов, пророчество «о конце времен». Создавался в течение I—II вв. н. э.
- Норхем** (англ. Northam) — название крепости.
- Обол** — мелкая греческая монета, которую клали за щеку умершему, чтобы тот мог «заплатить» Харону, перевозившему души умерших в царство теней.
- Орест** — сын Агамемнона, отомстивший своей матери Клитемнестре за убийство отца.
- Орион** — великан-охотник из Беотии, герой мифов. Превращен богами в созвездие, находящееся близ созвездия Плеяд.
- Орфей** — легендарный певец и музыкант. Своей игрой укрощал диких зверей. Спустился в преисподнюю за своей женой Эвридикой, но оглянувшись, что было запрещено, и потерял ее навсегда.
- Паллада** — Афина.
- Парис** — второй сын царя Приама. В споре богинь Геры, Афины и Афродиты за яблоко с надписью «прекраснейшей» присудил его Афродите. Тема «суда Париса» — одна из популярных тем античного искусства.
- Парфы** — народ, населявший территорию древнего персидского царства.
- Пафия** — эпитет Афродиты, по месту культа богини, городу Пафосу на Кипре.
- Пенелопа** — жена Одиссея. Тип любящей, верной жены.
- Перотти, Николай** (1429—1480) — архиепископ Сепонтинский, итальянский гуманист и первый комментатор Стация, автор «Rudimenta grammatices» (1474), выходявшего до 1500 г. около 30 раз.
- Пиериды** — Музы. Названы по месту их культа — Пиерии, области в Македонии.
- Пифагор** — греческий философ и математик VI в. до н. э.
- Платон** (427—347 гг. до н. э.) — греческий философ-идеалист, основатель академической философской школы, учитель Аристотеля.
- Плектр** — палочка, которой во время игры ударяли по струнам кифары.
- Поллукс** — сын Тиндарея и Леды, брат Кастора (см.).
- Пракситель** — греческий скульптор IV в. до н. э. Наиболее известны его работы: «Афродита Книдская», «Гермес с младенцем Дионисом» и «Ниоба».
- Прокна** — сестра Филомелы, дочь афинского царя Пандиона. Мстя за оскорбление сестры своим мужем Тереем, убила сына Итиса и подала его на трапезу Тереев.

- Сабинянки** — женщины племени, жившего в гористой местности к северо-востоку от Рима. Отличались строгостью нравов.
- Савромат** — имя врача и народа, населявшего в древности северное Причерноморье в западной его части (см. Овидий. Тристих, III, 3, ст. 5—12).
- Сафо** (или **Сафо**) — лирическая поэтесса, уроженка города Митилены на острове Лесбос (VII—VI вв. до н. э.).
- Сарды** — столица Лидии, страны в западной части Малой Азии.
- Сатир** — лесное божество с козлиными ногами и хвостом. Сатиры были спутниками Вакха.
- Сатурн** — 1) отец Юпитера, свергнутый им с небесного престола; древний бог посевов и земледелия, 2) бог времени.
- Сикион** — город в северо-восточном Пелопоннесе, родина скульптора Лисиппа.
- Солецизмы** — синтаксическая погрешность, неправильное соединение слов.
- Стадий** — греческая мера длины, равная 184,97 м.
- Стикс** — река (или озеро) в подземном царстве, водами которой клялись боги.
- Столпы Геркулеса** — западный край Древнего мира, Гибралтар.
- Сулпиций Иоанн** — популярный грамматик XV столетия.
- Сфинкс** — мифическое существо в «семи-вратных Фивах» с телом льва, головой женщины и крыльями птицы. Задавая загадки проходим, Сфинкс убивал их, если они не были в состоянии их отгадать.
- Танаквила** — жена пятого римского царя Тарквиния Приска, властолюбивая и умная женщина.
- Тартар** — подземное царство.
- Тизифона** — см. Фурии.
- Тиндарей** — легендарный спартанский царь, отец Клитемнестры и Елены, а также Кастора и Поллукса (см.).
- Томас Уолсей** (ок. 1473—1530 гг.) — кардинал, архиепископ Йоркский.
- Трасон** — букв. «отважный». Тип хвастливого воина в комедии Теренция (185—159 гг. до н. э.) «Евнух».
- Тритония** — эпитет богини Афины.
- Фавн** — букв. «благоприятствующий». Греческий бог полей и лесов, хранитель и покровитель стад.
- Фалерн** — область в Кампании на западном побережье Средней Италии. Так назывался лучший сорт темно-красного, почти черного вина.
- Фасты** — календарь, хроника, летопись событий.
- Феба** — букв. «лучезарная», сестра Феба-Аполлона, богиня луны и охоты Диана.
- Федра** — жена Тезея, мачеха Ипполита (см. Ипполит).
- Феофраст** (ок. 372—287 гг. до н. э.) — афинский философ, ученик Платона и Аристотеля, автор «Характеров» — труда, содержащего описание 30 типов человеческих характеров. Занимался также вопросами естествознания: зоологией, ботаникой, минералогией.
- Фессалия** — восточная часть северной Греции.
- Фиест** — брат Атрея (см.), отец Эгисфа, убийцы Агамемнона. Съел своих собственных сыновей, умерщвленных Атреем и поданных ему на трапезу.
- Фламиний** — имя народного трибуна Гая Фламиния, павшего в сражении у Тразименского озера (217 г. до н. э.), и его сына, тоже Гая Фламиния, консула 187 г. до н. э.
- Фока** — грамматик II в. н. э. (?).
- Фортуна** — 1) богиня судьбы, 2) судьба.
- Фунт** — 1) мера веса, 2) английская денежная единица, равная 20 шиллингам.
- Фурии** — римские богини мести (греч. эриннии): Тизифона, Алектэ и Мегера.
- Холт** (латинизированное: *Холтиад*) — имя английского ученого и педагога, автора школьной грамматики латинского языка «Лас риегогит» («Млеко детей»).
- Хрисал** — греческое имя, происходящее от слова χρῶσος — «золото».
- Цезарь** — Гай Юлий Цезарь (102—44 гг. до н. э.), римский полководец, государственный деятель и писатель.
- Эгидий Петр** — латинизированное имя Питера Гигеса (1486—1535) из Антверпена, друга Мора и Эразма.
- Эдип** — царь Фив. Его судьба послужила сюжетом трагедий Софокла «Эдип-царь» и «Эдип в Колоне».
- Эллада** — Греция.

Энеады — римляне, потомки троянского героя Энея (см.).

Эней — троянский герой, спасшийся после гибели Трои и переселившийся в Италию. Римляне считали его своим родоначальником.

Эпикур (341—270 гг. до н. э.) — афинский философ-материалист, основатель эпикурейской школы.

Югер — мера земельной площади, равная 25,19 кв. м.

Яков IV (1488—1513) — шотландский король.

Янус — римский бог начинаний и завершений. Два его лица — старое и молодое — были одновременно обращены в прошлое и настоящее.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. К ПОЭЗИИ

- Аллен *P. S. Allen. Opus epistolarum Des. Erasmi Roterodami per P. S. Allen and H. M. Allen. Oxford. 1906—1922.*
- АР *Epigrammatum anthologia Palatina, v. I—II. Parisiis, Ed. Fr. Dübner et E. Cougny. 1864—1872.*
- Бреднер и Линч *The latin Epigrams of Thomas More. Edited with Translations and Notes by L. Bradner and Ch. A. Lynch. The University of Chicago Press, 1953.*
- Греч. эпигр. *Греческая эпиграмма. Вступительная статья Ф. А. Петровского. Составление, примечания и указатель Ф. Петровского и Ю. Шульца. М., Гослитиздат, 1960.*
- Виз. врем. *Византийский временник, т. XXIV. М., «Наука», 1964 (Ю. Ф. Шульц. Паллад Александрийский. Вступление, перевод 171 эпиграммы и комментарий).*
- Марциал *Марциал. Эпиграммы. Вступительная статья, перевод и комментарий Ф. Петровского. М., «Художественная литература», 1968.*

2. К «ИСТОРИИ РИЧАРДА III»

- Bacon *History of the Reign of King Henry VII. Works, v. VI. London, 1876.*
- Bale *Robert Bale's Chronicle, Six Town Chronicles of England. Oxford, ed. R. Flenley, 1912.*
- Brut
CC *Brut, or the Chronicles of England. London, ed W. D. Brie, 1908.*
Historiae Croylandensis Continuatio, Rerum Anglicarum Scriptorum Veterum, t. I. Oxford, 1684.
- ChWR
CSP Venice *The Chronicles of the White Rose of York. London, 1843.*
Calendar of State Papers and Manuscripts, Relating to the English Affairs, existing in the Archives of Venice and in the other Libraries of Northern Italy, v. I, 1202—1509. London, ed. R. Brown, p. 1864.
- Davies *An English Chronicle of the Reigns of Richard II, Henry IV, Henry V and Henry VI written before the year 1471. London, ed. S. Davies, 1856.*
- Fabyan *R. Fabyan. The New Chronicles of England and France, London, ed. H. Ellis. 1811.*
- Gairdner
GrCh *J. Gairdner. Richard the Third. London, 1898.*
The Great Chronicle of London. London, ed. A. H. Thomas and J. D. Th. Thornley, 1938.
- Gregory *Gregory's Chronicle. The Historical Collection of a Citizen of London. London, ed. J. Gairdner, 1876.*
- Hall *E. Hall. Chronicle of Lancaster and York, 1399—1547. London, ed. H. Ellis, 1809.*

- Kendall *P. M. Kendall*. Richard the Third, New York, 1955.
Mancini *D. Mancini*. De occupatione Regni Angliae. Oxford, ed. C. A. J. Armstrong, 1936.
- MC The Acts of Court of the Mercer's Company. 1453—1527. — With an Introduction by L. Lyell Assisted by F. D. Watney. Cambridge, 1936.
- Memorials *B. Andrea*. Historia Regis Henrici VII, Memorials of King Henry VII. London, ed. J. Gairdner, 1858.
- RIII The Complete Works of St. Thomas More, v. II, New Haven and London, ed. by Richard S. Sylvester. Yale University Press, 1963.
- Ramsay *J. Ramsay*. Lancaster and York, v. II. London, 1892.
- Rous *J. Rous (Ross)*. Historia Regum Angliae, Oxford, ed. Th. Hearne, Second Edition, 1745.
- RP Rotuli Parliamentorum, I—VI vols. London, 1767—1777.
- PL Paston Letters, I—III vols. London, ed. J. Gairdner. 1871—1875.
- Scofield *C. L. Scofield*. The Life and Reign of Edward the Fourth, I—II vols. London, 1923.
- Stonor Letters The Stonor Letters and Papers, v. 29—30. Camden Society, 3d. series. London, 1912.
- Stow *J. Stow*. The Annales of England. London, 1601.
- Stow. Summary *J. Stow*. The Summary of the Chronicles of England. London, 1570.
- ThFCh Three Fifteenth Century Chronicles. London, ed. J. Gairdner, 1880.
- ET Essays in Honour of James Tait. Manchester, 1933.
- Vergil The Anglica Historia of Polydore Vergil, 1485—1537, Camden Society, 3 d series, vol. 74. London, ed. D. Hay, 1950.
- Vergil. *P. Vergil*. Three Books of English History comprising the Reigns of Henry VI, Edward IV and Richard III. London, ed. H. Ellis, 1844.
- Vitellius Cotton Vitellius A—XVI, Chronicles of London. Oxford, ed. Ch. L. Kingsford. 1905.
- Warkworth *I. Warkworth*. Chronicle of the First Thirteen Years of the Reign of the Kind Edward IV. London, ed. J. A. Hallivel. London, 1839.
- Whethamsted *J. Warkworth*. Chronicle of the First Thirteen Years of the Reign Scriptorum. London, 1858.
- WW *W. Worcester*. Annales Rerum Anglicanum. The Wars of the English in France, v. II, part 2. London, 1854.
- 1565 *Th. Morus*. Omnia opera Latina quorum nunc primum in lucem prodeunt. Louvain, 1565.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ЭПИГРАММЫ

ПИСЬМО БЕАТА РЕНАНА ВИЛИБАЛЬДУ ПИРКГЕЙМЕРУ (перевод с латинского Ю. Ф. Шульца)	7
ПРОГИМНАСМАТА (перевод с латинского Ю. Ф. Шульца)	10
ЭПИГРАММЫ (перевод с латинского Ю. Ф. Шульца)	13

«ИСТОРИЯ РИЧАРДА III»

«ИСТОРИЯ КОРОЛЯ РИЧАРДА III» (неоконченная) (перевод с английского и латинского М. Л. Гаспарова и Е. В. Кузнецова)	85
--	----

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>И. Н. Осиновский</i> ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО ТОМАСА МОРА	149
<i>Ю. Ф. Шульц</i> ПОЭЗИЯ ТОМАСА МОРА	192
<i>Е. В. Кузнецов</i> «ИСТОРИЯ РИЧАРДА III» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК	201
КОММЕНТАРИИ: 1. К письму Беата Ренана Вилибальду Пиркгеймеру (составил Ю. Ф. Шульц)	217

2. К поэзии (составил Ю. Ф. Шульц)	217
3. К «Истории Ричарда III» (составил Е. В. Кузнецов)	228
Словарь собственных имен, мифологических и других названий к поэзии (составил Ю. Ф. Шульц)	245
Список сокращений:	
1. К поэзии (составил Ю. Ф. Шульц)	250
2. К «Истории Ричарда III» (составил Е. В. Кузнецов)	250

ТОМАС МОР

ЭПИГРАММЫ
ИСТОРИЯ РИЧАРДА III

*Утверждено редколлегией серии
„Литературные памятники“*

Редактор *Д. П. Лбова*

Художественный редактор
Т. П. Поленова

Художественно-технический редактор
Т. В. Полякова

Сдано в набор 11/VI 1973 г.
Подписано к печати 20 IX 1973 г.
Формат 70×90^{1/8}. Бумага № 2
Усл. печ. л. 19,6, Уч.-изд. л. 19,0.
Тираж 30000, Тип. зак. 397.
Цена 1 р. 41 к.

Издательство «Наука»
103717 ГСП. Москва, К-62, Подосинский пер., 23

1-я типография издательства «Наука»
199034. Ленинград, 9-я линия, дом 12

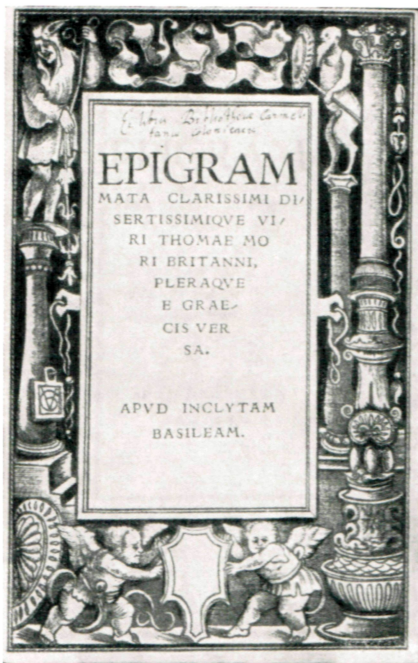
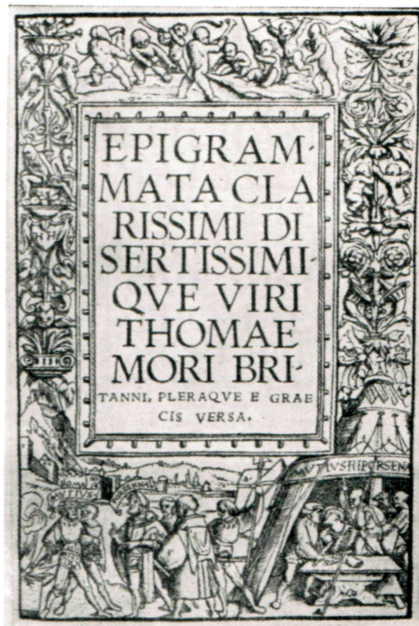
ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
196	7 св.	Мимнерва	Мимнерма
232	13 св.	1468 г.	1469 г.
234	22 сн.	Дортмунте	Дортмуте
243	13 сн.	1507 г.	1501 г.

Томас Мор

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ
 ИЗДАНИЯ ЭПИГРАММ ТОМАСА МОРА,
 НАПЕЧАТАННОГО В БАЗЕЛЕ,
 В ТИПОГРАФИИ ИОГАННА ФРОБЕНА
 В МАРТЕ 1518 г.

Гравюра на дереве Ганса Гольбейна

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ
 ИЗДАНИЯ ЭПИГРАММ ТОМАСА МОРА,
 НАПЕЧАТАННОГО В БАЗЕЛЕ,
 В ТИПОГРАФИИ ИОГАННА ФРОБЕНА
 В ДЕКАБРЕ 1518 г.

Гравюра на дереве Урса Графа

ПОРТРЕТ БЕАТА РЕНАНА.

Гравюра XVI в.

ПОРТРЕТ ВИЛИБАЛЬДА ПИРКГЕЙМЕРА.

Гравюра А. Дюрера

ПОРТРЕТ АРХИЕПИСКОПА КЕНТЕРБЕРИЙСКОГО УИЛЬЯМА УОРХЕМА.
Худ. Ганс Гольбейн

СЕМЬЯ ТОМАСА МОРА, 1527 г.
Рисунок Ганса Гольбейна

ДЖОН МОР,
СЫН ТОМАСА МОРА.
Рисунок Ганса Гольбейна

ПОРТРЕТ РИЧАРДА III

ПОРТРЕТ КОРОЛЯ ЭДУАРДА IV

ПОРТРЕТ ЕЛИЗАВЕТЫ ВУДВИЛЬ,
ЖЕНЫ ЭДУАРДА IV

ПОРТРЕТ ГЕНРИХА VIII
Худ. Ганс Гольбейн

ПОРТРЕТ ДЖОНА КОЛЕТА

Худ. Ганс Гольбейн

ПОРТРЕТ
СТАРШЕЙ ДОЧЕРИ ТОМАСА МОРА
МАРГАРИТЫ РОПЕР.

Худ. Ганс Гольбейн

ПОРТРЕТ ЭРАЗМА РОТТЕРДАМСКОГО,
МАЙ 1517 г.

Худ. Квентин Метсис

ПОРТРЕТ ЭГИДИЯ,
МАЙ 1517 г.
Худ. Квентин Метсис

ПОРТРЕТ АЛИСЫ МОР, ВТОРОЙ ЖЕНЫ ТОМАСА МОРА
Худ. Ганс Гольбейн